

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

42250
42251
42252
42253
42254
42255
42256
42257
42258
42259
42260
42261
42262
42263
42264
42265
42266
42267
42268
42269
42270
42271
42272
42273
42274
42275
42276
42277
42278
42279
42280
42281
42282
42283
42284
42285
42286
42287
42288
42289
42290
42291
42292
42293
42294
42295
42296
42297
42298
42299
42300

79.128. 9(47)
P63
№ 2814.

Н. РОЖКОВЪ.

Rozhkov, N.
Г. И. ЗЕМЕЛЬ.
19²⁰/_{VI} 06.

Фундаментальная
Библиотека
В. Ф. И.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

САМОДЕРЖАВІЯ

ВЪ РОССІИ.

42950
28667

1922/4

Р. С. Ф. С. Р.
Н. К. П.
Библиотечка
Института
Москва

Р. С. Ф. С. Р.
Н. К. П.
Библиотечка
Института
Москва

Москва.—1906.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій переулокъ, д. № 5.

JN 6511
R 65

Оглавление.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	1—2
Глава первая. Верховная власть и высшее управленіе въ Россіи до конца XV в.	3—39
Глава вторая. Основные черты хозяйства и социальнаго строя въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII в.	40—66
Глава третья. Организациа подчиненнаго управленія въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII в.	66—90
Глава четвертая. Управленіе разрядными дѣлами до половины XVII в.	90—109
Глава пятая. Дѣятельность верховныхъ и подчиненныхъ органовъ государственной власти въ отношеніи къ землевладѣнію.	110—125
Глава шестая. Финансовыя функціи верховнаго и подчиненнаго управленія.	126—138
Глава седьмая. Соотношеніе верховныхъ и подчиненныхъ органовъ власти въ области суда	138—155
Глава восьмая. Полицейская дѣятельность государства. Соотношеніе между верховной властью и подчиненными органами въ дипломатической дѣятельности	156—162
Глава девятая. Контроль и надзоръ за администраціей	162—174
Глава десятая. Отношеніе между церковью и государствомъ въ Россіи до половины XVII в.	174—184
Глава одиннадцатая. Политическая сторона развитія верховной власти и высшаго управленія въ Московскомъ государствѣ до половины XVII вѣка	184—204
Глава двѣнадцатая. Общіе выводы	204—209
Приложенія	209—213

Предисловіе.

Органами верховнаго управленія теорія государственнаго права называется, какъ извѣстно, такіе органы власти, которые творятъ юридическія нормы, регулируюшія дѣятельность государства; дѣятельность этихъ органовъ является по существу „творческой, свободной, подчиненной закону только въ своихъ формахъ“, а не въ своемъ содержаніи ¹⁾). Въ формулировкѣ виднѣйшаго изъ современныхъ представителей государственной науки это „непосредственные органы государства, существованіе которыхъ опредѣляетъ форму государственнаго союза, и уничтоженіе которыхъ дезорганизуетъ государство или въ основѣ передѣлываетъ его“ ²⁾). Ясно такимъ образомъ, что органы верховнаго или высшаго управленія раздѣляютъ съ верховной властью сферу ея непосредственной дѣятельности. Отсюда вытекаетъ необходимость совмѣстнаго, связнаго изученія исторіи верховной власти и устройства высшаго управленія: разъединить эти два проявленія государственной дѣятельности значило бы отказаться заранѣе отъ возможности понять ихъ развитіе.

Въ исторіи верховной власти и высшаго управленія должно различать двѣ стороны: административно-техническую и политическую. Основной вопросъ административной техники—это въ данномъ случаѣ вопросъ объ организаціи и функціяхъ учреждений верховнаго управленія и отношеніи этихъ учреждений къ учрежденіямъ подчиненнымъ. Политическая сторона заключается въ опредѣленіи того, кто является носителемъ верховной власти, и если таковымъ является

¹⁾ Коркуновъ, Русское государственное право, томъ II, изданіе 2-е, Сиб., 1897, стр. 3.

²⁾ Jellinek, Das Recht des modernen Staates, Erster Band, Berlin, 1900 стр. 498.

нѣсколько физических или юридических лицъ, то въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ эти лица находятся.

Изученіемъ намѣченныхъ сейчасъ двухъ сторонъ развитія верховной власти и высшаго управленія исчерпывалась бы вся задача историческаго изслѣдованія, если бы изслѣдователь могъ оставаться исключительно въ области государственныхъ отношеній. Последнее является однако же совершенно невозможнымъ, потому что понять развитіе государства нельзя безъ вниманія къ болѣе общимъ условіямъ—соціальнымъ и хозяйственнымъ, являющимся фундаментомъ государственныхъ отношеній и порядковъ.

Въ сущности государственный строй—не что иное, какъ особая сторона того единого цѣлаго, двѣ другихъ части котораго составляютъ хозяйство и устройство общества.

Происхожденіе самодержавія въ Россіи — тема, относящаяся, несомнѣнно къ исторіи верховной власти и высшаго управленія. Этотъ историческій процессъ надо изучать, какъ показываютъ предшествующія замѣчанія, съ точки зрѣнія административно-технической и политической и въ связи съ экономическими и социальными явленіями. Конечный хронологическій предѣлъ этого процесса—приблизительно пятидесятые и шестидесятые годы XVII вѣка. Начальный предѣлъ—половина XVI столѣтія. Однако методологическія соображенія и самое существо дѣла требуютъ предварительнаго сжатаго рассмотрѣнія исторіи верховной власти и высшаго управленія въ Россіи на экономической и социальной основѣ за болѣе раннее время. Такъ опредѣляется программа предлагаемаго изслѣдованія. Отдѣльные пункты этой программы уже нашли себѣ освѣщеніе въ предшествующей литературѣ. Этимъ объясняется неравномѣрность изложенія отдѣльныхъ вопросовъ въ данной работѣ: то, что привлекало раньше мало вниманія, требовало, очевидно, болѣе тщательной и детальной разработки, чѣмъ изученное хорошо другими изслѣдователями.

Имѣя въ виду сдѣлать книгу доступной для читателя-неспециалиста и въ то же время не желая лишить ее значенія спеціальнаго изслѣдованія, авторъ постарался по возможности сжать изложеніе; такимъ путемъ ему удалось уменьшить размѣры книги приблизительно вдвое.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Верховная власть и высшее управление въ Россіи до конца XV вѣка.

I.

Многія стороны хозяйственнаго быта древнѣйшей Россіи — до конца XII вѣка—съ достаточной полнотой и ясностью освѣщены въ литературѣ и установлены безспорно: едва-ли кто будетъ отрицать, напр., что господствующей формой хозяйства тогда былъ домашній, семейный трудъ, что хозяйственная техника отличалась примитивностью, была крайне экстенсивна, что отдѣльныя вѣтви народнаго дохода еще не дифференцировались, не раздѣлились между разными общественными группами ¹⁾. Тѣмъ не менѣе и здѣсь есть немало-важныя разногласія, касающіяся главнымъ образомъ соотношенія разныхъ отраслей хозяйства и формъ землевладѣнія. Нѣкоторые изслѣдователи, особенно археологи ²⁾, склонны преувеличивать значеніе земледѣлія и даже обрабатывающей промышленности въ хозяйственной жизни древнѣйшей Россіи, другіе придаютъ слишкомъ большое значеніе внѣшней торговлѣ ³⁾. Находки издѣлій, украшенныхъ перегородчатой эмалью, хотя даже было доказано ихъ русское происхожденіе, конечно, не уполномочиваютъ насъ на признаніе важности въ то время обрабатывающей промышленности. Второ-

1) Сводъ относящихся сюда данныхъ см. въ нашемъ „Обзорѣ русской исторіи“, часть первая, изданіе второе, М. 1903, стр. 16—41.

2) См., напр., Самоквасовъ, Древніе города Россіи, Спб., 1873, стр. 151—152; гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. 5-й, стр. 10 и сл.

3) Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2, глава I; см. также его Курсъ русской исторіи, часть I.

степенная роль земледѣлія, особенно до XII вѣка, представляющаго ужь въ сущности переходъ къ слѣдующему періоду, явствуетъ изъ того, что всякій разъ, когда перечисляются предметы, которыми богата была древнѣйшая Русь, среди нихъ не встрѣчается продуктовъ земледѣлія ¹⁾. Важное значеніе внѣшней торговли не можетъ быть признано какъ потому, что въ ней заинтересованы были только немногочисленные соціальныя верхи да и то лишь отчасти, такъ какъ посредствомъ внѣшней торговли добывались не предметы необходимости, а предметы роскоши, такъ и по той причинѣ, что внѣшняя торговля того времени не была основана на коммерческой организациі дѣла, не опиралась на хозяйственную эксплуатацію массъ—торговали только тѣмъ, что собирали даромъ въ видѣ дани ²⁾. Надо вообще замѣтить, что и верхи общества направляли главныя свои хозяйственныя усилія не на торговлю, а на ту же добывающую промышленность, которая составляла основное занятіе народныхъ массъ ³⁾.

Что касается формъ землевладѣнія, то исконность русской поземельной общины, когда то столь горячо отстаивавшаяся, въ настоящее время, кажется, уже не встрѣчаетъ защитниковъ. Но до сихъ поръ пользуется нѣкоторымъ кредитомъ мнѣніе, что въ древнѣйшей Россіи господствовала частная, личная собственность на землю въ современномъ смыслѣ слова ⁴⁾. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что субъектами правъ на землю въ то время были два союза—вервь или родъ и семья. Землевладѣльческое значеніе верви выступаетъ ясно въ Русской Правдѣ предполагающей у верви опредѣленную территорию ⁵⁾, а также подтверждается сближеніями верви съ соотвѣтственными союзами у западныхъ славянъ ⁶⁾. Та же Рус-

¹⁾ См., напр., извѣстныя слова Святослава о томъ, чѣмъ богата была Русь въ его время,—„медомъ, скорою, воскомъ и рабами“: Начальная лѣтопись, подъ 969 годомъ.

²⁾ Объ этомъ свидѣлствуетъ въ особенности Константинъ Багрянородный.

³⁾ См. многочисленныя лѣтописныя извѣстія объ охотничьихъ поѣздкахъ князей на долгое время съ семьей и дружиной, а также извѣстія о княжескихъ и боярскихъ стадахъ.

⁴⁾ Неволинъ, Полное собраніе сочиненій, томъ V, стр. 338.

⁵⁾ Русская Правда, Троицкій списокъ, статьи 3, 63, 70 (по изданію Калачева).

⁶⁾ Леонтовичъ, О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ, — въ „Журналъ Минист. Народ. Просв.“ за 1867 г., № 4, стр. 2—19.

ская Правда ставить внѣ всякаго сомнѣнія, что и семья была субъектомъ владѣльческихъ правъ на землю: въ Русской Правдѣ идетъ рѣчь о наследованіи отъ отца «дома» ¹⁾, а слово «домъ» означаетъ собою въ этомъ историко-юридическомъ памятникѣ всю семейную собственность, движимую и недвижимую: такъ въ Правдѣ говорится, что поджигатель подвергается разграбленію «дома», т.-е. конфискаціи всего имущества ²⁾; притомъ недвижимость, усадьба называется въ Русской Правдѣ не домомъ, а дворомъ ³⁾, а движимое имущество носитъ наименованіе товара ⁴⁾.

Русская Правда, какъ было уже сейчасъ указано, знаетъ опредѣленные границы вервной территоріи, такъ что вервь или родъ и является собственникомъ земли, включенной въ эти границы. Вотъ почему Начальная лѣтопись и говоритъ о полянахъ: «живяху кождо своимъ родомъ на своихъ мѣстѣхъ». Совершенно иной представляется сущность отношеній къ землѣ семейнаго союза. Древнѣйшая Россія вслѣдствіе обилія земельного простора очень долго — до XII вѣка — не знала свободного гражданскаго оборота земли, и потому семья не осваивала этой послѣдней, а лишь временно пользовалась ею въ предѣлахъ вервной территоріи. Это видно изъ той же Начальной лѣтописи, которая въ видѣ иллюстраціи къ извѣстію, что каждый родъ владѣлъ своими мѣстами, приводитъ рассказъ о Кіѣ, Щегѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди, жившихъ на родовой землѣ со своими семьями ⁵⁾. Это же подтверждается и любопытными намеками Русской Правды на порядки, подобные существующимъ и теперь въ Сибири при такъ называемомъ вольномъ землепользованіи «опахиванію» и «зачерчиванію» или «затыпыванью» временно занимаемыхъ отдѣльными семьями въ предѣлахъ волостной территоріи земельныхъ участковъ: въ Правдѣ говорится о «межѣ ролейной» ⁶⁾, т.-е. пашенной, образованной путемъ опахиванія, и о «дубѣ знаменномъ» ⁷⁾, т.-е. имѣющемъ значекъ, зачерченномъ или затыпанномъ. Приведенныя данныя подтверждаются, наконецъ, историческими аналогіями ⁸⁾,

1) Русская Правда, Троицкій списокъ, статья 87.

2) Тамъ же, статья 79.

3) Тамъ же, статьи 94, 95, 96 и 79.

4) Тамъ же, статья 45.

5) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 4.

6) Троицкій списокъ, статья 65.

7) Тамъ же, статья 66.

8) См. наши «Историческіе и социологическіе очерки», М., 1906, стр. 106.

такъ что господство безпорядочнаго, неорганизованнаго вольнаго или захватнаго замлевладѣнія въ древнѣйшей Россіи не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію.

Итакъ первобытная неорганизованность составляетъ основную черту всего древнѣйшаго русскаго хозяйственнаго быта. То же приходится повторить и о социальныхъ отношеніяхъ: ни классоваго, ни сословнаго расчлененія общества въ сущности совершенно не было ¹⁾.

Понятно, что этому соотвѣтствовала административная техника того времени. Она отличалась прежде всего полнымъ отсутствіемъ демаркаціонной линіи между управленіемъ верховнымъ и подчиненнымъ.

Это будетъ прежде все ясно, если мы обратимъ вниманіе на законодательную дѣятельность государства, на созданіе имъ юридическихъ нормъ. Во внѣшнихъ дѣлахъ такая нормативная дѣятельность находитъ себѣ выраженіе въ заключеніи международныхъ договоровъ. Документальнымъ остаткомъ ея отъ временъ древнѣйшей Россіи являются договоры Олега, Игоря и Святослава съ греками. Характерно, что здѣсь дипломатическими представителями являются не только княжескіе „слы“ или послы, но и простые купцы, — „гости“. При томъ оказывается, что ихъ послали „великій князь Игорь и бояре его и людье вси русіи“, что они „отъ рода русскаго слы и гостье“. Утверждены были договоры клятвою князя и язычниковъ - русскихъ передъ Перуномъ и христіанъ-русскихъ въ церкви св. Іліи ²⁾; стало быть присягали опять всё свободные, а не одинъ князь. Уже изъ всего этого можно сдѣлать выводъ, что заключеніе договоровъ не было прерогативой князя, какъ носителя верховной власти. Но въ данномъ случаѣ еще возможно иное объясненіе: кромѣ князя, носителемъ верховной власти было вѣче, представителями котораго и были не только послы, но и простые купцы. Другіе факты сильнѣе и рѣзче подчеркиваютъ ту истину, что въ то время и органы подчиненнаго управленія фигурировали въ качествѣ полномочныхъ рѣшителей вопроса о войнѣ и мирѣ и объ условіяхъ заключаемыхъ договоровъ. Факты эти также общеизвѣстны: мы разумѣемъ мирный договоръ Претича съ печенѣгами въ 968 году

---

1) См. сводъ относящихся сюда данныхъ въ нашемъ «Обзорѣ русской исторіи», часть первая, изд. 2-е, стр. 43—58.

2) Начальная лѣтопись, подъ 945 годомъ.

и переговоры бѣлгородцевъ съ тѣми же печенѣгами въ 997 году ¹⁾: Претичь былъ простымъ воеводой, а бѣлгородское вѣче, какъ вѣче пригорода, самостоятельнаго, верховнаго значенія не имѣло въ силу извѣстнаго правила: «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и при-города стануть».

Извѣстное мѣсто объ «отрокахъ Свѣнелжихъ», которые «изодѣлись оружіемъ и порты» ²⁾, показываетъ, что и въ вопросахъ, от-симыхъ теперь къ области финансоваго законодательства, княжескіе воеводы, по современной терминологіи, несомнѣнно, относящіяся къ числу органовъ подчиненнаго управленія, дѣйствовали вполне само-стоятельно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и сами князья: Свѣнелдъ, побѣдивъ улучей и тиверцевъ, обложилъ ихъ данью въ свою пользу и въ пользу своей дружины, установилъ, по собственному усмотрѣ-нію, особый налогъ. Такъ же, вѣроятно, поступали и многіе кня-жескіе посадники по разнымъ городамъ.

Извѣстно, какую важную роль въ созданіи нормъ уголовного права играли въ кіевскій періодъ русской исторіи, на ряду съ юри-дическимъ обычаемъ, судебныя рѣшенія, приговоры по отдѣльнымъ дѣламъ, имѣвшіе нерѣдко значеніе прецедента, руководящаго начала на будущее время. Въ тѣхъ случаяхъ, когда судья, — будь это даже не князь, а посадникъ, — не находилъ такого прецедента, онъ самъ творилъ правовую норму, комбинируя юридическій обычай съ соб-ственными понятіями о справедливости. Такъ, когда на Бѣлоозерѣ въ XI в. появились «волхвы», убивавшіе старыхъ женщинъ подъ предлогомъ, что онѣ виновны въ постигшемъ эту область неурожаѣ, то посадникъ князя Святослава, Янъ, схвативъ ихъ, подвергъ сна-чала жестокимъ истязаніямъ, а затѣмъ предоставилъ родственникамъ убитыхъ женщинъ совершить актъ кровной мести ³⁾. Янъ и не подумалъ при этомъ запросить князя о томъ, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть виновныхъ въ столь необычномъ преступ-леніи.

Законодательство составляетъ въ настоящее время исключитель-ное право верховной власти. Въ кіевской Руси, какъ мы только что убѣдились, этого не было: тѣ органы, которые теперь подошли бы подъ названіе подчиненныхъ, творили правовыя нормы наряду съ органами верховнаго управленія.

¹⁾ Начальная лѣтопись подъ этими годами.

²⁾ Начальная лѣтопись подъ 945 г.

³⁾ Начальная лѣтопись, подъ 1071 г.

Смѣшеніе проникало и въ область судебной дѣятельности государственной власти, при чемъ самой характерной чертой этой дѣятельности надо признать то, что органы верховнаго управленія функционировали въ сферѣ суда непосредственно, играли роль трибунала первой инстанціи. На непосредственную судебную дѣятельность князя мы имѣемъ цѣлый рядъ указаній въ нашихъ источникахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего Русская Правда, предполагающая жалобу закупы князю на обиду отъ господина и говорящая о тяжбѣ братьевъ изъ-за наслѣдства передъ княземъ, о наказаніяхъ отъ князя за разныя преступленія, о приводѣ вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія на княжъ дворъ ¹⁾ и т. д. Въ лѣтописяхъ также встрѣчаемъ неоднократно указанія на княжескій судъ: въ 1024 г. Ярославъ судилъ и казнилъ волхвовъ въ Суздаль; въ 1071 г. бѣлозерскіе волхвы требовали, чтобы ихъ судилъ самъ князь Святославъ; киевляне поставили условіемъ Игорю Ольговичу, чтобы онъ самъ судилъ въ Киевѣ и пр. Всеславъ Полоцкій, по „Слову о полку Игоревѣ“, „людемъ судяше“. Наконецъ, и изъ Поученія Владиміра Мономаха видно, что судъ входилъ въ кругъ ежедневныхъ занятій князей. Замѣчательно при этомъ, что посадникъ, получая назначеніе отъ князя, облекался всею полнотою судебной власти послѣдняго: инстанцій не существовало, жалоба и апелляція не признавалась: Янъ не обратилъ никакого вниманія на требованіе бѣлозерскихъ волхвовъ, чтобы ихъ судилъ самъ князь ²⁾.

Переходя къ третьей сферѣ государственной дѣятельности, къ управленію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, приходится опять констатировать фактъ полнаго смѣшенія функций верховной и подчиненной власти. Къ числу административныхъ дѣйствій власти принадлежитъ прежде всего назначеніе различныхъ должностныхъ лицъ. Конечно, только князь назначалъ своихъ замѣстителей по городамъ — посадниковъ: такъ Рюрикъ посадилъ своихъ „мужей“ въ Ростовѣ, Бѣлозерѣ и Полоцкѣ, а Олегъ — въ Смоленскѣ и Любечѣ; въ 977 г. Ярополкъ послалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ; въ 980 г. Владиміръ назначилъ туда же посадничать Добрыню; въ 1096 г. Олегъ Святославичъ посадилъ посадниковъ по городамъ въ ростовско-суздальскомъ краѣ, а въ 1097 г. Святополкъ сдѣлалъ посадникомъ во

---

1) Троицкій списокъ, статьи 55, 36 и др.

2) Начальная лѣтопись подъ 1071 г.

Владиміръ Волынскомъ Василія; въ 1176 г. Ростиславичи роздали въ ростовской землѣ посадничество южнорусскимъ дѣтскимъ ¹⁾. Эти посадники, вѣроятно, уже сами поручали исполненіе тѣхъ или другихъ административныхъ функцій своимъ дружинникамъ — „отрокамъ“ и хозяйственнымъ слугамъ, большею частью изъ рабовъ, — „тіунамъ“: всѣ эти метельники или писцы, мечники, ябетники, данники, мытники, осменики, мостники, городники, если они исполняли свои обязанности въ области, находившейся въ вѣдѣніи посадника, получали свою власть, несомнѣнно, отъ послѣдняго, а не отъ князя. За это, говорятъ, и даншыя о намѣстникахъ и ихъ подчиненныхъ болѣе поздней эпохи, и прямыя свидѣтельства въ родѣ указанія Русской Правды, что отрока посылалъ для поимки бѣглаго холопа именно посадникъ ²⁾. Но по той же Русской Правдѣ князь посылаетъ отрока дѣлить наследство между братьями ³⁾; мы знаемъ также, что князья держали для суда своихъ тіуновъ. Слѣдовательно, въ предѣлахъ той территоріи, которая оставалась нерозданной посадникамъ, князь самъ назначалъ всѣхъ должностныхъ лицъ и раздавалъ всѣ административныя порученія до самыхъ мелкихъ включительно. Отказываясь совершенно на время даже отъ своихъ верховныхъ правъ по управленію тамъ, гдѣ былъ посадникъ, князь въ извѣстной части своего княжества въ дѣлѣ назначенія административныхъ органовъ бралъ на себя функціи подчиненныхъ властей. Это и составляетъ характерную черту изучаемаго времени.

Подчиненными органами при внѣшнихъ сношеніяхъ, при дипломатическихъ переговорахъ являются, несомнѣнно, послы или повѣренные договаривающихся сторонъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда древнерусскимъ князьямъ приходилось вступать въ соглашенія съ властителями болѣе культурныхъ странъ, чѣмъ древнѣйшая Россія, напр., съ византійскими императорами, дѣйствительно снаряжались посольства. Бывало это, иногда, и въ другихъ случаяхъ. Но часто князья сами брали на себя веденіе переговоровъ: припомнимъ, напр., личные переговоры Владиміра съ Ярополкомъ, ознаменовавшіеся убійствомъ послѣдняго, переговоры Мстислава съ Редедей, съѣзды князей въ Любецъ и Витичевъ и т. д.; особенно яркой картиной такого

---

¹⁾ См. Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, томъ I, подъ указанными годами.

²⁾ Троицкій епископъ, статья 108.

³⁾ Тамъ же, статья 100.

личнаго веденія переговоровъ между князьями является разсказъ лѣтописи о съѣздѣ князей на Долобскомъ озерѣ ¹⁾.

Нѣтъ нужды, далѣе, приводить многочисленныя и общезвѣстные факты личнаго предводительства князей на войнѣ: князья опять таки брали здѣсь на себя чисто-исполнительныя функціи.

Наконецъ, во всѣхъ сферахъ внутренняго управленія князь сплошь и рядомъ выступалъ въ роли не только верховнаго распорядителя, но и подчиненнаго исполнителя-администратора: княжеское полюдьё было сборомъ дани, производившимся княземъ лично ²⁾; по хозяйству князь распоряжался всѣми мелочами большею частью самъ: такъ поступали, напр., Ольга и Владиміръ Мономахъ ³⁾, и т. под.

Спрашивается, наконецъ, какъ слѣдуетъ характеризовать верховную власть и высшее управленіе въ древнѣйшей Россіи съ политической точки зрѣнія? Иначе: кто являлся тогда носителемъ верховной власти?

Этотъ вопросъ неодинаково рѣшается всѣми изслѣдователями. Высказаны два главныхъ взгляда: одни полагаютъ, что въ кievскій періодъ русской исторіи (до конца XII в.) господствовало двое властіе вѣча и князя ⁴⁾; по мнѣнію другихъ, тогда существовали трое властіе вѣча, князя и боярской думы ⁵⁾.

Уже изъ простаго сопоставленія этихъ двухъ мнѣній видно, что вѣче и князь всѣми неоспоримо признаются носителями верховной власти. И это, дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, потому что и вѣче и князь утверждали своею дѣятельностью самыя основныя устои государственнаго строя того времени: известно, что ихъ воля имѣла рѣшающее значеніе въ вопросахъ о замѣщеніи княжескихъ столовъ, въ установленіи экстренныхъ денежныхъ сборовъ и постоянныхъ даней, въ законодательствѣ, въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній между органами управленія и т. д. Внимательному разбору подлежитъ, слѣдовательно, лишь дѣятельность боярской думы, политическое значеніе которой вызываетъ разногласіа.

¹⁾ Начальная лѣтопись подъ 1103 г.

²⁾ См. извѣстный лѣтописный разсказъ о полюдьѣ Игоря въ землѣ древлянъ.

³⁾ Начальная лѣтопись подъ 947 г.; Поученіе Владиміра Мономаха.

⁴⁾ См. напр., Соловьевъ, Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 16; Градовскій, Собраніе сочиненій, т. I, Спб., 1899, стр. 339—381 и др.

⁵⁾ Владимірскій-Будаповъ, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е, стр. 40; Малиновскій, Рада великаго княжества Литовскаго, часть I, Томскъ, 1903, стр. 50.

Нѣтъ сомнѣнія, что народное правосознаніе кievской Руси признавало необходимымъ свойствомъ хорошаго князя любовь его къ совѣщанію съ боярами, склонность выслушивать боярскіе совѣты ¹⁾. Но отсюда еще далеко до признанія боярской думы носительницей верховной власти. Это признаніе было бы неизбѣжнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что приговоры думы имѣли принудительное, обязательное для князя и вѣча, рѣшающее значеніе. Между тѣмъ такого рѣшающаго значенія боярская дума древнѣйшей Россіи не имѣла. Въ самомъ дѣлѣ, ни изъ чего не видно, чтобы князь въ своихъ законодательныхъ постановленіяхъ долженъ былъ подчиняться рѣшеніямъ бояръ, хотя онъ обыкновенно и совѣщался съ послѣдними въ такихъ случаяхъ; извѣстно, что и вѣчевыя сходки и отдѣльныя князья своею одностороннею волею часто вліяли на замѣщеніе княжескихъ столовъ и вообще на порядокъ княжескаго владѣнія русской землей, но мы ни разу до конца XII в. не видимъ, чтобы рѣшающій голосъ въ данномъ вопросѣ принадлежалъ боярскому совѣту ²⁾; въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ князь иногда долженъ былъ подчиняться вѣчу, но никогда—совѣту бояръ: такъ, хотя бояре въ 1169 г. отказались идти за Владиміромъ Мстиславичемъ противъ Мстислава Изяславича, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что князь не посовѣтовался съ ними, но это привело только къ тому, что князь отказался отъ ихъ услугъ, уволилъ ихъ изъ своей дружины, а въ походъ все-таки пошелъ ³⁾; указываютъ обыкновенно на то, что, по лѣтописному разсказу, въ Бѣлгородѣ въ 997 г. вѣче рѣшило сдаться осаждавшимъ городъ печенѣгамъ, а потомъ уже не вѣче, а „старѣйшины града“ самостоятельно рѣшили послѣдовать совѣту одного старика, предложившаго хитрость, и видятъ въ этомъ доказательство того, что боярская дума была органомъ верховной власти ⁴⁾, но вѣдь совершенно ясно, что не можетъ быть и рѣчи о боярской думѣ, какъ органѣ верховной власти, въ Бѣлгородѣ, какъ пригородѣ, не имѣв-

---

¹⁾ Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2, стр. 53—55.

²⁾ Ссылка на фактъ 1177 г. (Малиновскій, Рада великаго князя Литовскаго, ч. I, стр. 58) не имѣетъ значенія: Мстиславъ Ростиславичъ былъ призванъ собраніемъ изъ бояръ и простыхъ людей, т. е. вѣчемъ, а не боярской думой.

³⁾ См. Полное Собраніе Русск. Лѣт., т. I, подъ указаннымъ годомъ.

⁴⁾ Малиновскій, Рада великаго княжества Литовскаго въ связи съ боярской думой древней Россіи, ч. I, стр. 57.

цемъ князя ¹⁾, такъ что „старѣйшинъ града“ нельзя здѣсь рассматривать какъ думу: это просто начальники городского ополченія, тысящій и сотскіе. Наконецъ, въ доказательство верховнаго значенія боярской думы ссылаются на помѣщенный въ Начальномъ лѣтописномъ сводѣ разсказъ о крещеніи Владиміра: по этому разсказу, вопросъ о необходимости отправить пословъ для ознакомленія съ различными религіями рѣшенъ вѣчемъ, а принятіе христіанства по возвращеніи пословъ установлено боярской думой самостоятельно ²⁾. Ясно однако же, что дума въ данномъ случаѣ была простой исполнительницей вѣчевого рѣшенія, потому что вѣчемъ ранѣе опредѣлено было принять ту именно религію, которая понравится посламъ.

Все сказанное приводитъ къ тому заключенію, что о троевластіи въ кievскій періодъ не можетъ быть и рѣчи. Существовало лишь двоевластіе вѣча и князя. Но мало сказать, что было двоевластіе; надо еще прибавить, что это двоевластіе было неорганизованнымъ, неопредѣленнымъ, непочнымъ, что обѣ власти постоянно сталкивались, перепутывались, перебивали одна другую, не были правильно размежеваны: вѣче то предоставляло князю пользоваться властью совершенно неограниченно, какъ то было, напр., въ Кіевѣ при Владимірѣ Мономахѣ, ³⁾ то дѣйствовало съ повышенной энергіей, сосредоточивая въ своихъ рукахъ всѣ высшія функціи управленія, выбирая и изгоняя князей, заключая съ ними „ряды“ и т. д. Эта неорганизованность, беспорядочность характеризуется всего ярче сдѣланными уже въ литературѣ наблюденіями, что изъ 50-ти князей, занимавшихъ кievскій столъ до нашествія татаръ, только 14 были призваны вѣчемъ ⁴⁾, и за то же время кievское вѣче только четыре раза заключило рядъ съ князьями ⁵⁾.

Итакъ носителями верховной власти въ древнѣйшей Россіи были князь и вѣче, при чемъ это двоевластіе было неорганизованнымъ, беспорядочнымъ. Это была типичная первобытная демократія, примѣры которой легко можно встрѣтить въ первоначальной исторіи каждаго народа, древнѣйшихъ грековъ, римлянъ, германцевъ, славянъ и т. д. И вездѣ подобный политическій складъ или

1) Это признаетъ и самъ г. Малиновскій въ другомъ мѣстѣ (см. стр. 91 его книги).

2) Малиновскій, Рада великаго княжества Литовскаго, ч. I, стр. 57.

3) Грушевскій, Очеркъ исторіи кievской земли, Кіевъ, 1891, стр. 133.

4) Тамъ же, стр. 308.

5) Тамъ же, стр. 309.

вѣрнѣе политическая нескладница представляла собою естественное дополненіе къ неорганизованности хозяйственной и социальной.

II.

Что внѣшняя торговля стала играть первостепенную роль въ экономической жизни русскихъ вольныхъ городовъ XIII, XIV и XV вѣковъ, это общепризнано и въ доказательствахъ не нуждается. Не слѣдуетъ, однако, забывать, какъ нѣкоторые, что хотя внѣшняя торговля захватила не одни высшіе, но отчасти и средніе слои населенія Новгорода и Пскова, однако масса населенія имѣла лишь косвенное къ ней отношеніе, а большею частью не имѣла и совсѣмъ никакого. Ея хозяйственная энергія направлялась приблизительно равномерно на добывающую промышленность и сельское хозяйство ¹⁾.

Это соотношеніе разныхъ отраслей хозяйства, во многомъ отличающихся отъ того, какое существовало въ древнѣйшей Россіи, сильно отразилось на формахъ землевладѣнія: первоначальное вольное или захватное землевладѣніе вслѣдствіе вліянія сельско-хозяйственной промышленности, главнымъ образомъ земледѣлія, сдѣлалось болѣе осѣдлымъ, превратилось въ семейную собственность на землю, при чемъ къ обширному семейному союзу мало-по-малу стали примѣшиваться чужеродцы, и образовалось такимъ образомъ землевладѣніе, такъ называемыхъ, „сябровъ“ („шабровъ“), „складниковъ“ или „сосѣдей“; приливъ капиталовъ, явившійся результатомъ внѣшней торговли и связанныхъ съ нею кредитныхъ операцій, имѣлъ слѣдствіемъ переходъ массы земель изъ рукъ простого свободного населенія—смердовъ—въ собственность монастырей и особенно бояръ. Утвердилось такимъ образомъ понятіе о полной собственности на землю.

Усложнились далѣе и формы хозяйства путемъ примѣси къ домашнему производству наемнаго и несвободнаго труда, а также посредствомъ развитія крестьянской аренды за натуральный оброкъ, внѣсимый долей урожая или опредѣленнымъ количествомъ мѣръ разнаго хлѣба. Стала менѣе экстенсивной хозяйственная техника. Наконецъ, наблюдается выдѣленіе земельной ренты и прибыли на

---

1) См. нашъ Обзоръ русской исторіи, ч. 2, вып. I, стр. 9—12.

капиталъ въ особыя вѣтви народнаго дохода, составляющія уже достояніе отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. ¹⁾

Естественна поэтому классовая дифференціація новгородскаго и псковскаго общества: боярство сдѣлалось классомъ крупныхъ земле-владѣльцевъ и капиталистовъ-банкировъ, ²⁾ купечество специализировалось на коммерческой дѣятельности. Все это не могло не отразиться и на образованіи элементовъ сословности, юридическихъ различій между социальными группами: боярство присвоило себѣ исключительныя права занимать высшія административныя должности и черезъ посредство этого участвовать въ высшемъ правительственномъ учрежденіи; купечество черезъ выборныхъ старостъ стало руководить коммерческимъ судомъ и судомъ между русскими и иностранцами по всѣмъ дѣламъ ³⁾. Словомъ, и въ социальныхъ отношеніяхъ, какъ и въ хозяйствѣ, наблюдается уже нѣкоторая болѣе или менѣе стройная организація съ замѣтно выраженнымъ перевѣсомъ аристократическихъ элементовъ. Конечно, продолжавшееся господство натурального хозяйства оставляло попрежнему недифференцированной, безформенной народную массу.

Такіе же задатки организаціи, какіе наблюдается въ хозяйствѣ и устройствѣ общества вольныхъ городовъ, замѣтны и въ верховной власти и въ высшемъ управленіи, если ту и другое разсматривать съ точки зрѣнія административно-технической. На ряду съ этимъ мы видимъ, конечно, и многочисленные остатки старинной беспорядочности.

Нормативныя функціи въ области внѣшней политики, т. е. заключеніе разныхъ договоровъ и объявленіе войны, были въ Новгородѣ и Исковѣ неотъемлемымъ достояніемъ верховной власти, — именно вѣча: достаточно взглянуть въ любой изъ договоровъ, чтобы убѣдиться въ этомъ; для примѣра укажемъ самый древній договоръ съ нѣмцами 1195 года, заключенный княземъ и „всѣми новгородцы“ ⁴⁾, и одинъ изъ позднѣйшихъ договоровъ — съ Казимиромъ IV

¹⁾ Подробности см. нашъ Обзоръ русской исторіи, часть 2-я, вып. 1-й, стр. 24—29.

²⁾ Никитскій, Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, стр. 39 и слѣд.; Ключевскій, Боярская Дума, изд. 1-е, стр. 248—249.

³⁾ Никитскій, Исторія экономич. быта В. Новгорода, стр. 21.

⁴⁾ Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, вып. 1, изд. 2-е, Кіевъ, 1876, стр. 89.

въ 1440 году ¹⁾. Однако здѣсь были отголоски прошлаго: новгородскіе пригороды нерѣдко присваивали себѣ право договариваться съ иностранными государями ²⁾.

Финансовое законодательство—установленіе налоговъ и чеканка монеты — также по преимуществу подлежало уже вѣдѣнію верховнаго учрежденія—вѣча: новгородцы на вѣчѣ назначали и раскладывали экстренные прямые сборы, тамъ же былъ данъ великому князю Василю Васильевичу «черный боръ» ³⁾; введеніе чеканной монеты въ Новгородѣ и Псковѣ XV вѣка произошло путемъ вѣчевыхъ рѣшеній ⁴⁾: въ 1447 г. „посадникъ и тысящій и весь Новгородъ оставили 5 денежниковъ и начаша переливати старыя деньги, а новыя ковати“ ⁵⁾. Однако на ряду съ этимъ и органы подчиненнаго управленія иногда законодательствуютъ въ финансовой области: такъ новые налоги установлены были княземъ-кормленщикомъ Патрикіемъ Наримунтовичемъ въ пригородахъ, ему данныхъ; контрибуціи неоднократно опредѣлялись не вѣчемъ, а военачальниками ⁶⁾ и т. д.

Заканчивая обзоръ организаціи нормативной, законодательной дѣятельности государства въ древнерусскихъ вольныхъ городскихъ общинахъ, необходимо замѣтить, что здѣсь законодательное творчество путемъ отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній было сильно стѣснено, если не исчезло совершенно: появились впервые официальные законодательные кодексы, исходившіе отъ вѣча; Новгородскую судную грамоту составили „бояре, и житыи люди и купцы, весь государь Великій Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ“ ⁷⁾; Псковская судная грамота составлена „всѣмъ Псковомъ на вѣчи“ ⁸⁾. Въ ней даже прямо запрещено юридическое творчество судьи помимо верховной власти,—именно сказано: „а которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложить господина Пскова на вѣчѣ да тая строка написать“ ⁹⁾.

1) Акты Западн. Россіи, т. I, № 39.

2) Ср., напр., Н и к и т с к і й, Очеркъ внутр. исторіи Пскова.

3) Акты Археогр. Экспед., т. I, № 32.

4) Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. III, стр. 109; т. IV, стр. 203; т. V, стр. 24.

5) Пол. Собр. Рус. Лѣт., томъ IV, стр. 125.

6) Это особенно бывало при усмиреніи инородцевъ и жителей сѣверныхъ владѣній Новгорода.

7) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 92.

8) В л а д и м і р с к і й - Б у д а н о в ъ, Хрестоматія по исторіи русскаго права, вып. I, изд. 2, стр. 128.

9) Тамъ же, стр. 166.

Переходя къ суду, нельзя не замѣтить, что нормальнымъ порядкомъ считалось уже отправленіе суда въ первой инстанціи органами подчиненнаго управленія—княземъ и посадникомъ совмѣстно, тысяцкимъ съ купеческими старостами, владыкой, пригородскими посадниками, кончанскими и уличанскими старостами. Однако въ роли трибунала первой инстанціи выступали и органы верховнаго управленія—вѣче и боярскій совѣтъ. Такъ, судъ по политическимъ и должностнымъ преступленіямъ входилъ въ сферу непосредственной компетенціи новгородскаго вѣча¹⁾. Въ Псковѣ въ 1484 г. вѣче судило посадниковъ, которые „грамоту новую списали и въ ларь вложили на сѣнѣхъ съ княземъ Ярославомъ, а Псковъ того не вѣдаетъ“²⁾. Въ Псковѣ на вѣчѣ судились въ первой инстанціи и важнѣйшія уголовныя преступленія: измѣна, подлогъ, кража въ кромѣ, конокрадство и волхвованіе³⁾. Совѣтъ „господъ“, т.-е. боярь, разбиралъ въ XIV в. дѣло объ обидахъ, нанесенныхъ нѣмцамъ въ Новгородѣ⁴⁾. Надо прибавить, что пригородскіе посадники обладали попрежнему всею полнотою судебной власти въ своихъ областяхъ и не были обязаны обращаться къ высшимъ инстанціямъ въ опредѣленныхъ случаяхъ. Правда, существовалъ особый судъ второй инстанціи—присутствіе для „доклада во владычнѣ комнатѣ“⁵⁾, но отъ усмотрѣнія посадниковъ зависѣло обращеніе къ этому присутствію, а жалобы на несправедливости и обиды властей, повидимому, поступали не сюда, а въ вѣче, какъ то показываетъ приводившійся уже примѣръ жалобы пригорожанъ на Патрикія.

Такая же пестрота, смѣсь стараго съ новымъ, характерна и для устройства управленія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Правда, назначеніе должностныхъ лицъ не входило въ вѣдомство вѣча и боярскаго совѣта, это было дѣломъ князя съ посадникомъ въ ихъ совмѣстной дѣятельности⁶⁾. Но такое положеніе не создалось въ силу понятія о томъ, что это выходитъ изъ сферы верховнаго управленія, а было вызвано приниженіемъ княжеской власти въ воль-

1) См. Новгородскія лѣтописи подъ 1209, 1218, 1228, 1230, 1318, 1384 годами.

2) Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, М., 1869, стр. 291.

3) Псковская судная грамота, статья 7-я.

4) Никитскій, Правительственный совѣтъ въ Великомъ Новгородѣ.

5) Акты Археогр. Комиссіи, т. I, № 92.

6) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15.

ныхъ городахъ, гдѣ князь изъ носителя верховной власти превратился въ простой подчиненный органъ. Въ сущности назначеніе всѣхъ, даже высшихъ правителей въ областяхъ княземъ, какъ подчиненнымъ, исполнительнымъ органомъ, было несомнѣннымъ признакомъ невысокаго уровня развитія административной техники, такъ какъ высшія областныя власти обыкновенно при развитой техникѣ управленія получаютъ свои полномочія отъ обладателя верховныхъ правъ.

Отмѣченнымъ сейчасъ приниженіемъ княжеской власти въ вольныхъ городахъ объясняется и то, что сборъ налоговъ производился не органами верховнаго управленія, а княземъ и подчиненными ему лицами. Впрочемъ, и здѣсь остались слѣды непосредственнаго вмѣшательства верховной власти: иногда вѣче обязывало князя „продати дань своя новгородцу“¹⁾, не говоря уже о томъ, что оно регулировало сроки сборовъ и количество сборщиковъ²⁾.

28667.

Древнѣйшая Россія, не знавшая свободнаго гражданскаго оборота недвижимости, не ощущала ни малѣйшей потребности и въ укрѣпленіи правъ собственности на послѣднюю. Съ новыми формами землевладѣнія, вызванными къ жизни примѣсью къ добывающей промышленности земледѣлія и вишней торговли, родилась и потребность въ нотаріальномъ укрѣпленіи правъ. Какъ нѣчто новое, казавшееся поэтому необычнымъ, изъ ряда вонъ выходящимъ, это укрѣпленіе вызвало къ себѣ особое вниманіе верховной власти, тѣмъ болѣе, что авторитетъ подчиненныхъ органовъ стоялъ недостаточно высоко, и потому роль нотариуса (играли верховныя учрежденія — вѣче и боярскій совѣтъ). Характерны въ этомъ отношеніи слѣдующіе примѣры: св. Зосимъ утверждене правъ его монастыря на землю было дано „боярами, содержащими градъ“, т. е. боярскимъ совѣтомъ; въ XV в. тотъ же совѣтъ укрѣпилъ права на землю, принадлежавшія монастырю св. Саввы Вишерскаго³⁾.

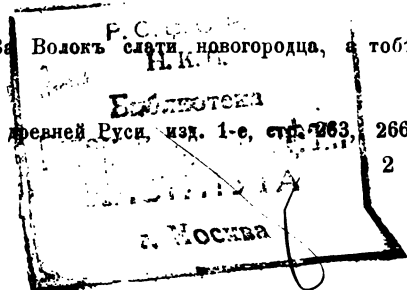
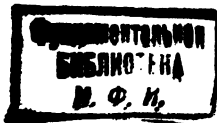
Совершенно неорганизована была, какъ и прежде, полиція безопасности и особенно полиція благосостоянія, потому что подобныя функціи государственной власти возникаютъ вообще поздно.

Здѣсь заслуживаетъ особаго вниманія новгородскій уставъ „о мостѣхъ“, относящійся къ концу XIII вѣка: верховная власть регу-

1) Тамъ же, № 10; ср. № 9: «За Волокъ слати новгородца, а тобъ серебро емати».

2) Тамъ же, №№ 6, 7, 8.

3) Ключевскій, Боярская Дума древней Руси, изд. 1-е, стр. 263, 266.

лируетъ въ немъ сама устройство мостовыхъ въ Новгородѣ ¹⁾. Въ случаѣ эпидеміи и усиленной смертности заботу о погребеніи умершихъ бралъ на себя, за отсутствіемъ постоянныхъ органовъ, вѣдавшихъ это дѣло, владыка повгородскій ²⁾. Если что въ полицейскихъ функціяхъ и было сколько-нибудь организовано, то лишь наблюдение за правильностью мѣръ и вѣсовъ, возложенное на архіепископа совместно съ сотскими ³⁾.

Необходимо, наконецъ, отмѣтить, что въ Новгородѣ и Псковѣ существовали нѣкоторые зародыши раздѣленія властей: носителемъ законодательной власти являлось вѣче, законсовѣщательныя и высшія исполнительныя функціи принадлежали боярскому совѣту, высшій судъ вѣдался особыми учрежденіями: въ Псковѣ для этого существовала „госпѣда“, состоявшая изъ князя, посадниковъ и сотскихъ ⁴⁾, а въ Новгородѣ, по Новгородской судной грамотѣ, установлено было „докладу быти во владычнѣ комнатѣ, а у доклада быти изъ конца по боярину, да по житьему, да кои люди въ судѣ сидѣли, да и приставомъ“ ⁵⁾. Выше, однако, было уже отмѣчено, что въ роли высшаго, безапелляціоннаго судилища выступали нерѣдко и вѣче и боярскій совѣтъ. Тотъ же совѣтъ, пользуясь своимъ правомъ давать совѣты вѣчу по всѣмъ дѣламъ, поступавшимъ на вѣчевую сходку непремѣнно съ совѣтскимъ заключеніемъ, на дѣлѣ часто превращался въ законодательное, рѣшающее всѣ важнѣйшія государственныя дѣла учрежденіе. Такъ, въ началѣ XV вѣка купцы жаловались, что совѣтъ не обо всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ и договорахъ доводилъ до свѣдѣнія вѣча ⁶⁾; въ 1478 г. Иванъ III заставилъ совѣтъ безъ вѣча утвердить запись, по которой Новгородъ долженъ былъ цѣловать ему крестъ ⁷⁾.

Последнія замѣчанія освѣщаютъ уже политическую сторону организаціи верховной власти и высшаго управленія въ вольныхъ городахъ. Они подчеркиваютъ то обстоятельство, что хотя совѣтъ юридически былъ подчиненъ вѣчу, но фактически вѣче подпадало весьма сильному его вліянію ⁸⁾. Причина этого понятна: боярство, сослов-

¹⁾ Русская Правда, Барамзинскій списокъ, статья 134.

²⁾ Новгородскія 1 и 4 лѣтописи подъ 6738 годомъ.

³⁾ Дополненія по Актамъ Историческимъ, томъ I, № 3.

⁴⁾ Псковская судная грамота, статья 10-я.

⁵⁾ Акты Археологической Экспедиціи, т. I, № 92.

⁶⁾ Ключевскій, Боярская Дума древней Руси, изд. 1-е, стр. 259

⁷⁾ Тамъ же, стр. 265.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 267.

нымъ учрежденіемъ котораго является совѣтъ, сосредоточивало въ своихъ рукахъ земельный и денежный капиталъ; какъ землевладѣльцы, бояре подчиняли себѣ черныхъ людей, жавшихъ въ большинствѣ на ихъ земляхъ; какъ капиталисты-банкиры, они держали въ повиновеніи купцовъ, нуждавшихся въ кредитѣ вслѣдствіе широкихъ оборотовъ внѣшней торговли.

Хорошо извѣстно и прочно установлено, что князь въ древнерусскихъ вольныхъ городахъ во всѣхъ отношеніяхъ утратилъ тѣ прерогативы, которыя давали ему прежде право на участіе въ верховной власти. Изъ обладателя этой власти, только дѣлвшаго ее съ вѣчемъ, князь сдѣлался простымъ наемнымъ слугою Новгорода и Пскова. Онъ необходимъ былъ лишь въ качествѣ военачальника и сохранялъ поэтому неприкосновеннымъ изъ старины право предводительствовать надъ войскомъ, хотя и тутъ его нерѣдко сопровождалъ посадникъ. При томъ это право было скорѣе обязанностью, видомъ службы князя вольному городу, его повинностью, за исполненіе которой князь получалъ опредѣленный доходъ. По счастливому выраженію псковскаго лѣтописца XV вѣка, князь въ вольныхъ городахъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ «воеводою, княземъ кормленнымъ, о которомъ было псковичамъ стояти и боронитися»¹⁾.

Такимъ образомъ, республиканскій характеръ политическаго строя древнерусскихъ городовъ не подлежитъ сомнѣнію. Но для полноты характеристики необходимо еще замѣтить, что государство вольныхъ городовъ было аристократическимъ и муниципальнымъ. Оно не было, правда, крѣпостнымъ государствомъ, основаннымъ на принципѣ обязанности, но принципъ права вырождался въ немъ въ начало сословной привилегіи, и при томъ фактически вся власть находилась въ рукахъ населенія державнаго города, «государя Великаго Новгорода» и «господина Пскова», и даже не всего населенія, а группы богатыхъ банкировъ, землевладѣльцевъ и купцовъ.

III.

Хозяйственный бытъ сѣверовосточной приволжской и приокской Руси въ XIII, XIV и XV вѣкахъ характеризуется, какъ извѣстно, господствомъ земледѣлія при сохраненіи натурального хозяйства, обезземеленіемъ крестьянства и ростомъ княжескаго, монастырскаго,

¹⁾ Подробности о положеніи князя въ вольныхъ городахъ см. въ нашемъ Обзорѣ русской исторіи, часть 2-я, вып. I-й, стр. 53—61.

церковнаго, архіерейскаго и боярскаго землевладѣнія—вотчиннаго и помѣстнаго,—преобладаніемъ крестьянской аренды за натуральный оброкъ, менѣе экстенсивной, чѣмъ въ древнѣйшей Россіи, системой или техникой производства, наконецъ, замѣтнымъ выдѣленіемъ земельной ренты въ особую вѣтвь народнаго дохода, сдѣлавшуюся достояніемъ землевладѣльческаго класса ¹⁾).

Соотвѣтственно такому сочетанію элементовъ хозяйственной жизни намѣчается два общественныхъ класса, довольно рѣзко различающихся между собою,—классъ землевладѣльцевъ и классъ безземельныхъ земледѣльцевъ-арендаторовъ. Въ свою очередь классовое расчлененіе общества вызвало къ жизни зародыши его сословнаго дѣленія. Первая сословная группа начала слагаться изъ бояръ и слугъ вольныхъ. Уже въ сферѣ гражданскихъ правъ мы наблюдаемъ въ этой общественной группѣ зародыши нѣкоторыхъ привилегій. Именно: по Двинской уставной грамотѣ конца XIV вѣка вознагражденіе за безчестіе полагается «по отечеству», т.-е. по степени знатности происхожденія ²⁾, а по Судебнику 1479 года за рану слѣдуетъ присуждать вознагражденіе «посмотря по человѣку» ³⁾. Этимъ, равно какъ и зарождавшимся уже мѣстничествомъ ⁴⁾, подчеркивался, несомнѣнно, сложившійся уже до нѣкоторой степени принципъ знатности происхожденія, «великой породы», какъ говорили позднѣе. Еще важнѣе были преимущества, вытекавшія изъ имущественныхъ правъ служилыхъ людей, сросшіяся съ владѣніемъ землею: обладаніе землей—все равно на помѣстномъ или на вотчинномъ правѣ—обуславливало собою и принадлежность помѣщику или вотчиннику правъ суда надъ всеми жителями его имѣнія и сборъ податей съ нихъ. Это засвидѣтельствовано множествомъ жалованныхъ грамотъ—несудимыхъ, тарханныхъ и льготныхъ,—которыя дошли до насъ отъ удѣльнаго періода. Болѣе 80-ти такихъ княжескихъ грамотъ, данныхъ свѣтскимъ землевладѣльцамъ, сохранились отъ XV и первой половины XVI в. ⁵⁾. Не слѣдуетъ думать, что дача жалованныхъ грамотъ князьями свидѣтельствуетъ о происхожденія всѣхъ этихъ преимуществъ изъ княжескаго пожалованія; жалованныя грамоты только формулировали

¹⁾ См. подробности въ нашемъ Обзорѣ русской исторіи, часть 2-я, вып. I-й, стр. 122—140.

²⁾ Акты Археогр. Эксп. т. I, № 18.

³⁾ Акты Историческіе, т. I, № 105.

⁴⁾ Известія Академіи Наукъ по II-му отдѣленію, томъ V, стр. 351.

⁵⁾ См. большое ихъ количество въ Актахъ, изданныхъ г. Юшковымъ.

давно сложившейся и господствовавшей обычай и подтверждали, укрѣпляли права, подобно тому какъ теперь имущественныя права нуждаются въ нотаріальномъ актѣ укрѣпленія ¹⁾. Что политическія права тогда дѣйствительно срослись съ владѣльческими, поземельными, — это видно изъ многихъ фактовъ: въ одномъ судебномъ дѣлѣ XV в. встрѣчается ссылка на старину, давность, какъ основу связанныхъ съ землей судебныхъ и податныхъ привилегій ²⁾; видимъ свидѣтельства отдѣльныхъ грамотъ о томъ, что къ деревнѣ «изстари тянутъ» не только «хлѣбъ земляной», но и «душегубство и татьба» ³⁾; вотчинникъ того времени ставилъ рядомъ въ свой доходъ «татины рубли» и «хлѣбъ земляной» ⁴⁾. Наконецъ, когда на службу къ московскимъ князьямъ въ XIV в. стали поступать бывшіе великіе и удѣльные князья другихъ княжествъ, то они удержали вмѣстѣ со своими вотчинами и рядъ политическихъ правъ: они не только судили всѣхъ, кто жилъ въ ихъ вотчинахъ, и собирали съ нихъ подати и пошлыны, но и выдавали несудимыя и тарханныя грамоты. И хотя привилегіи служебныхъ князей утверждались великимъ княземъ московскимъ, принимавшимъ ихъ къ себѣ на службу, но отсюда нельзя выводить происхожденіе этихъ привилегій изъ пожалованія великаго князя. Не надо только преувеличивать значеніе и объемъ податныхъ и судебныхъ привилегій того времени, почему и не слѣдуетъ говорить о «феодалныхъ отношеніяхъ» въ удѣльной Руси, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи ⁵⁾. Даже служебные князья, не говоря уже о другихъ землевладѣльцахъ, не обладали полнотою суверенныхъ правъ: монета чеканилась не ими, а удѣльными *самостоятельными* князьями, и, кромѣ того, у нихъ не было права войны, иностранныхъ сношеній, права на непремѣнное участіе въ законодательныхъ сѣздахъ и суда пэровъ, а между тѣмъ всѣ эти права составляютъ непремѣнную принадлежность феодальнаго порядка въ развитомъ, сложившемся видѣ. Феодальныхъ отношеній въ удѣльной Руси не было, были на лицо только ихъ элементы, не вышедшіе изъ первоначальной стадіи развитія.

¹⁾ Энгельманъ, О приобрѣтеніи права собственности по русскому праву, стр. 28—29; Дмитріевъ, Сочиненія, томъ II, М. 1900, стр. 265—266.

²⁾ Федотовъ-Чеховскій, Акты, относящіяся до гражданской расправы, т. I, № 4.

³⁾ Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 246.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ См. Павловъ-Сильванскій, Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси, въ «Журналъ Мин. Народ. Просв.» за 1901 годъ.

Таковы были юридическія отличія служилыхъ людей удѣльнаго сѣверовостока Россіи отъ людей черныхъ. Нельзя, конечно, признать эти отличія настолько развитыми и сложившимися, чтобы сомкнуть объ эти общественныхъ группы въ опредѣленные сословія. Сословный строй только слабо намѣчался. Эта незаконченность особенно ясно выступаетъ на видъ, если мы обратимъ вниманіе на основное юридическое сходство между обѣими группами, на личную свободу членовъ каждой изъ нихъ: бояринъ и вольный слуга обладалъ правомъ отъѣзда отъ одного князя къ другому, а черный человѣкъ столь же свободно пользовался правомъ перехода или «выхода» отъ одного землевладѣльца къ другому. Мы не останавливаемся здѣсь пока на зародышахъ новыхъ социальныхъ отношеній, которыя начали слагаться къ концу удѣльнаго времени и знаменовали собою уже переходъ къ слѣдующему періоду.

Въ общемъ надо признать, что и хозяйство и социальный строй пронянуты были однимъ основнымъ, вотчиннымъ принципомъ: хозяйство организовывалось хозяиномъ-вотчинникомъ земли, въ социальныхъ отношеніяхъ главную роль играла неразлучимость политическихъ правъ съ правомъ собственности на землю. Понятно, что при такихъ условіяхъ управленіе княжествомъ разсматривалось какъ простой видъ хозяйственной дѣятельности князя, который и въ этой сферѣ старался всюду проникнуть своимъ хозяйскимъ глазомъ, стремился вникнуть во всѣ подробности подчиненнаго управления. Такъ объясняется состояніе административной техники въ сѣверовосточной Руси XIII, XIV и XV вѣковъ. Каждая подробность, каждая частность административно-технической организаціи служитъ подтвержденіемъ этого.

И прежде всего это надо сказать о техникахъ внѣшнихъ сношеній, дипломатическихъ переговоровъ и заключенія договоровъ съ иностранными государствами. Характерно тутъ то, что даже въ XV и XVI вѣкахъ московскіе князья шагу не давали ступить самостоятельно своимъ посламъ, давали имъ инструкціи, предусматривавшія всѣ самыя мелкія подробности. Напр., въ «памяти» Тимофею Васильевичу Заболоцкому-Бражникову, посланному въ Литву въ 1533 году, значится: если о чемъ-либо спросятъ, то сказать, что ни о чемъ другомъ наказу отъ государя говорить ему не дано, а потомъ слѣдуютъ подробнѣйшія указанія на частности ¹⁾. При томъ въ Москвѣ

¹⁾ Акты Западной Россіи, томъ II, № 175, стр. 227—228.

всегда устраивали такъ, чтобы всѣ важные переговоры велись не за границей, а именно въ Москвѣ; это дѣлалось съ цѣлью предоста-
вить возможность московскимъ боярамъ по поводу каждой мелочи
обратиться къ верховной власти за указаніемъ; и этой возможностью
обыкновенно пользовались очень часто ¹⁾. Нечего и говорить о томъ,
что князья XIII и XIV вѣковъ предоставляли еще меньше свободы
своимъ посланцамъ. Они нерѣдко и сами вступали въ переговоры.
Поѣздки князей въ Орду, конечно, вызывались далеко не всегда тре-
бованиями хановъ, но также собственнымъ стремленіемъ князей лично
вести дѣла, бросить и на отношенія къ татарамъ свой хозяйскій
взглядъ. Впрочемъ все-таки сравнительно съ древнѣйшей Россіей
князья удѣльнаго времени рѣже выступаютъ во внѣшнихъ сноше-
ніяхъ въ роли приличествующей подчиненнымъ органамъ, и—что
главное—эти подчиненные органы не отправляютъ уже въ дѣлахъ
иностранной политики, какъ то было прежде, функцій, свойственныхъ
верховой власти.

Мы видѣли, что въ финансовой своей дѣятельности князь дре-
внѣйшей Россіи исполнялъ всѣ обязанности отъ высшихъ до низ-
шихъ, не только устанавливалъ налоги, но и самъ ихъ собиралъ,
отправляясь на полюдье. Въ удѣльный періодъ полюдье исчезаетъ,
князь передаетъ сборъ налоговъ подчиненнымъ органамъ и себѣ
оставляетъ только нормативно-финансовую дѣятельность,— установ-
леніе податей и повинностей, дарованіе финансовыхъ льготъ, пожа-
лованіе земель, опредѣленіе вознагражденія должностнымъ лицамъ
и т. д. Это — несомнѣнный признакъ зарождающагося выдѣленія
сферы верховнаго управленія. Не слѣдуетъ однако преувеличивать
такое выдѣленіе, нельзя предполагать, что оно было проведено хоть
сколько-нибудь систематически, планомерно. Напротивъ, надо ду-
мать, что князь принималъ постоянное, ежедневное участіе въ те-
кущихъ дѣлахъ финансоваго управленія, даже самыхъ мелкихъ, что
ни одинъ расходъ не производился безъ вѣдома князя, и, вѣроятно,
о всякомъ поступившемъ доходѣ ему докладывали. Вообще и въ
финансахъ, какъ и въ иностранной политикѣ, верховная власть и
органы высшаго управленія нерѣдко вторгались въ сферу дѣятель-
ности чисто-исполнительной, подчиненной. Такъ отъ начала XVI вѣка
до насъ дошла любопытная грамота рязанскаго великаго князя Ивана
Ивановича объ отводѣ земли, пожалованной одному служилому чело-

¹⁾ Акты Западной Россіи, томъ II, № 175.

вѣку; оказывается, что эта грамота адресована «бояромъ нашимъ Федору Ивановичю Сунбулову съ товарищи», т.-е. боярской думѣ¹⁾: верховное учрежденіе здѣсь отводитъ пожалованную землю, т.-е. исполняетъ обязанность подчиненнаго органа.

Законодательства въ собственномъ смыслѣ этого слова въ XIII, XIV и въ теченіе большей части XV в. не было, и зародыши его, какими въ извѣстной степени можно считать жалованныя грамоты князей и отдѣльнымъ лицамъ и указныя ихъ грамоты областнымъ властямъ, имѣли характеръ хозяйственныхъ распоряженій, не представляли собою формулировки общихъ юридическихъ нормъ. Въ этомъ отношеніи недалеко ушелъ впередъ и Судебникъ Ивана III, представлявшій собою исключительно кодексъ процессуальнаго права. Въ сущности удѣльный князь каждымъ своимъ правительственнымъ актомъ законодательствовалъ для даннаго отдѣльнаго случая. Исполнительная дѣятельность, свойственная органу подчиненнаго управленія, перемѣшивалась съ законодательной и, можно сказать, подавляла послѣднюю.

Та же чрезвычайная обширность функций, тотъ же захватъ верховной властью и органами высшаго управленія въ свои руки ряда обыденныхъ дѣлъ наблюдается и въ судѣ. Можно прямо сказать, что не было такого судебного дѣла, по которому нельзя было бы обратиться непосредственно къ князю, въ первой инстанціи. На этотъ счетъ не существовало никакихъ не только законодательныхъ постановленій, но и обычаявъ: все зависѣло отъ удобства и отъ усмотрѣнія тянущихся. И такъ было даже въ концѣ удѣльнаго періода. Въ 1506 г. уgliedній удѣльный князь Дмитрій Ивановичъ рѣшилъ поземельный споръ Троицкаго Сергіева монастыря съ Семеновъ Бородатымъ: князь самъ «обыскалъ своимъ обыскомъ» и «по тому обыску» монастырскаго поселскаго «оправиль», а Бородатаго обвинилъ²⁾. Въ 1519 г. поземельную тяжбу Спасо-Евѣиміева монастыря съ Матвѣемъ Судимантовымъ разбирали бояре въ Москвѣ (т.-е. боярская дума), «да сказали мнѣ, великому князю, и азъ велѣлъ боярамъ старцевъ Спасаго монастыря въ тѣхъ земляхъ оправити, а Матвѣя Судимантова велѣлъ обвинити да и грамоту правую на Матвѣя въ тѣхъ земляхъ велѣлъ дати»³⁾. Отъ XV вѣка сохранилось много указаній на поземельныя тяжбы, разбиравшіяся

¹⁾ Акты г. Юшкова, № 47.

²⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, № 145.

³⁾ Акты Историческіе, т. I, № 126.

князьями въ первой инстанціи ¹⁾. Наряду съ этимъ однако такія же тяжбы разбирались тогда въ первый инстанціи ²⁾ и судьями, и писцами, составлявшими писцовыя книги ³⁾, и намѣстничьими тиунами ⁴⁾. Во второй половинѣ XV вѣка великій князь Иванъ III самъ разбиралъ дѣла о крестьянскомъ выходѣ отъ одного землевладѣльца къ другому ⁵⁾. Въ концѣ того же столѣтія рязанскій великій князь Иванъ Васильевичъ разбиралъ въ первой инстанціи дѣло о подговорѣ обельныхъ холоповъ къ бѣгству отъ ихъ господина. ⁶⁾ Въ 1517 г., великому князю Василию III били челомъ по цѣлому ряду дѣлъ о долгахъ и грабежахъ, и онъ самъ ихъ разбиралъ. ⁷⁾ Въ началѣ XVI вѣка, нѣкоего Иванова по дѣлу о боѣ и грабежѣ судила въ первой инстанціи боярская дума ⁸⁾. Эта путаница, сильно осложнявшая и затруднявшая дѣятельность верховной власти и высшихъ учреждений, особенно съ усложненіемъ хозяйственныхъ и социальныхъ отношеній, заставляла прибѣгать къ нѣкоторымъ поправкамъ и облегченіямъ. Иногда великіе князья передавали уже жалобы, къ нимъ обращенныя, на разсмотрѣніе областныхъ правителей, но съ непремѣнной оговоркой о представленіи разсмотрѣнныхъ дѣлъ на ихъ собственное окончательное рѣшеніе путемъ доклада. Типичнымъ въ этомъ отношеніи является наказъ великаго князя Василія Ивановича Барандушу-Свиньину о производствѣ раздѣла по межевому дѣлу: „ты-бъ... къ нимъ бы еси на ту землю ѣхалъ да того-бъ еси дозрилъ да обыскалъ, чія та земля. А о чемъ ся сопруть, и ты бы ихъ судилъ, а судъ свой скажи отцу моему великому князю“ ⁹⁾. Позднѣе, когда стали слагаться приказы, эта юрисдикція князя въ первой инстанціи начала мало-по-малу сокращаться, и слѣды ея сохранились только въ пустой, лишенной реальной подкладки формулѣ: „по княжу слову“. Напр., въ 1530 г.

1) См., напр., Феодотъ-Чеховскій, Акты, относящіяся до гражданскоя расправы древней Россіи, томъ I, №№ 2, 4, 10. Акты г. Юшкова, №№ 13, 104.

2) Акты Феодотова-Чеховскаго, томъ I, №№ 5, 7, 15, 20, 21, 22, 23, 26, 29, 30, 34, 35, 38, 46, 47, 53, 54.

3) Тамъ-же, №№ 16, 19, 24, 25, 31, 51, 55, 56.

4) Тамъ-же, №№ 45, и 57.

5) Акты Археографич. Эксп., т. I, №№ 73 и 83.

6) Акты г. Юшкова, № 30.

7) Тамъ же, № 104.

8) Тамъ же, № 48.

9) Тамъ же, № 36; подобное же см. № 37.

судъ о денежномъ займѣ „судилъ дворецкой Иванъ Ивановичъ Колычевъ“, «и по княжъ Андрееву слову Ивановича дворецкой ищюю оправилъ, а отвѣтчика обвинилъ... А на судѣ у дворецкаго у Ивана Ивановича были дворцовой (дьякъ) Жюкъ Прокофьевъ, да Сѣрка Яковлевъ сынъ Лысцевъ, да подьячей Копыта Григорьевъ сынъ“ ¹⁾). Но это уже — новообразование, переходная ступень къ позднѣйшему времени.

Далѣе, мы ошиблись бы, если бы предположили, что существовалъ какой-либо установленный порядокъ инстанцій и опредѣленный кругъ дѣлъ или извѣстныя ихъ свойства, дѣлавшія необходимой передачу рѣшенія изъ рукъ подчиненныхъ органовъ въ руки высшихъ учреждений или князя. Это какъ нельзя лучше видно даже изъ такого поздняго памятника, какъ Судебникъ 1497 года, гдѣ прямо сказано: „а котораго жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю“ ²⁾ Мало того, когда судья чувствовалъ себя не въ силахъ рѣшить дѣло, затруднялся рѣшеніемъ, онъ не зналъ, къ кому собственно онъ обратится съ „докладомъ“ по дѣлу; въ этомъ отношеніи характерно одно замѣчаніе въ уцѣлѣвшемъ судномъ дѣлѣ XV вѣка: „судья рекся доложить государя великаго князя и ли человекъ старѣйшаго“ ³⁾. И дѣйствительность оправдывала подобныя колебанія: нерѣдко, обращаясь съ докладомъ къ князю, судьи оказывались лицомъ къ лицу съ другимъ должностнымъ лицомъ, которому они и докладывали дѣло. Такъ въ концѣ XV вѣка, разбирая дѣло о пожнѣ между Ферাপонтовымъ и Кирилловымъ монастырями, „судьи реклись доложить великаго князя“, но, какъ видно изъ помѣты на оборотѣ, доложили Аванасія Курицына ⁴⁾. Лишь въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ личный судъ князя былъ обязателенъ, неизбѣженъ и не могъ быть замѣненъ судомъ другого лица. Такъ, въ первой половинѣ XV вѣка, великому князю принадлежалъ обязательный третейскій судъ въ случаѣ, если его судья и судья удѣльнаго князя „ся сопрутъ“, т.-е. не сойдутся въ рѣшеніи какихъ-либо дѣлъ и не придутъ къ соглашенію о выборѣ третейскаго судьи ⁵⁾. Привилегированные землевладѣльцы и

1) Тамъ же, № 128.

2) Акты, Историческое. т. I, № 105.

3) Акты Федотова-Чеховскаго, т. I, № 20.

4) Тамъ же, № 5, ср. № 14.

5) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 29.

ихъ приказчики были также подсудны непосредственно князю ¹⁾. Наконецъ, существовалъ обычай, по которому дѣла о мѣстничествѣ вѣдались также верховной властью.

Выше было уже указано, что жалованныя грамоты на землю часто обозначали собою не актъ пожалованія, а нотаріальныя укрѣпленія владѣльческихъ правъ, которыя существовали уже у землевладѣльцевъ до времени выдачи жалованной грамоты. Такой характеръ жалованныхъ грамотъ съ особенною ясностью выступаетъ въ жалованныхъ подтвердительныхъ грамотахъ, которыя часто выдавались каждамыъ новымъ княземъ монастырямъ на ихъ земельныя владѣнія. При вотчинномъ характерѣ княжеской власти, при взглядѣ на правительственныя функціи, какъ на предметъ частной собственности, естественно представленіе о томъ, что со смертью стараго князя теряютъ свое значеніе его обязательства охранять чужую собственность, и новый князь долженъ выдать новое подобное обязательство. Такимъ образомъ носитель верховной власти выступалъ въ роли простаго нотаріуса, бралъ на себя исполнительныя функціи простаго незначительнаго подчиненнаго органа. Нотаріальное укрѣпленіе различныхъ сдѣлокъ княземъ вообще было обычнымъ явленіемъ въ удѣльной Руси. Такъ, напр., въ 1487 г. Василій Андреевъ занялъ у Федора Васильевича 5 рублей, и актъ этотъ былъ „доложенъ“ рязанскому великому князю Ивану Васильевичу ²⁾; въ 1492 г. ему же доложили о займѣ въ 1 рубль ³⁾. Завѣщаніе вдовы нижегородскаго князя княгини Маріи было утверждено великимъ княземъ Иваномъ III лично, какъ видно изъ приписки, что великій князь утвердилъ этотъ документъ, „когда былъ въ Суздаль“. Впрочемъ къ концу удѣльнаго времени мало-помалу начинается устанавливаться обычай передавать гражданскія сдѣлки для ихъ нотаріальнаго укрѣпленія какому-либо боярину, замѣнявшему здѣсь князя, такъ что начинается въ данномъ случаѣ отдѣляться подчиненное управленіе отъ верховнаго. Примѣровъ много: такъ, въ 1498 г. доложили о займѣ въ 4 рубля „великаго князя Ивана Васильевича боярину Ивану Ивановичу Измайлову“ ⁴⁾; ему же въ 1500 г. сдѣланъ былъ докладъ о займѣ въ 2 рубля ⁵⁾; въ 1510 г. „доложа

¹⁾ См. всѣ жалованныя грамоты въ Актахъ Арх. Эксп. Актахъ Историч., Актахъ г. Юшкова и т. д.

²⁾ Акты г. Юшкова, № 32.

³⁾ Тамъ же, № 35.

⁴⁾ Акты г. Юшкова, № 41.

⁵⁾ Тамъ же, № 44.

великой княгини Ографены боярина Федора Ивановича Сунбула“, Афирмья, жена Дмитрія Федоровича, заняла 5 руб. подъ закладъ вотчины ¹⁾; въ 1515 г. „доложа великаго князя Иванъ Ивановичъ боярина Ивана Дмитріевича Кобыгова“, Подивниковъ занялъ у Кобы 2 рубля ²⁾ и т. д. ³⁾.

Относительно порядка назначенія разнаго рода должностныхъ лицъ по управленію надо повторить то, что было сказано по этому вопросу о древнѣйшей Россіи: такого порядка въ сущности не было; предоставляя важнѣйшимъ лицамъ, служившимъ ему по управленію, дворцовому, казначею, начальникамъ дворцовыхъ „путей“, намѣстникамъ, волостелямъ — выбирать себѣ въ помощники „своихъ людей“ въ качествѣ тиуновъ, доводчиковъ, праветчиковъ, пошлинниковъ, приставовъ, князь удѣльнаго времени сплошь и рядомъ не только въ областяхъ, находившихся подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ, держалъ и назначалъ самъ такихъ же „своихъ людей“, но и производилъ назначеніе на всѣ должности высшія и низшія во всѣхъ областяхъ, назначалъ намѣстниковъ, ⁴⁾ волостелей, ⁵⁾ „разъщичиковъ“ (т. е. межешчиковъ) ⁶⁾, сборщиковъ разныхъ податей и пошлинъ ⁷⁾.

Чтобы закончить характеристику административно-технической стороны верховнаго управленія въ удѣльной сѣверовосточной Руси, остается отмѣтить взаимоотношеніе между княземъ и боярской думой того времени. Никто не оспариваетъ того, что дума имѣла лишь совѣщательный, а не рѣшающій голосъ. Что касается состава думы, то въ этомъ отношеніи существуютъ нѣкоторыя разногласія: одни изслѣдователи полагаютъ, что удѣльная дума состояла по преимуществу изъ княжескихъ приказчиковъ, завѣдовавшихъ казною, дворцомъ и разными дворцовыми „путями“ ⁸⁾; по мнѣнію другихъ, составъ думы былъ вообще неопреѣленный, мѣнялся по усмотрѣнію князя ⁹⁾. Надо замѣтить, что, конечно, мелкій удѣльный князь, политическій кругозоръ котораго былъ очень узокъ именно вслѣдствіе ничтожныхъ размѣровъ его княжества, ни къ кому другому не могъ

¹⁾ Тамъ же, № 77.

²⁾ Тамъ же, № 93.

³⁾ Тамъ же, №№ 78, 90, 94, 98, 101, 102, 103, 106, 107.

⁴⁾ См., напр., акты г. Юшкова, № 105.

⁵⁾ Акты г. Юшкова, №№ 56, 59, 60, 61, 63, 64, 72, 74, 82 и др.

⁶⁾ Тамъ же, № 86.

⁷⁾ Тамъ же, №№ 73, 85, 135.

⁸⁾ Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 128—129.

⁹⁾ Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности, томъ II, вып. I.

обращаться, какъ именно къ своимъ ближайшимъ помощникамъ по дворцовому хозяйству. Но по мѣрѣ собиранія Руси являлась нужда и въ совѣтахъ другихъ лицъ. Общая черта, объединяющая эти два момента въ исторіи думы удѣльнаго періода, состоитъ въ томъ, что все время постоянного, неизмѣннаго числа совѣтниковъ не было; совѣщанія князя съ думой слагались по типу не постоянной функціи, а временнаго личнаго со стороны князя порученія отдѣльнымъ лицамъ принять участіе въ дачѣ совѣтовъ по дѣламъ управленія. Это принципиально не отличается отъ совѣтовъ „самъ третей у постели“ при Василии III. Такимъ образомъ, и здѣсь точка зрѣнія князя-хозяина оставалась проведенной до конца.

Последній выводъ равно какъ и другія наблюденія, выше изложенныя, позволяютъ намъ, наконецъ, характеризовать удѣльное княжество и съ политической стороны: это было типическое вотчинное государство, въ которомъ верховная власть не только принципиально, но и фактически не отдѣлялась отъ землевладѣнія, носитель верховной власти былъ таковымъ именно по той причинѣ, что онъ обладалъ землей, верховныя права являлись не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ хозяйственныхъ атрибутовъ земельного владѣнія, въ родѣ отдѣльныхъ земельныхъ угодій.

IV.

Исторія сѣверовосточной удѣльной Руси и въ частности исторія въ ней верховной власти и высшаго управленія находятъ во многомъ поучительную параллель себѣ въ соответствующихъ и при томъ одновременныхъ явленіяхъ жизни Руси западной.

Хозяйственное положеніе западной Руси въ XIII, XIV и XV вѣкахъ характеризуется такъ же, какъ и положеніе удѣльнаго сѣверовостока, преобладаніемъ земледѣлія. Уже въ XIII вѣкѣ въ Берестейской землѣ дань князю вносилась отчасти продуктами земледѣлія и скотоводства ¹⁾. Въ актахъ XV вѣка постоянно встрѣчаются „земли пашныя“, „сѣножати“, луга, выгоны, иногда и „хмѣлища“. Мало того: пашня обыкновенно выдвигается на первый планъ, и нерѣдкіе случаи, когда вся хозяйственная цѣнность имѣнія покоится на пахотныхъ и сѣнныхъ угодьяхъ ²⁾. Въ „книгѣ данинъ“ великаго князя

¹⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 521.

²⁾ Акты Зап. Рос., томъ I, №№ 26, 30, 84, 166, 171, 178; Леонтовичъ, Акты Липовской Метрики, т. I, вып. I, №№ 474, 503, 520, 525, 538,

Казимира упоминается между прочимъ „пшеничная земля“ ¹⁾. т.-е. такая, съ которой владѣлецъ получалъ отъ крестьянъ пшеницу, — несомнѣнное свидѣтельство о развитіи земледѣлія. Еще съ конца XIV вѣка въ собственной Литвѣ стала собираться новая денежная подать — серебщина, и замѣчательно, что она собиралась съ сохи ²⁾, т.-е. окладная единица приобрѣла чисто-земледѣльческій характеръ. Въ 1496 г. „великій князь казалъ Высокодворцамъ, ходити на работу, орати на паренину два дни, а на яръ бороновати день, жита жати два дни, а яръ жати два дни“ ³⁾: здѣсь чисто-земледѣльческая организація работъ. Въ 1497 г. въ Лидскомъ повѣтѣ „дякло“, т.-е. дань землевладѣльцу, платилось почти исключительно хлѣбомъ, житомъ и овсомъ ⁴⁾. Исключеніе представляетъ только часть югозападной Руси, гдѣ добывающая промышленность оставалась господствующей ⁵⁾.

Существеннымъ отличіемъ отъ сѣверовостока являлся только болѣе быстрый темпъ хозяйственнаго развитія, скорѣе приближавшій западную Русь къ періоду денежнаго хозяйства ⁶⁾. Понятно, что при такихъ условіяхъ въ формахъ землевладѣнія и хозяйства и въ хозяйственной техникѣ наблюдаются въ западной Руси также знакомыя уже намъ явленія, только быстрѣе приближающіяся къ порядкамъ, свойственнымъ болѣе позднему времени; обезземеленіе крестьянства сопровождалось установленіемъ вотчины и помѣстья, при чемъ послѣднее быстро стало сближаться съ вотчиной путемъ распространенія „выслуги“, называвшейся также „даниной на вѣчность“ или „вѣчистой даниной“, которая, будучи по происхожденію своему временнымъ и условнымъ владѣніемъ, обыкновенно отчуждалась и передавалась по наслѣдству съ согласія великаго князя ⁷⁾; господство аренды за натуральный оброкъ осложнялось уже особенно къ концу періода

543, 558 и др.; Давнаръ - Запольскій, Акты Литовско-русскаго государства, №№ 22, 23, 48, 63 и др.

1) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, № 1.

2) Давнаръ - Запольскій, Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, томъ I, Кіевъ, 1901, стр. 717 и сл.

3) Леонтовичъ, Акты Лит. Метрики, т. I, вып. I, № 276.

4) Давнаръ - Запольскій, Акты Литовско-русскаго государства, № 58.

5) См., напр., Акты Зап. Рос., т. I, № 161; Давнаръ - Запольскій, Госуд. хоз., стр. 224; Ясинскій, Уставныя земскія грамоты Лит. государ., стр. 158 и т. д.

6) См. подробности въ Обзоръ рус. исторіи, ч. 2-я, вып. 2 й, стр. 10—18.

7) Обзоръ русской исторіи, ч. 2-я, вып. 2-й, стр. 21—24.

примѣсью барской запашки и барщины ¹⁾; наконецъ, къ переложной системѣ все болѣе стало примѣшиваться трехполье ²⁾).

Параллельно всему этому появилось классовое расчлененіе общества на землевладѣльцевъ, безземельныхъ земледѣльцевъ и къ концу періода—городскихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Такъ какъ въ хозяйственной области къ старымъ натурально-хозяйственнымъ порядкамъ примѣшивались все сильнѣе элементы денежнаго хозяйства, то естественно, что довольно рѣзко, рѣзче, чѣмъ на сѣверовостокѣ, обособились сословія, особенно служилое и крестьянское. Паны и шляхта стали обладать весьма значительными привилегіями, во всей своей полнотѣ свойственными высшему слою дворянства: личнымъ наказаніямъ и конфискаціи имущества ихъ можно было подвергать не иначе, какъ по суду и на основаніи закона; суду подчиненныхъ властей дворянство подлежало только по нѣкоторымъ дѣламъ, какъ насильственное нападеніе, насиліе надъ женщиной, пораненіе шляхтича, разбой; по прочимъ дѣламъ они только собирали данныя и разбирали дѣло, приговоръ же постановлялся господаремъ съ радой. Затѣмъ, служилые люди имѣли право судить и брать поборы въ свою пользу съ крестьянъ и всѣхъ вообще лицъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. Наконецъ, западнорусское дворянство приобрѣло также и важныя корпоративныя права, именно право собираться на сеймы, занимать высшія должности или „вряды“, избирать господаря и посредствомъ мѣстныхъ дворянскихъ „соймовъ“ принимать дѣятельное участіе въ областной администраціи и судѣ ³⁾).

Крестьяне въ западной Руси были первоначально свободны, свободно переходили отъ одного землевладѣльца къ другому. При уходѣ они должны были только уплатить „сходельное“ и въ случаѣ полученія пособія („рукоема“) проценты на это пособие—„остатнее“. Но уже вліяніе земледѣлія, требовавшаго капитала, приводило, какъ и на сѣверовостокѣ, къ задолженности крестьянъ землевладѣльцамъ, а зарождавшіеся элементы денежнаго хозяйства обострили потребность крестьянъ въ капиталѣ, увеличили тѣмъ задолженность и вмѣстѣ вызвали потребность въ постоянномъ контингентѣ рабочихъ, которые

¹⁾ Тамъ же, стр. 24—25.

²⁾ Тамъ же, стр. 25—26.

³⁾ Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства, стр. 861—878; Лаппо, Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія, стр. 515—556; Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, стр. 428—508.

регулярно отправляли бы барщину на постепенно увеличивавшейся барской запашкѣ. Такимъ образомъ, значительная масса задолжавшихъ и обязанныхъ барщиной крестьянъ надолго, часто на всю жизнь и даже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ связывалась съ опредѣленными землевладѣльцами. Давность этой связи послужила юридическимъ основаніемъ для первыхъ элементовъ крѣпостного права. Уже въ удѣльное время наблюдаются такимъ образомъ „отчичи“, „люди засядлые“ или „засѣдлые“, „непохожіе“. Первая форма прикрѣпленія носила условный характеръ: крестьянинъ могъ уйти, но подь условіемъ оставить на свое мѣсто другого. Но уже въ 1457 г. сдѣланъ былъ второй шагъ: было запрещено принимать въ господарскія волости изъ частновладѣльческихъ имѣній всѣхъ людей „данныхъ, извѣчныхъ, селянитыхъ“, и тѣмъ былъ проведенъ законодательнымъ путемъ принципъ прикрѣпленія на основѣ давности ¹⁾.

Такимъ образомъ экономической бытъ и социальный строй западной Руси отличались уже не чисто-вотчиннымъ характеромъ, свойственнымъ эпохѣ натурального хозяйства при господствѣ земледѣлія: развитіе шло дальше, къ денежному хозяйству и связанному съ первой ступеню его развитія сословному строю.

Обращаясь къ изученію техники высшаго управленія въ Литовско-русскомъ государствѣ и останавливая прежде всего вниманіе на технику законодательства, необходимо отмѣтить, что поскольку дѣятельность господаря въ области созданія юридическихъ нормъ не выходила изъ рамокъ вотчиннаго управленія, она была на практикѣ единоличной, и если и призывались совѣтники, то этотъ призывъ не отличался систематичностью и постоянствомъ. Технически онъ не былъ всегда необходимъ: князь-хозяинъ въ несложныхъ случаяхъ не нуждался въ помощникахъ. Однако, новыя хозяйственныя и социальныя условія давали себя чувствовать особенно къ концу періода и призывали къ дѣятельному участию въ законодательной дѣятельности раду, совѣтъ великаго князя литовскаго и русскаго. Такъ съ участіемъ совѣта составлялись и утверждались общеземскіе привилеи ²⁾, устав-

¹⁾ См. Леонтовичъ, Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI ст. въ «Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» за 1863 годъ; Новицкій, Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи; Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго гос., стр. 373 и сл.

²⁾ См. напр., Леонтовичъ. Акты Лит. Метрика, т. I, вып. I, №№ 1, 6 и др.; Акты Зап. Рос., т. I, № 61 и др.

ныя земскія грамоты ¹⁾, грамоты на магдебургское право ²⁾. Одинъ разъ мы встрѣчаемся даже съ законодательной дѣятельностью сейма, раньше занимавшагося только вопросомъ объ избраніи господаря и внѣшней политикой ³⁾: въ 1468 году великій князь Казимиръ „урядилъ“ свой Судебникъ „съ князьями и паны-радою нашею великаго княжества Литовскаго и со всимъ посольствомъ согадавши“ ⁴⁾.

Наши источники содержатъ много фактовъ, доказывающихъ, что даже къ концу удѣльнаго времени къ господарю стекались не только въ высшей инстанціи, но и въ первой, самыя разнообразныя, нерѣдко ничтожныя судебныя дѣла. Сюда относились поземельныя тяжбы и споры о межахъ. Вотъ типическіе примѣры, взятые изъ цѣлаго ряда другихъ: въ 1488 г. поземельная тяжба была разобрана и рѣшена великимъ княземъ Казимиромъ ⁵⁾; въ 1492 г. подобное же дѣло разсмотрѣлъ и рѣшилъ великій князь Александръ ⁶⁾. Дѣла о холопствѣ также часто направлялись къ господарю, какъ къ судѣ первой инстанціи: факты относятся, напр., къ 1494 ⁷⁾, 1495 ⁸⁾, 1496 ⁹⁾, 1497 ¹⁰⁾, 1498 ¹¹⁾ годамъ и т. д. Споры о долгахъ и вообще денежные тяжбы великій князь тоже нерѣдко судилъ, какъ обыкновенный судья: таковы дѣла 1494 ¹²⁾, 1496 ¹³⁾, 1497 ¹⁴⁾ и др. годовъ. Сюда относились также дѣла о грабежахъ ¹⁵⁾. Споры о безчестьи нерѣдко разбиралъ въ первой инстанціи самъ великій князь: напр., въ 1496 г. это сдѣлалъ Александръ по дѣлу о родовой чести между смоленскими боярами Плешкинымъ и Олтуфьевымъ, изъ которыхъ первый назвалъ

1) Ясинскій, Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства, стр. 196—199.

2) См., напр., Давидаръ-Запольскій, Акты Литовско-русскаго государства, №№ 1, 3, 7, 8, 59 и др.

3) Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, стр. 28, 29, 35, 65, 111, 119, 120, 123, 125, 130, 133, 134, 137, 142.

4) Акты Зап. Россіи, т. I, № 67.

5) Леонтовичъ, Акты Литовской Метрики, томъ I, вып. 1-й, № 56.

6) Тамъ же, № 69.

7) Тамъ же, № 94.

8) Тамъ же, № 172.

9) Тамъ же, № 319.

10) Тамъ же, № 345.

11) Тамъ же, № 366.

12) Тамъ же, № 89.

13) Тамъ же, № 278.

14) Тамъ же, №№ 351, 416.

15) Тамъ же, №№ 220, 255.

второго «коробейникомъ, купцомъ»¹⁾. Наконецъ, то же надо повторить о дѣлахъ, касающихся незаконныхъ поборовъ, производимыхъ должностными лицами: такъ было, напр., въ 1496 г., когда жмудскій тивунъ неправильно потребовалъ съ шляхтича дябла²⁾. Вторженіе органовъ верховнаго управленія въ сферу дѣйствія подчиненныхъ властей по тѣмъ же самымъ судебнымъ дѣламъ подтверждается многочисленными фактами, устанавливающими участіе рады въ господарскомъ судѣ: нерѣдко великіе князья вмѣстѣ съ радой судили въ первой инстанціи поземельныя и межевыя дѣла³⁾, дѣла о холопствѣ⁴⁾, долгахъ⁵⁾ и т. д. Эти данныя важны для насъ еще въ томъ отношеніи, что намѣчаютъ процессъ, уже извѣстный намъ изъ наблюденій надъ техникой законодательной работы: великій князь постепенно все болѣе склонялся къ рѣшенію различныхъ тяжбъ не единолично своею властью, а посредствомъ совмѣстной работы съ радой, которая такимъ образомъ пріобрѣтала значеніе все болѣе важнаго колеса въ государственной машинѣ.

Широко развита была въ западной Руси XIII, XIV и XV вѣковъ и нотаріальная дѣятельность господаря; онъ укрѣплялъ всевозможные акты гражданскаго права: купли-продажи⁶⁾, наслѣдованія⁷⁾, мѣны⁸⁾. При этомъ и здѣсь нерѣдко рада принимала участіе въ господарскихъ дѣйствіяхъ⁹⁾.

Далѣе: всѣ финансовыя дѣла доходили до великаго князя. Ему представлялись всѣ данныя и отчеты о доходахъ и расходахъ казны, напр., король Казимиръ «бралъ личбу з мытниковъ киевскихъ и путивльскихъ»¹⁰⁾; въ 1495 г. «ключникъ берестейскій господару личбу делалъ з восковыхъ грошей»¹¹⁾; въ 1497 г. «въ Берестыи, какъ тыми разы былъ господаръ его милость, дек. 22 ден, дѣдалъ его милость личбу с ключникомъ берестейскимъ Левкомъ Боговитиновичемъ и з Немирею, што

1) Тамъ же, № 330.

2) Тамъ же, № 236.

3) Тамъ же, №№ 145, 151, 157, 161 и др.

4) Тамъ же, № 472 и др.

5) Тамъ же, № 416 и др.

6) Тамъ же, №№ 198, 208, 210, 219 и др.

7) Тамъ же, № 220 и др.

8) Тамъ же, № 216 и др.

9) Тамъ же, № 340 и др.

10) *Довнаръ-Запольскій*, Акты Литовско-русскаго государства, стр. 49.

11) Тамъ же, № 26.

держали от его милости мыто берестейское к верной руке»³⁾; въ 1499 г. «бралъ его милость личбу у мытников путивльскихъ в Городне»⁴⁾; въ томъ же году «панъ Литавор Хребътовичъ, маршалокъ, намѣстникъ новгородскій и слонимскій, выдалъ господару его милости великому князю личбу з минцы»⁵⁾. Впрочемъ, иногда господарь поручалъ это дѣло кому-либо изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, напр., въ 1496 г. «господарь его милость великий князь Александро казалъ личбу вделати маршалку его милости пану Григорию Станьковичу Остиковича а мне писару его милости Ивашку Владыце в мытниковъ менскихъ въ Евлашка а у Федора з мыта менскаго»⁶⁾. Это уже несомнѣнное начало выдѣленія разсматриваемой функціи изъ непосредственнаго вѣдѣнія верховной власти въ вѣдѣніе подчиненныхъ органовъ; не удивительно поэтому, что встрѣчаются случаи приѣма отчетовъ подчиненными властями безъ спеціальнаго порученія отъ господаря: въ 1494 г. «панъ Андрей подскарбий а Ивашка Владыка писар брали личбу у ключника киевскаго у Сенька Полозовича а в Самоделчина сына»⁷⁾; въ 1497 г. «панъ Литавор маршалокъ а Федко писарь брали личбу в ключника киевскаго в Сенька Полозовича и в мытниковъ киевскихъ в Санка и в Цибули»⁸⁾.

Повидимому, далѣе, сборъ податей производился по спеціальному всякій разъ распоряженію великаго князя, а съ другой стороны ни одинъ даже и незначительный расходъ нельзя было произвести, не испросивъ его разрѣшенія. Это видно, напр., изъ приходо-расходной записи писаря господарскаго Ивашки Яцковича въ 1496 году⁹⁾, гдѣ сказано между прочимъ: «его милость велелъ ми в Берштахъ дань побрати на людехъ на волостныхъ Задвинскихъ волостей», а затѣмъ: «а тивунщины 3 рубли отдал есми Мити Ремейковичу, бо господарь велелъ ему отдати».

Раздача мытъ въ аренду и дача разрѣшеній на устройство торжковъ и ярмарокъ производились также верховной властью¹⁰⁾, часто съ участіемъ рады¹¹⁾.

3) Тамъ же, № 52.

4) Тамъ же, № 60.

5) Тамъ же, № 67.

6) Тамъ же, № 49.

7) Тамъ же, № 26, стр. 59.

8) Тамъ же, № 54.

9) Тамъ же, № 38.

10) *Леонтовичъ*, Акты Лит. Метр., №№ 179, 180, 195, 197, 201 и др.

11) Тамъ же, № 378 и др.

Понятно, почему въ финансовой области великіе князья литовскіе такъ ревниво относились къ каждой мелочи, старались не упустить ея изъ своихъ рукъ: здѣсь, на матеріальныхъ интересахъ, особенно сильно отражались вотчинныя начала.

Надо, наконецъ, замѣтить, что государь самъ непосредственно назначалъ разныхъ должностныхъ лицъ, безъ различія ранговъ: намѣстниковъ ¹⁾, старостъ ²⁾, волостелей ³⁾ и т. д. И здѣсь вліяніе шляхетскаго сословія сказывалось, однако, уже сильно: въ областныхъ привилеяхъ (Витебскомъ, Полоцкомъ, Жмудскомъ) государь обязуется: «тавожь имъ намъ давати воеводу постарому, но ихъ воли; а который имъ будетъ нелюбъ воевода, а обмовять его передъ нами, ино намъ воеводу имъ иного дати, по ихъ волн» ⁴⁾.

Предшествующее изложеніе даетъ намъ возможность характеризовать Литовско-русское государство XIII, XIV и XV вѣковъ и съ политической стороны.

Политическое значеніе великокняжеской власти до 1492 года было такъ же велико, какъ широкъ былъ кругъ дѣлъ, выполняемыхъ непосредственнымъ, личнымъ дѣйствіемъ государя: великій князь былъ юридически неограниченнымъ собственникомъ всего государства и политическая роль рады и сейма была незначительна, ограничивалась подачей великому князю свѣтовъ, не связывавшихъ его воли. Такія отношенія и понятія являлись отраженіемъ вотчиннаго принципа, проникавшагося удѣльный строй во всѣхъ отношеніяхъ. Мы, однако, сильно ошиблись бы, если бы признали эту характеристику полной. Новые хозяйственные, соціальныя и административно-техническіе порядки могущественнымъ образомъ воздѣйствовали на политическую сторону верховнаго управленія и видоизмѣняли реальное соотношеніе силъ въ этой области. Это особенно замѣтно потому, что въ XIV и XV вѣкахъ на первый планъ выступаютъ областныя привилегіи или уставныя грамоты, съ одной стороны, и сословныя привилегіи—общеземскіе или земскіе (т.-е. шляхетскіе) и мѣщанскіе (на магдебургское право), съ другой. Эти два вида привилегій—областные и сословныя—вызвали своимъ появленіемъ и развитіемъ большой споръ

---

1) *Довнаръ Запольскій*, Акты Литовско-русскаго государства, № 16.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же, стр. 48.

4) *Асинскій*, Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства, стр. 118—119.

въ спеціальной литературѣ: одни изслѣдователи, придавая первостепенное значеніе областнымъ привилеямъ, утверждаютъ, что Литовско-русское государство отличалось федеративнымъ характеромъ ¹⁾, другіе, съ удареніемъ отмѣчая сословныя привилеи, склонны признавать въ этомъ государствѣ преобладаніе территориально-сословнаго типа ²⁾. Нельзя не признать, что федераціей въ строгомъ юридическомъ смыслѣ Литовско-русское государство названо быть не можетъ: политическая особность была не менѣе свойственна и отдѣльнымъ частямъ удѣльнаго сѣверо-востока; кромѣ того, федерація немислима безъ органическаго закона, связующаго союзныя государства; наконецъ, уставныя грамоты или областныя привилеи съ юридической точки зрѣнія являются не договорами великаго князя съ населеніемъ, а односторонними актами великокняжескаго пожалованія. Точнѣе будетъ признать поэтому Литовско-русское государство уніей отдѣльныхъ литовскихъ и западно-русскихъ земель и при томъ уніей не личной, а реальной ³⁾, потому что удѣльные князья, потомъ намѣстники и воеводы, вошли въ составъ господарской рады. Что касается сословныхъ привилеевъ, то они формировали извѣстнымъ образомъ социальный строй, но отсюда еще далеко до вывода изъ одной ихъ наличности особаго понятія о субъектѣ власти. Другое дѣло ихъ содержаніе: несомнѣнно, что послѣдній изъ земскихъ привилеевъ удѣльнаго періода—привилей Александра 1492 г., обязавшій великаго князя безъ рады не посылать пословъ, не отнимать должностей, не раздавать въ держанье пограничныхъ замковъ, не производить государственныхъ расходовъ и не судить ⁴⁾, установилъ, что субъектомъ, носителемъ верховной власти, является не одинъ господарь, но и шляхетскій «народъ», дворянство. Этимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сглажены были областныя различія, и унія превращена была изъ реальной въ полную. Таковъ былъ конечный результатъ политическаго развитія Литвы и западной Руси въ удѣльное время.

---

¹⁾ *Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства, стр. 2 и сл.

²⁾ *Леонтовичъ*, Сословный типъ территориально-административнаго состава Литовскаго государства и его причины,—въ «Журн. Мин. Нар. Просв.»

³⁾ Ср. *Bluntschli*, Allgemeines Staatsrecht, zweite Auflage, erster Band, München, 1854, S. 210—211.

⁴⁾ *Любавскій*, Литовско-русскій сеймъ, стр. 136.

У.

Мы видѣли, что политическая сторона верховной власти и высшего управленія въ Россіи до конца XV вѣка, являясь органически связанной съ административной техникой, вмѣстѣ съ этой послѣдней представляла собою естественное дополненіе къ тѣмъ экономическимъ и социальнымъ отношеніямъ, которыя свойственны были изслѣдованнымъ періодамъ исторической жизни русскаго народа. Такимъ образомъ методологическая точка зрѣнія, намѣченная въ предисловіи, получаетъ свое оправданіе и должна быть сохранена въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи. Но, кромѣ того, предшествующее изложеніе приводитъ къ нѣсколькимъ общимъ выводамъ по существу изучаемаго вопроса. Выводы эти можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

1. Въ древнѣйшей Россіи—до XII в., при полной неорганизованности хозяйства и общества, выражавшейся въ господствѣ добывающей промышленности при натуральномъ хозяйствѣ, въ преобладаніи вольнаго землепользованія, домашней формы хозяйства, экстенсивной техники производства, въ отсутствіи классовъ и сословій, верховная власть и высшее управленіе и технически и политически были также безформенны: государство того времени было неорганизованнымъ двоевластіемъ вѣча и князя.

2. Съ XIII по XV вѣкъ наблюдается три типа общественнаго развитія: одинъ представленъ вольными городами—Новгородомъ и Псковомъ, другой сѣверовосточной Русью—Владимірской, потомъ Московской, третій Русью западной—Литовской.

Въ вольныхъ городахъ, при преобладаніи вѣшной торговли въ высшихъ слояхъ общества и равновѣсіи добывающей промышленности и сельскаго хозяйства въ народныхъ массахъ, сопровождавшемся переходомъ земли въ руки боярства, развитіемъ аренды за оброкъ натурой, менѣе экстенсивной техникой, началомъ классоваго и сословнаго расчлененія общества, начинаетъ организоваться и верховная власть и высшее управленіе: къ сферѣ послѣдняго относится, хотя еще не всецѣло, нормативная, законодательная дѣятельность государства, судъ, главнымъ образомъ въ высшей инстанціи, но довольно еще часто и въ инстанціи низшей, вмѣшательство во многія, еще не вполне переданныя подчиненнымъ органамъ дѣла текущаго управленія; съ политической точки зрѣнія государство здѣсь является аристократической муниципальной республикой.

3. Въ сѣверовосточной Руси XIII, XIV и XV вѣковъ господство земледѣлія при сохраненіи натурального хозяйства, служилого землевладѣнія—вотчиннаго и помѣстнаго,—натуральной аренды, менѣе экстенсивной, чѣмъ въ древнѣйшей Россіи, техники и зарожденіе дѣленія на классы и сословія сопровождалось выдѣленіемъ въ исключительное вѣдѣніе верховной власти нормативныхъ функций государственнаго союза при постоянномъ вмѣшательствѣ ея во всѣ самыя мелкія судебныя и административныя дѣла; съ политической точки зрѣнія это было типическое вотчинное государство, въ которомъ государственныя функціи разсматривались какъ простые хозяйственныя атрибуты земельного владѣнія.

4. Западная Русь характеризовалась преобладаніемъ земледѣлія при весьма быстрои темпѣ экономическаго развитія, приближавшемъ страну къ періоду денежнаго хозяйства, развитіемъ помѣстья и особенно вотчины, натуральной аренды съ примѣсю барщины, распространеніемъ переложной и трехпольной системъ земледѣлія, довольно рѣзкимъ классовымъ дѣленіемъ и обособленіемъ отдѣльныхъ сословій; параллельно этому въ законодательствѣ, судѣ и разныхъ отрасляхъ управленія мы видимъ постепенную смѣну единоличной дѣятельности князя-вотчинника его совмѣстной работой съ коллегіальными учрежденіями—радой и сеймомъ,—отражавшими господство опредѣленнаго класса—дворянства, и широкое вмѣшательство органовъ верховнаго управленія въ функціи подчиненныхъ органовъ; Литовско-русское государство было реальной уніей литовскихъ и западнорусскихъ земель, развивавшейся въ направленіи ослабленія власти великаго князя и уничтоженія особенностей разныхъ областей въ пользу образованія унитарнаго государства съ ограниченіемъ власти государя дворянскими представительными учрежденіями.

Ясно, такимъ образомъ, что самодержавіа въ Россіи до XVI вѣка не существовало: его появленію не содѣйствовали ни хозяйственный бытъ, ни соціальныя условія, ни административная техника.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основныя черты хозяйства и социальнаго строя въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII вѣка.

I.

Никто не оспариваетъ и не будетъ оспаривать того, что одной изъ основныхъ чертъ народнаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII вѣка является первенствующая роль сельскаго хозяйства, въ частности земледѣлія. Это положеніе настолько общепринято, что совершенно не нуждается въ доказательствахъ.

Въ другой работѣ ¹⁾ пишущій эти строки доказывалъ, что вторая половина XVI вѣка въ исторіи Россіи была временемъ, когда въ нѣдрахъ натурального хозяйства стало зарождаться хозяйство денежное, основанное на товарномъ обращеніи. Эта черта хозяйственнаго быта Московской Руси не менѣе, если не болѣе, важна, чѣмъ господство земледѣлія, и такъ какъ столь общепринятой, какъ послѣднее, ее считать нельзя, то необходимо сейчасъ въ сжатомъ видѣ повторить главныя, наблюденія подтверждающія фактъ зарожденія, первоначальнаго развитія денежнаго хозяйства въ изучаемое время.

Денежное хозяйство въ строгомъ смыслѣ слова это—такое хозяйство, когда каждый отдѣльный производитель въ странѣ вовлеченъ въ торговый оборотъ, когда каждый съ продуктомъ своего труда является на рынокъ, отчуждаетъ этотъ продуктъ въ видѣ товара, т.-е. превращаетъ его въ деньги, съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь эти деньги посредствомъ той же операціи товарнаго обмѣна превратить въ предметы собственнаго потребленія. Если понимать денежное хозяйство въ такомъ строгомъ, исключительномъ смыслѣ, то придется признать, что денежное хозяйство у насъ въ Россіи мѣстами еще и теперь не существуетъ или существуетъ не вполне, потому что товарное обращеніе захватило еще не всѣхъ безъ исключенія производителей хозяйственныхъ благъ въ Россіи и многихъ изъ тѣхъ, кто даже подвергся этой участи, захватило не цѣликомъ, не заставило ихъ работать всецѣло для рынка.

Но для всякаго ясно, что Россіи страна денежнаго хозяйства, несмотря на эти ограниченія. Ясно и то, что она приобрѣла эту эко-

¹⁾ Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в., стр. 271—290.

номическую особенность не вчера, что денежное хозяйство въ Россіи развивалось путемъ длинной эволюціи, охватывающей не одно столѣтіе. Чтобы правильно опредѣлить ходъ этой эволюціи, ея отдѣльныя стадіи или ступени, необходимо придасть термину „денежное хозяйство“ извѣстную растяжимость, эластичность. Денежнымъ съ этой точки зрѣнія надо признать не только такое хозяйство, при которомъ всѣ производители превращаютъ цѣликомъ весь свой продуктъ въ товаръ, но и такое, когда товарное обращеніе начинаетъ проникать въ глубины народной жизни, когда оно захватываетъ уже не одни высшіе классы, а отчасти и низшіе. Такъ именно надо характеризовать первую ступень развитія денежнаго хозяйства, на которую Россія поднялись въ XVI и XVII вѣкахъ.

Доказательства того, что вторая половина XVI вѣка была временемъ зарожденія денежнаго хозяйства, дѣлавшаго первые робкіе шаги впередъ въ XVII столѣтіи,—довольно многочисленны и разнообразны. Прежде всего у насъ нѣтъ недостатка въ прямыхъ свидѣтельствахъ объ оживленіи въ это время внѣшнихъ и внутреннихъ мѣновыхъ сношеній. Новгородъ продолжалъ быть важнымъ пунктомъ внѣшней торговли Россіи. Въ 50-хъ годахъ XVI вѣка завязываются постоянныя и при томъ очень важныя торговыя сношенія съ Англіей черезъ Бѣлое море, и такимъ образомъ на сѣверѣ, въ Холмогорахъ, потомъ въ Архангельскѣ и другихъ городахъ, лежавшихъ на пути къ Москвѣ, образовались новые рынки для внѣшней торговли, не уступавшіе Новгороду, скоро даже превзошедшіе его по своему значенію. Можно наблюдать довольно сильное торговое оживленіе цѣлаго ряда городовъ, лежавшихъ на дорогѣ съ сѣвера въ центръ, особенно Вологды, Ярославля и самой столицы государства—Москвы. О ростѣ внѣшней торговли Московскаго государства со второй половины XVII вѣка свидѣтельствуютъ разнообразныя источники,—напр., сочиненія англичанъ, посѣщавшихъ Московскую Русь, Ченслера, Климента Адамса, Дженкинсона, Флетчера, Уложеніе 1649 года, но особенно, такъ называемыя, Торговыя книги, содержащія свѣдѣнія о заграничныхъ и русскихъ цѣнахъ и стоимости провоза цѣлаго ряда разныхъ продуктовъ, закупавшихся скупщиками изъ богатаго купечества на московскомъ рынкѣ въ очень значительномъ количествѣ и доставлявшіеся къ Бѣлому морю для сбыта за границу.

Уже это оживленіе внѣшней торговли и расширеніе охватываемаго ею района, содѣйствовавшія образованію и развитію нѣсколькихъ новыхъ крупныхъ торговыхъ центровъ, не могли не сказаться

на общемъ строе̄ экономической жизни Московскаго государства во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ. Коренные устои натурального, безобмѣннаго хозяйства начали подгнивать и колебаться подъ вліяніемъ роста заграничной торговли. Но у насъ нѣтъ недостатка и въ указаніяхъ на значительное оживленіе внутренняго обмѣна, и опять-таки замѣчательно, что такія указанія начинаются со второй половины XVI вѣка, что служитъ очевиднымъ признакомъ зарожденія денежнаго хозяйства въ странѣ именно около этого времени. Съ этого именно хронологическаго термина въ писцовыхъ книгахъ и актахъ начинаютъ постоянно мелькать описанія отдѣльныхъ торжговъ, мѣстныхъ рынковъ и ярмарокъ, иногда охватывавшихъ своими торговыми оборотами значительную территорію. Уже на сѣверѣ въ концѣ XVI вѣка Вологда, Тотма и Устюгъ были очень важными хлѣбными рынками. Рязанская область снабжала хлѣбомъ нижнее Поволжье, съ одной стороны, и Москву, съ другой. То же приходится повторить о Ярославлѣ и Нижнемъ-Новгородѣ съ ихъ уѣздами. Цѣлая сеть торговыхъ дорогъ по всѣмъ направленіямъ покрывала страну. Она достигла особенной густоты въ центрѣ: достаточно сказать, что такихъ большихъ дорогъ, проложенныхъ къ столицѣ государства, было не менѣ семи: по крайней мѣрѣ двѣ—ярославская и углицкая—вели на сѣверъ, къ Вологдѣ, Бѣлозерску и Холмогорамъ; на сѣверо-западъ шла торговая дорога изъ Москвы въ Тверь, Вышній-Волочекъ и Новгородъ; существовала также дорога на востокъ, къ Нижнему; но наибольшее количество путей вело на югъ, въ плодородные степные уѣзды: здѣсь шла дорога на Серпуховъ и Боровскъ, сближавшая столицу съ заоцкими городами; другая дорога направлялась на Тулу и далѣе къ югу, въ Сѣверскую землю и Польшу; наконецъ, третья южная дорога прошла на Коломну и Рязань по Москвѣ рѣкѣ и Окѣ. По словамъ англичанъ, изъ одного Ярославскаго края ежедневно по дорогѣ въ Москву проѣзжало по 700—800 возовъ съ зерномъ, предназначеннымъ для продажи. Мы имѣемъ, наконецъ, рядъ указаній на существованіе во второй половинѣ XVI вѣка обширныхъ и чрезвычайно-оживленныхъ ярмарокъ въ Старомъ Холопѣ городкѣ на Мологѣ, въ Бѣрило-Бѣлозерскомъ монастырѣ, Балахнѣ, знаемъ о конныхъ ногайскихъ ярмаркахъ въ Москвѣ и Казани, о зарождающейся Макарѣвской ярмаркѣ, двухнедѣльной Петровской ярмаркѣ въ пригородѣ Пскова, Островѣ, куда съѣзжались купцы изъ Москвы, Новгорода, Пскова, Литвы и Ливоніи, и пр., и пр. Сказаннаго достаточно, чтобы внушить убѣжденіе въ многочисленности и разнообразіи

прямыхъ свидѣтельствъ источниковъ объ оживленіи торговаго оборота въ Московскомъ государствѣ второй половины XVI вѣка. Таково первое доказательство зарожденія денежнаго хозяйства въ Россіи въ это время.

Второе доказательство—иного рода: оно заключается въ наблюденіяхъ за характеромъ владѣльческаго оброка съ крестьянъ. Во второй половинѣ XVI вѣка легко замѣтить ростъ денежнаго оброка на счетъ натуральнаго: тогда какъ до этого времени въ Вотской пятинѣ Великаго Новгорода только 6—9% всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ платили оброкъ деньгами, въ 1568 г. процентъ такихъ хозяйствъ повышается до 16-ти, а въ 1581 году черная волость знала здѣсь только одинъ денежный оброкъ; въ Бѣжецкой пятинѣ уже въ 1545 году болѣе 26% всѣхъ крестьянъ сидѣли на оброкѣ деньгами, а въ Обонежской въ 1565 году такихъ крестьянъ было даже около 76%; наконецъ, во всѣхъ вотчинахъ Троицкаго-Сергіева монастыря, расположенныхъ въ центральныхъ уѣздахъ, въ послѣднее десятилѣтіе XVI вѣка совсѣмъ уже не существовало натурального оброка, а всѣ монастырскіе крестьяне, сидѣвшіе на оброкѣ, вносили послѣдній деньгами. Совершенно понятно важное значеніе этихъ наблюденій: денежный оброкъ былъ бы невыносимъ, если бы не зародилось денежное хозяйство, такъ какъ безъ торговаго оборота продуктовъ сельской промышленности крестьяне не были бы въ состояніи пріобрѣсти необходимую для уплаты оброка денежную сумму.

На томъ же основаніи переходъ натуральныхъ государственныхъ повинностей въ денежные налоги, ясно обозначившійся какъ разъ съ половины XVI вѣка, слѣдуетъ считать третьимъ доказательствомъ зарожденія денежнаго народнаго хозяйства. Фактъ такой серьезной перемѣны въ финансовой системѣ не подлежитъ сомнѣнію, хорошо обоснованъ въ новѣйшей литературѣ по исторіи русскаго государственнаго хозяйства и представляется въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ первой половинѣ XVI вѣка на землѣ лежали слѣдующія государственныя финансовыя обязанности: 1) населеніе платило казначеевы, дьячьи и подъяческія пошрины; это былъ уже тогда денежный налогъ, хотя и незначительный по размѣрамъ; 2) кормъ наместниковъ и волостелей, обыкновенно поступавшій натурой, въ видѣ разнаго рода припасовъ; 3) дань; 4) ямскія деньги, сдѣлавшіяся, какъ и дань, денежной податью, но не исключавшія и особой натуральной ямской повинности; сверхъ того возникли еще: 5) полонянничныя деньги, не превратившіяся пока въ регулярную подать и со-

бравшіяся въ различныхъ размѣрахъ въ отдѣльные годы, смотря по количеству выкупаемыхъ изъ Крыма и Казани русскихъ „полонянниковъ“ или плѣнныхъ; 6) натуральныя военныя повинности—посошная и городовое дѣло, т. е. починка и постройка укрѣпленій. Во второй половинѣ XVI вѣка—съ 1551 года—въ податную систему внесены были важныя измѣненія: во-первыхъ, введены были новыя военныя денежныя налоги—пищальные и ямчужныя деньги, предназначенныя на приобрѣтеніе и выдѣлку пищалей, или ружей и пушекъ, и ямчуги, т. е. селитры и пороха; затѣмъ налоги за городовое и засѣчное дѣло, т. е. за починку и постройку укрѣпленій и „засѣкъ“, или заставъ, образованныхъ посредствомъ вырубки лѣса и свалки его въ кучи, мѣшавшія проходу и проѣзду и укрывавшія за собой сторожевыя военныя посты; во-вторыхъ, полонянничныя деньги превращены были въ регулярную подать; наконецъ, въ-третьихъ, старыя натуральныя повинности—посошное и городовое дѣло—стали также переводиться кое-гдѣ временами на деньги. Если къ этому прибавить, что кормъ чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще переводился на деньги, что съ введеніемъ земскихъ учрежденій царя Ивана Грознаго онъ былъ замѣненъ денежной суммой, вносимой въ опредѣленные сроки въ государеву казну общиной, получившей земское самоуправленіе, что, наконецъ, къ концу XVI вѣка оклады прямыхъ денежныхъ податей возросли въ 3¹/₂ раза сравнительно съ половиной столѣтія, то станетъ очевиднымъ, какимъ важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу зарожденія денежнаго хозяйства въ Московской Руси является исторія государственнаго хозяйства и въ частности прямого обложенія.

Наконецъ, существуетъ еще и четвертое, не менѣе, если не болѣе, серьезное доказательство описываемой экономической перемѣны: именно — измѣненіе цѣнности денегъ. Оживленное товарное обращеніе, проникающее въ народныя массы, всегда увеличиваетъ количество денегъ въ странѣ, а съ увеличеніемъ количества денегъ цѣнность послѣднихъ уменьшается. Въ этомъ отношеніи XVI вѣкъ принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ эпохамъ русской исторіи. Изученіе стоимости русскаго рубля того времени по хлѣбнымъ цѣнамъ приводитъ къ убѣжденію въ быстромъ и неуклонномъ ея пониженіи: тогда какъ въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI рубль стоилъ на наши деньги приблизительно 94 рубля, — въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVI столѣтія цѣнность его понизилась уже до 75 рублей на наши деньги, а во второй половинѣ того же вѣка даже только до 25 рублей ¹⁾. Такое

¹⁾ О цѣнности денегъ въ XVI в. см. „Сельск. хоз. Моск. Руси въ XVI в.“,

быстрое удешевленіе денегъ рѣзко подчеркиваетъ совершившійся въ значительныхъ кругахъ населенія переходъ къ денежному хозяйству.

Итакъ предшествующее изложеніе ставитъ внѣ сомнѣнія тотъ фактъ первостепенной важности, что вторая половина XVI вѣка — время зарожденія денежнаго хозяйства въ Россіи ¹⁾. Но, выставляя это положеніе мы должны сдѣлать одну совершенно необходимую оговорку: зарожденіе денежнаго хозяйства въ Россіи очень существенно отличается отъ соотвѣтственнаго процесса въ экономической жизни Западной Европы. Дѣло не въ томъ одномъ, что въ Россіи описанная перемѣна совершилась гораздо позднѣе, чѣмъ въ западно-европейскихъ странахъ, которыя уже отчасти въ XII и во всякомъ случаѣ въ XIII вѣкѣ знакомятся съ зачатками денежнаго хозяйства; гораздо болѣе замѣчательно, что самый экономическій типъ русскаго зарождающагося въ XVI вѣкѣ денежнаго хозяйства существенно отличался отъ типа западно-европейскаго денежнаго хозяйства XIII столѣтія. Превосходная схема экономического развитія странъ Западной Европы выведена изъ наблюденій надъ соотвѣтствующими фактами остроумнымъ и проницательнымъ нѣмецкимъ экономистомъ Карломъ Бюхеромъ въ его извѣстной книгѣ „Происхожденіе народнаго хозяйства“. Бюхеръ ²⁾ ставитъ, какъ извѣстно, въ промежутокъ между періодомъ домашняго, безобмѣннаго хозяйства и періодомъ хозяйства народнаго, денежнаго, рассчитаннаго на обширный, даже міровой рынокъ, еще третій періодъ — городского хозяйства, имѣющаго въ виду узкій мѣстный рынокъ, съ ограниченнымъ кругомъ производителей и потребителей, ютящихся въ городѣ и его окрестностяхъ на 10—15 верстъ во всѣ стороны. Каждый изъ такихъ изолированныхъ, обособленныхъ рынковъ, на которые раздробились съ XIII вѣка западно-европейскія страны, представлялъ собою себя совершенно самостоятельное хозяйственное цѣлое, стоявшее внѣ какой бы то ни было экономической связи съ другими, подобными ему рынками. И Россія, конечно, не была чужда эта изолированность рынковъ, но она, подобно многимъ другимъ явленіямъ, до-

---

стр. 202—210, 218. Одинъ изъ критиковъ нашей книги указывалъ, что слѣвало сравнивать цѣны на хлѣбъ XVI вѣка не съ хлѣбными цѣнами 1882 г., а со средними цѣнами за рядъ годовъ. Мы произвели такое вычисленіе, и результаты его мало разнились съ раньше полученными нами выводами.

¹⁾ См. подробности со ссылками на источники и литературу въ „Сельскомъ хозяйствѣ Моск. Руси въ XVI в.“, стр. 271—290, 202—219, 220—242.

²⁾ „Die Enttöhung der Volkswirtschaft“, 2-е изданіе, стр. 58, 88—106.

стигшимъ полного развитія на западѣ Европы и оставшимся лишь въ зародышѣ у насъ, не имѣла общаго значенія и не выразилась въ столь рѣзкихъ формахъ, какъ на Западѣ. Равнинность страны, обиліе рѣкъ и, главное, продолжительность снѣгового покрова создавали сравнительно удобные пути сообщенія, которыми сглаживались мѣстные различія и ослаблялась хозяйственная изолированность отдѣльныхъ областей: зимой, по англійскимъ извѣстіямъ¹⁾, товары могли быть доставлены на громадное разстояніе отъ Архангельска до Москвы въ какихъ-нибудь 14 дней. Такимъ образомъ, русское денежное хозяйство, зародившееся во второй половинѣ XVI вѣка, отличалось тою особенностью, что оно было не городскимъ, а народнымъ, или, по крайней мѣрѣ, каждый рынокъ охватывалъ очень значительный районъ. Это доказывается многими наблюденіями. Такъ, во второй половинѣ XVI вѣка Соловецкій монастырь покупалъ хлѣбъ, коноплю, ленъ, масло, кожи и другіе товары въ Новгородѣ, Бѣжецкомъ Верху, Вологдѣ и Устюгѣ²⁾. 14 іюля 1582 г. Троицкому Сергіеву монастырю въ Тотемскомъ уѣздѣ, на р. Сухонѣ, на устьѣ Толщмы, въ Пьянговѣ слободѣ было разрѣшено построить амбаръ, чтобы покупать здѣсь на монастырь хлѣбъ и другіе товары³⁾. Въ 30—60-хъ годахъ XVI в. Троицкій Сергіевъ монастырь покупалъ рыбу у устья Шексны и привозилъ туда для продажи изъ Дмитрова рожъ и соль⁴⁾. По Герберштейну⁵⁾ и Гваньини⁶⁾, Пермь закупала хлѣбъ на центральныхъ рынкахъ. Въ 1584 г. Свіяжскій Богородицкій монастырь закупалъ въ Астрахани соль и рыбу и, продавая ихъ въ Нижнемъ, покупалъ здѣсь хлѣбъ, масло, сукна, шубы и овчины⁷⁾. Съ Соликамскомъ и Чердынью съ ихъ уѣздами еще въ началѣ XVI в. торговали Новгородцы, тверичи, усольцы, устюжане, вычегжане⁸⁾.

1) Середонинъ, Извѣстія англичанъ о Россіи. „Чтенія въ Общ. Ист. и Древностей Росс.“ за 1884 г., кн. IV, стр. 13.

2) Досиной, Географическое, историческое и статистическое описаніе Соловецкаго монастыря, ч. 3-я, № VII; Ключевскій, Хозяйственная дѣятельность Соловец. монастыря,—въ „Моск. Унив. Изв.“ за 1866—67 г., № 7, стр. 574; Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Устюжскій у., № 13170

3) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 315.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Дмитровскій у., № 3763; Акты Археогр. Эксп., томъ I, № 272.

5) *Regum Moscovitarum scriptores varii*, стр. 62.

6) Тамъ же, стр. 167.

7) Акты Арх. Эксп., т. I, № 322.

8) Дмитриевъ, Пермская Старина, вып. 1, стр. 41—42.

По свидѣтельству Дженнингсона¹⁾, русскіе привозили въ Астрахань кожи, бараньи шкуры, хлѣбъ и свинину. Изъ Рязанскаго края хлѣбъ въ большомъ количествѣ шелъ въ Москву²⁾. Изъ Смоленска производилась съ центральными областями торговля скотомъ, а Визьма торговала съ ними пенькой³⁾, Ярославль поставлялъ въ Москву громадное количество зернового хлѣба, закупавшагося здѣсь, между прочимъ, жителями сѣвера, жившими верстъ за 500 отъ Москвы⁴⁾. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ половинѣ XVI в. жилъ священникъ, который имѣлъ обыкновеніе «от дальныхъ странъ скотъ приводити и отводити ея отъ челоуѣкъ ко инымъ челоуѣкомъ»⁵⁾. Нѣкоторые жители бѣжецкой вотчины Троицкаго монастыря въ XVII в. торговали съ Новгородскимъ уѣздомъ и ѣздили для торговли въ Архангельскъ⁶⁾.

Кромѣ этихъ прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что отдѣльные рынки въ Россіи XVI—XVII вѣковъ захватывали обширныя пространства въ 200, 300, 500 верстъ въ окружности, мы имѣемъ возможность сослаться и на другіе факты, подтверждающіе положеніе, что Россія того времени становилась страной денежнаго хозяйства, рассчитаннаго на обширный сбытъ. За это говорятъ данныя о цѣнахъ на хлѣбъ и о развитіи дѣятельности скупщиковъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ хлѣбныя цѣны въ одно и то же время въ разныхъ мѣстностяхъ колебались не очень сильно, что, несомнѣнно, указываетъ на живую экономическую связь между этими мѣстностями: такъ, въ 50-хъ годахъ XVI вѣка цѣны на рожь равнялись 40 копейкамъ за нынѣшнюю четверть и въ Бѣлозерскомъ и въ Суздальскомъ уѣздахъ, въ 60-хъ годахъ стоимость четверти ржи колебалась въ разныхъ мѣстахъ между 20 и 30 коп., въ 70-хъ— между 20 и 25 коп., въ 90-хъ— между 40 и 66 коп. Типической можно считать разницу между довольно отдаленными рынками въ 1 $\frac{1}{2}$ раза⁷⁾.

1) Середонинъ, Извѣстія англичанъ о Россіи, — въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. Росс.“ за 1884 г., кн. IV, стр. 40.

2) Платоновъ, Къ исторіи городовъ и путей на южн. окр. Моск. гос., — въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1898 г., мартъ, стр. 84. (Перепечатано въ его Очеркахъ по исторіи смуты).

3) Флетчеръ, О государствѣ русскомъ, стр. 7.

4) Середонинъ, Извѣстія англичанъ о Россіи, — въ „Чтеніяхъ“ за 1884 г., кн. IV, стр. 5; „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1838 г., октябрь, стр. 57.

5) Румянц. музей; рукописи Ундольскаго, № 273, лл. 21 об.—22.

6) Готье, Замосковный край въ XVII в., М. 1906, стр. 527—528, ср. еще стр. 537.

7) Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в., стр. 286.

Извѣстны скупщики московскіе, новгородскіе, пошехонскіе, онежскіе, бѣжецкіе ¹⁾ и т. д. Еще въ началѣ XVI в., по словамъ Герберштейна ²⁾, калужскія деревянныя издѣлія—мебель и посуда—развозились скупщиками по всему Московскому государству и вывозились за границу. Въ Вязьмѣ въ 1646 г. среди посадскаго населенія встречаемъ, между прочимъ, «скупщика животины» и людей, которые «торгуютъ отъѣзжая мяхкою рухлядью» и «всякимъ товаромъ» ³⁾.

II.

Въ другомъ изслѣдованіи ⁴⁾ пишущій эти строки старался доказать и объяснить еще одну важную особенность хозяйственнаго быта Московскаго государства,—особенность, заключающуюся въ весьма рѣзко выраженномъ экономическомъ кризисѣ, постигшемъ въ послѣднія 30 или 35 лѣтъ XVI вѣка двѣ главныхъ области страны—центръ и новгородско-псковскій край. Этотъ кризисъ заключался въ пониженіи техники земледѣльческаго производства, сопровождавшемся отливомъ массы населенія на вновь колонизуемыя окраины. Смутное время, какъ показываютъ наши источники, продлило, затянуло и усилило кризисъ. Достаточно раскрыть любую писцовую книгу 20-хъ годовъ XVII вѣка, чтобы убѣдиться въ этомъ. Напр., по писцовой книгѣ Дмитровскаго уѣзда 1626—28 годовъ въ помѣстныхъ земляхъ Повельскаго стана было всего 7 селъ и деревень и 96 пустошей, при чемъ пашни было 201 четверть въ каждомъ изъ трехъ полей, а перелогу 3030 четвертей ⁵⁾. Подобную же, иногда и еще болѣе выразительную картину разоренія представляли собою въ то же время уѣзды Верейскій ⁶⁾, Владимірскій ⁷⁾, Рузскій ⁸⁾, Калужскій ⁹⁾ и другіе ¹⁰⁾.

1) Синодал. бібліотека, № 91, л. 354; Рум. музей, рук. Ундольскаго. № 273, лл. 21 об.—22; № 276, л. 127; Готье, Замосковный край въ XVII вѣкѣ, стр. 527—528.

2) *Regam moscovitarum scriptores varii*, стр. 50.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 10814, лл. 20, 5 и 13 об.

4) Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в., стр. 60—83, 104—109.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 1—39.

6) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 11833.

7) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 12604, лл. 978—1892.

8) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 425, лл. 1—770.

9) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 161, лл. 3—114.

10) Готье, Замосковный край въ XVII в., стр. 208—212, 236—244, 432—434.

Кризисъ закончился, повидимому, не позднѣе сороковыхъ годовъ XVII вѣка. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только заглянуть въ любую изъ переписныхъ книгъ 1646—48 годовъ. Для примѣра укажемъ на переписную книгу по Калугѣ и Калужскому уѣзду, предупредивъ читателя, что она типична для всей центральной Россіи того времени. По этой книгѣ¹⁾ мы видимъ на посадѣ довольно густое и многочисленное для тѣхъ временъ населеніе: здѣсь числилось всего 643 двора, съ населеніемъ въ 1822 человека. Въ уѣздѣ совершенно нѣтъ пустошей.

Причинъ этого, столь длительного кризиса, захватившаго нѣсколько десятилѣтій, надо искать въ общихъ экономическихъ условіяхъ и ихъ соотношеніи съ формами землевладѣнія. Переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному всегда труденъ, мучителенъ, болѣзненъ, потому что приходится перестраивать всѣ хозяйственные отношенія на новую основу. Въ Россіи онъ былъ тѣмъ болѣзненнѣе, что здѣсь скоро сталъ складываться обширный рынокъ для сбыта продуктовъ, такъ что получился рѣзкій экономическій переломъ. Юридическія формы не поспѣли за общими хозяйственными измѣненіями, и потому попрежнему оставались господствующими старыя формы землевладѣнія—помѣстье и монастырская вотчина: въ новгородскихъ пятинахъ конца XVI в. отъ 75 до 94% территоріи находилось въ помѣстномъ владѣніи; въ Казанскомъ уѣздѣ помѣстья занимали 65% всей площади, въ Коломенскомъ—59%, въ Вяземскомъ—97, въ Московскомъ, хотя подъ помѣстьями значилось 34% всей территоріи уѣзда, но 35% приходилось на монастырскія вотчины, такъ что на долю всѣхъ другихъ видовъ земельного владѣнія оставалось гораздо менѣе трети всей площади²⁾. Помѣстье было временнымъ и условнымъ, непрочнымъ владѣніемъ, приспособленнымъ къ условіямъ натурального хозяйства и переложной системы земледѣлія: выпававъ одно имѣніе, помѣщикъ бросалъ его и переходилъ на другое³⁾. Монастырскія вотчины были чрезвычайно обширны и

1) Моск. Арх. Мнн. Юст., писц. кн. 162.

2) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI вѣкѣ, глава VII.

3) Ср. Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, гдѣ на стр. 161 I тома (изд. 1879 г.) указано, что владѣльцы бенефиціевъ въ Меровингскую эпоху заботились о правильной хозяйственной эксплуатаціи имѣній; на стр. 223 - 226 II тома (изд. 1891 г.) Инама-Штернегъ говоритъ объ „Abschwächung der Intensität der nationalen Production“ послѣ прекращенія династіи Каролинговъ въ Германіи, особенно на рубежѣ XII и XIII вѣковъ.

разбросаны, а также часто раздавались во временное и условное владѣніе, подобное помѣстному, и въ результатѣ оказались тѣ же хозяйственные послѣдствія этого, что и на помѣстной землѣ ¹⁾. Кроме того, юридическая природа обѣихъ господствовавшихъ тогда формъ землевладѣнія отличалась однимъ общимъ существеннымъ признакомъ: и помѣстье и монастырская вотчина—неотчуждаемы: первое—вслѣдствіе условности и временности владѣнія, вторая—въ силу каноническаго правила о вѣчности и нерушимости церковнаго имущества, о его неприкосновенности; правило это, какъ извѣстно, принято было за основу имущественныхъ правъ церковныхъ учреждений Стоглавомъ ²⁾. неотчуждаемость помѣстья и монастырско земли стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ зарождающимся денежнымъ хозяйствомъ, потому что денежное хозяйство, даже и въ зачаточномъ состояніи, превращаетъ землю въ товаръ, обращающійся на рынкѣ, требуетъ нѣкоторой, хотя бы очень ограниченной, свободы гражданскаго оборота земли: при новыхъ рыночныхъ условіяхъ настоятельно необходима возможность обращенія недвижимости въ денежный капиталъ и наоборотъ—денежнаго капитала въ недвижимость, а также необходимъ и переходъ земли изъ рукъ въ руки. Такимъ образомъ, причины кризиса заключались въ переходѣ отъ натурального хозяйства къ денежному съ обширнымъ рынкомъ и въ несоотвѣтствіи старыхъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго формъ землевладѣнія новымъ условіямъ экономическаго развитія страны.

Къ сороковымъ годамъ XVII в. переходъ къ денежному хозяйству въ его начальной стадіи развитія завершился. Въ то же время наблюдаются серьезныя перемѣны въ относительномъ значеніи и даже въ юридической природѣ помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія. 11 мая 1551 года состоялся соборный приговоръ, которымъ былъ запрещенъ подъ угрозой конфискаціи владѣ земли въ монастыри безъ доклада государю ³⁾; въ 1572 году запрещеніе принимать влады земли было выражено въ еще болѣе категоричесвой формѣ по отношенію къ богатымъ монастырямъ; что же касается небогатѣшихъ и бѣдныхъ монастырей, то непрежѣннымъ условіемъ пріобрѣтенія ими земельныхъ имуществъ по прежнему оставался докладъ государю ⁴⁾; въ 1581 г. и бѣдные монастыри лишены были безу-

1) Сельск. хоз. Моск. Руси въ XVI в., гл. VII.

2) См. Стоглавъ въ казанскомъ изданіи.

3) Акты Арх. Эксп., т. I, № 227.

4) Акты Историч., т. I, № 154, XIX.

словно права принимать вклады землею ¹⁾. Впрочемъ на дѣлѣ монастыри получали владныя вотчины и послѣ изложенныхъ законодательныхъ мѣръ, но лишь до выкупа этихъ вотчинъ родственниками владчика или государемъ. Уложение 1649 г. окончательно запретило приемъ земельныхъ вкладовъ монастырями ²⁾. Параллельно такому юридическому ограниченію монастырскаго землевладѣнія шло фактическое сокращеніе его размѣровъ. Свидѣтельства писцовыхъ книгъ конца XVI вѣка и другихъ документовъ XVII столѣтія убѣждаютъ въ томъ, что неотчуждаемость монастырскихъ земель, возведенная въ принципъ Стоглавовой, часто обращалась въ юридическую фикцію: подъ давленіемъ начавшаго свое развитіе денежнаго хозяйства монастырскія власти нерѣдко прибѣгали къ залогу вотчинъ, превращая недвижимость въ столь необходимый при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ денежный капиталъ. Залогъ въ древней Руси былъ въ большинствѣ случаевъ вещнымъ договоромъ, т.-е. сопровождался немедленной и обязательной при полученіи ссуды передачей закладаваемого недвижимаго имущества залогопринимателю. Такимъ образомъ часть монастырскаго земли переходила въ руки свѣтскихъ лицъ, совершалась мобилизація церковной поземельной собственности, усложнявшаяся притомъ еще вмѣщательствомъ правительственной власти, которая, признавая незаконнымъ отчужденіе церковной земли, не возвращала однако послѣднюю церкви, а конфисковала въ пользу государства и раздавала въ помѣстья, такъ что возвратъ заложеной монастырями земли въ монастырскую собственность окончательно пресѣкался. Вотъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ описанный процессъ: въ началѣ 80-хъ годовъ XVI вѣка въ Бѣжецкой пятинѣ Великаго Новгорода была цѣлая «волостка Соружа въ Облутнѣ», состоявшая изъ 30 деревень и включавшая въ себѣ до 775 десятинъ пахотной земли во всѣхъ трехъ поляхъ; эта волостка прежде принадлежала Спасскому Нередицкому монастырю, потомъ монастырскія власти заложили ее нѣкому Михаилу Петрову, а въ 1581 г. она, «по государеву наказу», была роздана по частямъ въ помѣстья ³⁾. Въ то же время въ Обонежской цятинѣ князь Путьятинъ получилъ помѣстье изъ земель, принадлежавшихъ нѣкогда Павлову монастырю и бывшихъ затѣмъ въ закладѣ за дьякомъ Меншикомъ Дурбеневымъ,

1) Акты Арх. Эксп., т. I, № 308.

2) Уложение, XVII, 42.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 962, лл. 765—769 об.

а Козодавлеву досталась въ помѣстное владѣніе земля, отписанная на государя у Василія Хлопова, получившаго ее въ свою очередь въ залогъ отъ Аркажа монастыря ¹⁾).

Мало тѣмъ, нерѣдко въ XVII вѣкѣ монастыри прямо продавали свои земли служилымъ людямъ: такъ Троицкій Сергіевъ монастырь въ 1627 г. продалъ князю А. Ю. Сицкому пустошь Клобукову въ Дмитровскомъ уѣздѣ ²⁾; въ 1624 году тотъ же монастырь продалъ подъячму Овдокимову свою вотчину въ Шацкомъ уѣздѣ, село Гавриловское ³⁾ и т. д.

Гораздо менѣе податливымъ въ смыслѣ юридическихъ измѣненій оказалось въ изучаемое время помѣстье: до половины XVII вѣка утвердился только окончательно обычай передавать помѣстья послѣ смерти владѣльцевъ ихъ сыновьямъ, и стала входить въ практику мѣна помѣстныхъ земель на вотчинныя. Однако и это было уже очень знаменательно, тѣмъ болѣе, что вторая половина XVII вѣка рѣшительно сблизила помѣстья съ служилой вотчиной путемъ допущенія сдачи помѣстій, иногда и за деньги, и дозволенія обращать помѣстья на удовлетвореніе имущественныхъ исковъ ⁴⁾.

Повліявъ на юридическую природу помѣстнаго землевладѣнія, денежное хозяйство повело и къ сокращенію размѣровъ помѣстной земли посредствомъ обильнаго и входившаго все болѣе въ обычай пожалованія помѣстій въ вотчину въ награду за службу и заслуги. Въ царствованіе Михаила много помѣстной земли было роздано во владѣніе на вотчинномъ правѣ, т.-е. въ собственность, служилымъ людямъ въ награду за участіе въ защитѣ столицы государства въ смутное время отъ нападеній Тушинскаго вора—это такъ называемое «осадное сидѣнье при царѣ Василіи» — и во время похода на Москву Владислава — «осадное сидѣнье королевичева приходу». Въ XVII вѣкѣ ни одинъ удачный походъ не обходился безъ обращенія части помѣстной земли его участниковъ въ ихъ вотчину. Установилась и обычная норма такого пожалованья: обыкновенно въ награду за службу съ каждаго 100 четвертей помѣстнаго оклада 20 четвертей обращались въ вотчинное владѣніе. Неудивительно поэтому,

1) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 965, лл. 12 и 76 об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотчинная Помѣстнаго Приказа 5969—1, л. 561.

3) Тамъ же, л. 121.

4) Нев о л и н ъ, Полное собраніе сочиненій, т. IV, Спб. 1857, стр. 212 и слѣд.

что въ XVII вѣкѣ размѣры помѣстной земли сокращаются и абсолютно и относительно, и на ея счетъ увеличивается вотчинное землевладѣніе служилыхъ людей. Вотъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Въ Тульскомъ уѣздѣ конца XVI вѣка всего какихъ-нибудь 1500 десятинъ пахотной земли находилось въ вотчинномъ владѣніи, что составляло всего 2% распахиваемой площади уѣзда, тогда какъ помѣстья занимали около 76000 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, или почти 92% ¹⁾; по писцовой книгѣ 1628 года, вотчины заключали въ себѣ уже около 14000 десятинъ пахотной земли, т.-е. увеличились абсолютно въ 9 разъ; чрезвычайно быстро шелъ ростъ и относительныхъ размѣровъ вотчиннаго владѣнія, такъ какъ оно составляло въ то время уже около 17% всей площади уѣзда; на долю помѣстій приходилось 64000 десятинъ или 77% уѣздной территоріи (остальная земля въ XVI и XVII вѣкахъ была занята монастырскими и церковными владѣніями ²⁾). Въ Казанскомъ уѣздѣ въ 50-хъ годахъ XVI столѣтія совсѣмъ не было служилыхъ вотчинъ ³⁾, а около ста лѣтъ спустя онѣ являлись очень виднымъ элементомъ въ составѣ земельного владѣнія ⁴⁾. Въ Рязскомъ уѣздѣ въ 1624—26 годахъ вотчинное землевладѣніе уже очень немногимъ уступало по размѣрамъ помѣстному: тогда какъ на первое приходилось до 25 тысячъ десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ второе занимало 26 тысячъ десятинъ ⁵⁾.

III.

Описанныя хозяйственныя перемѣны отразились на формахъ хозяйства и на распредѣленіи хозяйственныхъ благъ.

Когда съ развитіемъ денежнаго хозяйства образовался рынокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, выгодно стало расширение барской, владѣльческой запашки. Уже въ XVI вѣкѣ нерѣдки были случаи, когда барская запашка ⁶⁾ составляла 16, 35, 38, даже 56% распахиваемой площади. Въ монастырскихъ земляхъ конца вѣка процентъ пашни, распахиваемой на монастырь, чаще всего равнялся

1) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 371.

2) Щепкина, Тульскій уѣздъ въ XVII в., М., 1892, стр. 92 и 93.

3) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 373.

4) Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в., Одесса, 1882, стр. 60, 140 и др.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 425, л. 763 об.

6) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI., стр. 129—130.

12,15,18,20-ти и доходилъ даже иногда до 41-го. ¹⁾ Въ XVII столѣтїи наблюдаются подобныя—же явленія: въ Повельскомъ стану Дмитровскаго уѣзда у помѣщиковъ считалось собственной запашки, по писцовой книгѣ 1626—28 г., 104 четверти въ каждомъ изъ трехъ полей, а крестьянской пашни было 83 четверти, ²⁾ такъ что на помѣщичью приходится 55,6%, а на крестьянскую только 44,4%. Типичнымъ въ этомъ отношенїи является, напр, хозяйство помѣщика Марка Позднѣева въ Московскомъ уѣздѣ въ 1626 году: въ помѣстьѣ ятомъ, состоявшемъ изъ деревни и пяти пустошей, былъ дворъ помѣщика и дворъ крестьянина Степана Овдокимова; „въ нынешнему ко 134-му году сѣяно на помѣщика ярового хлѣба у деревни двѣ чети ячменю, да двѣ чети овса, гороху полдесятины, лѣну осмина съ четверикомъ; ячменя десятина, да по конецъ ярового поля овса да ячменю десятина съ четвертью десятины, да крестьянскаго хлѣба Степанки Овдокимова въ томъ же поле ржи да овса десятина. четь пшеницы, четь ячменю, четь ярицы полдесятины, ржи, полдесятины ржи ж да ярицы, да гороху же да лну полдесятины, да ярицы да гречихи десятина. Да у деревни у Шатуровой сѣено ржи къ нынешнему къ 134-му догу десятинь съ десять да на отвершкахъ полдесятины пшеницы, полдесятины лну въ томъ же въ озимомъ поле, да ко 135-му году въспахано на помѣщика паренины десятинь зъ десят“. ³⁾ Или въ 1634 году въ томъ-же Московскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ Ивана Желябужскаго считалось 7 дес. барской пашни и 12³/₄ дес. крестьянской ⁴⁾.

Расширенная барская запашка требовала усиленнаго приложенія рабочихъ рукъ. Вотчинники и помѣщики XVI и XVII вѣковъ употребляли всѣ средства, чтобы найти эти рабочія руки въ достаточномъ количествѣ.

Прежде всего они заставили работать на барской пашнѣ своихъ холоповъ—полныхъ и кабалныхъ. Въ XVI в. такіе холопы обыкновенно жили на дворѣ помѣщика и именовались „дѣловыми людьми“; но уже тогда нѣкоторые изъ нихъ получали еще отдѣльные участки для собственной запашки, селились своими дворами внѣ двора владѣльца или, какъ тогда говорили, „за дворомъ“ его и потому на-

1) Тамъ-же, стр. 135—137.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 1—39.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., отказная книга № 9830, лл. 48—56 об.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., отказн. кн. № 9831, лл. 826—827.

зываются „задворными людьми“. 1) Въ XVI в. холопы на пашнѣ составляли 5,10, рѣдко 15% всего земледѣльческаго населенія 2). Въ XVII ст. количество дѣловыхъ и особенно задворныхъ людей, обработывавшихъ владѣльческую пашню, несомнѣнно возрасло. Такъ напр., въ Дмитровскомъ уѣздѣ 1626—28 гг. въ каждомъ почти имѣніи значились холопы въ количествѣ, рѣдко уступавшемъ числу крестьянъ: напр: въ помѣстьѣ Сафонова было 4 холопа и 5 крестьянъ 3), у князя Шаховскаго на его дворѣ жило 4 дѣловыхъ чело-вѣка, а крестьянъ было трое 4), въ вотчинѣ Батюшкова было 2 дѣловыхъ чело-вѣка и 4 крестьянина 5) и т. д. Въ Тульскомъ уѣздѣ въ 1628 г. считалось 387 холоповъ и 2366 крестьянъ 6), а въ 1646 г. первыхъ было 475, вторыхъ 7243 7). Въ Московскомъ помѣстьѣ Поздѣева въ 1626 г. было нѣсколько дѣловыхъ людей и всего одинъ крестьянинъ 8). Въ 1628 г. Въ помѣстьѣ Коржебора въ томъ-же Московскомъ уѣздѣ крестьянъ совсѣмъ не было, а были только 2 двора людскихъ, гдѣ жили приказчикъ и дѣловые люди 9). Подобное-же можно наблюдать въ Калужскомъ 10) и Рязскомъ 11) уѣздахъ двадцатыхъ годовъ XVII в. и т. д.

Труда холоповъ однако было недостаточно для обработки всей барской пашни, и потому земледѣльцы стали облагать жевшихъ на ихъ землѣ крестьянъ барщиной, которая иногда совмѣщалась и съ денежнымъ оброкомъ. Это замѣтно было уже въ XVI вѣкѣ 12) и продолжало развиваться въ XVII-мъ, какъ показываютъ, напр., поряд-ные грамоты 13), а также и другіе источники 14) напр. отказныя книги. Приведемъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ изъ этихъ послѣднихъ, такъ какъ онѣ не изданы. Такъ крестьянинъ Степанъ Овдокимовъ

1) Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д., по Новгороду кн. № 8, лл. 118 об.—119.

2) Сельское хозяйство Моск. Руси в. XVI в. стр. 133 139,—143, 186—190.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 19—20 об.

4) Тамъ-же, лл. 25—26 об.

5) Тамъ-же, лл. 49 об—51.

6) Ш е п и н а, Тульскій уѣздъ въ XVII в., стр. 92 и 93.

7) Тамъ-же, стр. 156—157.

8) Моск. Арх. Мин. Юст., отказ. кн. № 9830, лл. 49—51.

9) Тамъ-же, л. 264 и об.

10) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 161.

11) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 425.

12) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 153—155, 180—187, 190—191 и др.

13) См., напр., у Дьяконова, Акты, относящіяся къ ист. тягл. нас., вып. 1.

14) Ср. Г о т ъ е, Замосковный край въ XVII в., стр. 488—500.

въ Московскомъ помѣстьѣ Поздѣва въ 1626 г. „пашни пашеть на помѣщика по поддесятины, сѣна косить шесть острамковъ...., а деньгами никакихъ доходовъ не давалъ“ ¹⁾. Въ 1628 г. „по сказке князь Васильевыхъ крестьянъ Урмаметева оброку де они помѣщику князю Василью Урмаметеву не плачивали никакого, только де пахали на него пашню десятины по две да вживали къ Москвѣ сено да дрова“ ²⁾.

Наконецъ, когда не хватало ни холопскихъ, ни крестьянскихъ рукъ, помѣщики и вотчинники прибѣгали къ труду бобылей. Бобылями въ XVI в., какъ извѣстно, назывались вообще люди, не имѣвшіе своей пашни, занимавшіеся ремеслами, мелкой торговлей и работой по найму ³⁾. Въ XVII в. особенно умножилось, — очевидно подъ влияніемъ экономическаго кризиса, — число этихъ бобылей, не имѣвшихъ собственной заушки. Ихъ поряжали къ себѣ землевладѣльцы и заставляли обрабатывать на себя пашню. Такихъ бобылей, сидѣвшихъ на барской пашнѣ, было очень много, судя по писцовымъ книгамъ 20-хъ годовъ и по переписнымъ 40-хъ. Такъ въ 1626—28 г. въ дмитровскомъ помѣстьѣ Ельчанинова считалось 17 крестьянъ и 11 бобылей ⁴⁾, въ помѣстьѣ Шокуровыхъ было 11 крестьянъ и 9 бобылей ⁵⁾, у Толбузина 4 крестьянина и 4 бобыля ⁶⁾ и т. д. почти во всѣхъ имѣніяхъ. Въ Тульскомъ уѣздѣ 1628 г. было всего 1223 бобыля на 2366 крестьянъ ⁷⁾, а въ 1646 году здѣсь считалось 1149 бобылей при 7243 чел. крестьянъ ⁸⁾. Само собою разумѣется, что бобыли были наемными людьми не въ современномъ, нашемъ смыслѣ слова: они работали за прокоржъ и за пользованіе усадьбой, огородомъ и т. д., платили даже оброкъ; получая для собственнаго хозяйства, какъ то иногда бывало, землю, бобыли постепенно сближались въ хозяйственномъ отношеніи съ крестьянами, чѣмъ подготовлялось въ будущемъ и юридическое объединеніе этихъ двухъ общественныхъ группъ.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., отказ. кн. № 9830, л. 52 и об.

²⁾ Тамъ же, л. 284 об.

³⁾ Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Моск. гос., очеркъ четвертый; наши Историческіе и Соціологическіе очерки, часть 2-я, стр. 280—283.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 627, лл. 1—2.

⁵⁾ Тамъ же лл. 5—6.

⁶⁾ Тамъ же, л. 12.

⁷⁾ Щепкина, Тульскій уездъ въ XVII в., стр. 92 и 93.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 156—157.

Вліяніе перехода къ денежному хозяйству и экономического кризиса на распределеніе хозяйственныхъ благъ хорошо извѣстно: эти новыя экономическія явленія сильно понизили уровень благосостоянія народной массы и, оставляя въ рукахъ крестьянъ несравненно меньшее, чѣмъ прежде, количество реальныхъ хозяйственныхъ благъ, усилили экономическое неравенство ¹⁾.

IV.

Переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному и притомъ рассчитанному на обширный рынокъ, устраненіе экономического кризиса, приспособленіе формъ землевладѣнія къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ, организація барщиннаго труда, обезпеченіе массѣ населенія необходимаго минимума средствъ существованія — вотъ тѣ трудныя и важныя задачи, которыя стояли на очереди передъ русскимъ обществомъ и государствомъ XVI-го и первой половины XVII вѣка. Въ разрѣшеніи этихъ задачъ первая роль принадлежала тому классу, хозяйственное значеніе котораго было особенно велико, — именно классу среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, а также классу городскихъ торговцевъ-скупщиковъ. Крупное землевладѣніе не могло въ то время играть опредѣляющую роль, потому что рынокъ былъ еще не настолько обширенъ, чтобы создать капиталистическое хозяйство, а народныя массы были настолько принижены экономически и настолько малосознательны, что не могли являться активной общественной силой перваго ранга. Понятно, что и социальныя отношенія сложились болѣе всего въ интересахъ средняго и мелкаго дворянства и зажиточныхъ посадскихъ людей.

Исторія социальныхъ отношеній въ Московскомъ государствѣ хорошо разработана въ специальной литературѣ. Намъ остается только резюмировать достигнутые результаты изслѣдованія, дѣлая въ то же время дополнителныя замѣчанія, касающіяся главнымъ образомъ связи общественнаго строя съ экономической жизнью.

Начнемъ съ происхожденія крѣпостнаго права на крестьянъ. Крестьяне еще въ удѣльное время стали мало-по-малу ограничиваться въ своей свободѣ перехода.

Господство земледѣлія надъ другими отраслями производства сыграло въ этомъ отношеніи опредѣляющую, главную роль. Самыя условія полевого хозяйства вызывали необходимость нѣкоторыхъ

¹⁾ Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 258—265.

ограниченій въ правѣ перехода: для обѣихъ договаривающихся сторонъ — и для землевладѣльца, и для земледѣльца — неудобно нарушеніе установленныхъ порядной грамотой отношеній въ любое, произвольно выбираемое той или другой стороной время, потому что въ такомъ случаѣ все сложное, съ такимъ трудомъ налаженное хозяйственное цѣлое разрушалось безъ всякой выгоды для кого бы то ни было. Отсюда вытекала необходимость установленія однообразнаго, постояннаго срока перехода. Такой срокъ и устанавливался въ порядныхъ, при чемъ для разныхъ мѣстностей былъ различенъ. Однако, преобладающимъ для бассейна Оки и верхней Волги срокомъ перехода былъ такъ называемый Юрьевъ день осенній (24-го ноября), когда кончались всѣ полевые работы, и ликвидация хозяйства отдѣльнаго крестьянина была наиболѣе легка. Вотъ почему Судебникъ Ивана III и установилъ, что крестьяне могутъ выходить изъ-за землевладѣльцевъ, на землѣ которыхъ они живутъ, только разъ въ годъ, — въ Юрьевъ день осенній и за недѣлю до него. При выходѣ крестьянинъ производилъ «отказъ», т.-е. дѣлалъ землевладѣльцу формальное устное заявленіе о своемъ уходѣ.

Но земледѣліе обуславливаетъ потребность крестьянина въ хозяйственныхъ и жилыхъ постройкахъ, — въ домѣ, дворѣ и надворныхъ строеніяхъ. Отсюда вытекали два весьма важныхъ послѣдствія, сильно ограничивавшихъ свободу крестьянскаго перехода. Если крестьянинъ садился на застроенный уже участокъ, т.-е. получалъ готовые, господскія постройки, онъ обязанъ былъ при уходѣ заплатить «пожилое» или «похоромное» — плату за пользованіе дворомъ, установленную Судебникомъ 1497 года въ 1 рубль за 4 года въ мѣстахъ полевыхъ и въ подтину въ мѣстахъ лѣсныхъ (не менѣе 94 и 47 рублей на наши деньги). Таково было одно послѣдствіе потребности въ хозяйственныхъ постройкахъ. Другое имѣло мѣсто тогда, когда крестьянинъ садился на пустой участокъ и обязывался его застроить. Въ этомъ случаѣ онъ получалъ отъ землевладѣльца льготу, т.-е. облегченіе въ уплатѣ оброковъ, въ отбываніи барщины и во взносѣ государевыхъ податей. Льгота давалась на извѣстный срокъ и, конечно, обязывала крестьянина не уходить въ теченіе довольно продолжительнаго времени съ арендованнаго участка. Часто для приведенія хозяйства въ исправное состояніе, «на дворовое строеніе и для пашни» крестьянинъ получалъ также «подмогу» отъ землевладѣльца, т.-е. опредѣленную денежную сумму, которая, можетъ быть, сначала и не подлежала возврату, погашалась фак-

томъ возведенія должныхъ построекъ, но, во всякомъ случаѣ, до окончанія этихъ строительныхъ работъ привязывала крестьянина къ землевладѣльцу, ограничивала свободу его перехода.

Экономическая природа земледѣлія простирала еще дальше свое воздѣйствіе на свободу крестьянскаго перехода. Кромѣ обстройки участка крестьянинъ для веденія полевого хозяйства нуждался еще въ другихъ предметахъ, требовавшихъ затраты капитала. Не имѣя послѣдняго, онъ прибѣгалъ къ займамъ у того же землевладѣльца. О заемномъ житѣ, т.-е. хлѣбѣ, и «серебрѣ», т.-е. деньгахъ, на крестьянахъ очень часто читаемъ въ духовныхъ грамотахъ XV вѣка. Рядъ актовъ того же столѣтія говоритъ, кромѣ того, объ «издѣльномъ серебрѣ», «деньгахъ въ селѣхъ въ ростѣхъ» и «ростовомъ серебрѣ». Исслѣдователи справедливо проводятъ разграничительную черту между разными видами займа. Дѣло въ томъ, что «заемное жито и серебро» сплошь и рядомъ было, выражаясь терминомъ того времени, «ссудой», т.-е. срочнымъ безпроцентнымъ займомъ, иногда даже «безкабальнымъ», т.-е. не закрѣпленнымъ «заемной кабалой», документомъ, по нашему векселю: по истеченіи срока, на который давалась ссуда, крестьянинъ возвращалъ только занятый капиталъ, не уплачивая процентовъ. Лишь при просрочкѣ уплаты ссуда превращалась въ процентный долгъ. Термины «ростовое серебро», «деньги въ селѣхъ въ ростѣхъ» указываютъ на другой видъ займа, — на заемъ, сепровождающійся уплатой процентовъ. Особой разновидностью процентнаго займа является та, которая характеризуется выраженіемъ «издѣльное серебро». Въ толкованіи этого послѣдняго термина не всѣ исслѣдователи сходятся: по мнѣнію однихъ, это — неуплаченный своевременно крестьяниномъ и потому подлежащій отработкѣ оброкъ; по другому объясненію, это — заемъ подъ будущую работу вмѣсто процентовъ. Вѣрно именно второе толкованіе, потому что въ одномъ документѣ 1450 года сказано, что «на то серебро дѣлають дѣло», да и другое названіе такого серебра — «деньги въ пашпѣ». И ссуда, и процентный долгъ, и издѣльное серебро, несомнѣнно, привязывали крестьянина къ его кредитору — землевладѣльцу, мѣшали первому уйти отъ послѣдняго, потому что, по свидѣтельствамъ источниковъ, крестьяне, отказываясь изъ-за землевладѣльцевъ, должны были «серебро заплатитъ». Мало того: неисправность въ уплатѣ долга могла привести крестьянина въ болѣе сильную зависимость отъ землевладѣльца. Судебникъ 1497 года предписывалъ выдавать неисправнаго должника кредитору «головою

до искупа», т.-е. до отработки долга. И это, действительно, произошло на практикѣ по отношенію къ неисправнымъ должникамъ крестьянамъ, какъ показываетъ одно дошедшее до насъ «судное дѣло» 1530 года.

Задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ уже во второй половинѣ XV вѣка вызвала къ жизни новую форму крестьянскаго перехода, — такъ называемый крестьянскій «вывозъ», состоявшій въ томъ, что какой-либо землевладѣлецъ, обладавшій значительными денежными средствами, платилъ за крестьянина, по соглашенію съ послѣднимъ, его долги тому лицу, на землѣ котораго крестьянинъ сидѣлъ, и увозилъ крестьянина на свою землю, при чемъ, разумѣется, перевезенный обязывался вернуть или отработать новому своему кредитору уплаченныя имъ за него деньги: «занялъ есми у такого то лица столько то денегъ и тѣ есми деньги платилъ старому своему государю, а за ростъ мнѣ у него (т.-е. у новаго кредитора) работать».

Стѣсненія крестьянскаго перехода въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время не ограничивались приведенными сейчасъ случаями. Эти случаи обнимаютъ собою всѣ главныя, основныя условія закрѣпленія. Но къ числу условій, содѣйствовавшихъ закрѣпощенію крестьянъ, принадлежали еще «старина», приписка къ тяглу и, наконецъ, спеціальныя, частныя ограниченія и стѣсненія, исходившія отъ правительственной власти. Необходимо анализировать и такія вторичныя, менѣе важныя условія.

Старина, или старожильство, какъ основаніе стѣсненія крестьянскаго перехода, стала признаваться правительствомъ только къ концу удѣльнаго періода: въ первой половинѣ XV вѣка еще позволялось перезывать въ другія имѣнія «тутошнихъ старожильцевъ». Признаками старины признавались прежде всего давность жительства крестьянина за извѣстнымъ землевладѣльцемъ, а также рожденіе за кѣмъ-либо въ крестьянствѣ и переходъ отъ одного владѣльца въ собственность другого на основаніи какой-либо сдѣлки, — данной, купчей, мѣновной, рядной записи (акта передачи въ приданое), наконецъ по наследству. Въ XIII, XIV и XV вѣкахъ мало-по-малу устанавливается мысль, что крестьяне составляютъ необходимую принадлежность имѣнія. Утвержденію такой мысли содѣйствовала, главнымъ образомъ, задолженность крестьянъ; вслѣдствіе ихъ задолженности имѣнія отчуждались вмѣстѣ съ крестьянскимъ серебромъ, т.-е. съ долгами, лежавшими на крестьянахъ, а слѣдовательно и съ

самими должниками, «со крестьяны», какъ прямо говорятъ акты отчужденія земель. Когда такимъ образомъ жизнь выработала понятіе о крестьянахъ старожильцахъ, какъ необходимой принадлежности имѣнія, землевладѣльцы на судѣ при искахъ о крестьянахъ стали указывать на незаконность вывоза старинныхъ крестьянъ, стали требовать ихъ возвращенія себѣ. И требованія эти обыкновенно удовлетворялись. Такъ принципъ давности, проистекавшій изъ той же задолженности, влекъ крестьянина въ крѣпостное состояніе.

Въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей XIV и XV вѣковъ постоянно попадаются условія, касающіяся людей черныхъ, данныхъ, письменныхъ, численныхъ или числяговъ и тяглыхъ. Все это — выраженія синонимическія. Князья обязываются въ древнѣйшихъ грамотахъ этихъ людей «блюсти сообща», потомъ «промежи себя не принимать въ свои удѣлы» и «въ службу не примати». Такимъ образомъ, письменные или данные люди, приписанные къ тяглу, т.-е. платящіе подати и отбывающіе повинности, не лишаются прямо свободы перехода, но эта свобода стѣсняется посредствомъ взаимнаго уговора князей не принимать ихъ въ свои удѣлы изъ чужихъ. Этого мало: обыкновенно и въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго княжества совершались частичныя стѣсненія перехода тяглыхъ людей: правда, весьма часто землевладѣльцамъ разрѣшалось перезывать на свои земли всѣхъ крестьянъ и тяглыхъ и нетяглыхъ; но нерѣдко встрѣчались въ этомъ отношеніи важныя ограниченія, — именно запрещалось перезывать къ себѣ данныхъ и письменныхъ людей. Въ сущности эти постановленія касались тѣхъ же старожильцевъ, потому что записанными въ тягло оказывались въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ именно они. Слѣдовательно, основнымъ источникомъ прикрѣпленія на основѣ приписки къ тяглу въ концѣ концовъ надо считать опять-таки задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ, подъ влияніемъ которой, какъ мы видѣли, сложилась и идея старожильства.

Наконецъ, въ видѣ совершенно исключительныхъ льготъ князья жаловали иногда землевладѣльцамъ право не выпускать крестьянъ изъ-за себя: по грамотамъ второй половины XV вѣка такое право было, напр., дано великимъ княземъ Василиемъ Темнымъ Троицкому-Сергіеву монастырю по отношенію къ его вотчинамъ въ двухъ уѣздахъ—Бѣжецкомъ и Углицкомъ.

Въ предшествующемъ изложеніи передъ нами послѣдовательно и постепенно выступили на видѣ всѣ отдѣльныя новообразованія, по-

степенно подготовлявшія закрѣпощеніе крестьянъ. Сводя въ одно цѣлое эти новообразованія, отыскивая изъ генетическую основу, ту главную силу, которая ихъ создала, мы видимъ, что этой силой является господствовавшая на сѣверо-востоцѣ удѣльной Руси отрасль промышленности — земледѣліе — при сохраненіи натуральнаго хозяйства.

Въ этой силѣ въ XVI и XVII вѣкахъ присоединились еще новыя, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи и исходившія изъ той же области хозяйственныхъ отношеній.

Задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ увеличилась въ чрезвычайной степени, такъ какъ кромѣ старой потребности въ земледѣльческомъ капиталѣ она питалась еще переходомъ къ денежному хозяйству, особенно обострившимъ нужду въ деньгахъ, которыхъ вообще было мало и повергавшимъ нерѣдко крестьянина въ крайне бѣдственное, критическое положеніе, потому что приходилось перестраивать всю хозяйственную жизнь на совершенно новыя основанія, а маломощному хозяину выполнить эту задачу совершенно невозможно безъ посторонней помощи. Въ томъ же направленіи дѣйствовало и другое обстоятельство — необходимость платить денежные государственные налоги и денежные владѣльческіе оброки.

Уже все это дѣлало крестьянскую задолженность чрезмѣрной, непосильной, крайне обременительной. Но этого мало: она стала совершенно безнадежной, крестьянинъ сдѣлался неоплатнымъ должникомъ вслѣдствіе того, что произошелъ извѣстный уже намъ экономическій кризисъ, повлекшій за собою крайнее разореніе крестьянъ, невыгодное для нихъ распредѣленіе хозяйственныхъ благъ. Крестьянину нечѣмъ стало расплатиться и фактически онъ лишился возможности свободно уйти отъ землевладѣльца, у котораго онъ жилъ.

Землевладѣлецъ между тѣмъ былъ весьма сильно заинтересованъ въ томъ, чтобы превратить крестьянина въ постоянного работника на своей барской пашнѣ: вѣдь эта пашня расширялась параллельно развитію денежнаго хозяйства, росту спроса на продажный хлѣбъ на рынокъ, и для ея обработки необходимъ былъ постоянный рабочій контингентъ. Отсюда обострилось у землевладѣльцевъ желаніе не только фактически, но и юридически прикрѣпить къ себѣ крестьянъ.

Идея юридическаго прикрѣпленія окончательно созрѣла и воплотилась въ дѣйствительность благодаря вліянію кабалнаго холопства. Матеріальное положеніе крестьянина и кабалнаго холопа было тождественно: и тотъ и другой были неоплатными должниками. Остава-

лось сблизить ихъ юридически: такъ какъ кабалный холопъ, вслѣдствіе безнадежной задолженности, терялъ свободу, то, очевидно, и крестьянинъ, такой же неоплатный должникъ, долженъ былъ сдѣлаться крѣпостнымъ.

И вотъ въ договорахъ крестьянъ съ землевладѣльцами (порядныхъ грамотахъ), начиная со второй четверти XVII вѣка, появляются условія о прикрѣпленіи. Эта практика гражданскихъ договоровъ, спорадически устанавливавшая крѣпостное право на отдѣльныхъ крестьянъ, была санкціонирована и возведена въ общую норму въ Уложеніи 1649 года ¹⁾.

Такъ какъ ясно, что и безнадежная задолженность крестьянъ, и потребность въ рабочихъ для обработки барской пашни, и кабалное холопство были созданы общими экономическими условіями XVI—XVII вѣковъ, то и необходимо признать тѣснѣйшую связь положенія крестьянскаго сословія съ этими экономическими условіями, характеризованными выше, именно съ развитіемъ денежнаго хозяйства, съ ростомъ барской запашки, съ экономическимъ кризисомъ, съ неблагоприятнымъ для крестьянства распределеніемъ хозяйственныхъ благъ.

Безъ сомнѣнія, при этомъ сказались также и интересы землевладѣльческаго класса—дворянства. Но нельзя забывать и того, что въ одномъ отношеніи крѣпостное право шло навстрѣчу настоятельной потребности крестьянской массы,—потребности въ матеріальной поддержкѣ, которая спасла бы крестьянство отъ голодной смерти въ годы неурожая и вообще помогла бы ему пережить тяжелый переходный моментъ перестройки всего своего быта съ натурально-хозяйственной основы на основу денежно-хозяйственную, по крайней мѣрѣ отчасти. Вѣдь владѣлецъ крѣпостныхъ крестьянъ былъ заинтересованъ въ сохраненіи ихъ жизни и минимума средствъ существованія, потому что нуждался въ рабочихъ и въ доходахъ со своей земли. Потому онъ и оказывалъ своимъ крестьянамъ необходимую для нихъ матеріальную поддержку.

Чтобы закончить объясненіе генезиса крѣпостныхъ отношеній, остается указать, что хозяйственными условіями объясняется и са-

---

¹⁾ Ср. Блючевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи—въ „Русск. Мысли“ за 1885 г., №№ 8 и 10; Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Моск. гос.; Лаппо-Данилевскій, Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Моск. гос. XVI—XVII вв.; наше Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.

мая юридическая природа крестьянской крѣпости въ Россіи. Тогда какъ западно-европейскій вилланъ XIII—XV вѣковъ былъ крѣпокъ землѣ, т.-е. ни онъ самъ не могъ уйти со своего участка, ни землевладѣлецъ не могъ оторвать его отъ этого участка, перевести въ другое мѣсто или продать, заложить и т. д. безъ земли, — нашъ русскій крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ личности землевладѣльца, т.-е. землевладѣлецъ могъ переводить крестьянъ въ дворовые, переселять ихъ съ однѣхъ земель на другія и продавать и закладывать безъ земли¹⁾. Это глубокое и важное различіе объяснимо лишь экономически. Европа XIII—XV вѣковъ переживала періодъ денежнаго хозяйства, съ небольшимъ, мѣстнымъ, узкимъ рынкомъ, такъ что каждая страна разбилась на экономически замкнутыя небольшія области. Если бы можно было переводить изъ одной области въ другую или продавать и закладывать крестьянъ, то возникла бы большая опасность для всей области: не хватило бы рабочихъ рукъ, и грозилъ бы голодъ и моръ, такъ какъ экономическаго общенія съ другими областями почти не было. Отсюда и являлась необходимость прикрѣпленія къ землѣ. Напротивъ, у насъ такое прикрѣпленіе къ землѣ непременно дурно отразилось бы на экономическихъ интересахъ страны: оно сдѣлало бы населеніе недвижимымъ, лишило бы возможности приспособляться къ требованіямъ на рабочія руки въ разныхъ мѣстахъ, а подвижность и возможность такого приспособленія вызывалась тѣмъ, что денежное хозяйство въ Россіи XVI—XVII вѣковъ было рассчитано на обширный рынокъ.

У.

Не одно крестьянство, всѣ другія группы русскаго общества XVI и первой половины XVII вѣка испытывали на себѣ тяжесть отиженнѣхъ выше хозяйственныхъ задачъ: всѣмъ надо было перейти хотя отчасти къ денежному хозяйству съ обширнымъ рынкомъ, приспособить къ новымъ порядкамъ формы землевладѣнія, развитъ барщинное хозяйство, избавиться отъ кризиса. Невозможно было выполнить все это, дѣйствуя врозь и обходясь безъ помощи государственнаго аппарата. Отсюда и произошли два важныхъ послѣдствія: во-первыхъ, сословная организація общества, — каждое сословіе должно было объединять усилія отдѣльныхъ своихъ членовъ въ обезпеченіи

¹⁾ Ключевскій, Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи—въ „Русскіи“ за 1885 г., № 8, стр. 7—8.

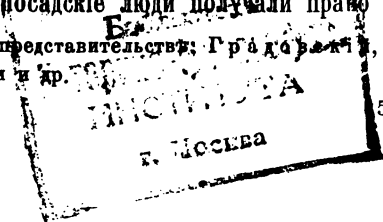
ихъ классовыхъ интересовъ, во-вторыхъ, устройство прочнаго государственнаго союза для содѣйствія отдѣльнымъ сословіямъ въ ихъ работѣ, при чемъ всѣ сословія должны были для упроченія государства, столь для нихъ необходимаго, исполнять по отношенію къ нему извѣстныя обязанности, весьма тяжелыя, должны были сдѣлаться крѣпостными государства, безъ чего послѣднее не могло бы выполнить лежавшую на немъ задачу, продиктованную опять-таки классовыми интересами господствовавшихъ общественныхъ группъ.

Такъ получились сословность и крѣпостничество—двѣ отличительныхъ черты социальныхъ отношеній въ Московской Руси. Специальная литература хорошо выяснила эти черты¹⁾, и намъ остается только воспользоваться ея пріобрѣтеніями, чтобы иллюстрировать высказанное общее положеніе.

Дворянство было заинтересовано въ томъ, чтобы имѣть землю и владѣть крѣпостными крестьянами. То и другое были необходимыми условіями его существованія. То и другое и было пріобрѣтено и удержано имъ съ помощью государства. Но чтобы эта помощь имѣлась на лицо, необходимо было организовать государство, создать для него матеріальную силу. Часть этой задачи—военную защиту государства—дворянство взяло на себя, и съ этою цѣлью были созданы уѣздныя корпораціи дворянства, выбиравшія окладчиковъ, которые, подъ предѣлательствомъ назначеннаго изъ Москвы разборщика, верстали дворянъ на службу, назначали имъ оклады, производили смотры, дѣлили служилыхъ людей на статьи сообразно достатку, назначали каждой статьѣ опредѣленное вооруженіе и т. д. Замѣчательно, что эта корпоративная организація служила интересамъ по преимуществу средняго и мелкаго дворянства: для него было особенно важно, чтобы богатые бояре и окольные не наваливали всей тяжести военной службы на дворянскую массу; окладчики и должны были предотвратить это.

Той же потребностью защиточнаго посадскаго населенія избавиться отъ крайней эксплуатаціи со стороны богатѣйшаго купечества въ смыслѣ неравномѣрнаго распределенія «тягла», т. е. податей и повинностей, объясняется институтъ выборныхъ посадскихъ старостъ и цѣловальниковъ, обязанныхъ раскладывать и собирать налоги и наблюдать за правильнымъ исполненіемъ повинностей. Неся тягло въ пользу государства, посадскіе люди получали право и воз-

¹⁾ Чичеринъ, О народномъ представительствѣ: Градоначальствъ, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи и др.

возможность, благодаря помощи со стороны послѣдняго, развивать болѣе или менѣе широкія торговыя сношенія, расширять свою коммерческую дѣятельность.

Все изложенное въ настоящей главѣ можетъ быть формулировано такимъ образомъ въ слѣдующихъ общихъ выводахъ:

1. Въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII вѣка начало утверждаться денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ.

2. Въ то же время наблюдается рѣзко выраженный экономическій кризисъ въ главныхъ областяхъ государства.

3. Для того, чтобы преодолѣть этотъ кризисъ и успѣшно справиться съ переходомъ отъ натурального хозяйства къ денежному, русское общество XVI—XVII вѣковъ сомкнулось въ крѣпостныя сословія.

4. Крѣпостничество приняло особенно рѣзкія формы по той главнымъ образомъ причинѣ, что русское денежное хозяйство того времени рассчитано было на крупный рынокъ, на обширный сбытъ продуктовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Организація подчиненнаго управленія въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII вѣка.

I.

Подчиненное управленіе—областное и центральное—уже въ концѣ удѣльнаго періода стало подвергаться крупнымъ измѣненіямъ, и эти измѣненія усилились въ изучаемое нами время.

Исторія мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ привлекала къ себѣ большое вниманіе изслѣдователей и принадлежитъ поэтому къ числу наиболѣе разработанныхъ вопросовъ въ русской исторіи. Резюмируя результаты научной работы и дѣлая къ нимъ нѣкоторыя дополнительные замѣчанія и поправки, мы характеризуемъ послѣдовательную смѣну административныхъ формъ и укажемъ роды дѣлъ, подвѣдомственныхъ разнымъ должностнымъ лицамъ.

Необходимо при этомъ вернуться къ удѣльному времени и остановиться на вѣдомствѣ важнѣйшихъ органовъ областного управленія—намѣстниковъ (въ уѣздахъ) и волостелей (въ волостяхъ).

Обратимъ прежде всего вниманіе на финансовую компетенцію намѣстниковъ и волостелей. Въ нашей исторической литературѣ

до недавняго времени большой популярностью пользовалось мнѣніе, что намѣстники удѣльнаго періода пользовались въ предѣлахъ территоріи, имъ подчиненной, всею полнотою княжеской власти¹⁾. Но несомнѣнно, что такой полнотой власти намѣстники не обладали. Это прежде всего и, быть-можетъ, даже въ наибольшей мѣрѣ относится къ финансовой компетенціи намѣстниковъ. Намъ уже извѣстно, что нормативно-финансовая дѣятельность — установленіе новыхъ налоговъ и пошлинъ и дарованіе податныхъ льготъ — выходила уже изъ круга вѣдѣнія областной администраціи. Далѣе, еще въ концѣ XI вѣка, т.-е. въ кievскій періодъ, существовали на Руси особые «данники», собиравшіе прямые налоги того времени; слѣдовательно уже историческіе предшественники удѣльныхъ намѣстниковъ, посадники, были отстранены отъ одной изъ важнѣйшихъ функций финансового управленія; это же приходится повторить и о намѣстникахъ, такъ какъ и въ удѣльный періодъ мы постоянно встрѣчаемся съ особыми «данщиками»²⁾, тождественными, очевидно, съ болѣе древними данниками. Наконецъ, какъ будетъ сейчасъ указано, распределеніе населенія по окладнымъ единицамъ и раскладка податей производились также еще въ началѣ удѣльнаго періода особыми спеціальными органами управленія. Спрашивается: что же остается изъ всей обширной области государственнаго хозяйства на долю намѣстниковъ? Древнѣйшій отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ въ духовной грамотѣ московскаго великаго князя Семена Гордаго 1353 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «а хто моихъ бояръ иметь служити у моее княгини, а волости имуть вѣдати, дають княгинѣ моеи прибытка половину»³⁾. Итакъ, полученіе «прибытка» и передача половины этого прибытка князю — вотъ въ чемъ состояли финансовыя функціи намѣстника въ XIV вѣкѣ. Прибытокъ, какъ показываютъ позднѣйшія уставныя грамоты, а также и только что изложенныя соображенія, слагался, во-первыхъ, изъ корма намѣстника, получаемаго имъ прямо отъ населенія, во-вторыхъ, изъ нѣкоторыхъ торговыхъ пошлинъ, въ-третьихъ, изъ пошлинъ судебныхъ и, наконецъ, въ-четвертыхъ, изъ свадебныхъ пошлинъ⁴⁾. За недостаткомъ данныхъ, трудно су-

¹⁾ См., напр., Дмитріевъ, Сочиненія, томъ I, М. 1899, стр. 10—14.

²⁾ Акты Археогр. Эксп., томъ I, №№ 196 и 204; Доп. къ Актамъ Ист. рич., т. I, № 33.

³⁾ Собр. Госуд. Грамотъ и Договоровъ, томъ I, № 24.

⁴⁾ Акты Археогр. Эксп., т. I, №№ 123, 134, 144, 181, 230; Акты Ист. т. I, №№ 105 и 153.

дять, пасколькo до конца XV вѣка были точно фиксированы размѣры всѣхъ этихъ доходовъ; вѣроятнѣ всего, кормъ не былъ точно опредѣленъ—не даромъ и позднѣе при вступленіи намѣстника въ должность давали «кто что принесетъ»,—но судебныя, торговыя и свадебныя пошлины, надо думать, рано получили числовое опредѣленіе, потому что слѣды этого можно наблюдать уже въ кievскій періодъ; напр., въ «Русской Правдѣ». Впрочемъ, взиманіе доходовъ по «списку» вообще уже установилось въ XV вѣкѣ¹⁾. Извѣстно также, что въ XV и XVI вѣкахъ кормы намѣстниковъ собирались не ими непосредственно, а старостами, которые и передавали ихъ по принадлежности. Такъ какъ старостамъ въ болѣе древнее время соответствовали сотскіе, несомнѣнно, какъ скоро увидимъ, имѣвшіе отношеніе къ сбору налоговъ, то слѣдуетъ думать, что это ограниченіе намѣстничьей власти не было позднѣйшимъ фактомъ, а относилось и къ началу удѣльнаго періода.

Такимъ образомъ уже въ началѣ удѣльнаго періода и тѣмъ болѣе въ его серединѣ, до XV вѣка, финансовая компетенція намѣстниковъ не была всеобъемлюща, можно даже сказать, что предѣлы ея не были особенно широки.

Несравненно обширнѣе была судебная власть намѣстниковъ. Говоря вообще, можно признать эту власть въ извѣстной территоріи совершенно неограниченной: намѣстникъ судилъ въ городѣ и станахъ, къ нему тянувшихъ, по всѣмъ дѣламъ безъ исключенія, гражданскимъ и уголовнымъ, даже, вѣроятно, и по тѣмъ преступленіямъ, которыя теперь называютъ государственными. До конца XV вѣка незамѣтно ограниченій судебной власти намѣстниковъ въ этомъ отношеніи. Такъ называемый «докладъ» князю, т.-е. перенесеніе дѣла по собственной волѣ намѣстника на княжескій судъ, былъ вовсе не обязателенъ, и не былъ опредѣленъ сколько-нибудь точно кругъ дѣлъ, подлежащихъ докладу: все зависѣло тутъ отъ усмотрѣнія самого намѣстника. Конечно, одна изъ тяжущихся сторонъ могла принести по всякому дѣлу жалобу князю на приговоръ намѣстника и даже начать всякое дѣло непосредственно передъ княземъ, минуя намѣстника, потому что не былъ установленъ порядокъ инстанцій. Чтобы завершить характеристику судебной власти намѣстниковъ, надо прибавить къ сказанному, что въ волостяхъ, гдѣ управляли волостели, въ дворцовыхъ селахъ, гдѣ были свои дворцовые волостели и поселскіе, и

¹⁾ Акты, изд. г. Юшковымъ, №№ 73, 85, 135.

въ вотчинахъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ—духовныхъ и свѣтскихъ—намѣстникамъ принадлежалъ судъ обыкновенно только по самымъ важнымъ, такъ называемымъ «губнымъ» дѣламъ (отъ слова «губить»), именно по дѣламъ о душегубствѣ (убійствѣ), разбоѣ и татѣбѣ съ поличнымъ (т.-е. кражѣ, при которой воръ пойманъ на мѣстѣ преступленія). Иногда здѣсь юрисдикція намѣстниковъ была даже уже, касалась только дѣлъ о душегубствѣ. Сами волостели, поселскіе, землевладѣльцы и ихъ приказчики были изъяты изъ подсудности намѣстниковъ и судились непосредственно у самого князя, или у кого онъ прикажетъ въ каждомъ данномъ случаѣ ¹⁾.

Второстепенное значеніе имѣютъ другія функціи намѣстниковъ. Сюда относятся, во первыхъ, нѣкоторыя дѣла, получившія вполнѣ названіе «разрядныхъ» и, во-вторыхъ, немногочисленные и несложныя полицейскія обязанности. Что касается разрядныхъ дѣлъ, то прежде всего надо указать здѣсь на снаряженіе людей на военную службу, а затѣмъ на назначеніе намѣстниками тиуновъ, доводчиковъ, праветчиковъ, пошлинниковъ и пятенщиковъ ²⁾. Всѣ эти лица, значеніе которыхъ будетъ скоро выяснено, были «людьми» намѣстника, т.-е. назначались имъ изъ числа его собственныхъ холоповъ и дѣйствовали по его порученіямъ. Они служили не государству, а своему господину. Изъ полицейскихъ обязанностей существовали только такія, которыя возникали по специальному каждый разъ распоряженію князя; таковы: починка строеній на ямахъ, т.-е. почтовыхъ станціяхъ, отмѣрка земли къ тѣмъ же ямамъ ³⁾, чистка дорогъ и починка и постройка мостовъ ⁴⁾, исполненіе судебныхъ рѣшеній князя и его ближайшихъ помощниковъ ⁵⁾. Ни одного изъ этихъ дѣлъ намѣстникъ не предпринималъ по собственной инициативѣ. Это была самая слабая и наименѣ развитая, вполнѣ рудиментарная отрасль его дѣятельности.

Волостель былъ совершенно подобенъ намѣстнику, только его власть распространялась на одну лишь волость, въ которой при томъ, какъ было сказано выше, губныя дѣла вѣдалъ не волостель, а намѣстникъ.

---

1) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 123, 134, 144, 187, 230; Акты Ист., т. I, №№ 105, 153.

2) Тамъ же.

3) Акты Арх. Эксп., т. I, № 156.

4) Тамъ же.

5) Доп. къ Актамъ Историч., т. I, № 51, II и III.

Ближайшими помощниками намѣстниковъ и волостелей были ихъ тѣуны, вершавшіе по ихъ порученію судъ и получавшіе съ населенія кормъ и извѣстную долю въ судебныхъ пошлинахъ.

Судебно-полицейское значеніе имѣли доводчики и праветки или пристава, иногда называвшіеся также подвойскими. Доводчики ставили къ суду отвѣтчиковъ или давали ихъ на поруки, т.-е. обязывали явиться на судъ и требовали поручительства нѣсколькихъ лицъ въ этой явкѣ. Праветчики, пристава или подвойскіе наблюдали за порядкомъ во время судоговоренія и исполняли судебныя рѣшенія. Они получали поборы, соотвѣтствовавшіе по значенію кормамъ намѣстниковъ, волостелей и тѣуновъ, особыя пошлины за исполненіе своихъ специальныхъ обязанностей—«хоженое», если порученіе имъ давалось въ городѣ, и «ѣздъ», если приходилось ѣхать въ уѣздъ, станъ или волость и, наконецъ, долю въ нѣкоторыхъ судебныхъ пошлинахъ ¹⁾.

Помощниками намѣстниковъ и волостелей въ финансовыхъ дѣлахъ были назначаемые ими изъ своихъ людей пошлинники и пятенщики; первые собирали всѣ вообще пошлины, поступавшіе въ пользу областной администраціи, вторые собирали специальную пошлину, взимающуюся при продажѣ лошадей,—такъ называемое «пятно», получившее свое названіе отъ того, что продававшуюся лошадь «пятнали», т.-е. налагали на нее клеймо. Кто стремился обойти это правило и уклониться отъ уплаты пятна, тотъ подвергался особому штрафу, называвшемуся «пропятенье» и собиравшемуся также пятенщикомъ ²⁾.

Намъ нечего прибавлять къ сказанному о вѣдомствѣ и значеніи данщиковъ и мытниковъ.

Чтобы заключить рѣчь о характерныхъ, типичныхъ чертахъ областного управленія въ удѣльной сѣверо-восточной Руси, остается сказать нѣсколько словъ объ участіи въ этомъ управленіи выборныхъ отъ населенія,—старость или сотскихъ, десятскихъ и добрыхъ людей. Сотскихъ, которые хронологически предшествовали старостамъ, нѣкоторые изслѣдователи склонны выводить изъ татарскаго вліянія, которому приписываютъ также при этомъ и образованіе волостной тяглою организаціи—волости или сотни ³⁾. Едва ли, однако,

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 143, 150, 183, 324, Акты Ист., т. I, № 137.

²⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 123, 144.

³⁾ Миллюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго госуд., стр. 20—21.

можно согласиться съ такимъ взглядомъ, потому что сотскіе и десятскіе существовали и въ кievской Руси и въ Новгородѣ совершенно независимо отъ татарскаго вліянія и гораздо раньше татарскаго ига. Они были представителями верви, волости, міра, общины. Мы видѣли уже, что сотскіе или старосты и добрые люди раскладывали и собирали намѣстничьи, волостелинскіе и тіуновы кормы, а также поборы праветчиковъ и доводчиковъ; они же производили раскладку и сборъ другихъ податей. Они, несомнѣнно, участвовали также въ судѣ намѣстниковъ и волостелей, были свидѣтелями всего, здѣсь происходящаго, слѣдили за правильностью процесса и интересами сторонъ, были носителями юридическаго обычая. Что такъ было съ начала удѣльнаго періода—это видно изъ упоминанія о нихъ въ одномъ судномъ дѣлѣ XIV вѣка. Наконецъ, сотскіе или старосты и десятскіе вѣдали нѣкоторыя полицейскія дѣла: они вывозили крестьянъ въ черныя волости съ соблюденіемъ установленныхъ условій¹⁾, оберегали населеніе «отъ лихихъ людей, татей и разбойниковъ» и т. д.

Характеръ кормленія, столь свойственный намѣстникамъ и волостелямъ, постепенно переставалъ соответствовать интересамъ общества и государства: общество, по мѣрѣ усложненія житейскихъ отношеній, стало нуждаться въ такихъ органахъ власти, которые ближе входили бы въ интересы населенія, а не обращали бы все свое вниманіе на собственные доходы; правительство, съ ростомъ государственныхъ потребностей, не могло удовлетвориться кормленщиками, которые «своего прибытка смотрѣли», почти не заботясь о прибыткѣ государственномъ. И вотъ съ конца XV вѣка власть и значеніе намѣстниковъ и волостелей подвергаются постепенному ограниченію, мѣстами даже и вполне уничтожаются. Прежде всего правительство рядомъ уставныхъ грамотъ точно опредѣляетъ, подвергаетъ отверженію размѣры кормовъ и поборовъ, идущихъ съ населенія въ пользу намѣстниковъ и волостелей: такъ, намѣстникъ сталъ получать въ видѣ корма на Рождество Христово съ каждой сохи полоть мяса или 2 алтына, 10 хлѣбовъ или 10 денегъ, бочку овса или 10 денегъ, возъ сѣна или 2 алтына, на Петровъ день—барана или 8 д. и 10 хлѣбовъ или 10 денегъ, на Пасху—полоть мяса и 10 хлѣбовъ¹⁾. Вслѣдъ за ограниченіемъ произвола кормленщиковъ въ ихъ поборахъ съ населенія правительство сдѣлало второй шагъ въ

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 123, 134, 144, 181, 230; Акты Истор., т. I, №№ 105 и 153.

дѣлѣ лишенія ихъ прежней полноты власти: оно раздѣлило всѣхъ намѣстниковъ на два разряда,—одни остались при прежнихъ обширныхъ судебныхъ полномочіяхъ или, какъ говорили тогда, имѣли «судъ съ правдою», «держали кормленіе съ боярскимъ судомъ», другіе были сильно ограничены въ своихъ судебныхъ функціяхъ,—имѣли «судъ безъ правды», «держали кормленіе безъ боярскаго суда». Въ нашей исторической литературѣ не достигнуто согласіе въ объясненіи этихъ выраженій; обыкновенно, впрочемъ, судъ съ правдою не отождествляютъ съ боярскимъ судомъ и кормленіе безъ боярскаго суда не сближаютъ съ судомъ безъ правды, а боярскій судъ понимаютъ въ смыслѣ суда по дѣламъ о холопствѣ ¹⁾. Если бы даже и эти толкованія были вѣрны, все-таки не подлежало бы, значить, сомнѣнію сокращеніе судебной компетенціи нѣкоторыхъ намѣстниковъ. Но, какъ показываетъ Судебникъ Ивана III, боярскимъ судомъ назывался не только судъ о холопствѣ, но судъ по всѣмъ дѣламъ, производившійся боярами, находившимися въ Москвѣ, т.-е. лицами, принадлежавшими къ составу центральной администраціи; это видно изъ сопоставленія того мѣста Судебника, гдѣ говорится: «а съ великаго князя суда и съ дѣтей великаго князя суда имати на виноватомъ по тому же, какъ съ боярскаго суда, съ рубля по 2 алтына, кому князь великій велить»,—со словами: «а имати боярину и діаку въ судѣ отъ рублеваго дѣла боярину на виноватомъ 2 алтына, а діаку 8 денегъ» ²⁾. Бояре и дьяки въ Москвѣ судили по всевозможнымъ дѣламъ. Слѣдовательно, и намѣстники съ боярскимъ судомъ судили по всѣмъ дѣламъ. Если въ Судебникѣ особо упоминается о подсудности только имъ, а не намѣстникамъ безъ боярскаго суда, дѣлъ о холопствѣ, то лишь потому, что по этому пункту существовало особое сомнѣніе въ практикѣ. Намѣстники съ боярскимъ судомъ имѣли право не только производить слѣдствіе и вести судовореніе, но и постановлять приговоръ и выдавать «правыя грамоты», документы, обеспечивавшіе права той стороны, которая оказалась на судѣ правой, и дававшіе ей право требовать исполненія приговора: это и называлось «судомъ съ правдой» ³⁾. Напротивъ, намѣстники безъ боярскаго суда не судили ни

1) Дмитріевъ, Сочиненія, томъ I, стр. 18—19; Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 120—123.

2) Акты Историч., т. I, № 105.

3) Акты г. Юшкова, №№ 56, 59, 60, 64, 72, 74, 87, 95, 99, 122, 123, 125, 147.

по какимъ дѣламъ, производили лишь слѣдствіе, а дѣла разбирались и вершились до конца въ Москвѣ: это и называлось «судомъ безъ правды». Такъ сильно къ концу XV в. ограничена была судебная компетенція нѣкоторыхъ намѣстниковъ и волостелей: отживавшія учрежденія постепенно теряли свое значеніе.

Дѣло не ограничилось всѣмъ этимъ: въ первой половинѣ XVI вѣка сдѣланы были двѣ важныхъ попытки дальнѣйшаго стѣсненія власти всѣхъ намѣстниковъ и даже частичнаго ихъ уничтоженія. Мы разумѣемъ здѣсь появленіе городскихъ приказчиковъ и учрежденіе губныхъ старостъ съ цѣловальниками. Въ XVI вѣкѣ въ цѣломъ рядѣ городовъ все чаще и чаще по мѣрѣ приближенія къ половинѣ столѣтія встрѣчаются вмѣсто намѣстниковъ городовые приказчики. Какъ показываетъ самое названіе, это были органы хозяйственнаго происхожденія, совершенно подобны приказчикамъ и посельскимъ, вѣдавшимъ всегда отдѣльныя княжескія имѣнія и села. Городовые приказчики представляли собою, слѣдовательно, органъ хозяйственнаго управленія, перенесенный въ болѣе обширное, чѣмъ прежде, территоріальное цѣлое ¹⁾. Оригинальной чертой ихъ было то, что они выбирались дѣтми боярскими извѣстнаго уѣзда изъ своей среды. Насъ не должна, однако, смущать эта примѣсь выборнаго начала: она вовсе не превращала городского приказчика въ органъ мѣстнаго самоуправленія, потому что онъ зависѣлъ всецѣло не отъ избирателей, которые ни въ чемъ его не могли контролировать, а отъ центральнаго правительства: выбирая городского приказчика, дѣти боярскія извѣстнаго уѣзда исполняли ту же наложенную на нихъ правительствомъ функцію, какую выполняли крестьяне, выбирая своихъ земскихъ старостъ, — они просто ручались за благонадежность избраннаго. Въ вознагражденіе за свою службу городовые приказчики получали уже не кормъ, а помѣстья. Вѣдомство ихъ, прежде всего, касалось финансовъ: они разверстывали повинности по сохамъ, правили подати; подобно намѣстникамъ, городовые приказчики вѣдали и судъ ²⁾. Несостоятельность системы кормленій еще сильнѣе и рѣзче выразилась при введеніи губныхъ учреждений. Губныя грамоты, т.-е. правительственные акты, учреждавшіе губныхъ старостъ съ цѣловальниками въ различныхъ отдѣльныхъ областяхъ, стано-

¹⁾ Чичеринъ, Областные учрежденія Россіи въ XVII в., стр. 49. 51.

²⁾ Дьяконовъ, Городовые приказчики, — въ „Журналъ Мин. Народ. Просв.“ за 1900 г., № 1.

вятся намъ извѣстными съ 1539 года ¹⁾ и констатируютъ фактъ умноженія разбоевъ, убійствъ и кражъ, безсилія намѣстниковъ, волостелей и спеціально посылаемыхъ изъ Москвы «обыщиковъ» справиться съ ними и ходатайствъ со стороны населенія о позволеніи поставить изъ своей среды особыхъ выборныхъ лицъ для полицейскаго надзора и суда по важнѣйшимъ уголовнымъ («губнымъ» отъ «губить») дѣламъ. Органами губного управленія были губные старосты, губные дѣловальники (=присяжные: они «дѣловали крестъ», т.-е. присягали), сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе. Старосты выбирались непременно изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, остальные изъ всѣхъ классовъ общества, но выборы всѣхъ органовъ губного управленія производились всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ. Сотскіе (надъ каждымъ 100 дворами), пятидесятскіе (надъ 50-ю) и десятскіе (надъ 10-ю) вѣдали исключительно полицейскій надзоръ: осматривали и записывали всѣхъ пріѣзжихъ, «обыскивали въ правду» о ихъ состояніи и благонадежности и т. д. На обязанности старостъ и дѣловальниковъ лежали слѣдствіе, судъ и наказаніе разбойниковъ, убійць и воровъ («татей»). Дѣлопроизводствомъ завѣдывалъ особый выборный секретарь—губной дьякъ. Такимъ образомъ самая важная отрасль судебной дѣятельности отошла изъ вѣдомства кормленщиковъ ²⁾.

Вторая половина XVI вѣка принесла съ собою новыя измѣненія въ областномъ управленіи, опять-таки тѣсно связанныя съ хозяйственными условіями времени и съ соотношеніемъ общественныхъ силъ.

Въ обществѣ, живущемъ при условіяхъ натурального хозяйства, борьба за существованіе направлена главнымъ образомъ къ побѣдѣ надъ природой и въ меньшей степени касается отношеній между людьми и общественными группами. Когда начинаетъ выступать на первый планъ денежное хозяйство, дѣло существеннымъ образомъ мѣняется: обостряются классовыя противорѣчія, и вопросъ объ обладаніи матеріальными благами и о борьбѣ за эти блага становится основнымъ, кардинальнымъ. Соотвѣтственно этому увеличивается число преступленій противъ имущественныхъ правъ, и формируются новыя, болѣе сложныя гражданско-правовыя отношенія. Отсюда является, особенно у правящихъ классовъ—землевладѣльцевъ и капиталистовъ, настоятельная потребность въ развитіи административно-судебныхъ

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, № 187.

²⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 187, 192, 194, 224, 330; Доп. къ Акт. Ист., т. I, № 31.

органовъ, которые въ достаточной мѣрѣ ограждали бы ихъ права и особенно имущественныя отъ покушеній со стороны неимущаго, угнетеннаго меньшинства. Судъ и полиція должны быть поставлены на стражѣ интересовъ господствующихъ классовъ.

Усложнившіяся задачи управленія требуютъ большихъ матеріальныхъ, главнымъ образомъ, уже денежныхъ средствъ. Необходимо усиленное развитіе государственнаго хозяйства, а слѣдовательно и организація финансовой администраціи. Все это осложняется еще обостренной потребностью землевладѣльцевъ-дворянъ въ денежныхъ средствахъ, которыя они пытаются также получить отчасти черезъ посредство государства, какъ вознагражденіе за отправляемую ими государственную службу.

Изъ этихъ условій послѣдовательно и постепенно и вышли реформы мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ второй половины XVI вѣка и первый половины XVII столѣтія.

Первая изъ этихъ реформъ—такъ называемое земское самоуправленіе царя Ивана Грознаго. Исслѣдователи справедливо полагаютъ, что первое проявленіе идеи земскаго самоуправленія, замѣняющаго кормленія, надо искать въ земскомъ соборѣ 1550 года ¹⁾. Повидимому, тогда рѣшено было испытать на практикѣ, въ жизни примѣнимость этой идеи, не придавая ей общаго характера, не распространяя начала самоуправленія на всю страну. До насъ дошли двѣ уставныхъ земскихъ грамоты, представляющія собою уцѣлѣвшіе остатки тѣхъ частичныхъ опытовъ, которые производило тогда правительство: это Плесская грамота 28 февраля 1551 г. ²⁾ и Важская грамота 21 марта 1552 г. ³⁾ Въ 1552 г. боярской думѣ было поручено рассмотреть вопросъ о кормленіяхъ, и 8 ноября 1552 г. „кормленіями государь пожаловалъ всю землю“, а въ 1555 г. былъ изданъ окончательный указъ объ этомъ, который впрочемъ, повидимому, не распространялъ реформы принудительно на все государство, а предоставлялъ отдѣльнымъ мѣстностямъ на выборъ оставаться при старыхъ порядкахъ или переходить къ самоуправленію. Это видно изъ того, что никогда земское самоуправленіе царя Ивана Грознаго не имѣло повсемѣстнаго распространенія въ Россіи.

Уставныя земскія грамоты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ

1) Дьяконовъ, Дополнительныя свѣдѣнія московскихъ реформъ половины XVI в., въ «Журн. Мин. Нар. Прав.» за 1894 г., апрѣль, стр. 192.

2) Тамъ же стр. 191.

3) Акты Арх. Экс., т. I, № 234.

томъ, что земское самоуправленіе введено было подъ вліяніемъ тѣхъ именно хозяйственныхъ и социальныхъ причинъ, о которыхъ говорено выше; онѣ отмѣчаютъ, что новыя учрежденія вводятся, потому что 1) посады и деревни „запустѣли“ отъ поборовъ намѣстниковъ, волостелей и подчиненныхъ имъ людей 2), они „запустѣли“ также „отъ лихихъ людей, отъ татей, и отъ разбойниковъ, и отъ костарей“ 3), намѣстникамъ и волостелямъ „посадскіе и волостные люди подъ судъ и на поруки не даются и кормовъ имъ не платятъ и ихъ бьютъ“ 4). Несомнѣнно такимъ образомъ, что правительство вынуждено было оградить ~~безопасность населенія~~, избавить общины отъ излишнихъ расходовъ по содержанію кормленщиковъ и сгладить ту вражду, которая естественно возникала при старыхъ порядкахъ между правителями и управляемыми. Нельзя при этомъ не признать справедливымъ и то, что правительство имѣло въ виду также свой собственный финансовый интересъ: оно хотѣло добыть деньги для вознагражденія служилыхъ людей за ихъ службу.

Это послѣднее особенно замѣтно изъ того, что, не уничтожая другихъ податей, сборовъ и пошлинъ, правительство обязывало самоуправляющуюся общину вносить въ государственную казну особый оброкъ „за намѣстничьи и за тиуновъ кормъ, и за присудъ, и за праветчиковъ, и за доводчиковъ поборъ, и за всѣ намѣстничьи пошлины, и за всѣхъ пошлинныхъ людей поборы“ 5) при чемъ этотъ оброкъ платился непремѣнно деньгами и шелъ на жалованье служилымъ людямъ.

Въ вѣдомствѣ излюбленныхъ головъ или излюбленныхъ старостъ или земскихъ судей съ цѣловальниками, выбиравшихся населеніемъ и утверждавшихся органами центрального управленія, замѣтными становятся стороны, почти совершенно оставшіяся въ тѣни у намѣстниковъ, волостелей и городскихъ приказчиковъ: они вѣдаютъ не только финансы и судъ, но и полицію: наблюдаютъ за безопасностью отъ лихихъ людей, производятъ слѣдствія, призываютъ крестьянъ на поселеніе 6). Характерно, что устанавливается довольно определеннымъ образомъ и отвѣтственность, — именно матеріальная

1) Никоновс. лѣт., подъ 7064 г.

2) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 242, 243; т. III № 126.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же.

5) Акты Арх. Эксп. т. I, №№ 234, 242, 243 т. II, № 52 т. III, №№ 37, 126.

6) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 250; т. II, № 52; т. III, № 37.

ответственность за недоставку оброка казнѣ и конфискація имущества за сокрытіе лихихъ людей, несправедливости ¹⁾ и пр.

— Земскія учрежденія XVI в. не сохранились въ XVII-мъ, какъ самостоятельные органы областнаго управленія. Причины этого кроются въ тѣхъ же хозяйственныхъ и социальныхъ условіяхъ, о которыхъ шла рѣчь выше. Развитие денежнаго хозяйства требовало сильной и единой власти на мѣстахъ и административной централизаціи. Ничего подобнаго не представляло собою управленіе государствомъ въ XVI вѣкѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно напомнить о крайней пестротѣ, о чрезвычайномъ разнообразіи областныхъ учреждений: наряду съ удѣльными еще во многихъ мѣстахъ намѣстниками и волостелями существовали излюбленные головы, кое-гдѣ стали появляться воеводы и дьяки ²⁾, иногда управленіе областью вѣдали городовые приказчики, наконецъ, кое-гдѣ губные старосты выступали въ роли высшихъ областныхъ правителей. Съ другой стороны, социальные отношенія въ Московскомъ государствѣ складывались по принципу крѣпостничества, основывались на началѣ обязанности, прямо противоположномъ принципу права, составляющему основной признакъ всякаго самоуправленія. Крѣпостное общество было неспособно къ самоуправленію, и земскія учрежденія Ивана Грознаго потеряли свое прежнее значеніе.

Сильная власть на мѣстахъ и административная централизація были проведены въ жизнь черезъ посредство назначившихся царемъ высшихъ правителей уѣздовъ—воеводъ, которые получили повсемѣстное распространеніе въ первой половинѣ XVII вѣка. Власть воеводы охватывала всѣ отрасли государственной дѣятельности—судъ, полицію, финансы и военное дѣло ³⁾. Воевода дѣйствовалъ при помощи цѣлаго ряда подчиненныхъ ему органовъ, къ числу которыхъ принадлежали между прочимъ и губные и земскіе старосты съ цѣловальниками и, наконецъ, земскіе судейки—остатокъ излюбленныхъ головъ, —нерѣдко встрѣчавшіеся особенно на сѣверѣ и сѣверо-востоки удѣльной Руси и временами сохранявшіе здѣсь самостоятельность.

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 242, 243, 250; т. III, № 126; Акты Историч. т. I, № 163.

²⁾ См., напр., Акты Арх. Эксп. т. I, № 235; Акты Истор. т. I, № 146 Акты Арх. Эксп., т. I №№ 323, 327, 331, 334, 337 и др.

³⁾ Чичеринъ, Областные учрежденія Россіи въ XVII в., стр. 105—253.

II.

Ликвидация старинных органов областного управления и усложнение государственных задач под влиянием экономических и социальных преобразований отразились и на организации центрального управления, в котором видную роль начинают играть приказы.

Первые определенные известия о приказах относятся к князю Василию III, ¹⁾ но приказы несомненно возникли еще в XV вѣкѣ. Слѣды ихъ существованія замѣтны уже в Судебникѣ 1497 г. Здѣсь говорится о судѣ бояръ и окольныхъ съ дьяками, т.-е. о судѣ коллегіальномъ по составу. Что эти коллегіальныя судебныя присутствія были именно центральными учрежденіями, приказами,—это видно изъ двухъ мѣстъ Судебника: во-первыхъ, изъ того, гдѣ сказано: «а котораго жалобника, а непригоже управити, и то сказати великому князю»,—*сказати* великому князю могъ только бояринъ или окольный, жившій въ Москвѣ; во вторыхъ, то же видно изъ словъ, что вѣдомаго лихого человека надо «велѣти казнити смертною казнью тиуну великаго князя московскому» ²⁾—*московскій* тиунъ могъ получить приказаніе казнить преступника лишь отъ бояръ, жившихъ въ Москвѣ. Итакъ, приказы существовали еще в XV вѣкѣ. Какъ же они возникли и какіе изъ нихъ существовали до половины XVI вѣка?

До XV вѣка отдѣльныя порученія по дѣламъ центрального управления давались различнымъ дворцовымъ слугамъ, вѣдавшимъ особыя отрасли княжескаго дворцоваго хозяйства, главнымъ образомъ, дворецкому и казначею. По мѣрѣ скопленія въ ихъ рукахъ массы порученій имъ оказалось трудно съ ними справляться, и потому для помощи имъ даны были дьяки (секретари) и подьячіе (писцы). Повторяемость извѣстныхъ порученій повела къ образованію обычнаго круга дѣлъ, вѣдаемыхъ дворецкимъ и казначеемъ съ находившимися при нихъ дьяками и подьячими. Такъ образовались въ своемъ составѣ и вѣдомствѣ два древнѣйшихъ приказа—Дворцовый, названный потомъ приказомъ Большаго дворца, и Казенный. Первое упоминаніе о Большомъ дворцѣ въ дошедшихъ до насъ документахъ относится

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, № 155.

²⁾ Акты Историч., т. I, № 105.

къ 1512 году ¹⁾, а о Казнѣ къ 1537 г. ²⁾, но оба приказа упоминаются подъ этими годами, какъ уже давно сложившіяся учрежденія. Большой дворець вѣдалъ въ изучаемое время только тѣ дворцовыя села и волости, которыя входили въ составъ старинной вотчины московскихъ князей. Дворцовыя земли вновь присоединенныхъ удѣловъ вѣдались особыми дворцовыми приказами для каждаго изъ нихъ: таковы приказы Тверскаго дворца, Дмитровскаго дворца ³⁾, Новгородскаго дворца ⁴⁾, во главѣ которыхъ стояли особые дворецкіе. Казенный приказъ вѣдалъ всю денежную и не денежную казну, сборъ налоговъ, даже, повидимому, раздачу земель въ помѣстья ⁵⁾. Судъ не былъ сосредоточенъ въ одномъ приказѣ, а входилъ въ функціи всѣхъ ихъ, отчего происходила, конечно, большая путаница въ подсудности, такъ что полной опредѣленности вѣдомства приказовъ не существовало.

Но мало-по-малу скоплялось все большее число новыхъ государственныхъ дѣлъ, требовавшихъ рѣшенія. Необходимо было поручить разработку этихъ дѣлъ и собираніе потребныхъ свѣдѣній и справокъ особымъ административнымъ органамъ. Такъ какъ ближе всего къ этимъ дѣламъ стояли дьяки, присутствовавшіе въ боярской думѣ, то подъ ихъ начальствомъ и образовались нѣкоторые новые приказы. Трудно сказать, какіе именно приказы этого рода сложились до половины XVI вѣка; мы имѣемъ совершенно опредѣленные свѣдѣнія только объ одномъ изъ нихъ—Разрядѣ, первое извѣстіе о которомъ относится къ 1535 году ⁶⁾. Разрядъ или Разрядный приказъ вѣдалъ военное дѣло, всѣхъ служилыхъ людей и былъ, кромѣ того, канцеляріей боярской думы и государя.

Наконецъ, преобразованія въ областномъ управленіи—именно учрежденіе губныхъ старостъ—повели къ появленію перваго судебного приказа—Разбойнаго; уже въ 1539 году упоминаются «бояре, которымъ разбойныя дѣла приказаны» ⁷⁾. Разбойный приказъ вѣдалъ

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, № 155.

²⁾ Тамъ же, № 183.

³⁾ Тамъ же, № 201.

⁴⁾ Тамъ же, № 327.

⁵⁾ Тамъ же, № 230; Акты Ист., т. I, № 147; Акты Арх. Эксп., т. I, № 251; Акты Ист., т. I, № 134 III, VII, IV, № 147; А. А. Э., т. I, № № 234, 242.

⁶⁾ Древняя Русс. Вивлиоика, т. 20-й.

⁷⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, № 187.

контроль органовъ губного управленія, провѣрялъ присылаемые изъ губныхъ учреждений протоколы слѣдствій и суда, а также списки, точно обозначавшіе доходы губныхъ старостъ. Сюда шелъ докладъ по дѣламъ, которыя не могли рѣшить губные старосты съ цѣловальниками. Наконецъ, нѣкоторыя дѣла поступали изъ губныхъ учреждений въ Разбойный приказъ на ревизію, т.-е. губные старосты съ цѣловальниками производили только слѣдствіе, записывали въ протоколъ показанія сторонъ и свидѣтелей, а приговоръ постановлялся уже самимъ приказомъ ¹⁾.

Съ половины XVI до половины XVII вѣка наблюдается развитіе появившихся раньше приказовъ и появленіе новыхъ. Такъ сильно развивается дворцовое управленіе. Въ приказѣ Большого дворца сливаются всѣ старыя дворцы, завѣдывавшіе дворцовымъ хозяйствомъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ. Въ то же время Большой дворецъ развиваетъ подвѣдомственные ему учреждения: во второй половинѣ XVI вѣка впервые упоминаются дворы: сытный, кормовой и хлѣбный ²⁾, которые сохраняются и въ XVII столѣтіи. Еще въ 1540 г. встрѣчаемъ впервые Конюшенный приказъ ³⁾, продолжавшій существовать и позднѣе. Въ началѣ XVII в. въ первый разъ упоминаются приказы: Ловчій, Сокольниковъ и Золотого и серебрянаго дѣла ⁴⁾, которые впрочемъ могли возникнуть и раньше. Такъ какъ вторая половина XVII в. прибавила немного новаго въ организацію центральныхъ дворцовыхъ учреждений—появились лишь Царская и Царицына мастерскія палаты и Панихидный приказъ ⁵⁾,—то въ общемъ можно признать систему дворцовыхъ приказовъ законченной уже въ изучаемое нами время.

Къ 1555—56 г. относятся первые слѣды существованія Помѣстнаго приказа, вѣдавшаго служилое землевладѣніе. Понятна потребность, вызвавшая къ жизни это учрежденіе: дѣло было не только

---

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 187, 192, 194, 224, 330; Доп. къ Арх. Ист., т. I, № 31.

²⁾ Акты Историч., т. I, № 171.

³⁾ Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 444, прим. 3.

⁴⁾ Акты Историч., т. II, № 355.

⁵⁾ См. Древняя Росс. Визіюевка, т. 20-й; впрочемъ, повидимому, мастерскія палаты существовали уже въ первой половинѣ XVII в.: см. Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. палаты, №№ 33, 37 и 41. Панихидному приказу предшествовалъ въ первой половинѣ XVII в. подъячій, сившій „у панихиднаго дѣла“: тамъ же, № 58.

въ томъ, чтобы обезпечить служилыхъ людей землей въ интересахъ государственной службы, но и въ томъ, чтобы удовлетворить различнымъ нуждамъ и разрѣшить разные вопросы, касающіеся формъ землевладѣнія и связанной съ ними мобилизаціи земельной собственности, постепенно увеличивавшейся по мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства; болѣе прочныя хозяйственныя и юридическія отношенія чело-вѣка къ землѣ также требовали точнаго опредѣленія, и это содѣйствовало то же появленію и организаціи Помѣстнаго приказа.

Одновременно съ этимъ усложнились дѣла внѣшней политики, и около того же 1556 года появляется, повидимому, Посольскій приказъ, предназначенный для завѣдыванія иностранными дѣлами.

Новыя хозяйственныя условія подчеркивали необходимость введенія и развитія денежныхъ государственныхъ налоговъ, чему содѣйствовало также расширеніе сферы дѣятельности государства, сопровождавшееся ростомъ государственныхъ потребностей и сопряженныхъ съ ними расходовъ. Немаловажную роль сыграла въ данномъ отношеніи и попытка замѣны кормленій земскимъ самоуправленіемъ, съ чѣмъ соединено было поступленіе особаго денежнаго оброка за намѣстничъ доходъ. По всѣмъ этимъ причинамъ во второй половинѣ XVI в. и въ началѣ XVII-го наблюдается широкое развѣтвленіе центральныхъ финансовыхъ учреждений. Въ прибавокъ къ старой Казнѣ или Казенному приказу, превратившемуся затѣмъ въ Казенный дворъ ¹⁾, вновь появляется приказъ Большаго прихода (въ 50-хъ годахъ XVI вѣка) ²⁾, четверти или чети и финансовые приказы, — соотвѣтствовавшіе имъ по своему значенію (сюда относятся: Новгородская четверть ³⁾, Галицкая ⁴⁾, Костромская и Устюжская четверти ⁵⁾, Казанскій дворець ⁶⁾ съ выдѣлившимся изъ него впослѣдствіи Сибирскимъ приказомъ, Новая четверть ⁷⁾, и, наконецъ, существовавшая въ началѣ XVII в. и потомъ, повидимому, исчезнувшая

¹⁾ Акты Ист., т. II, № 355; Котошихинъ, стр. 59—61.

²⁾ Дьяконовъ, Дополнительныя свѣдѣнія о московскихъ реформахъ половины XVI в., «Жур. Мин. Нар. Просв.» за 1894 г., № 4, стр. 196—197.

³⁾ Милковъ, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в., изд. 2-е, стр. 22—23.

⁴⁾ Акты Арх. Эксп., т. II, № 39.

⁵⁾ Акты Историч., т. II, № 355.

⁶⁾ Милковъ, Государств. хозяйство, стр. 22.

⁷⁾ Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Моск. госуд., стр. 476.

Владимирская четверть¹⁾); далѣе появляется приказъ Большой Казны²⁾, Доимочный приказъ³⁾, приказъ сбору пятинныхъ и запросныхъ денегъ⁴⁾ и, наконецъ, Купецкая палата или Казенная соболина палата⁵⁾.

Подробности происхожденія нѣкоторыхъ изъ этихъ финансовыхъ приказовъ, доказывающія справедливость сдѣланнаго выше общаго замѣчанія о хозяйственныхъ, социальныхъ и государственныхъ силахъ, вызвавшихъ къ жизни новые органы центрального управленія, не возбуждаютъ сомнѣній: совершенно понятно, на примѣръ, что большое количество недоимокъ по сборамъ податей повело къ учрежденію Доимочнаго приказа⁶⁾, что потребность въ специальномъ обложеніи для военныхъ нуждъ создала Приказъ сбору пятинныхъ и запросныхъ денегъ⁷⁾, что Купецкая или Казенная соболина палата были вызваны къ жизни необходимостью правильно организовать приемъ, оцѣнку, храненіе, продажу и раздачу мягкой рухляди, т.-е. мѣховъ⁸⁾.

Можно думать, что приказъ Большой казны выдѣлился изъ Казеннаго двора: въ извѣстномъ документѣ о московскомъ управленіи, составленномъ въ 1610—13 г., упоминается объ отсылкѣ въ Большую казну соболей и лисиць изъ Казанскаго дворца, а приказа Большой казны нѣтъ, есть только Казенный дворъ⁹⁾.

Спорнымъ является вопросъ о происхожденіи самыхъ важныхъ финансовыхъ приказовъ — Большаго прихода и четвертей. Старое объясненіе, сводящееся къ тому, что четверти были не чѣмъ инымъ, какъ остаткомъ старыхъ удѣльныхъ дворцовыхъ приказовъ, территориальными приказами, унаслѣдованными отъ удѣльнаго времени¹⁰⁾, въ настоящее время безусловно и вполне справедливо отвергнуто. Неосновательнымъ надо признать также мнѣніе, что четверти обра-

1) Акты Историч., т. II, № 355.

2) Древняя Росс. Вивлиоика, томъ 20-й.

3) Лапиданлевскій, Организация прямого обложенія, стр. 490.

4) Тамъ же, стр. 481.

5) Поповъ, Вопросъ о приказѣ купецкихъ дѣлъ. — въ «Журналъ Мин. Нар. Просв.» за 1889 г., февраль, стр. 248.

6) Лапиданлевскій, Организация прямого обложенія, стр. 490.

7) Тамъ же, стр. 481.

8) Поповъ, Вопросъ о приказѣ купецкихъ дѣлъ, — въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1889 г., февр., стр. 248—249.

9) Акты Ист., т. II, № 355.

10) Градовскій, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи.

зовались подъ вліяніемъ опричнины¹⁾: противъ этого говоритъ, какъ тотъ фактъ, что въ 1576 г. Щелкаловъ, дьякъ изъ земщины, управлявшій Разрядомъ, вѣдалъ также и чети²⁾, такъ и въ особенноти то обстоятельство, что и Большой приходъ и четверти возникли задолго до опричнины³⁾. Въ сущности единственнымъ основаніемъ для мнѣнія о связи четей и Большого прихода съ опричниной является существованіе въ концѣ XVI в. приказовъ, имѣвшихъ названія: Дворовый большой приходъ и Дворцовый четвертной приказъ⁴⁾. Однако и этотъ фактъ не говоритъ въ пользу разбираемаго взгляда: дѣло въ томъ, что съ учрежденіемъ опричнины и ея развитіемъ появились на ряду съ приказами въ земщинѣ соотвѣтствующіе имъ приказы въ опричинѣ, при чемъ, вопреки существующему мнѣнію⁵⁾, послѣдніе составляли не простыя отдѣленія послѣднихъ, а были самостоятельны и находились не въ Москвѣ, а въ Александровой слободѣ⁶⁾. Такими опричными приказами и являлись, очевидно, Дворовый большой приходъ и Дворцовый четвертной приказъ, что не мѣшало одновременному существованію въ земщинѣ особыхъ Большого прихода и четвертей, возникшихъ раньше соотвѣтствующихъ приказовъ въ опричинѣ.

По другой теоріи, приказъ Большого прихода и четверти выдѣлились изъ вѣдомства приказа Большого дворца вслѣдствіе того, что отъ дворцовыхъ доходовъ отдѣлились государственные, которые перешли къ Большому приходу, а изъ государственныхъ доходовъ въ свою очередь выдѣлились доходы мѣстные, которые и стали вѣдаться четвертями. При этомъ четверти первоначально зависѣли отъ Большого прихода, что доказывается слѣдующими соображеніями: 1) въ 1597 г. Новгородская четь и четь Ивана Вахромѣева получаютъ деньги на расходъ изъ Большого прихода, 2) начальникъ Казанскаго дворца, дьякъ Петелинъ, самъ, собственною властью не налагаетъ

¹⁾ Середанинъ, Сочиненіе Джильса Флетчера.

²⁾ Платоновъ, Какъ возникли чети, — въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1892 годъ, № 5, стр. 168.

³⁾ Дьяконовъ, Дополнительные свѣдѣнія о моск. реформахъ, въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1894 г., апрѣль, стр. 196—197.

⁴⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 318 и 312.

⁵⁾ Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, стр. 154—155.

⁶⁾ Такъ, напр., въ одной жалованной грамотѣ Кириллову Бѣлозерск. монастырю встрѣчается ссылка на царскую грамоту, „что прислана отъ насъ изъ Александровскія слободы“: Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Бѣлозерск. у., № 835.

прибавки податей на имѣніе В. Щелкалова, и просить сдѣлать это дьяка Большого прихода, 3) чети долго остаются подъ начальствомъ простыхъ дьяковъ и лишь потомъ получаютъ начальниковъ изъ думныхъ людей, 4) въ древнѣйшей изъ записныхъ книгъ Разряда денежныхъ ассигновки, впоследствии дававшіяся на чети, идутъ въ Большой приходъ¹⁾.

По поводу перваго и четвертаго изъ этихъ соображеній надо замѣтить, что расходованіе суммъ изъ разныхъ приказовъ даже во второй половинѣ XVII в. производились «куда доведетца», «куда царь укажетъ» и т. д.²⁾, такъ что въ XVI в. не можетъ быть и рѣчи о сколько-нибудь установившихся въ этомъ отношеніи порядкахъ. Второе соображеніе такъ же не доказываетъ зависимости четвертой отъ Большого прихода, а свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что дѣла о прибавкѣ податей вѣдались не четвертями, а Большимъ приходомъ. По поводу третьяго соображенія надо замѣтить, что и самостоятельные приказы нерѣдко управлялись въ Московскомъ государствѣ простыми, недумными дьяками: такъ, въ 40-хъ годахъ XIII вѣка Помѣстнымъ приказомъ управлялъ простой дьякъ Ѳеодоръ Елизаровъ³⁾, лишь позднѣе дослужившійся до думнаго дьячества и потомъ до думнаго дворянства⁴⁾. Справедливо указано также, что уже въ 60-хъ и 70-хъ годахъ различались платежи въ четвертной приказъ и въ Большой приходъ, такъ что различались и самыя учрежденія⁵⁾. Нельзя не согласиться и съ замѣчаніемъ, что идея о раздѣленіи кассы поступленій общегосударственныхъ и мѣстныхъ была не по плечу московскому правительству XVI в.⁶⁾ Наконецъ, въ сущности не приведено ни одного доказательства выдѣленія Большого прихода изъ Большого двorca. Такимъ образомъ и разбираемая теорія не выдерживаетъ критики.

Гораздо правильнѣе сближеніе перемѣнъ въ центральномъ финансовомъ управленіи съ извѣстными уже намъ реформами въ областныхъ учрежденіяхъ второй половины XVI в.,—именно съ попытками земскаго самоуправленія, приведшими къ введенію «кормленнаго округа».

1) Миллюковъ, Государств. хозяйство Россіи, стр. 21—22.

2) Котошихинъ, стр. 80, 89, 92.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотчинная 5996/28.

4) Тамъ же, кн. 5997/29, дѣло № 59; кн. 6000/32, дѣло № 2.

5) Платоновъ. Какъ возникли чети,—въ „Журн. Мин. Нар. Пров.“ за 1892 года, № 5, стр. 165—166.

6) Тамъ же. стр. 160.

особаго денежнаго оброка за намѣстничъ доходъ ¹⁾, поступавшаго на жалованье „четвертчикамъ“, служилымъ людямъ высшихъ чиновъ, получившимъ ежегодное жалованье „изъ чети“ и отличавшимся отъ низшихъ чиновъ, получившихъ жалованье „съ городомъ“ не каждый годъ ²⁾. По этой теоріи, сначала существовалъ единый четвертной приказъ, раздѣлившійся въ послѣдней четверти XVI в. на нѣсколько четвертей ³⁾, первоначально по именамъ дьяковъ, ими завѣдывавшихъ, и потомъ по управляемымъ областямъ. Замѣтимъ, что такое раздѣленіе естественно дигтовалось какъ особенностями отдѣльныхъ частей государства, такъ и отчасти потребностью въ ассигнованіи разныхъ доходовъ на отдѣльныя нужды путемъ приписки той или другой четверти къ разнымъ приказамъ или путемъ специальныхъ назначеній изъ доходовъ данной четверти на отдѣльныя нужды; при отсутствіи единства кассы дѣленіе на рядъ приказовъ придавало финансовому управленію большую эластичность.

Однако и сторонники приведеннаго объясненія несогласны между собою въ вопросѣ о томъ, изъ какого приказа выдѣлились четверти и какому приказу онѣ были первоначально подчинены. Одни думаютъ, что такимъ приказомъ былъ Разрядъ ⁴⁾, другіе считаютъ чети выдѣлившимися изъ вѣдомства казначеевъ ⁵⁾. Подчиненность Четвертного приказа Рязряду доказывается слѣдующимъ образомъ: 1) въ извѣстномъ мѣстническомъ дѣлѣ Федора Зюзина съ Федоромъ Нагимъ рязрядный дьякъ А. Щелкаловъ, обязанный справиться у себя въ приказѣ о жалованной грамотѣ на Галичъ и послать ее за своей приписью, поручилъ сдѣлать эту справку четвертнымъ дьякамъ во всѣхъ четвертяхъ; 2) въ 1514 г. грамота, дающая право кирилловскимъ властямъ самимъ платить деньги въ четверть на Москвѣ, подписана Андреемъ Клобуковымъ, который былъ тогда разряднымъ дьякомъ; въ 1577 г. разряднымъ дьякомъ былъ В. Щелкаловъ и явилась его четверть; 4) въ 1578 г. упоминается четь

¹⁾ Тамъ же и Дьяконовъ, Дополнит. свѣдѣнія о моск. реформахъ, — въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1894 г., апр., стр. 194—195.

²⁾ Сторожевъ, Къ вопросу о четвертчикахъ, — въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1892 г., январь, стр. 204—206.

³⁾ Дьяконовъ, Дополнит. свѣдѣнія о моск. реформахъ, — въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1894 г., апрѣль, стр. 194—196.

⁴⁾ Платоновъ, Какъ возникли чети, — въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1892 г., № 5, стр. 168 и слѣд.

⁵⁾ Дьяконовъ, Дополнит. свѣд., въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1894: апрѣль, стр. 195.

Андрея Арцыбашева и Алексѣя Исакова, между тѣмъ какъ Арцыбашевъ былъ въ это время разряднымъ дьякомъ; 5) естественно, что Разрядъ сталъ вѣдать сборы, замѣнившіе кормленіе: вѣдь онъ же вѣдалъ служилыхъ людей службой и кормленіемъ¹⁾.

Оставляя совершенно въ сторонѣ послѣднее общее соображеніе, которое само по себѣ, взятое отдѣльно съ другихъ наблюденій, ничего не даетъ въ пользу отстаиваемаго взгляда, надо признать столь же мало основательными и всѣ другія: порученіе другимъ приказамъ сдѣлать необходимую справку легко могло быть слѣдствіемъ того, что не нашлось матеріаловъ по данному вопросу въ Разрядѣ; грамота Кириллову монастырю была, вѣроятно, результатомъ рѣшенія боярской думы или самого государя, потому что, какъ увидимъ въ свое время, всякаго рода финансовыя льготы исходили обыкновенно отъ верховныхъ учреждений; не доказываютъ подчиненія четей Разряду и третье и четвертое соображеніе: совершенно обычнымъ, зауряднымъ явленіемъ было управление одного лица двумя и даже иногда болѣе приказами.

Остается такимъ образомъ признать, что четверти выдѣлились изъ вѣдомства казначеевъ, какъ вѣроятно, отсюда же выдѣлился и приказъ Большого прихода. Это подтверждается документально: по указу 1555 г. оброкъ за намѣстничъ кормъ было предписано „сбирать къ царскимъ казнамъ“, а „царскія казны“ вѣдались казначеями; по первымъ уставнымъ земскимъ грамотамъ, дьяки, получающіе оброки за намѣстничъ кормъ,—напр, Угримъ Львовъ и Истома Новгородовъ, оказываются подчиненными казначеямъ; по уставной Двинской грамотѣ 1556 г. дьякъ Путило Нечаевъ вѣдаетъ Двинскую землю уже одинъ и безъ подчиненія казначеямъ докладываетъ о всѣхъ дѣлахъ государю²⁾.

Сдѣланный сейчасъ разборъ вопроса о происхожденіи финансовыхъ приказовъ ставитъ, такимъ образомъ, внѣ сомнѣнія правильность объясненія организациі центральныхъ учреждений на основѣ хозяйственныхъ и социальныхъ явленій и перемѣнъ въ областной администраціи. Развитие государственныхъ учреждений органически связывается съ глубокими и важными процессами народной жизни. Незачѣмъ при этомъ предполагать сразу какой-либо особый переворотъ

¹⁾ Платоновъ, Какъ возникли чети,—въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1892 г. № 5, стр. 168—171.

²⁾ Дьяконовъ, Дополнит. свѣдѣнія о моск. реформахъ,—въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ за 1894 г., апр., стр. 194, 195, 197, 198.

въ умахъ, новую точку зрѣнія на государство и его назначеніе: нѣтъ основаній думать, что установилось вполне ясно сознаніе о разницѣ между дворцовыми и государственными доходами: просто болѣе поздне по своему происхожденію налоги повели къ созданію особаго учрежденія, ихъ вѣдашаго,—Большого прихода, а новый доходъ за намѣстничь оброкъ въ связи съ производствомъ расходовъ на жалованье четвертикамъ вызвалъ къ жизни сначала одинъ Четвертной приказъ, а потомъ отдѣльныя четверти, появившіяся подъ вліяніемъ мѣстныхъ бытовыхъ особенностей. Дѣло было вовсе не въ работѣ теоретической мысли, а въ стихійномъ воздѣйствіи новыхъ общественныхъ явленій, къ которымъ правительство приспособлялось, какъ умѣло, создавая для каждой новой финансовой потребности особое учрежденіе.

Денежное хозяйство порождаетъ болѣе сложныя и болѣе тонкія и многообразныя отношенія въ области гражданскаго и уголовнаго права; учащаются гражданскія правонарушенія и уголовныя преступленія. Таковъ же результатъ усложнившихся социальныхъ отношеній. И потому неудивительно, что въ концѣ XVI в. становятся замѣтными специально-судебныя приказы—Владимірскій судный и Московскій судный. Сюда же надо отнести съ нѣкоторыми оговорками еще два приказа—Холопій, который извѣстенъ со второй половины XVI вѣка, и Челобитный, упоминаемый подъ именемъ Челобитной избы въ 1575—84 годахъ ¹⁾. Холопій, какъ извѣстно, лишь отчасти судилъ и наказывалъ холоповъ, главнымъ же образомъ вѣдалъ регистрацію ихъ и сдѣлокъ съ ними ²⁾. Челобитный, помимо исполненія нѣкоторыхъ специальныхъ и, можетъ быть, временныхъ порученій ³⁾, являлся нѣкоторымъ подобіемъ канцеляріи по приему прошеній, подававшихся лично царю.

Гораздо позднѣе и гораздо въ меньшей степени привлекаетъ вниманіе правительства забота о благоустройствѣ и благосостояніи населенія, и потому соотвѣтствующіе приказы появляются позже приказовъ дворцовыхъ, финансовыхъ и судебныхъ и развиваютъ меньшую дѣятельность. Сюда относится Ямской приказъ, въ 70-хъ годахъ XVI в. выдѣлившійся въ самостоятельное учрежденіе изъ вѣдомства назначевъ ⁴⁾ и завѣдывавшій казенной почтой, т.-е.

¹⁾ Акты Арх. эксп., т. I, № 289.

²⁾ Тамъ же и Котошихинъ.

³⁾ Оглоблинъ, Къ исторіи Челобитнаго приказа,—въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ за 1892 г., июнь.

⁴⁾ Гурляндъ, Ямская гоньба въ Моск. государствѣ, стр. 297—298.

служившій непосредственно интересамъ одного только правительства, а вовсе не населенія, что служить нагляднымъ доказательствомъ слабаго значенія разсматриваемой отрасли государственной дѣятельности. Съ чисто полицейскими функціями по отношенію къ Москвѣ выступаетъ не ранѣе конца XVI вѣка Земскій дворъ. Заботѣ о благосостояніи населенія въ собственномъ смыслѣ слова посвящали свою впрочемъ весьма скромную дѣятельность приказы Книжного и печатнаго дѣла ¹⁾, Каменный ²⁾ и Аптекарскій ³⁾.

Необходимость пополнить армію войскомъ специальныхъ родовъ оружія повели къ учрежденію новыхъ военныхъ приказовъ — Пушечнаго или Пушкарскаго ⁴⁾, Стрѣльческаго ⁵⁾, Иноземскаго ⁶⁾ и Казачьяго ⁷⁾. Къ числу военныхъ приказовъ первой половины XVII вѣка относятся также приказы Сбора ратныхъ и даточныхъ людей ⁸⁾ и Панскій ⁹⁾. Относительно послѣдняго надо, впрочемъ, замѣтить, что онъ тождественъ съ Иноземскимъ приказомъ, какъ показываетъ изученіе его вѣдомства ¹⁰⁾.

Остается, наконецъ, отмѣтить, что съ начала XVII вѣка наблюдаются зародыши учрежденія, контролирующаго администрацію, стоящаго на стражѣ законности. Такимъ учрежденіемъ впоследствии до известной степени былъ учрежденный при царѣ Алексѣѣ приказъ тайныхъ дѣлъ. Его предшественниками въ изучаемое нами время являются прежде всего подьячіе государственныхъ тайныхъ дѣлъ, бывшіе уже въ 1614 г. ¹¹⁾, что, кстати сказать, опровергаетъ неосновательное мнѣніе, будто въ происхожденіи даннаго учрежденія опредѣляющую роль играла личность Филарета ¹²⁾: Филаретъ былъ тогда еще въ плѣну. Затѣмъ ту же роль административнаго контро-

1) Книги Разрядныя, томъ I, стр. 1037.

2) Тамъ же.

3) Собр. Гос. Грам. и Дог., т. III, № 109.

4) Акты г. Юшкова, № 218; Акты Арх. Эксп., т. I, № 317.

5) Акты г. Юшкова, № 274.

6) Акты Историч., т. II, № 355.

7) Акты Арх. Эксп., т. III, № 100.

8) Древняя Росс. Вивліотека, т. 20-й.

9) Книги Разрядныя, т. I, стр. 13.

10) Тамъ же; ср. также Записныя книги Разряднаго приказа въ «Русской Историч. Библиотекѣ», т. X, стр. 346.

11) Моск. Арх. Мин. Юег., столбцы Московскаго стола Разряда, № 890, л. 23 об.

12) Гурляндъ, Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ, стр. 96.

ля ¹⁾ играли, повидимому, такія учрежденія, какъ приказъ приказныхъ дѣлъ ²⁾, приказъ сыскныхъ дѣлъ ³⁾ и приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ ⁴⁾.

III.

Характеризуя на предшествующихъ страницахъ происхождение и отчасти также вѣдомство различныхъ приказовъ въ Московскомъ государствѣ съ половины XVI до половины XVII вѣка, мы имѣли въ виду не подробное изображеніе ихъ дѣятельности—объ этомъ удобнѣе говорить позднѣе, въ связи съ дѣятельностью верховной власти и высшихъ учреждений по отдѣльнымъ отраслямъ управления, — а, во-первыхъ, обоснованіе той мысли, что органы центрального управления въ своемъ образованіи и развитіи тѣснѣйшимъ образомъ связаны не только съ областными учрежденіями, но и съ социальными отношеніями и явленіями въ области народного хозяйства, во-вторыхъ, выясненіе нѣкоторой постепенности въ развитіи отдѣльныхъ функций государственной власти. При всей неточности, неопредѣленности, спутанности вѣдомствъ отдѣльныхъ приказовъ, можно, какъ мы видѣли, различить извѣстную очередь, въ какой организовались учрежденія, чѣмъ отчасти устанавливается планъ дальнѣйшаго изложенія, въ которомъ, впрочемъ, въ виду многосложности дѣлъ, подвѣдомственныхъ отдѣльнымъ приказамъ, придется дѣятельность каждаго изъ послѣднихъ разбить на части и изложить въ разныхъ главахъ.

Теперь-же необходимо формулировать общіе выводы, къ какимъ приводитъ изслѣдованіе вопросовъ, намѣченныхъ въ настоящей главѣ:

1) Въ областномъ управленіи система кормленій была сначала ограничена частичной примѣсю выборныхъ учреждений со специальнымъ назначеніемъ и примѣненіемъ по частямъ хозяйственного управления городскихъ приказчиковъ, и затѣмъ замѣнена опытомъ земскаго самоуправленія, примѣнявшимся, однако, далеко не повсемѣстно, и, наконецъ, централизованной бюрократіей въ лицѣ вое-

1) Тамъ же, стр. 97 и сл.

2) Русская Историч. Библіотека, т. IX, стр. 470.

3) Олеарій въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. Рос.». за 1868 г., кн. IV, стр. 295; С т о р о ж е в ъ, Указ. книга Помѣст. приказа, стр. 89; Г у р л я н д ъ, Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ, стр. 100.

4) Дворц. Разряды, т. II, 596.

водъ, сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ всѣ отрасли областного управления.

2) Перемены въ областномъ управленіи продиктованы были развитіемъ денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ и сословно-крѣпостнымъ общественнымъ строемъ.

3) Параллельно реформамъ въ областномъ управленіи или вслѣдъ за ними совершалось развитіе центральныхъ органовъ управления— приказовъ, при чемъ наблюдается извѣстная постепенность въ организаціи отдѣльныхъ отраслей правительственной дѣятельности: раньше и полнѣе всего организуется управленіе дворцовымъ хозяйствомъ и завѣдываніе службой, землевладѣніемъ и внѣшней политикой; почти одновременно, но отчасти уже и позднѣе двинулось впередъ центральное финансовое управленіе; затѣмъ слѣдовала организація центральныхъ судебныхъ учреждений и военныхъ приказовъ; еще позднѣе и меньше развивались приказы, вѣдавшіе общественное благоустройство и благосостояніе, и, наконецъ, совершенно отсталой по времени и по степени развитія является контролирующая администрацію дѣятельность высшей власти.

4) Центральныя учреждения подчинялись въ своемъ развитіи не только основному и главному вліянію новыхъ хозяйственныхъ и социальныхъ явленій въ жизни страны, но и воздѣйствію тѣхъ перемѣнъ, которыя совершились въ областной администраціи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Управленіе разрядными дѣлами до половины XVII вѣка.

I.

Къ числу наиболѣе рано сложившихся отраслей управленія въ Московскомъ государствѣ принадлежало, какъ мы сейчасъ видѣли, завѣдываніе военной службой или, какъ тогда выражались, разрядными дѣлами. Эти дѣла сосредоточивались преимущественно въ одномъ изъ важнѣйшихъ центральныхъ учреждений—Разрядѣ или Разрядномъ приказѣ. Намъ предстоитъ теперь опредѣлить, поскольку разрядныя дѣла вѣдались верховной властью и органами верховнаго управления, и поскольку они перешли уже въ руки подчиненныхъ учреждений—центральныхъ и областныхъ.

Начнемъ съ производства въ разные „чины“, т.-е. съ распоряженій, касающихся распредѣленія служилыхъ людей Московскаго государства по ступенямъ сословной служебной лѣстницы, существовавшей въ то время. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнью, что производство во всѣ чины—отъ высшаго до самого низшаго—всегда совершалось при личномъ участіи царя, которому докладывались всѣ подобныя дѣла и именемъ котораго затѣмъ изъ Разряда объявляли—„приказывали государевымъ словомъ“ или „сказывали“ пожалованія въ высшій чинъ. Мы имѣемъ множество данныхъ въ нашихъ источникахъ о томъ, что самъ государь лично производилъ служилыхъ людей въ чины думные—въ бояре ¹⁾, окольные ²⁾, думные дворяне ³⁾, думные дьяки ⁴⁾. Ему-же принадлежало исключительное и постоянно примѣнявшееся имъ на практикѣ право пожалованія въ московскіе чины—стольники ⁵⁾, стряпчие ⁶⁾, жильцы ⁷⁾, дворяне московскіе ⁸⁾. Онъ, далѣе, назначалъ провинціальныхъ дворянъ и дѣтей

¹⁾ Дворцовые Разряды, т. I, 120, 170, 174, 206, 208, 299, 438, 505, 507, 532; т. II, 354, 360, 380, 382, 383, 575, 621, 650; т. III, 13, 15, 18, 18—19, 20, 31, 32, 33, 34, 42, 57, 77—78, 87, 108, 116, 117, 218, 225; Рус. Истор. Библ., т. X, 360, 421.

²⁾ Дворцовые Разряды, т. I, 197, 299, 392, 410, 494, 508, 532—533, 760, 970; т. II, 294, 354, 360, 653, 743; т. III, 15, 18, 18—19, 20, 31, 32, 33, 34, 42, 49, 66, 74, 86, 87, 110, 116, 117, 118, 134, 145, 151, 181, 226; Рус. Ист. Библ., т. X, 424.

³⁾ Дворцовые Разряды, т. I, 100; т. II, 380, 382, 383, 656, 698, 731, 741; т. III, 47, 218.

⁴⁾ Дворцовые Разряды, т. I, 100, 299; т. II, 294, 743; т. III, 55, 113, 236; Рус. Ист. Библ., т. X, 352, 432.

⁵⁾ Рус. Историч. Библиотека, т. X, 115, 180, 182, 188, 203, 344, 357, 360 и т. д.; Москов. Арх. Минис. Юстиц., столбцы Москов. стола Разряда, № 205, л. 6 и об.

⁶⁾ Рус. Ист. Библ., т. X, 128, 165, 180, 181, 189, 190, 203, 206, 214, 216, 354, 357, 358, 359, 367, 368, и т. д.; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда № 72, л. 57 и об., № 205, л. 5 и об.

⁷⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 890, лл. 27 об., 63 об., 67 об., 270 об., 274 об., № 6, л. 14 и об., № 204, лл. 1 и об., 2 и об., 3 и об., 4 и об., 6 и об., 7 и об., 166 и об., 329 и об., 336 и об., 426 и об., 548 и об., 579 и об., 627 и об. и др.

⁸⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Моск. стола Разряда, № 6, л. 229 и об., № 47, л. 8 и об., 9 и об., 10 и об., 11 и об. и т. д. № 48, л. 9—10, 14 и об., 15 и об., 16 и об. и др. № 72, л. 20 и об., 22 и об., 24 и об. 25 и об., 26 и об., 27 и об. и др., № 120, л. 31 и об. 32 и об., № 205, л. 1 и об., 3 и об., 10 и об., 15 и об., 21 и об., 22 и об., и др., Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, связка 117, № 26; Моск. А. М. Юст., ст. Новг. ст. Разр., № 65, л. 36 и об.

боярскихъ служить „по выбору“¹⁾, „по дворовому списку“²⁾, перечисляя изъ служащихъ „съ городомъ“ въ четвертки³⁾, жаловалъ изъ солдатъ въ городовые дѣти боярскіе⁴⁾, изъ подьячихъ въ дяки⁵⁾. Неизвѣстно ни одного случая, который представлялъ бы исключеніе изъ этого правила, оставшагося все время неизмѣннымъ, такъ что производство служилыхъ людей въ чины составляло, несомнѣнно, одну изъ неотъемлемыхъ прерогативъ верховной власти, которая имѣла здѣсь непосредственное отношеніе къ каждой частности.

Иныя явленія наблюдаются, если обратить вниманіе на то, какъ и гдѣ производилось зачисленіе или запись въ службу. Извѣстно, что уже въ XVI вѣкѣ разборъ и верстанье новиковъ, т.-е. послѣвшихъ на службу, достигшихъ 16-ти лѣтняго возраста дворянъ и дѣтей боярскихъ, производились особыми выборными отъ дворянства каждаго уѣзда окладчиками, подъ предѣлательствомъ назначеннаго изъ Москвы разборщика, при чемъ результаты этой работы регистрировались въ такъ называемыхъ десятняхъ⁶⁾. На разсмотрѣніе высшаго правительства могли поступать только жалобы

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разряда, № 47, л. 148 и об., № 48, лл. 7 и об., 82 и об., 183 и об., № 72, л. 17 и об., 54 и об., 58 и об., № 59, л. 57 и об. и друг., № 80, л. 1 и сл., № 183, ст. 2, л. 45 и об., № 199, л. 3 и об., № 205, л. 2 и об., 23 и об., № 219, л. 6 и об., 7 и об., 86 и об., № 223, л. 3 и об.; столбцы Новг. ст. Разр., № 20, л. 20 и сл., 89 и об., № 55, л. 8—9, № 74, л. 122 и об., № 80, л. 264 и об., № 91, л. 47 и об.; ст. Бѣлгор. ст. Разр., № 134, л. 18 и об., № 156, л. 104 и об., № 288, л. 165 и об., № 312, л. 10 и об., № 319, л. 226 и об.; и т. д.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разряда, № 48, л. 184 и сл., № 72, лл. 1 и об., 51 и об., 55 и об., 59 и об. и др., № 59, л. 47 и сл., 50 и сл., 52 и сл., и т. д., № 80, л. 4 и сл., 6 и сл., 8 и сл., и др., № 183, ст. 2, л. 98 и сл., № 219, л. 20 и об., 200 и об., № 222, л. 68 и об., 69 и об.; столбцы Новг. ст. Разряда, № 20, лл. 3 сл., 90 и об., № 69, л. 6 и сл., № 71, л. 48 и об., 49 и об., № 73, л. 19 и сл., № 80, л. 30 и об., № 86, л. 135 и об., № 91, л. 25 и об., № 93, л. 100 и об.; ст. Бѣлгор. ст. Разряда, № 261, л. 486 и об., № 312, л. 6 и об., № 319, л. 260 и об. и т. д.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородскаго стола Разряда, № 93, л. 19 и об.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородскаго стола Разряда, № 73, л. 29 и сл.

5) Рус. Историч. Библ., т. X, 116, 123.

6) См. Сторожевъ, Десятни, — въ „Описаніи документовъ и бумагъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи“, книга IX, и Десятни XVI в. въ томъ же „Описаніи“, книга VIII.

на неправильность разбора и верстанья. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи функціи подчиненной администраціи выдѣлились изъ высшаго управленія и пріобрѣли самостоятельный характеръ. Однако незавершенность этого процесса не подлежитъ сомнѣнію: дѣло въ томъ, что запись въ службу новиковъ и гулящихъ людей производилась разборщиками и окладчиками лишь въ опредѣленные періоды, между которыми были значительные промежутки; многіе новики и гулящіе люди, желая поступить въ службу, подавали объ этомъ челобитныя до верстанья; въ такихъ случаяхъ ихъ просьбы удовлетворялись обыкновенно съ разрѣшенія самого государя¹⁾. Впрочемъ и здѣсь къ концу изучаемаго періода замѣтна тенденція въ сторону развитія самостоятельности подчиненныхъ учреждений и передачи въ ихъ исключительное вѣдѣніе всѣхъ дѣлъ о записи въ службу; только въ этихъ случаяхъ дѣло передается центральному учрежденію—Разряду. Такъ въ 1649 г. сынъ бывшаго сѣвскаго протопопа Рудневъ просилъ записать его на службу въ дѣти боярскіе, и „государь пожаловалъ, велѣлъ указъ учинить“ думнымъ дьякамъ Ивану Гавреневу да Семену Заборовскому да дьяку Григорью Ларіонову²⁾, т.-е. судьямъ Разряднаго приказа. Замѣтны такимъ образомъ успѣхи административной техники, ростъ бюрократической самостоятельности.

Но кромѣ служилыхъ людей «по отечеству» были еще служилые люди «по прибору». Таковы были стрѣльцы, пушкаріи, затинщики, казенные плотники и кузнецы, казаки, драгуны, солдаты и т. д. Какъ они „прибирались“ на службу? Повидимому, по крайней мѣрѣ въ половинѣ XVII в., сложился обычай, по которому «приборъ» производился подчиненными властями, напр., стрѣleckими головами³⁾ или приказомъ (Разрядомъ)⁴⁾, безъ всякаго участія царя и верховныхъ учреждений. Однако въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось набирать такихъ служилыхъ людей изъ вольныхъ гулящихъ людей, дѣло мѣнялось; тогда все зависѣло отъ рѣшенія самого государя⁵⁾.

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгород. стола Разряда, № 18, л. 1 и об., № 74, лл. 11 и об., 12 и об., 115 и об., 118 и об., 127 и об., 215 и об., 217 и об., № 91, л. 72 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородскаго стола Разряда, № 306, л. 967 и об.

3) Чичеринъ, Областные учрежденія въ Россіи въ XVII в., стр. 123.

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, связка 177, № 14.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородскаго стола Разряда, № 279, л. 185 и об., № 294, л. 92 и об.

Временные отпуски служилых людей съ военной службы, во время походовъ или при охранѣ границъ государства отъ внѣшнихъ враговъ разрѣшались все время непремѣнно самимъ царемъ ¹⁾. Но когда служилые люди жили по службѣ въ Москвѣ, напр. при дворѣ, то они обыкновенно увольнялись въ отпуски безъ доклада государю рѣшеиемъ приказа, и это наблюдается въ теченіе всей первой половины XVII вѣка, не исключая и его начала ²⁾. Надо однако же замѣтить, что это не касалось жильцовъ: для того, чтобы получить отпускъ, они испрашивали разрѣшенія самого царя ³⁾. Безъ сомнѣнія, это объясняется сравнительной важностью этого чина въ лѣстницѣ чиновъ, а также и особымъ положеніемъ жильцовъ въ придворной службѣ, засвидѣтельствованнымъ у Котошихина ⁴⁾.

Извѣстно, какую вообще важную общественную и государственную роль играла повинность военной службы въ XVII в. Неудивительно поэтому, что всякаго рода льготы и облегченія по службѣ дѣлались не иначе, какъ по рѣшенію верховной власти: нужно-ли было облегчить тяготу службы отдѣльныхъ разрядовъ служилыхъ людей ⁵⁾, или временно освободить кого-либо отъ служебныхъ обязанностей по случаю болѣзни ⁶⁾, или личную службу замѣнить доставкой даточныхъ людей ⁷⁾,—все это дѣлалось непремѣнно самимъ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Моск. ст. Разряда, № 840, ст. I, л. 236 и об., столбцы Бѣлгор. ст. Разряда, № 225, л. 23 и об., № 305, л. 222 и об., столбцы Моск. стола Разряда, № 149, л. 38 и об., 163 и об., № 181, ст. 2, л. 1 и об., 2 и об., 3 и об. и др., № 186, л. 1 и об., 2 и об., и т. д., № 199, л. 5 и об.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, ст. 2-го разр. Оруж. пал., 7139 ч. № 34, 7140 ч. № 9, ст. Оруж. пал., 7134 ч. № 150, 7139 ч., № 21, 7140 ч. № 136, 7112 ч. № 7, 7157 ч. №№ 12 и 45; Арх. Мин. Юст., столбцы приказнаго ст. Разряда, № 60, л. 290 и об.; столбцы Бѣлгор. ст., № 294, л. 221.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 1-го разр. Оруж. пал., 7158 ч. № 53; Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Бѣлгор. ст. Разряда, № 18, л. 1 и об., 2 и об., 4 и об., 5 и об., 6 и об., 7 и об., 12 и об., 13 и об., № 87, л. 28 и об.

⁴⁾ Котошихинъ, стр. 21.

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородск. стола Разряда, № 191, л. 55 и об.; столбцы Моск. стола Разряда, № 10, л. 1 и сл., 2 и об. и др., № 115, л. 316—317, № 134, л. 47 и об.

⁶⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разряда, № 101, л. 25 и об., ст. Бѣлгор. ст. Разряда, № 134, л. 222 и об.; ст. Новг. ст., № 74, л. 49 и об.

⁷⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородскаго стола Разряда, № 100, л. 2 и об.

царемъ. Всякаго рода переводы по службѣ для удобства служащаго обыкновенно также производились по рѣшенію государя: онъ разрѣшалъ быть на службѣ одновременно и вмѣстѣ съ родственниками ¹⁾, переводилъ по службѣ изъ города въ городъ ²⁾, изъ полковой службы въ городскую (т.-е. въ гарнизонъ) ³⁾, разрѣшалъ итти на охрану границъ не въ той половинѣ войска, которая дежурила сначала, а въ той, которая шла потомъ, на смѣну первой или на оборотъ ⁴⁾. Однако и здѣсь бюрократіи предоставлялась уже нѣкоторая самостоятельность въ менѣ важныхъ дѣлахъ: такъ, если кто-либо просилъ о переводѣ его изъ гарнизона въ дѣйствующую армію, изъ городской службы въ полковую, то это разрѣшалось безъ доклада государю ⁵⁾; здѣсь вѣдь не было облегченія по службѣ, а напротивъ тяжесть служебныхъ обязанностей увеличивалась въ очень значительной степени.

Совершенно понятно также, что отставка отъ службъ за старостью, болѣзнями, увѣчьемъ, вообще по какой-либо уважительной причинѣ требовала непременно личнаго рѣшенія вопроса государемъ ⁶⁾: московскій служилый человекъ обязанъ былъ служить до тѣхъ поръ, пока къ тому была хотя бы малѣйшая возможность.

Гораздо сложнѣе вопросъ о назначеніи на должности.

1) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Новгород. ст. Разряда, № 101, л. 35 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Бѣлгород. ст. Разряда, № 132, л. 110 и об., № 134, л. 14 и об., № 139, л. 191 и об., № 161, л. 21 и об., № 181, л. 29 и об., № 191, л. 87 и об., № 258, л. 313 и об., № 275, л. 57 и об., № 279, л. 99 и сл., № 281, л. 20 и об., 31 и об., № 289, л. 106 и об., № 294, лл. 55 и об., 64 и сл., № 305, л. 28 и об., 435 и об., № 303, л. 438 и об., № 336, лл. 120 и об., 185 и об. и т. д.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Новгород. ст. Разряда, № 20, л. 97 и сл.; ст. Моск. стола Разряда, № 6, л. 10 и сл.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгород. стола Разряда, № 119, л. 68 и об., 69 и об., 70 и об., 73 и об., 79 и об., 110 и об. и т. д., № 134, л. 96 и об.; столбцы Моск. стола Разряда, № 171, л. 164 и об.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородскаго стола Разряда, № 24, л. 173 и об.

6) Арх. Мин. Юст., столбцы Приказнаго стола Разряда, № 79, л. 101 и об.; столбцы Моск. ст. Разряда, № 840, ст. 1, л. 247 и об., № 205, л. 4 и об. и др.; ст. Новгород. стола Разряда, № 20, л. 43 и сл., № 71, л. 115 и об., № 74, л. 45 и об., № 75, л. 24 и об., № 80, лл. 28 и об., 93 и об., 148 и об., 154 и об., № 83, л. 1 и об., № 86, л. 68 и об., № 91, л. 74 и сл. № 93, л. 34 и об., № 100, лл. 60 и об., 78 и об.; ст. Бѣлгород. стола Разр., № 134, л. 10 и сл., № 230, л. 227 и об., № 236, л. 377 и об., № 319, л. 258 и об. и др.

Можно вообще сказать, что постепенно все яснѣе намѣчалась и рѣзче проводилась демаркаціонная линія, отдѣлявшая функціи подчиненныхъ органовъ отъ дѣятельности верховной власти. На долю верховной власти оставались назначенія только на болѣе важныя должности. Сюда относится прежде всего назначеніе судей приказовъ и ихъ товарищей, а также приказныхъ дьяковъ, которые все время назначались самимъ государемъ¹⁾. Но уже многіе низшіе чиновники въ приказахъ получали назначеніе отъ судей, стоявшихъ во главѣ этихъ учрежденій, безъ всякаго доклада царю. Такъ по крайней мѣрѣ было въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII вѣка. Отъ этого времени дошелъ до насъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о такомъ способѣ назначенія молодыхъ подьячихъ въ Устюжскую четверть: по приказу главнаго судьи на челобитныхъ лицъ, просившихся въ эту должность, просто помѣчалось: „велѣтъ быть“, безъ доклада государю²⁾. Правда, отъ 1612 г. сохранился фактъ, стоящій какъ будто въ противорѣчій съ этимъ: молодой подьячій Галицкой чети Богдановъ, назначенный было сидѣть въ чети дьяка Богдана Юдина, за прекращеніе дѣятельности этой послѣдней просилъ вернуть его обратно въ Галицкую четъ, и оказывается, что онъ былъ возвращенъ по рѣшенію воеводъ князей Трубецкого и Пожарскаго³⁾, которые стояли тогда во главѣ правительства. Однако не надо забывать, что то было необычное время междуцарствія, что кромѣ того рѣчь тутъ идетъ о подьячемъ уничтоженнаго приказа, оставшемся не у дѣль не по своей винѣ, а вслѣдствіе распоряженія высшаго правительства, уничтожившаго четъ Богдана Юдина, что, наконецъ, это было въ началѣ XVII вѣка, и съ тѣхъ поръ многое могло и даже должно было перемѣниться.

Безъ государя, путемъ простого распоряженія лица, стоявшаго во главѣ приказа, производилось назначеніе въ пристава⁴⁾ и недѣльщики⁵⁾ въ приказы, а также въ сторожа⁶⁾ Но переводчики и

1) Дворцовые Разряды, т. I, 385, 450, 936; т. II, 9, 16 и др.

2) См., напр., Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., св. 108, № 43, св. 133, № 36, св. 45, № 14.

3) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. палаты, 7121 годъ, № 7.

4) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. пал., 7154 г., № № 1 и 123, 152 г. № 76.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. прик. д. ст. л., св. 44, № 96; Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7156 г., № 32, 7148г., № 55.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. к., св. 41, № 70; Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7153 г., № 72.

толмачи Посольскаго приказа получали назначеніе непосредственно отъ царя ¹⁾ по вполне понятной причинѣ: они играли очень важную роль въ дипломатическихъ отношеніяхъ, въ дѣлахъ внѣшней политики государства.

Когда московскій государь уѣзжалъ изъ столицы, то «вѣдать Москву» оставалась обыкновенно особая комиссія, состоявшая по преимуществу изъ чиновъ боярской думы. Эта комиссія назначалась, конечно, самимъ государемъ ²⁾. Государь же назначалъ пословъ и посланниковъ въ иностранныя государства ³⁾, опредѣлялъ составъ «отвѣтной палаты» ⁴⁾, т.-е. лицъ, обязанныхъ вести переговоры съ иностранными послами, приѣзжавшими въ Москву, назначалъ даже тѣхъ, кто долженъ былъ участвовать въ торжественныхъ встрѣчахъ иностранныхъ пословъ при въѣздахъ ихъ въ столицу, и приставовъ при послахъ ⁵⁾. Впрочемъ въ 1650 году видимъ, что назначеніемъ для торжественной встрѣчи литовскихъ пословъ распоряжаются судьи Разряднаго приказа ⁶⁾: очевидно и здѣсь слагается мало по малу особое вѣдомство подчиненныхъ учрежденій, вполне самостоятельное, что свидѣтельствуетъ о развитіи административной техники.

Въ объѣзжіе головы въ Москвѣ назначеніе шло непосредственно отъ царя ⁷⁾; причина заключается въ томъ, что, какъ мы будемъ еще наблюдать и какъ намъ уже отчасти извѣстно, полицейская дѣятельность государственной власти была вообще весьма слабо развита.

Неудивительно, что важнѣйшія порученія по организаціи служилаго сословія, верстанью окладами, разбору и т. д., а такъ же по постройкѣ укрѣпленій давались непосредственно государемъ: такъ, государь назначалъ разборщиковъ ⁸⁾ посылалъ «укрѣплять осаду» ⁹⁾ или «дѣлать городъ» ¹⁰⁾, «дозирать засѣки» ¹¹⁾ и т. д.

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. прик. д. стар. лѣтъ, св. 134, № 51, св. 161, № 14, св. 162, №№ 16 и 17, св. 11, № 18.

2) Дворц. Разряды, т. I, 140, 178, 410, 413, 453 и др.

3) Дворц. Разряды, т. I, 187, 325, 366 и др.

4) Дворц. Разряды, т. I, 203, 322, 461, 496 и др.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 45; Дворц. Разряды, т. I, 958—959, II, 25.

6) Дворц. Разряды, т. III, 233—234.

7) Дворц. Разряды, т. II, 328, 370, 536, 603, 653 и др.; Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола № 51, л. I.

8) Дворц. Разряды, т. I, 383, т. II, 248, т. III, 108.

9) Дворц. Разряды, т. I, 299, 660.

10) Дворц. Разряды, т. II, 530, 569.

11) Дворц. Разряды, т. II, 609.

Писцы, переписчики и дозорщики тоже назначались государемъ. ¹⁾

Мы убѣдились такимъ образомъ, что уже въ центральномъ управленіи наблюдается нѣкоторое выдѣленіе самостоятельной дѣятельности подчиненныхъ учреждений въ сферѣ назначенія должностныхъ лицъ. То же самое можно вывести, изучая способы назначенія областныхъ администраторовъ разныхъ ранговъ.

Полковые и городовые воеводы, ²⁾ ихъ товарищи, ³⁾ письменные головы, ⁴⁾ вообще важнѣйшія должностныя лица въ области опредѣлялись указами царя. Подьячіе съѣзжей избы напротивъ обыкновенно назначались тѣми приказами, въ вѣдѣніи которыхъ находится данный городъ ⁵⁾. То же надо повторить о недѣльщикахъ ⁶⁾, сторожахъ и разсылщикахъ въ съѣзжихъ избахъ, а такъ же о площадныхъ подьячихъ ⁷⁾. Полковые воеводы собственною властью назначали войсковыхъ судей ⁸⁾, сотенныхъ головъ ⁹⁾ и лицъ, завѣдывавшихъ раздачей денегъ служилымъ людямъ ¹⁰⁾. Въ общемъ можно замѣтить, что раздѣленіе функций органовъ верховнаго и подчиненнаго управленія въ назначеніи областныхъ чиновниковъ и военныхъ начальниковъ было проведено къ половинѣ XVII вѣка даже полнѣе, чѣмъ въ назначеніи лицъ, служившихъ по центральному управленію.

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. дѣла ст. л., св. 161, № 15.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., приказ. дѣла старыхъ лѣтъ, св. 18, № 3, св. 126, № 39, св. 147, № 25, св. 170, № 88; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгород. ст., № 541, № 914, л. 11; столбцы Моск. ст., № 74, № 176, л. 60 и др.; Дворцовые Разряды, т. I, 90, 91, 95, 107, 115, 123, 142, 162, 170, 172, 177, 181, 183, 186, 199, 200, 201, 205, 227, 228, 249, 256, 266, 272—273, 277, 304, 323, 341, 388, 433, 436, 439, 440, 443, и т. д.; Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Бѣлгород. ст., № 24, л. 387 и об., № 78, л. 53 и об.; ст. Новг. ст., № 89, л. 1. и 11, № 92, л. 4 и об. и т. д.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столб. Моск. стола Разр., № 840, ст. 1, л. 232 и об.; Дворц. Разр. т. I, 327, 629.

4) Дворц. Разряды, т. I.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 168, № 72, св. 38, № 6, св. 45, №№ 6 и 8, св. 59 № 80; Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Бѣлгород. ст., № 118, л. 147 и об.; ст. Новгор. стола, № 80, л. 41 и сл.

6) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола, № 80, л. 18 и об.; столбцы Бѣлгород. ст., № 294, л. 99 и об.

7) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. полаты, 7153 г., № 28.

8) Дворц. Разряды, т. II, 681.

9) Дворц. Разряды, т. I, 263.

10) Дворц. Разряды, т. I, 263.

II.

Кромѣ назначеній, увольненій, переводовъ, повышеній, отпусковъ и облегченій по службѣ, къ числу разрядныхъ дѣлъ принадлежали еще верстанье окладами, придача къ окладу и справка придачи.

Верстанье окладами лицъ, начинавшихъ службу въ думныхъ чинахъ, т.-е. принадлежавшихъ къ наиболѣе знатымъ фамиліямъ, производилось даже и въ концѣ XVII вѣка самимъ государемъ, по спеціальному каждый разъ его указу ¹⁾. То же надо повторить для первой половины XVII в. и о московскихъ чинахъ, напр., стольникахъ ²⁾, жильцахъ ³⁾. Верстанье окладами переводчиковъ и толмачей Посольскаго приказа также входило въ кругъ дѣлъ, обычно исполняемыхъ царемъ лично ⁴⁾. То же самое наблюдается и въ назначеніи погоднаго жалованья подьячимъ, ранѣе его не получавшимъ ⁵⁾.

Гораздо болѣе сложнымъ является вопросъ о верстанѣ окладами городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Это сложное дѣло потребовало уже въ XVI вѣкѣ организаціи на мѣстахъ подъ руководствомъ центральныхъ учреждений: комиссія окладчиковъ подъ предсѣдательствомъ разборщика и вѣдала его, занося результаты своей работы въ десятни. Повидимому, обычнымъ порядкомъ и являлось въ XVI и XVII вѣкахъ именно такое верстанье окладами, которое при томъ считалось и окончательнымъ, не подлежащимъ дальнѣйшему пересмотру въ порядкѣ ревизіонномъ. Однако возможныя злоупотребленія и ошибки можно было обжаловать, и тогда рѣшеніе зависѣло отъ государя. Вотъ характерный примѣръ, доказывающій это положеніе. Въ 1631 г. Хотяинцовъ и Пушинъ били челомъ о слѣдующемъ: Каширу велѣно было разбирать околыничему князю Волконскому и дьяку Костюрину; старые окладчики поверстали челобитчи-

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 762, ст. 3, л. 140, 141—143, № 943, л. 68, 149 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгород. ст. Разряда, № 65, л. 7 и сл., ст. Вѣлгород. стола Разр., № 119, л. 83 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разряда, № 839, № 840, ст. 1, л. 1 и об., № 856, л. 7—14, № 890, л. 33 и об. и др.

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. дѣла ст. л., св. 5, № 6, св. 18, № 40, св. 24, № 28, св. 46, № 24, св. 94, № 74.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Вѣлгород. стола, № 115, л. 523 и об., № 123, л. 261 и сл., № 128, л. 789 и об., № 170, л. 226 и об.

ковъ въ первую статью, а одинъ изъ новыхъ окладчиковъ — Александровъ—по недружбѣ къ Хотяинову и Пушкину занесъ ихъ во вторую статью; по этому поводу между окладчиками возникъ споръ, и разборщикъ отписалъ къ государю; челобитчики просятъ справиться о службѣ ихъ отцовъ и записать ихъ въ первую статью. На челобитной помѣчено: «государь пожаловал, велѣл дат грамоту, а велѣт поверстат, кому они в версту» ¹⁾.

Мы имѣемъ однако рядъ фактовъ, относящихся и къ началу XVII вѣка и къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ и свидѣтельствующихъ, что самъ государь нерѣдко версталъ окладами городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ ²⁾. Безъ сомнѣнія, это дѣлалось въ промежутки между составленіемъ десятиенъ по одному и тому же уѣзду. Однако характерно для исторіи административной техники въ Московскомъ государствѣ, что и въ этихъ случаяхъ верховная власть стала стремиться къ самооблегченію, къ передачѣ своихъ функций въ руки подчиненныхъ учреждений—приказовъ и воеводъ. И мы наблюдаемъ поэтому нерѣдко въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ верстанье городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ окладами, производимое Разряднымъ приказомъ безъ доклада государю ³⁾. Можно замѣтить даже, что это становится постепенно обычаемъ въ силу повторенія специальныхъ порученій, даваемыхъ царемъ приказу или воеводѣ. Такъ въ 1640 году Каршиковъ, отецъ котораго служилъ по Каширѣ, а самъ онъ, неверстаный, служилъ въ Тулѣ въ солдатахъ, просилъ поверстать его денежнымъ жалованьемъ и помѣстнымъ окладомъ по Тулѣ, кому онъ въ версту; изъ помѣты на челобитной видно, что государь не опредѣлилъ самъ оклада, а передалъ дѣло воеводѣ: «государь пожаловал, велел дат грамоту на Тулу велет поверстат» ⁴⁾. Другой примѣръ указываетъ на передачу

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола, № 51, лл. 107 и об.—108.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгород. стола Разряда, № 55, л. 16 и сл., 201 и об., № 73, л. 65 и сл., № 74, л. 63 и об. и др., № 80, л. 71 и сл., № 91, л. 94 и об. и др., № 93, л. 33 и об., № 100, л. 72 и об., № 101, л. 19 и сл., 78 и сл., № 102, л. 7, и об., столбцы Бѣлгор. ст., № 211, л. 55 и об., № 236, л. 960 и об., № 242, л. 213 и об., № 281, л. 25 и об., № 288, л. 199 и об., № 305, л. 90 и об., № 304, л. 329 и об., № 319, л. 252 и об. и др., столбцы Моск. ст. Разр., № 6, л. 191 и сл., № 161, л. 1 и сл., № 220 и др.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгород. ст. Разр., № 73, л. 104 и об., № 75, л. 114 и об. и др., № 83, л. 88 и об., 91 и об.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгород. стола Разр., № 119, л. 44 и об.

дѣла царемъ приказу: на челобитной Любима Биглова 1651 года значитя помѣта: «государ велѣл поверстат помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ думному дворянину Ивану Ованасьевичу Гавреневу да діакон думному Семену Заборовскому да Григорью Ларионову да Ивану Сѣверову», которые и положили резолюцію: «учинит оклад 300 чети, денег зъ городом 12 рублей» ¹⁾. Любопытно при этомъ отмѣтить въ качествѣ переходнаго момента къ полной самостоятельности подчиненныхъ учреждений въ дѣлѣ верстанья окладами и жалованьемъ слѣдующій документъ: въ 1640 г. рязскій воевода писалъ, что онъ, по грамотѣ изъ Разряда, поверсталъ окладомъ и жалованьемъ рязскаго новика, сына священника Германова, при чемъ окладъ ему учинилъ 200 четвертей, а жалованье съ городомъ назначилъ 6 рублей; по этому поводу «государъ пожаловал, велѣл оклад учинит 150 четьи, денег пят рублей, в Рязком писат верстаньемъ глупостью поповыхъ дѣтей в большую статью, і будѣтъ станешь вперед такъ верстат, і тебѣ бы такъ не дѣлат» ²⁾. Стало бытъ, верстанье воеводы здѣсь подлежало еще пересмотру государя, не превратилось въ постоянную и самостоятельную административную функцію воеводской власти.

Отдѣленіе подчиненныхъ учреждений отъ верховныхъ въ дѣлѣ верстанія окладами и жалованьемъ проникло и въ сферу дворцоваго управленія. И здѣсь разные мелкіе служащіе по дворцу получали жалованье по рѣшенію подчиненныхъ органовъ, безъ доклада верховной власти, которая уже совершенно не вмѣшивалась въ это дѣло. Этимъ объясняются такіе факты, какъ назначеніе въ 1639 г. жалованья портному мастеру мастерской палаты «по приказу стряпчаева съ ключемъ» ³⁾, какъ опредѣленіе Дворцомъ въ 1637 г. сѣнному сторожу ⁴⁾ и истопнику царицы ⁵⁾ годового денежнаго жалованья. Царицны дѣти боярскіе, какъ показываютъ факты 1627 и 1631 годовъ ⁶⁾, верстались окладами тоже не лично царемъ, а въ приказѣ Большого дворца. Первый изъ этихъ фактовъ любопытенъ еще по тому, что отмѣчаетъ начало и способъ передачи данной функціи органамъ подчиненнаго управленія: на челобитной сына боярскаго

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола, Разр. № 101, л. 39 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 161, л. 6 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7147 г., № 17.

4) Тамъ же, 7145 г., № 21.

5) Тамъ же, 7145 г., № 23.

6) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7139 г., № 111.

Богаткова, просившаго поверстать его окладомъ, помѣчено: «государь пожаловал велѣл ево поверстат. И по верстанью Федора Степановича Стрешнева учинен ему оклад двѣсти пятьдесят чети, денег девят рублей»; ¹⁾ здѣсь государь едва ли не впервые поручаетъ это дѣло подчиненному администратору, который и исполняетъ его вполнѣ самостоятельно. Подобные факты являлись прецедентами для рѣшенія другихъ такихъ же вопросовъ.

Параллельный и соответствующій только что рассмотрѣнному случай представляетъ собою поверстаніе окладомъ государева „завязошника“ Андреева въ 1626 г.: здѣсь „государь пожаловал, велѣл поверстать, примѣряя к иным ²⁾“.

Понятное дѣло, что если приходилось имѣть дѣло съ служащими по дворцу, получавшими особыя, специальныя назначенія, не совсѣмъ обычныя въ практикѣ дворцоваго управленія, то назначеніе имъ окладовъ и жалованья не могло состояться безъ царя. Вотъ почему самъ государь назначилъ поденный кормъ принятому въ 1650 году на службу французу Потивину, граверу, виноградарю, садоводу и „водовзводнаго дѣла“ мастеру ³⁾, и онъ же опредѣлил въ 1649 году помѣстный и денежный окладъ „самопальнаго узорочнаго дѣла мастеру Вилиму Когему ⁴⁾“.

Въ Московскомъ государствѣ установился обычай выдавать единовременное денежное вознагражденіе русскимъ плѣнникамъ, вернувшимся изъ плѣна, „за полонное терпѣнье“, иностранцамъ, поступившимъ въ русское подданство, — „за выходъ“, тѣмъ, кто захватилъ во время войны „языковъ“, т. е. плѣнныхъ, показаніями которыхъ пользовались для военныхъ цѣлей („язычное жалованье“ или „язычныя деньги“), тѣмъ, кто былъ раненъ на войнѣ и нуждался въ леченіи. Безъ сомнѣнія, сначала всѣ эти специальныя единовременныя выдачи производились самой верховной властью, отъ которой всецѣло зависѣло и опредѣленіе ихъ размѣровъ. Но въ XVII вѣкѣ, особенно къ тридцатымъ годамъ и позднѣе, наблюдается уже совершенно иной порядокъ: все рѣшаютъ подчиненные административные органы, которые и помѣчаютъ на подаваемыхъ челобитныхъ: „дать ему государева жалованья выходнова“ столько-то ⁵⁾, „дать госуда-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. палаты, 7135 г., № 67.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. палаты, 7134 г., № 34.

³⁾ Тамъ же, 7158 г., № 92.

⁴⁾ Тамъ же, 7157 г., № 75.

⁵⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 8, № 4, св. 33, №

рево жалованье язычное по указу ¹⁾“, „дат ему государева жалованья за полонное терпѣнье“ такую-то сумму ²⁾), „осматриван, дат на лечку 4 рубля ³⁾“.

Въ награду за службу, раны, плѣнь („полонное терпѣнье“) служилые люди Московскаго государства получали обыкновенно прибавки или „придачи“ къ окладу. До насъ дошелъ отъ XVII вѣка весьма обильный матеріалъ, свидѣтельствующій о томъ, какою властью производились такія придачи. Оказывается, что въ первой половинѣ вѣка въ большинствѣ случаевъ это было предметомъ дѣятельности самого царя, независимо отъ того, къ какому чину принадлежалъ служилый человекъ, получившій придачу: тагъ было съ боярами, окольными, вообще съ думными людьми, съ жильцами и другими лицами московскихъ чиновъ, съ дьяками и подьячими приказовъ, съ толмачами и переводчиками, съ провинціальными дворянами и дѣтьми боярскими, со стрѣльцами и казаками, съ царицыными дѣтьми боярскими, со „ствольными мастерами“ и т. д. ⁴⁾. Приводимъ нѣсколько типическихъ въ этомъ отношеніи примѣровъ. Согласно просьбѣ „ружейнаго приказу ствольнаго мастера“ Аванасьева повысить ему годовое жалованье съ 6 до 9 р., „государь пожаловалъ“, велѣлъ дать ему придачу ⁵⁾. Въ 1640 г Фустовъ и подьячій Ломанищъ просили о помѣстной и денежной придачѣ за посылку въ 75; Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Приказ. ст. Разр., № 20, л. 6—7, 13 и сл., 19 и сл., 28 и сл., 35 и сл., № 24, л. 1 и сл., 7 и сл., 21 и сл., 165 и сл., и т. д.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разряда, № 68, л. 61 и сл., 87 и сл., и т. д., № 78, л. 12 и сл. и др.

²⁾ Мос. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 13, № 35; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разряда, № 71, л. 14 и сл.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разряда, № 70, л. 1 и 2; ср. л. 4 и об., 18 и об.; № 71, л. 19 и сл., 29 и сл. и т. д.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. стола Разряда, № 77, л. 38 и об. и др., № 91, л. 70 и об. и др., № 93, л. 35 и об. и др., № 100, л. 32 и сл., столбцы Бѣлгородс. ст. Разряда, № 105, л. 26 и об., № 242, л. 224 и об., № 264, л. 53 и сл. и др., № 267, л. 49 и сл., № 294, л. 33 и об., № 131, л. 54, № 134, л. 59 и об., № 188, л. 95 и об., № 291, л. 200 и об., № 303, л. 515 и об., № 317, л. 316 и об. и др., № 319, л. 521 и об. и др.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 108, № 43, св. 120, № 73, св. 122, № 20, св. 143, № 13, св. 161, № 103, св. 176, № 13, св. 186, № 90; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 59, л. 445 и сл., 463 и об., № 113, л. 8 и сл. и др., № 184, ст. 1, л. 1 и об., № 183, ст. 2, л. 114 и об., № 205, л. 13 и об., № 223, л. 4 и об. и т. д.

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. пал., 7158 г., № 106.

Крымъ; государь велѣлъ выписать и доложить себя, государя, а затѣмъ далъ придачу обоимъ ¹⁾). Въ 1633 г. помѣстную и денежную придачу воеводамъ за походъ пожаловалъ государь личнымъ своимъ распоряженіемъ ²⁾).

Денежная и помѣстная придача къ окладу была, какъ видно изъ предыдущаго, не чѣмъ инымъ, какъ видомъ награды за службу служилого человѣка. Если самъ государь награждалъ воеводъ за службу кубками, шубами, золотыми ³⁾), то понятно, что онъ же долженъ былъ давать имъ награды путемъ назначенія придачь къ окладамъ. Однако потребность въ расширеніи бюрократической машины и облегченіи хода ея работы, вызываемая обремененностью верховной власти множествомъ мелкихъ дѣлъ, все болѣе увеличивавшихся числомъ и усложнявшихся подъ вліяніемъ житейскихъ условий, заставила и здѣсь постепенно устанавливать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самостоятельное положеніе для подчиненныхъ органовъ администраціи. Въ 1636 г. служилымъ людямъ провинціальнымъ за смоленскую службу придача дана была безъ государя ⁴⁾). Въ 1638 г. безъ спеціального государева указа былъ награжденъ придачей подьячій Устюжской четверти Марковъ ⁵⁾). Въ 1648 г. на челобитной головы усердскихъ казаковъ о придачѣ читаемъ помѣту: „учинитъ государева жалованья придачи“ столько-то ⁶⁾). Въ 1640 г. „казначей Павелъ Ивановичъ Волынской приказалъ молодому подьячему Павлу Григорьеву прибавитъ государева жалованья къ прежнему ево окладу къ дву рублемъ три рубли“ ⁷⁾). Этого мало: не позднѣе 1629 года молодымъ (т.-е. младшимъ) подьячимъ разныхъ приказовъ по общему правилу стали давать придачи къ окладамъ ихъ начальники—приказные дьяки; это видно изъ слѣдующей помѣты на челобитной молодого подьячаго Галицкой чети Редрикова: „по государеву указу

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., приказ. дѣла старыхъ лѣтъ, св. 120, № 69.

²⁾ Арх. Мин. Юст., столбцы Новгород. стола Разряда, № 34, л. 32 и сл.

³⁾ Дворцовые Разряды, т. I, 103, 175, 180, 207, 209, 314, 353, 386, 408 и т. д.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгород. стола Разряда, № 60, л. 14 и сл., № 65, л. 65 и сл.

⁵⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Д., приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, св. 108, № 43.

⁶⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. стола Разряда, № 267, л. 40 и слѣд.

⁷⁾ Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. пал., 7148 г., № 17.

вашей братьи прибавливают жалованья смотря по дѣлу дьяки, которые вас у дѣла знают“¹⁾). Наблюдаемъ опять выдѣленіе сферы подчиненнаго управленія и въ процессѣ происхожденія: когда подъячій Галицкой чети Невѣровъ просилъ поверстать его придачей, государь не рѣшилъ дѣла, а передалъ его въ приказъ: „велѣлъ поверстат денежнымъ и помѣстнымъ окладомъ, кому онъ вверсту“²⁾).

Недостаточно было получить указъ о придачѣ, надо было, чтобы она была зарегистрирована, „справлена“. Эта „справка придачи“ также требовала дѣятельности властей, и для нашей цѣли опять таки имѣетъ значеніе вопросъ, какъ слагалась административная техника, какія власти вѣдали справку придачи въ изучаемое нами время, особенно въ 40-мъ и 50-мъ годамъ XVII вѣка.

Справка придачи вѣдалась непосредственно царемъ весьма рѣдко и то лишь въ началѣ XVII столѣтія. Можно даже по нѣкоторымъ даннымъ заключить, что и въ это время она практиковалась самой верховной властью только въ исключительныхъ случаяхъ. Это видно съ особенной ясностью изъ того, что тѣ немногочисленные факты, которые сюда относятся, всѣ касаются справки придачъ, своевременно неисполненной, при томъ придачъ, данныхъ въ Смутное время и потому совершенно не провѣренныхъ. Вотъ почему въ такихъ случаяхъ, относящихся къ 1616 и 1617 годамъ, дѣло восходило до государя, и онъ приказывалъ произвести справку „до болшова сыску“, до генеральной, общей провѣрки правъ просителей на придачи³⁾. Что эта специфическая особенность разсматриваемыхъ дѣлъ (именно, полное отсутствіе справки въ прошломъ и крайняя ея запоздалость) имѣли тутъ опредѣляющее значеніе въ смыслѣ направленія ихъ на усмотрѣніе верховной власти,—это подтверждается тѣмъ, что въ 1614 и 1615 годахъ, не говоря уже о болѣе позднемъ времени, справки придачъ, не имѣвшихъ указавныхъ особенностей, производились безъ какого-либо участія царя, простымъ распоряженіемъ Разряда⁴⁾. Позднѣе же 1617 года мы не встрѣчаемъ ни одного случая разсмотрѣнія вопроса о справкѣ придачи царемъ. Въ этомъ

1) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. палаты, 7137 л., № 67.

2) Тамъ же, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7127 г., № 74.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 883, л. 65—67, № 901, 41 и сл., 53—58.

4) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгород. стола Разряда, № 18, л. 170 и об., № 55, л. 248 и об., 249 и об.; столбцы Моск. ст. Разряда, № 890, лл. 1—3, 12—4, 17—18, 36—39, № 901, л. 70 и об. и мн. др.

отношеніи окончательно установилось опредѣленное и самостоятельное вѣдомство подчиненнаго учрежденія.

III

Мы убѣдились, такимъ образомъ, что многочисленныя и довольно разнообразныя дѣла, объединившіяся на московскомъ государственномъ языкѣ подъ общимъ названіемъ „разрядныхъ“ дѣлъ, къ половинѣ XVII вѣка въ довольно значительной степени перешли въ вѣдѣніе органовъ подчиненнаго, главнымъ образомъ центрального управленія. Правильность этого вывода и дѣйствительное значеніе совершавшейся постепенно перемѣны въ административной техникѣ выяснится еще съ большей полнотой, если обратить вниманіе на то, что въ вѣдомствѣ Разряда еще въ первой половинѣ XVII вѣка сосредоточились нѣкоторыя другія, неуказанныя выше разрядныя дѣла, которыя исполнялись этимъ приказомъ вполне самостоятельно безъ сношеній съ верховной властью, безъ ея указанія, разрѣшенія или утвержденія. Сюда относятся, какъ показываютъ, напр., записныя книги Разряднаго приказа, выдачи наказовъ вновь назначаемымъ воеводамъ и грамотъ о роспискѣ старымъ, смѣняемымъ ¹⁾). Безъ сомнѣнія, то и другое было первоначально дѣломъ, не проходившимъ мимо царя и боярской думы, но въ XVII столѣтіи участія перваго и второй въ соответствующей работѣ Разряда уже совершенно незамѣтно. Не нужно было уже также въ изучаемое время и особаго спеціальнаго указа государя о необходимости собрать въ Разрядѣ, Пушкарскомъ, Иноземскомъ и другихъ военныхъ приказахъ свѣдѣнія, касающіяся состоянія военныхъ силъ государства. Тѣ-же записныя книги Разряднаго приказа свидѣтельствуютъ, что составленіе „годовой смѣты“ числа служилыхъ людей по даннымъ разныхъ приказовъ и сборъ изъ Пушкарскаго приказа свѣдѣній о „нарядѣ“ и вообще боевыхъ артиллерійскихъ снарядахъ и запасахъ ²⁾), входили въ кругъ постоянного и самостоятельнаго вѣдѣнія Разряда.

Гораздо болѣе многообъемлющей, какъ это впрочемъ и естественно, оставалась непосредственная дѣятельность верховной власти и высшихъ учреждений по большей части военныхъ дѣлъ въ ближайшемъ смыслѣ этого слова.

1) Русская Историч. Библіотека, т. X, 115, 130, 132, 133, 161, 166, 188, 205—206, 221, 224, 225, 235 и т. д.

2) Тамъ же, 124, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 134, 146, 147, 148, 149, 183, 185, 216, 217, 218 и т. д.

Было бы большой ошибкой думать, что главнокомандующіе въ московскомъ государствѣ являлись самостоятельными вождями и руководителями вѣрренныхъ имъ армій. На самомъ дѣлѣ арміи въ сущности имъ никогда не вѣрялись, и военныя дѣйствія находились подъ бдительнымъ и мелочнымъ контролемъ, надзоромъ и руководствомъ царя и боярской думы. Полковые воеводы „отписывали“ царю обо всякой мелочи, о показаніяхъ лазутчиковъ, о поимкѣ „языковъ“, т. е. плѣнныхъ изъ непріятельской арміи или жителей мѣстности, гдѣ происходила война, знавшихъ о положеніи непріятеля, о ничтожныхъ передвиженіяхъ и стычкахъ и ждали постоянныхъ указаній для того, чтобы хотя на шагъ двинуться впередъ. По всемъ подобнымъ дѣламъ мы постоянно встрѣчаемъ помѣты о томъ, что дѣло слушали и рѣшили государь и бояре ¹⁾, государь и патриархъ ²⁾, что отписка воеводъ „чтена“ царю ³⁾, что та или другая мелочь „перед государемъ чтена і то вѣдомо“ ⁴⁾ и т. д.

Не меньше вниманія удѣляла верховная власть различнымъ подробностямъ, имѣвшимъ отношеніе къ аккуратной явкѣ служилыхъ людей въ полки и къ пополненію арміи добавочными людьми. Вотъ типическіе примѣры, иллюстрирующіе такую внимательность къ военно-техническимъ деталямъ. Въ апрѣлѣ 1628 г. воеводы князь Барятинскій и Чемодановъ и дьякъ Волковъ изъ Вязьмы сообщили, что къ нимъ пріѣхало на службу столько-то служилыхъ людей, и въ Разрядѣ была сдѣлана помѣта: „выписат тотчасъ въ доклад“ ⁵⁾. То же самое повторилось затѣмъ въ маѣ ⁶⁾ и августѣ ⁷⁾ 1628 года. Въ 1644 г. самъ царь распорядился увеличить число пушкарей, воротниковъ и затинщиковъ въ Яблоновѣ.

Далѣе, безъ указа самого государя не обходилось ни одна не только постройка, но и починка укрѣпленій. И при томъ такъ было

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгород. стола Разряда, № 3, л. 11, № 17, л. 47 и об., № 39, л. 65 и об., 114 и об., № 58, л. 332 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгород. ст., № 72, л. 135 и об.; столбцы Моск. ст. Разр., № 79, лл. 196—197, 200 и об., 203 и об. и т. д.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказнаго стола Разряда, № 40; ст. Бягор. стола, № 501, л. 55 и об.

4) Моск. Ар. Мин. Юст., столбцы Новгород. ст. Разряда, № 68, л. 236 и об., 240 и об.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгород. стола Разряда, № 17, л. 157 и об.

6) Тамъ же, л. 214 и об.

7) Тамъ же, л. 217 и об.

не только съ большими, серьезными крѣпостными сооружениями, но даже съ самыми ничтожными. Переносъ укрѣплений съ одного мѣста на другое въ одномъ и томъ же городѣ рѣшается государемъ и боярской думой въ 1650 году.¹⁾ Личнымъ распоряженіемъ царя совершаются мелкія починки укрѣплений. Въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII вѣка.²⁾ Безъ доклада царя или думы не могутъ обойтись при постройкѣ не только большихъ „остроговъ“ (т.-е. крѣпостей),³⁾ но и „острожковъ“. ⁴⁾ Верховная власть утверждаетъ и построение „за-сѣкъ“, ⁵⁾ и устройство „надолобъ“, ⁶⁾ и укрѣпленіе бродовъ на рѣ-кахъ,⁷⁾ и размѣщеніе „сторожъ“ или сторожевыхъ пунктовъ,⁸⁾ и даже переводъ сторожъ на другія мѣста ⁹⁾.

Доставка свинца, пороху, всякаго рода оружія ¹⁰⁾, постройка по-роховыхъ погребовъ ¹¹⁾ также требовали непосредственнаго участія московскаго государя въ каждомъ дѣлѣ, какъ бы ничтожно съ воен-ной и финансовой точки зрѣнія оно ни было.

Нельзя, впрочемъ, представлять себѣ, что въ области военныхъ дѣлъ не чувствовалась не разъ подмѣченная нами уже въ другихъ случаяхъ потребность въ самостоятельности подчиненной админи-страціи. Мы видимъ, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ сами цари оказываются иногда вынужденными не разсматривать по суще-

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 304, л. 382 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 191, л. 521 и об., № 256, л. 12—13, № 914, л. 150 и об.; столбцы Моск. стола Разр., № 46, л. 345 и об., № 140, л. 58 и об. № 153, л. 7 и об.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Прик. д. ст. л., св. 164, № 37, св. 189, № 118, св. № 32, св. 44, № 94, св. 53, № 81, св. 66, № 17.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст., Разр. № 39., л. 68 и сл., № 43, л. 48 и об., № 84, л. 47 и об., № 85, л. 246 и об. и др., № 211, л. 102 и об.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 65; лл. 1—3, 14 и сл., 23.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 140, лл. 5 и об., 21—23, 75—76.

6) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разряда, № 158, л. 10 и об.

7) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 170, л. 14 и об.

8) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разряда, № 60, л. 163—165. № 274, л. 86 и об.

9) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 317, лл. 177—178.

10) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст.; Разр. № 39, л. 36 и об., № 68, л. 22 и об.; столбцы Бѣлгор. ст., № 72, л. 61 л. об., № 139, л. 32 и об., № 170 л. 21 и об., № 174, л. 328 и об. и др., № 887, лл. 135 и об., 187 и об.

11) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 149, лл. 165—166.

ству представленных на ихъ усмотрѣніе мелкихъ вопросовъ военной техники, а передавать ихъ не только для исполненія, но и для свободнаго въ извѣстныхъ предѣлахъ рѣшенія подчиненнымъ властямъ. Такъ въ 1631 году государь поручаетъ воеводѣ распорядиться о постройкѣ надолобъ въ Воронежскомъ уѣздѣ. ¹⁾ Въ 1643 г. шацкій воевода Жеребцовъ свидѣтельствуетъ о недостаткѣ сторожъ въ заповѣдномъ лѣсу около „Панковской прорѣхи“; государь не сталъ самъ рѣшать дѣло, и, какъ значится въ помѣтѣ, «велѣл указ учинит ис Пушкарского приказу околничему кнезю Ондрѣю Федоровичу Львову», ²⁾ т.-е передалъ на усмотрѣніе подчиненнаго учрежденія—приказа.

Разсматривая на предшествующихъ страницахъ организацію управления разрядными дѣлами въ Московскомъ государствѣ до половины XVII вѣка, мы видѣли, что въ этой области административной дѣятельности къ половинѣ столѣтія усилилась самостоятельность бюрократіи, и верховная власть избавилась отъ обремененія множествомъ мелкихъ дѣлъ, прежде до нея восходившихъ. Этотъ ростъ бюрократической самостоятельности можетъ быть выраженъ въ слѣдующей формулѣ:

Къ половинѣ XVII столѣтія органы подчиненнаго управления въ Московскомъ государствѣ стали самостоятельно вѣдать запись въ службу главной массы служилыхъ людей, служебные отпуска низшихъ чиновъ въ невоенное время, переводы изъ гарнизонной службы въ полевую, назначеніе на всѣ мелкія должности въ войскѣ, центральномъ и областномъ управленіи, верстанье окладами, назначеніе спеціальныхъ вознагражденій, придачи къ окладамъ низшихъ чиновниковъ, справку придачъ для всѣхъ служилыхъ людей, выдачу инструкцій областнымъ правителямъ, сборъ свѣдѣній о состояніи военныхъ силъ государства и, наконецъ, устройство мелкихъ укрѣпленій.

---

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказнаго стола Разряда, № 51, л. 503 об.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда № 190, л.л. 40—41.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дѣятельность верховныхъ и подчиненныхъ органовъ государственной власти въ отношеніи къ землевладѣнію.

I.

Служба, о которой у насъ только что шла рѣчь, обезпечивалась въ Московскомъ государствѣ прежде всего и больше всего землею, что вполне естественно въ земледѣльческой странѣ, только что начавшей избавляться отъ полнаго господства натурального хозяйства. Мы и должны теперь присмотрѣться къ дѣятельности государственныхъ учреждений въ отношеніи къ землевладѣнію.

Въ Московскомъ государствѣ былъ обширный запасъ государевой земли—дворцовой и черной. Хозяйственная эксплуатація этой земли производилась подъ руководствомъ дворецкаго и начальниковъ дворцовыхъ «путей» волостелями и особенно посельскими и приказчиками, которые, повидимому, и вели дѣло по разъ заведенному порядку. Однако обычный порядокъ, рутина не всегда удовлетворяла хозяйственнымъ потребностямъ, выгодамъ хозяина, какимъ былъ самъ царь. И потому, когда возникалъ хоть сколько-нибудь необычный, неповседневный хозяйственный вопросъ, личное участіе царя въ его рѣшеніи становилось необходимымъ и немедленно осуществлялось въ дѣйствительности. Любопытнымъ примѣромъ такого вмѣшательства верховной власти въ хозяйственныя подробности является, напр., слѣдующій случай: въ 1627 году курчане служилые и жилецкіе люди просили избавить ихъ отъ обязанности распахивать государеву десятинную пашню (т.-е. отбывать земледѣльческую барщину на царя) и предлагали брать съ нихъ за то оброкъ по 1000 четвертей ржи и 1000 ч. овса въ годъ; дѣло было изслѣдовано въ Разрядѣ, и думный дьякъ Федоръ Лихачевъ докладывалъ царю, а царь изъявилъ согласіе на просьбу жителей Курска ¹⁾).

Въ наличности имѣлось обыкновенно довольно много свободныхъ доходныхъ казенныхъ статей—пашенъ, сѣнокосовъ (поженъ), озеръ, лѣсовъ и т. д. Эти земли и воды чаще всего эксплуатировались путемъ сдачи въ аренду или на оброкъ, какъ тогда говорили. И если по заведенному, ранѣе существовавшему порядку, данное угодые

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. ст. Разряда, № 693, л. 79.

сдавалось всегда на оброкъ, то подробности этой сдачи—размѣры арендной платы, сроки и т. под.—опредѣлялись уже не верховной властью и не учрежденіями, дѣлившими съ нею сферу ея непосредственной дѣятельности, а исполнительными органами. Прямѣровъ очень много въ нашихъ источникахъ ¹⁾. Ограничимся приведемъ двухъ—трехъ типическихъ случаевъ, выбравъ ихъ изъ разныхъ моментовъ. Въ 1628 г. крестьянинъ Тотемскаго уѣзда Немировъ просилъ дать ему на оброкъ поросшее лѣсомъ мѣсто; Приказъ безъ государя рѣшилъ: «дат грамота» ²⁾. Въ 1638 г. въ Воронежскомъ уѣздѣ также безъ всякаго участія государя сдаются на оброкъ рѣки и рыбная ловля ³⁾. Въ 1647 г. крестьянину Сольвычегодскаго уѣзда Саранцыну пустой жеребій въ деревнѣ былъ данъ на оброкъ и на льготу писцами безъ обращенія къ верховной власти ⁴⁾.

Правда, бывали въ этомъ отношеніи иногда и исключенія, но они характерны именно потому, что какъ нельзя лучше подтверждаютъ сдѣланныя сейчасъ наблюденія. Дѣло въ томъ, что иногда челобитчики по старой привычкѣ обращались непосредственно къ царю и по сравнительно меньшимъ дѣламъ, касавшимся сдачи въ аренду оброчныхъ статей. Тогда царь обыкновенно направлялъ дѣло въ приказъ или къ воеводѣ, указывая, что имъ слѣдуетъ рѣшить его окончательно. Такъ въ 1636 г. бѣлгородецъ Спѣсивцевъ взялъ на оброкъ въ Хотмышской волости бортный ухжей, не описанный въ оброчныхъ платежныхъ кнѣгахъ, потому что раньше оброкъ съ него не шелъ, и просилъ опредѣлять арендную плату въ полуполтину въ годъ; государь велѣлъ воеводѣ изслѣдовать и рѣшить дѣло окончательно ⁵⁾. Или, когда въ 1635 г. Ѳоминъ просилъ царя дать ему на оброкъ пустошь въ Великолуцкомъ уѣздѣ, то царь поручилъ это дѣло всецѣло дьяку Пантелѣю Чирикову ⁶⁾. Такимъ образомъ исключенія только подтверждаютъ выводъ, что сдача въ аренду оброчныхъ

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., св. 129, № 50, св. 133, №№ 22, 26, 29, 34, 37, св. 134, № 53 и др., св. 135, № 69, св. 154, № 91, св. 156, № 8, св. 160, №№ 85 и 92, св. 167, № 47, св. 169, № 84, св. 172, №№ 94, 107, 122, с. 173, № 142; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прикл. д. ст. л., св. 28, № 16, св. 160, № 89 и т. д.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прикл. д. ст. л., св., 28, № 16.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. стола, № 104, л. 579 и об.

4) Моск., Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прикл. д. ст. л., св. 182, № 64.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. ст. Разр., № 75, л. 88 и об.

6) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., прикл. д. ст. л., св. 76, № 57.

статей превратилась уже въ обычную и совершенно самостоятельную функцію подчиненныхъ учреждений.

Случалось однако, что дворцовая или черная земля не предназначалась для веденія на ней хозяйства и не сдавалась въ аренду. Тогда она обыкновенно раздавалась въ помѣстное владѣніе служилымъ людямъ разныхъ чиновъ. Дача земли въ помѣстье не только требовала хлопотъ со стороны лица, получающаго помѣстье, которому приходилось подыскивать свободную землю, подавать челобитныя, ходить по приказамъ, но, можно сказать, приводила въ движеніе весь административный механизмъ того времени: посылались грамоты къ воеводамъ, которые «обыскивали» дѣло, провѣряли данныя челобитной просителя, составлялись докладныя выписки, выдавалась изъ приказа послушная грамота новому помѣщику, отправлялось распоряженіе воеводѣ ввести помѣщика во владѣніе помѣстьемъ, произвести, если то было нужно, «отдѣлъ», т.-е. отграниченіе помѣстья отъ сосѣднихъ владѣній и т. д. Передъ подчиненной администраціей было открыто, такимъ образомъ, довольно обширное поле дѣятельности. Но все-таки самый существенный въ юридическомъ отношеніи моментъ всей операціи выходилъ изъ сферы вѣдѣнія органовъ подчиненнаго управленія: самый актъ пожалованія помѣстьемъ совершался всегда—и въ 20-хъ, и въ 30-хъ, и въ 40-хъ годахъ—самой верховной властью ¹⁾, и Помѣстный приказъ только регистрировалъ фактъ, запося этотъ актъ въ особыя книги «помѣстныхъ дачъ» ²⁾.

Земли жаловались государемъ не только въ помѣстное владѣніе, но также и въ вотчинное, причемъ, какъ извѣстно, пространство владѣльческихъ правъ на пожалованныя вотчины опредѣлялось текстомъ жалованной грамоты ³⁾. Понятно, что если пожалованіе во временное и условное, помѣстное владѣніе исходило всегда непосредственно отъ государя, то такимъ же способомъ жаловалась земля и въ полную, наследственную собственность со всѣми или, по крайней

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разряда, № 72, л. 102 и об.; столбцы Моск. стола Разр., № 6, л. 5 и об., № 157, столп. 2, л. 1 и об., № 229, л. 4 и об.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 37 № 38, св. 20, № 21 и т. д.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., книги записныя вотч. Пом. приказа, кн. ^{5989,}
21
и ⁵⁹⁹⁰
22

3) См., напр., Акты Арх. Эксп., т. I, № 304; Акты, отн. до юридич. быта древней Рос., т. I, № 30, III; Доп. къ Акт. Ист., т. V, № 175.

мѣръ, нѣкоторыми правами пользованія и распоряженія. Многочисленные свидѣтельства источниковъ подтверждаютъ это на каждомъ шагу ¹⁾. Исключеніе представляютъ въ этомъ отношеніи только пожалованія дворовъ въ городахъ: здѣсь обходились уже безъ утвержденія и вообще безъ участія царя. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ цѣлаго ряда другихъ. Въ 1637 г. царицынъ сынъ боярскій Сновидовъ просилъ пожаловать его «порозжимъ» дворовымъ мѣстомъ въ Москвѣ на Кисловкѣ; приказъ помѣтилъ на его челобитной: «будетъ то дворовое мѣсто порозжо, и ему то мѣсто дати» ²⁾. Въ 1619 г. стрѣльцкому сотнику Власьеву дворъ въ Калугѣ на посадѣ былъ данъ безъ государя: «датъ грамота, велѣтъ датъ—рѣшили въ приказѣ для передачи объ этомъ мѣстному воеводѣ ³⁾. Бывали, правда, и исключенія, приводившія къ вмѣшательству царя, но это объясняется всегда особыми обстоятельствами: это или пожалованіе дворовыхъ мѣсть на посадѣ служилымъ людямъ, напр., драгунамъ и пушкарямъ ⁴⁾, или пожалованіе мѣсть для осадныхъ дворовъ, находившихся не на посадѣ, а въ «городѣ» или крѣпости ⁵⁾, гдѣ необходимо было принимать во вниманіе слишкомъ важные интересы—интересы военной обороны поселенія, или, наконецъ, передача двора умершаго служилаго человѣка его дальнимъ родственникамъ ⁶⁾.

Но и за раздачей земель на оброкъ и въ помѣстья и пожалованіемъ ихъ въ вотчину много еще оставалось свободной земли, оставшейся безъ всякой хозяйственной эксплуатаціи, лежавшей «впустѣ» и потому не приносившей дохода государевой казнѣ. Чтобы такіа земли не оставались безплодными для послѣдней, правительство при-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы [Бѣлгор. стола, № 279, л. 53 и об., № 289, л. 99 и об., № 292, л. 231 и сл., № 294, л. 66 и об., № 317, лл. 123—124, 144 и об., № 105, л. 5 и об., 415 и об., № 107, л. 156 и об., № 152, л. 24 и об., № 170, л. 283 и об., № 236, л. 872 и об. и т. д.; столбцы Моск. ст. Разр., № 8, л. 1 и сл., 31 и об., 94 и сл., № 120, л. 33 и об. и мн. др.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы Оруж. пал. 7145 г., № 101.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7127 г., № 154.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. стола Разряда, № 78, л. 345 и об., № 258, л. 78 и об.

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. стола Разряда, № 190, л. 88 и об.

⁶⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 181, л. 5 и об.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л, св. 5, № 8.

бѣгало къ продажѣ «порозжей» земли въ вотчину всѣмъ желающимъ ее купить служилымъ людямъ. Продавались въ вотчину и помѣстные земли. Однако такое отчужденіе казенной земли не обходилось безъ участія государя. Доказательствъ много ¹⁾. Вотъ примѣры: въ 1643 г. Бутозову продано въ вотчину его не помѣстье въ Московскомъ уѣздѣ «по государеву указу и по подписной челобитной за помѣтою думного дьяка Івана Гавренева» ²⁾. Или: «в приходных книгахъ продажныхъ земель 144 году октября въ 20 д. написано: по государеву имянному приказу за помѣтою думного дьяка Михайла Данилова продано в вотчину боярину князю Дмитрею Мамстрюковичу Черкасскому въ Можайскомъ уѣздѣ.... ис порозжихъ земель» бывшее помѣстье Бовалева ³⁾.

Наконецъ, помѣстные земли не только продавались въ вотчину, но и жаловались даромъ. Это было не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ видовъ награды за службу и за особыя заслуги и, какъ всѣ награды, исходило, разумѣется, непосредственно отъ носителя верховной власти. Вотъ примѣры: въ 1627 г. государь за «осадное сидѣнье королевичева приходу» распорядился наградить многихъ лицъ пожалованіемъ изъ помѣстій въ вотчины ⁴⁾; тогда же о пожалованіи земель изъ помѣстья въ вотчину Тараканова «государь пожаловалъ, велѣлъ службу его выписать и доложить себя государя», но и послѣ этого Тараканову пришлось подавать еще другую челобитную на томъ основаніи, что «бес твоего государева имянного приказу тебя государя не доложатъ», и лишь затѣмъ царь рѣшилъ дѣло ⁵⁾.

II.

Развитіе денежнаго хозяйства, даже первоначальное постепенно превращаетъ землю въ товаръ, въ предметъ, обращающійся на

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., книги запис. вотч. Помѣст. приказа, кн. $\frac{5979}{11}$, дѣла №№ 61 и 66, кн. $\frac{5981}{13}$, д. № 57, кн. $\frac{5985}{17}$, д. № 49, кн. $\frac{5986}{18}$, д. № 18, кн. $\frac{5998}{30}$, д. №№ 13 и 17, кн. $\frac{5999}{31}$, д. №№ 30 и 72.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., книги записныя вотчин. Помѣст. приказа, кн. $\frac{2978}{10}$, д. № 37.

³⁾ Тамъ же, д. № 44.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 8, лл. посл., 31 и об.

⁵⁾ Тамъ же, № 71, л. 1 и об.

рынѣ. Соответственно этому усилилась мобилизація земельной собственности, умножились случаи продажи, залого, мѣны, даренія земли; въ тоже время земли передавались, какъ и прежде,—и даже больше, чѣмъ прежде, въ виду увеличенія размѣровъ вотчинной земли,—по наследству, отдавались въ приданное по ряднымъ записямъ и т. д. Если раньше при полномъ господствѣ натурального хозяйства, когда мобилизація земельной собственности была ничтожна, и гражданскія сдѣлки съ землей являлись рѣдкостью, чувствовалась все-таки потребность въ регистраціи приобретаемыхъ правъ, въ ихъ нотаріальномъ укрѣпленіи, то теперь эта потребность обострилась весьма сильно. Прежде можно было добиваться этого укрѣпленія правъ путемъ полученія жалованной грамоты великаго или удѣльнаго князя. Теперь уже невозможно было привлекать къ участию въ актахъ ежедневной дѣйствительности, какъ бы мелки они не были, самое верховную власть. И потому старый порядокъ регистраціи владѣльческихъ правъ на землю путемъ жалованныхъ грамотъ князей оказался несостоятельнымъ, отошелъ въ прошлое и былъ замѣненъ другимъ.

Первые признаки новаго порядка становятся замѣтными во второй половинѣ XVI вѣка. Въ указѣ 11 января 1558 года читаемъ: „купити вотчина, сыскывая и въ тѣхъ книгахъ разсмотря, гдѣ вотчинныя купли и закладныя у которыхъ діаковъ въ книгахъ записаны“¹⁾. Затѣмъ въ купчихъ грамотахъ преимущественно съ восьмидесятихъ годовъ XVI вѣка становится стереотипнымъ обязательство продавца записать за покупателемъ вотчину въ Помѣстномъ приказѣ²⁾,—обязательство, прежде совершенно отсутствовавшее въ этого рода актахъ. Наконецъ, отъ первой половины XVII вѣка до насъ дошелъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ „записныхъ вотчинныхъ книгъ“³⁾ Помѣстнаго приказа, при чемъ въ сохранившихся книгахъ встрѣчается указаніе, что онѣ велись и въ XVI вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, въ самомъ концѣ его, именно въ 1600 году⁴⁾.

Книги записныя вотчинныя и являются документами объ укрѣпленіи недвижимой собственности. Каждое дѣло, внесенное въ любую

1) Акты Историч., т. I, № 154, IX.

2) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Переясл.—Залѣсс. у., №№ 9015, 9021, 9024; Владимірск. у., №№ 3858, 3862 и т. д.

3) См. нашу статью „Книги записныя вотчинныя Помѣстнаго приказа“,—въ „Историческихъ и социологическихъ очеркахъ“, часть 2-я.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотчин. $\frac{5992}{24}$, дѣло № 2.

записную вотчинную книгу, начинается или прямо текстомъ челобитной, заключающей въ себѣ просьбу о записи за извѣстнымъ лицомъ вотчины на основаніи представляемыхъ документовъ, или указаніемъ, что такого-то года, мѣсяца и числа въ Помѣстномъ приказѣ такіа-то лица подали челобитныя и такіе-то документы, и что съ документовъ снята копія, а подлинники отданы по принадлежности; затѣмъ ужъ слѣдуетъ текстъ челобитныхъ. Вслѣдъ за челобитными въ книги вносились копіи документовъ, представленныхъ въ приказъ челобитчиками въ подтвержденіе ихъ правъ на ту землю, о записи которой за собою они просили. Потомъ номѣщалась выпись изъ писцовыхъ книгъ по передаваемому имѣнію. Затѣмъ слѣдовало изложеніе содержанія названной выше челобитной и, наконецъ, помѣта дьяка о рѣшеніи дѣла и полученіи пошлинъ¹⁾. При этомъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ эта запись въ книги, т.-е. нотаріальное укрѣпленіе правъ, производится рѣшеніемъ только одного приказа, безъ участія верховной власти: вездѣ мы встрѣчаемъ помѣты дьяковъ что вотчина записана въ записныя книги²⁾, и пошлины взяты, что надо вотчину „записать въ книги“³⁾, „записать въ вотчинныя въ записныя книги“⁴⁾ и т. д.

Такимъ образомъ, книги записныя вотчинныя Помѣстнаго приказа даютъ рядъ весьма важныхъ свидѣтельствъ въ пользу того, что нотаріальное укрѣпленіе всякаго рода сдѣлокъ на землю сдѣлалось еще во второй половинѣ XVI в. неотъемлемой функціей подчиненной администраціи.

Нерѣдки, однако, были случаи, когда и верховная власть принимала непосредственное участіе въ этомъ юридическомъ дѣйствіи. Необходимо правильно истолковать всѣ эти случаи, чтобы составить себѣ вѣрное представленіе объ уровнѣ развитія административной техники въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка.

Прежде всего запись вотчины въ записныя вотчинныя книги не могла быть произведена безъ указа царя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ Помѣстномъ приказѣ возникало сомнѣніе въ законности

1) Историческіе и соціологическіе очерки, часть 2-я, стр. 308.

2) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотч. Помѣстн. приказъ — $\frac{5969}{1}$ л. 568 об., — 569.

3) Тамъ же, кн. $\frac{5970}{2}$, дѣло № 22.

4) Тамъ же, дѣло № 25.

самой подлежащей утверждению сделки или, по крайней мере, оказывался пробелъ въ законѣ, открывавшій просторъ для различныхъ толкованій. Вотъ типичный примѣръ: въ 1638 году княгиня Марья Хованская купила у Романа Боборыкина вотчину въ Новгородскомъ уѣздѣ и просила въ Помѣстномъ приказѣ записать эту вотчину за нею; думный дьякъ М. Даниловъ помѣстилъ на дѣлѣ: „выписать изъ уложения, ноугородские вотчины московскимъ людямъ продаютъ-ли и записываютъ-ли?“ Въ результатѣ этой помѣты получилась справка: „такова государева указу в указной книге нѣтъ“. Тогда думный дьякъ помѣтилъ: „выписат в доклад“, и дѣло было рѣшено государемъ: „государь пожаловал, велѣлъ ту вотчину записать“¹⁾.

Затѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда записи подлежалъ актъ отчужденія земли, проданной ея собственнику изъ государевыхъ „порозжихъ“ земель, — запись совершалась также по указу царя. Такъ, князь Хилковъ подарилъ дьяку Строеву купленную изъ порозжихъ земель свою вотчину въ Московскомъ уѣздѣ; въ 1637 г. „государь пожаловал велѣлъ тое вотчину записать в книги“²⁾. То же самое повторилось въ томъ же году при продажѣ Корсаковыми вотчины, купленной ими изъ порозжихъ земель³⁾. Въ 1646 г. Соковнинъ купилъ у князя Шлякова Чешскаго вотчину, купленную послѣднимъ изъ помѣстныхъ земель; дѣло было доложено государю, и онъ „поволил ему ту вотчину купит и в Помѣстномъ приказе в вотчинные книги записать велѣлъ“⁴⁾.

Въ 1638 г. по смерти князя Тимофея Долгорукаго осталась выморочная вотчина, выслуга его тестя. Онъ завѣщалъ ее своему свояку князю Юрію Сицкому. Выморочныя вотчины должны были отойти на государя. Поэтому, когда зашла рѣчь о записи вотчины за Сицкимъ, приказъ доложилъ дѣло государю, и послѣдній „приказалъ имянно“ записать землю за Сицкимъ⁵⁾.

Дальнѣйшимъ основаніемъ личнаго участія царя въ актахъ нота-

---

1) Тамъ же, кн. $\frac{5984}{16}$, дѣло № 41.

2) Тамъ же, кн. $\frac{5986}{18}$, дѣло № 18.

3) Тамъ же, кн. $\frac{5987}{19}$, дѣло № 48.

4) Тамъ же, кн. $\frac{5996}{28}$, дѣло № 15.

5) Тамъ же, кн. $\frac{5983}{15}$, дѣло № 150.

риального укрѣпленія земельной собственности являлась чрезвычайная запоздалость просьбы о такомъ укрѣпленіи. Князь Д. М. Пожарскій купилъ вотчину въ Московскомъ уѣздѣ деревню Высокую, но „за государевыми службами и своими частыми болѣзнями“ не успѣлъ записать ее за собой въ Помѣстномъ приказѣ до самой своей смерти, а передъ смертью завѣщалъ ее своей женѣ. Когда эта послѣдняя стала просить записать за ней вотчину, то это было сдѣлано только послѣ доклада царю ¹⁾. Въ 1635 г. Коквинскій просилъ записать за нимъ вотчину, купленную имъ годъ тому назадъ и не записанную своевременно по случаю отправления въ походъ подъ Смоленскъ, и опять дѣло не обошлось безъ государя ²⁾.

Московскіе государи весьма внимательно слѣдили за мобилизаціей боярскихъ вотчинъ: бояре стояли слишкомъ близко къ трону и играли слишкомъ важную политическую роль, чтобы можно было этимъ пренебрегать. И потому запись отчуждаемыхъ боярскихъ вотчинъ производилась обыкновенно съ разрѣшенія верховной власти: это было, напримѣръ, съ вотчинами князя Лыкова въ 1641 г. ³⁾, князя Сулешова въ 1643 г. ⁴⁾ и т. д. ⁵⁾.

Наконецъ, иногда приходилось записывать вотчины за иностранцами, и тогда также дѣлался докладъ царю. Такъ, въ 1639 г. англичанинъ „часовнишной воденово взводу мастеръ Христофоръ Головей“ получилъ вслѣдствіе просрочки платежа по залогоу вотчину въ Боровскомъ уѣздѣ, и въ Помѣстномъ приказѣ помѣтили: «по государеву имянному приказу записать та вотчина в книги за немчиномъ за Христофоромъ Головеемъ ⁶⁾».

Такимъ образомъ, всѣ исключенія объясняются особыми, необычными условіями и свидѣтельствуютъ только лишній разъ о томъ, что укрѣпленіе сдѣлокъ на землю сдѣлалось уже постоянной и са-

1) Тамъ же, кн. $\frac{5978}{10}$, дѣло № 8.

2) Тамъ же, кн. $\frac{5981}{13}$, дѣло № 55.

3) Тамъ же, кн. $\frac{5991}{23}$, дѣло № 68.

4) Тамъ же, кн. $\frac{5993}{25}$, дѣло № 78.

5) Тамъ же, кн. $\frac{5993}{25}$, дѣло № 106; кн. $\frac{5996}{28}$, дѣло № 2.

6) Тамъ же, кн. $\frac{5983}{15}$, дѣло № 90.

мостоятельной функцией центрального подчиненнаго учреждения — Помѣстнаго приказа.

Въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. правительство производило, какъ извѣстно, статистическія описанія, переписи и дозоры земель. Для производства такихъ работъ не было установлено какихъ-либо сроковъ, не существовало періодичности, такъ что все зависѣло отъ спеціальнаго каждый разъ распоряженія. Кѣмъ дѣлалось это распоряженіе? На этотъ вопросъ можно дать категорическій, вполне определенный отвѣтъ: произвести описаніе, перепись или дозоръ всегда предписывала верховная власть. Извѣстно, что ею сдѣлано было, напримѣръ, распоряженіе сначала о производствѣ дозора, а потомъ описанія въ 20-хъ годахъ XVII вѣка, что переписныя книги сороковыхъ годовъ возникли такимъ же образомъ. Можно привести и другіе примѣры. Въ 1637 г. крестьяне Комарицкой волости, Устюжскаго уѣзда просили произвести у нихъ дозоръ, такъ какъ послѣ составленія писцовыхъ книгъ много земель въ волости запустѣло; «государь пожаловалъ, велѣлъ выписать и доложить себя государя»; дѣло было выписано въ докладъ и рѣшено самимъ государемъ согласно желанію просителей ¹⁾. Въ 1641 г. въ Устюгѣ и въ Устюжнѣ посадскіе люди просили о производствѣ у нихъ дозора вслѣдствіе крайней обременительности сошнаго оклада, произведеннаго писцами; въ обоихъ случаяхъ дѣло было рѣшено по докладѣ царю ²⁾.

Межеваніе всякаго рода земель и угодій обыкновенно производилось такъ же лишь тогда, когда на его производство давалъ свое согласіе самъ царь. Такъ, въ 1640 г. нововыѣзжіе черкасы, стрѣльцы и ѣздоки просили о размежеваніи ихъ пашень и сѣнокосовъ; „государь пожаловалъ, велѣлъ дат грамота“ ³⁾. Въ 1650 г. межеванье помѣстныхъ дачъ отдѣльныхъ служилыхъ людей на Корочѣ разрѣшилъ царь ⁴⁾. Тогда же государь опредѣлилъ отмежевать земли воронежскихъ черкасъ отъ земель дѣтей боярскихъ ⁵⁾. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ половинѣ XVII в. наблюдается тенденція въ передачѣ этого дѣла подчиненнымъ учреждениямъ — приказамъ. Такъ, въ 1649 г. осколяне, вновь поселенные на Осколѣ дѣти

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 89, № 18.

²⁾ Тамъ же, св. 123, № 29.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородск. ст., № 131, л. 141 и об.

⁴⁾ Тамъ же, № 317, л. 179 и об.

⁵⁾ Тамъ же, № 314, л. 131 и об.

боярскіе, пожалованные помѣстьями по 20 четв черезъ межу (т.-е. черезполосно) со старыми дѣтьми боярскими, ранѣе тамъ жившими, чему составлены были и строельныя книги, посланныя въ Разрядъ, жаловались, что старые помѣщики не даютъ имъ пашню пахать «и черезъ межу съ ними не дѣлать»; они просили поэтому велѣть «наши дачи от старыхъ помещиковъ отмежеватъ или черезъ межу раздѣлитъ»; по этому поводу «государь пожаловал, велѣлъ указъ учинитъ въ Разрядѣ» ¹⁾).

Верховная власть не только назначала описаніе, перепись, дозоръ, межеваніе и не только, какъ было въ предыдущей главѣ показано, назначала писцовъ, переписчиковъ, дозорщиковъ и межевщиковъ, но и снабжала ихъ инструкціями или наказами, издаваемыми въ законодательномъ порядкѣ. Это доказывается какъ текстами самихъ наказовъ ²⁾, такъ и другими данными: въ указной книгѣ Помѣстнаго приказа встрѣчаемъ, напримѣръ, докладъ по вопросу, слѣдуетъ ли при описаніяхъ одабривать дачи въ помѣстья и вотчины изъ дворцовыхъ земель, при чемъ вопросъ этотъ рѣшенъ въ определенномъ смыслѣ по указу царя и патріарха ³⁾.

За то всѣ остальные операціи, изъ которыхъ слагались описанія, переписи, дозоръ и межеваніе,—напримѣръ, собраніе «сказокъ» населенія, запись данныхъ, провѣрка ихъ, подсчетъ и т. д.—исполнялись уже всецѣло подчиненными властями и не требовали вмѣшательства и санкціи верховной власти и органовъ высшаго управленія.

III.

Остается изслѣдовать вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія спорныхъ дѣлъ о землѣ, т.-е. поземельныхъ тяжбъ. Правда, это въ сущности входитъ уже, какъ часть, въ вопросъ объ организаціи суда въ Московскомъ государствѣ, но все-таки необходимо теперь разсмотрѣть земельные споры отдѣльно отъ иныхъ судебныхъ дѣлъ, какъ по особо-тѣсной связи ихъ съ земельными дѣлами вообще, такъ и въ виду нѣкоторыхъ особенностей, имъ свойственныхъ.

Весьма богатый матеріалъ поземельныхъ тяжбъ, сохранившійся въ нашихъ источникахъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, въ XVII вѣкѣ, если не раньше, уста-

¹⁾ Тамъ же, № 310, л. 1 и об.

²⁾ См., напр., Акты Арх. Эксп., т. IV, № 14.

³⁾ Сторожевъ, Указная книга Помѣстнаго приказа, стр. 98—99.

новилося уже, какъ норма, разсмотрѣніе и рѣшеніе судебныхъ дѣлъ, касающихся земли, подчиненными органами, а не верховной властью и не учрежденіями, раздѣляющими съ нею сферу ея непосредственной дѣятельности. Данныхъ въ этомъ смыслѣ очень много, ¹⁾ и мы приведемъ лишь два-три примѣра на выборъ. Въ 1627 г., во Владимірскомъ судномъ приказѣ, безъ всякаго участія царя и боярской думы, рѣшено было спорное дѣло о землѣ между Маріей Андреевой и княземъ Урусовымъ ²⁾. Въ 1637 г. въ Двинскомъ уѣздѣ была безъ государя и думы рѣшена воеводой поземельная тяжба ³⁾. Въ 1626 г. дѣло о спорной пашнѣ между двумя крестьянами рѣшено въ Устюжской четверти безъ государя ⁴⁾. Въ 1618 г. приказъ безъ государя и боярской думы разобралъ судное вотчинное дѣло Якова Козловскаго съ церковью въ Великолуцкомъ уѣздѣ ⁵⁾.

Соотвѣтственно такому общему порядку государь или боярская дума разсматривали поземельныя тяжбы обыкновенно лишь во второй инстанціи, по докладу подчиненныхъ властей. Можно слѣдующимъ приблизительно образомъ классифицировать мотивы или причины, вызывавшіе докладъ при поземельныхъ тяжбахъ.

Прежде всего необходимо было докладывать спорное поземельное дѣло царю въ томъ случаѣ, если оказывался пробѣлъ въ законѣ, дѣлавшій невозможнымъ юридически-обоснованный приговоръ. Такъ, напр., въ 1628 г. спорное дѣло Ромодановскихъ было рѣшено государемъ и патриархомъ по той причинѣ, что законъ не давалъ отвѣта, какъ поступать, если возникнетъ споръ о вотчинахъ между сыновьями и дочерьми умершаго; при этомъ приговору верховной власти сейчасъ же болѣе придана форма общей юридической нормы, общаго закона: «и впередъ которые челобитчики учнутъ бити челомъ госу-

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 88, № 9, св. 92, № 46, св. 117, № 21, св. 130, № 68, св. 133, №№ 20 и 27, св. 141, № 75, св. 144, № 15, св. 152, № 69, св. 167, № 53, св. 172, № 91; Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотч. Помѣстн. приказа $\frac{5970}{2}$, дѣла №№ 22 и 23, кн. $\frac{5971}{3}$, д. №№ 1, 19, кн. $\frac{5975}{7}$, д. №№ 44, 45, кн. $\frac{5976}{8}$, д. № 23, кн. $\frac{5988}{20}$, д. № 32, кн. $\frac{5992}{24}$, д. №№ 2, 19, 35 и т. д.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. книга запис. вотч. Пом. прик. № $\frac{5971}{3}$, д. № 1.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 89, № 21.

⁴⁾ Тамъ же, св. 18, № 11.

⁵⁾ Тамъ же, св. 7, № 6.

даремъ послѣ отцовъ своихъ сыновья и дочери о вотчинахъ, и тѣ вотчины указали давати сыновьямъ, а дочерямъ вотчинъ зъ братьею жеребевъ давати не велѣли, покамѣсто братья ихъ живы, а давати дочерямъ после отцовъ ихъ изъ помѣстей на прожитокъ по своему государеву указу, и какъ братья ихъ не станеть, и дочери тѣмъ вотчинамъ вотчичи» ¹⁾). Или: въ 1649 г. въ Помѣстномъ приказѣ разсматривалось дѣло Караулова съ Юшковымъ; Юшковъ въ подтвержденіе своихъ притязаній представилъ документъ, — закладную кабаду, выданную мачехой Караулова на землю; Карауловъ не оспаривалъ подлинности этого документа, но утверждалъ, что денегъ его мачеха по нему не получила; Юшковъ утверждалъ, что деньги были выданы; оба сошлись на общей ссылкѣ на мать Караулова, но судъ не успѣлъ опросить послѣднюю, какъ она умерла. Тогда Помѣстный приказъ рѣшилъ справиться, нѣтъ ли по этому поводу какого-либо закона, и оказалось, что въ указахъ не нашли рѣшенія вопроса, какъ быть, если «опчей правды не будетъ». Тогда дѣло было доложено боярской думѣ, и «сеѣ выписки бояре слушавъ приговорили: быть вотчине за Прокофьемъ Юшковымъ но крепости, а Григорью Караулову отказать, верит в том довелос крѣпости» ²⁾).

Второй причиной перенесенія дѣла къ верховной власти являлась несправедливость судей или нарушеніе порядка судопроизводства. Такъ въ 1558 г. одно поземельное тяжбное дѣло было окончательно рѣшено царемъ по жалобѣ одной изъ сторонъ на то, что судьи «неподѣльно» начертили чертежъ размежеванной землѣ ³⁾. Въ 1557 г. царь судилъ во второй инстанціи Чулковыхъ съ Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ по ихъ спору изъ-за земли, и это произошло потому, что передъ судьями «обыскные люди двои рѣчи говорили» ⁴⁾.

«Въ государеве цареве и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси указе на челобитной резанца Ермолы Гвоздева, что онъ билъ челомъ государю на діака Александра Дурова о закладной своей вотчине о повороте за помѣтою думного діака Івана Гавренева нынешнего 143 году декабря въ 22 д. написано: государь... пожа-

¹⁾ Сторожевъ, Указная книга Помѣстнаго приказа, стр. 87—88.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотч. Помѣст. приказ. 5999
31,
дѣло № 62.

³⁾ Федотовъ-Чеховскій, Акты, относ. до гражд. расправы, № 71.

⁴⁾ Тамъ же, № 70.

ливад, сей челобитной слушав, указал досмотрѣтъ купчие: будетъ ту вотчину у него дьякъ Александръ Дуров купил под Смоленском, и та вотчина ему не крепка для того, что онѣ посланы были на государеву службу, не вотчин покупат, над государевыми недруги промышлят, и онѣ за тѣмъ государевым дѣломъ не ходилъ и государево дѣло потерял; и та вотчина отдал ему Ермоле Гвоздеву бездѣжно; да и вперед воеводам и дьяком і всяким приказным людям на службах вотчинъ не покупат, а хто купит, и у того даром отимуть и отдадут тому, хо еѣ продалъ для того, что многие, будучи на службах, воруют, бражничаютъ и для воровства вотчины на малые дѣнги отдают; проворовав вотчину, і вперед государю не слуга будет; да і вперед Гвоздеву той вотчины не продават и не закладыват». ¹⁾ Этотъ любопытный текстъ свидѣтельствуеть, конечно, прежде всего, что неполнота закона и въ данномъ дѣлѣ могла быть однимъ изъ оснований рѣшенія дѣла царемъ. Но здѣсь есть и нѣкоторое другое основаніе — явная недобросовѣстность сдѣлки, хотя и обоснованной документально. Это третій мотивъ передачи спорнаго дѣла о землѣ на разсмотрѣніе верховной власти.

Существовалъ, наконецъ, и четвертый—сложность и запутанность дѣла какъ по причинѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, такъ и въ особенности по внутренней его сущности. Такъ въ 1628 г. князья Морткины и Вельяминовъ предъявили исгъ о вотчинѣ къ князьямъ Прозоровскимъ; дѣло было само по себѣ запутано и сложно, но оно еще болѣе осложнялось вслѣдствіе того, что въ московскомъ пожарѣ 1626 года сгорѣли документы, касавшіеся этого дѣла и давшіе возможность Прозоровскимъ раньше его выиграть. Понятно, что дѣло было доложено государю и патріарху, и они рѣшили его въ пользу Прозоровскихъ ²⁾. Запутанныя и сложныя дѣла вообще обыкновенно докладывались царю ³⁾.

Этотъ анализъ мотивовъ или причинъ, приводившихъ къ пере-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотчин. Помѣстнаго приказа ⁵⁹⁹¹/₂₃, дѣло № 24.

²⁾ Сторожевъ, Указная книга Помѣстнаго приказа, стр. 85—87.

³⁾ Русская Историч. Библ., т. XII, А. № IV; Моск. Арх. Мин. Юст., книга запис. вотч. Помѣстн. прик., ⁵⁹⁸⁷/₁₉, дѣло № 67; кн. ⁵⁹⁹¹/₂₃, д. № № 12 и 41, кн. ⁵⁹⁹⁴/₂₆, дѣло № 6 и т. д.

смотру и рѣшенію дѣла верховной властью или органами высшаго управленія, на ряду съ отмѣченнымъ уже выше рядомъ фактовъ, указывающихъ на обычный разборъ спорныхъ поземельныхъ дѣлъ въ первой инстанціи подчиненными органами власти, свидѣтельствуеъ о томъ, что и въ этой области старый хаосъ въ первой половинѣ XVII вѣка сталъ смѣняться нѣкоторымъ порядкомъ, и что подчиненныя учрежденія усвоили себѣ и здѣсь опредѣленный и самостоятельный кругъ дѣятельности.

Такое заключеніе еще болѣе утвердится, если обратить вниманіе на случаи, когда поземельныя тяжбы въ первой инстанціи разбирались царемъ. Такіе случаи бывали, но, во-первыхъ, не часто, во-вторыхъ, по особымъ обстоятельствамъ, и въ третьихъ, чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще сопровождалась передачей дѣлъ на рѣшеніе подчиненныхъ учреждений: царь самъ стремился направить дѣла, къ нему попадавшія, въ обычное русло.

Особымъ обстоятельствомъ была, напр., дача вотчины въ монастырь, особенно тайкомъ отъ родственниковъ. Понятно, почему тутъ дѣло поступило прямо къ царю: такая дача земель въ монастырь съ половины XVI в. большею частью не могла совершаться безъ согласія царя. Поэтому мы видимъ, что въ 1559 г. царь судить дѣло Фоминыхъ съ окольничимъ Андреемъ Квашининымъ о томъ, что послѣдній отдалъ тайно въ Кирилловъ монастырь свою московскую вотчину ¹⁾. Велѣдствіе такого именно особаго положенія земель, приобрѣтаемыхъ монастырями, дѣло о выкупѣ Лошаповымъ заложеной въ Алексѣевскій монастырь въ Угличѣ его вотчины докладывалось въ 1627 г. царю и патріарху и было рѣшено ими ²⁾.

Особымъ обстоятельствомъ надо признать и то, которымъ сопровождалось одно дѣло 1645 года: Загоскинъ обвинялъ Поздѣева въ томъ, что онъ «на дмитровскую и ярославскую вотчины наредил и подписал и потпечатал воровски твою государеву грамоту». Поддѣлка царской грамоты неизбѣжно вызывала разсмотрѣніе дѣла самимъ царемъ. Такъ и было въ данномъ случаѣ, который впрочемъ — кстати сказать — кончился для виновнаго благополучно: Поздѣевъ самъ призналъ, что произвелъ поддѣлку «зглупа», и царь «велел ему вину отдать» ³⁾.

¹⁾ Федотовъ - Чеховскій, Акты, отн. до гражд. расправы, т. I, № 74.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. запис. вотч. Пом. прик. $\frac{5972}{4}$, д. № 58.

³⁾ Тамъ же, кн. $\frac{5954}{26}$, д. № 6.

Въ общемъ однако, какъ только что было уже указано, царь въ тѣхъ случаяхъ, когда по старой привычкѣ не различать инстанцій обращались непосредственно къ нему, не разсматривалъ и не рѣшалъ дѣла самъ, а передавалъ его для суда и постановки приговора въ какое-либо подчиненное учрежденіе, — въ тотъ или иной приказъ или даже къ воеводѣ. Такъ въ 1627 г. къ царю обратился цѣлый рядъ лицъ съ претензіями на прожиточное помѣстье только что умершей Ульяны Сытиной; не рѣшая дѣла самъ, царь передалъ его въ Помѣстный приказъ и велѣлъ «учинить указъ по своему государеву указу и по уложению», т.-е. по общему закону ¹⁾. То же самое видимъ по дѣлу о вотчинѣ Нелидовыхъ въ 1631 г. ²⁾, о землѣ Чоглоковыхъ въ 1641 г. ³⁾, объ имѣніи Ржевскихъ въ 1651 г. ⁴⁾. Въ 1638 г. вдова убитого татарина Ишеева просила пожаловать ее съ пятилѣтнимъ сыномъ частью помѣстья мужа, которое все цѣликомъ получено братомъ мужа, обвиняющимъ ее неосновательно въ мужеубійствѣ; царь не сталъ самъ рѣшать дѣло, а передалъ его въ приказъ, — «велѣлъ указъ учинить по уложению». Когда въ 1647 г. возникъ споръ о землѣ между ольшанскими черкасами, то государь велѣлъ мѣстному воеводѣ «разъѣхать и разверстать» спорныя земли ⁵⁾.

Если теперь резюмировать все, сказанное выше о дѣятельности верховныхъ и подчиненныхъ органовъ государственной власти въ отношеніи къ землевладѣнію, то придется формулировать слѣдующій выводъ: органы подчиненнаго управленія въ первой половинѣ XVII вѣка, отчасти и раньше, успѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ самостоятельное завѣдываніе хозяйствомъ на дворцовыхъ земляхъ, поскольку оно шло нормальнымъ, обычнымъ порядкомъ, сдачу на оброкъ разныхъ доходныхъ статей на черныхъ земляхъ, передачу свободныхъ дворовъ на посадахъ, нотаріальное укрѣпленіе владѣльческихъ правъ на землю, исполнительную дѣятельность по производству статистическихъ описаній и межеваній земли и разборъ поземельныхъ тяжбъ обычнаго характера.

¹⁾ Тамъ же, кн. $\frac{5973}{5}$, д. № 63.]

²⁾ Тамъ же, кн. $\frac{5976}{8}$, д. № 20.

³⁾ Тамъ же, кн. $\frac{5978}{10}$, д. № 42.

⁴⁾ Тамъ же, кн. $\frac{6000}{32}$, д. № 2.

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. стола Разряда, № 219, л. 267 и об.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Финансовыя функціи верховнаго и подчиненнаго управленія.

I.

Если земля въ эпоху натурального хозяйства является главной, почти единственной цѣнностью, имѣющей значеніе въ экономической жизни страны, то съ зарожденіемъ денежнаго хозяйства на ряду съ ней выдвигается денежный капиталъ. Соответственно этому и въ государственномъ хозяйствѣ денежные налоги и денежные расходы начинаютъ играть все болѣе видную роль. Этимъ вызывается и развитіе техники финансоваго управленія.

Въ литературѣ по исторіи государственнаго хозяйства Московской Руси хорошо выяснены вопросы о томъ, какъ шло развитіе русскаго бюджета, окладныхъ единицъ и окладовъ отдѣльныхъ податей въ XVI и XVII вѣкахъ. Установлено также, что царь, боярская дума и земскіе соборы, т. е. верховная власть и высшія учрежденія, все время сосредоточивали въ своихъ рукахъ всю нормативно финансовую дѣятельность¹⁾, такъ что ни установленіе смѣты доходовъ и расходовъ, ни введеніе новыхъ налоговъ, ни опредѣленіе ихъ окладовъ, ни, наконецъ, установленіе и измѣненіе окладныхъ единицъ не входили въ компетенцію подчиненныхъ органовъ управленія—центральныхъ и областныхъ. Мы не будемъ поэтому останавливаться на этихъ хорошо освѣщенныхъ изслѣдованіемъ явленіяхъ.

Необходимо обратить нѣкоторое вниманіе въ этомъ отношеніи только на два стоящихъ въ связи съ этимъ явленіемъ,—на сдачу на откупъ нѣкоторыхъ налоговъ и на финансовыя льготы и облегченія.

Находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ позволяетъ сдѣлать выводъ, что отдача тѣхъ или другихъ казенныхъ сборовъ на откупъ „изъ наддачи“ (т. е. съ прибавкой противъ прежней откупной суммы) или безъ наддачи производились, по крайней мѣрѣ съ

¹⁾ См. особ. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Московскомъ госуд.; Миллюковъ, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в.; Миллюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства.

тридцатых годовъ XVII вѣка, подчиненными учрежденіями—приказами, безъ всякаго вмѣшательства верховной власти и высшихъ учреждений. Такъ, еще въ 1620 году кабацкіе и таможенные сборы въ Новгородѣ-Сѣверскомъ были отданы на откупъ путивльцу Резинкову самимъ царемъ ¹⁾. Но въ 1630 г. кабакъ въ Алексинѣ отданъ на откупъ безъ государя ²⁾. То же наблюдается по отношенію къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ въ городахъ, повѣдомственныхъ Устюжской четверти, въ тридцатыхъ ³⁾ и сороковыхъ ⁴⁾ годахъ. Кабакъ изъ наддачи былъ отданъ безъ государя еще въ 1624 году въ Волоколамскѣ ⁵⁾. Въ томъ же году посадскій человекъ города Коломны Головинъ просилъ дать ему на откупъ изъ наддачи баню, перевозки на Москвѣ рѣкѣ, квасъ, пролубное и поплашное, и въ приказѣ, не докладывая государю, помѣтили: „дат из наддачи“ ⁶⁾. Такимъ же путемъ сдано было въ 1625 году на откупъ право держать „на кружечномъ дворѣ про питуховъ чарки и плошки, и калачи, и яйца, а въ постные дни сельди“ ⁷⁾.

Но таможенные, кабацкіе и другіе болѣе мелкіе сборы не всегда, какъ извѣстно, отдавались на откупъ,—они иногда собирались „на вѣрѣ“, черезъ выборныхъ отъ насилія, или черезъ отдѣльныхъ лицъ, на то вызвавшихся и обязанныхъ присягой отдавать въ казну всю выручку отъ продажи вина и сбора таможенныхъ пошлинъ. Такая сдача на вѣру производилась также безъ участія верховной власти приказомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда и раньше сборъ былъ на вѣрѣ: такимъ именно образомъ были, напр., отданы на вѣру таможенные доходы въ Твери въ 1640 году ⁸⁾. Все это вполне понятно и естественно: подчиненная администрація дѣйствовала тутъ, не нарушая установившихся порядковъ, по разъ заведенному обычаю, только повышая по возможности доходы государства.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., столбцы 2-го разр. Оруж. пал. 7129 г., № 32.

²⁾ Тамъ-же, 7138 г., № 59.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Им. Д., прик. д. ст. л., св. 53, № 80, св. 106, № 38.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Им. Д., прик. д. ст. л., св. 134, № 58, № 75, св. 144, № 16.

⁵⁾ Моск. Арх. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7132 г., № 26.

⁶⁾ Моск. Арх. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7132 г. № 20.

⁷⁾ Тамъ-же, 7133 г., № 34.

⁸⁾ Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал. 7148 г., № 27.

Совершенно другое положеніе получалось тогда, когда ставился вопросъ о переходѣ отъ «вѣрной» службы къ откупной системѣ или наоборотъ: тогда государственная власть выступала уже въ болѣе активной, творческой роли, мѣнялась самая система полученія казенныхъ доходовъ. И потому въ этихъ случаяхъ безъ участія царя не могли обойтись, — дѣлался докладъ государю. Вотъ примѣры. Въ 1630 году Трифонъ Ивановъ, указывая, что откупщики Юрьево-польскаго кабака спаиваютъ народъ, просилъ отдать ему этотъ кабакъ на вѣру, обѣщая въ то же время прибыль въ 50 руб. въ годъ; «государь указал тот кабакъ отдать тому Трифону» ¹⁾. Когда въ 1613 г. новоторжскіе дворяне и дѣти боярскіе просили перевести тамгу и кабакъ съ откупа на вѣру, то «государь пожаловал, велѣлъ выписав доложит бояр» ²⁾. Точно такъ же самъ царь разрѣшилъ перейти отъ «вѣрной» системы къ откупной въ Сольвычегодскѣ въ 1636 г. ³⁾ и въ Рузѣ въ 1646 г. ⁴⁾.

Совершенно понятно, наконецъ, что когда отдавалась на откупъ иностранцамъ вывозная торговля какимъ-либо товаромъ, то необходимо былъ докладъ государю тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ обыкновенно разные иностранные купцы конкурировали между собою. Въ 1639 г. англійскій дворянинъ Дигби просилъ дать ему на откупъ вывозную торговлю смолой, которую до того времени откупали голландцы; государь велѣлъ дать съ доклада ему на откупъ эту торговлю тому, кто больше надасть ⁵⁾.

Разнаго рода финансовыя льготы и облегченія относятся ближайшимъ образомъ къ нормативно-финансовой дѣятельности государственной власти и въ то же время могутъ весьма чувствительнымъ образомъ отразиться на состояніи денежныхъ средствъ казны. Понятно поэтому, что они невозможны безъ доклада верховной власти, что и засвидѣтельствовано данными нашихъ источниковъ. И въ XVI и въ первой половинѣ XVII в. мы видимъ, какъ самъ царь освобождаетъ отъ уплаты мыта, ⁶⁾ избавляетъ на опредѣленный срокъ (напр., на

¹⁾ Тамъ же, 7138 г., № 59.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7121 г. № 83.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 86, № 68.

⁴⁾ Тамъ же, св. 173, № 142.

⁵⁾ Тамъ же, св. 103, № 7.

⁶⁾ Акты Историч., т. I, № 143.

годъ) отъ взноса всѣхъ податей ¹⁾, слагаетъ пошлины при записяхъ вотчинъ въ книги записныя вотчинныя Помѣстнаго приказа ²⁾, разрѣшаетъ беспошлинно курить вино ³⁾, освобождаетъ отъ уплаты денегъ за даточныхъ людей ⁴⁾, отъ постоя стрѣльцовъ ⁵⁾, отъ взыска- нія даточныхъ людей ⁶⁾, отъ взноса начетныхъ ⁷⁾ и недоборныхъ ⁸⁾ денегъ, отъ уплаты пошлинъ ⁹⁾. Царь самъ отсрочиваетъ платежъ недоборныхъ откупныхъ денегъ ¹⁰⁾, переноситъ въ другое мѣсто пла- тежъ таможенныхъ сборовъ ¹¹⁾, облегчаетъ сборъ посошныхъ людей ¹²⁾ и т. д. и т. д. Надо однако замѣтить, что и въ этой сферѣ въ XVII в. наблюдается тенденція къ передачѣ менѣ важныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе подчиненныхъ учрежденій. На это указываютъ слѣдующіе два характерныхъ примѣра. Въ 1627 г. приказъ безъ государя даль ржевичамъ посадскимъ людямъ отсрочку на 8 дней въ платежъ «чет- вертныхъ и земельныхъ оброчныхъ денегъ» ¹³⁾. Безъ государя-же дана въ 1645 г. Бѣлигову отсрочка въ платежъ доимочныхъ денегъ за даточныхъ людей ¹⁴⁾.

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 29, № 52.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., кн. зап. вотч. Пом. пр. $\frac{5969}{1}$, л. 287 об. и сл., кн. $\frac{5970}{2}$, л. №№ 18, 20, 21, кн. $\frac{5971}{3}$, л. №№ 3, 4, 11, 29, 30.

3) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л. св., 156, № 15.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда № 840. ст. I, л. 229 и об. и др.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 83. № 83, № 32, св. 99, № 49, св. 100, № 56, св. 101, № 62, св. 112, №№ 65, 68. св. 134, № 48, св. 137, №№ 14 и 15 и т. д.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 30, № 63.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 37, № 38.

7) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 7, № 2.

8) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 73, № 11.

9) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 27, № 68, св. 33, № 74; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разр., № 58, л. 467 и об., № 93, л. 31 и об., № 294, л. 89 и об.

10) Моск. Арх. Мин. Им. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пол. 7157 г., № 31; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 57, № 66.

11) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. д., пр. д. ст. л., св. 19, № 15.

12) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. д., пр. д. ст. л., св. 63, № 37.

13) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. д. прик. д. ст. л., св. 27, № 76.

14) Тамъ-же, св. 159, № 64.

II.

Хорошо извѣстно, какъ производились раскладка и сборъ податей въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вѣковъ ¹⁾. Извѣстно, что эта сторона дѣла тогда уже совершенно не привлекала непосредственнаго вниманія верховной власти и вышшихъ учреждений, которыя только устанавливали въ этомъ отношеніи законодательныя нормы, не вторгаясь въ исполнительную дѣятельность.

Спрашивается теперь: требовался ли непременно по поводу каждаго дохода, получаемого казной, специальный докладъ царю или боярской думѣ? На этотъ вопросъ по крайней мѣрѣ для XVII вѣка, надо отвѣтить категорическимъ отрицаніемъ. Вотъ рядъ доказательствъ того, что приказы ограничивались пріемомъ денегъ и ихъ записью въ книги, не обращаясь ни къ царю, ни къ думѣ. Въ 1628 г. были присланы въ Разрядъ деньги за городовое дѣло изъ Калуги, судебныя пошлины изъ Лебедяни, — таможенные и кабацкіе сборы изъ Воронежа, и въ приказѣ была сдѣлана помѣта: «записать въ приходъ» ²⁾.

Въ 1626 г. такими же помѣтами сопровождался пріемъ въ Устюжской четверти денегъ «за кабацкій дворъ и за суды» (т. е. посуду) съ одного кабака въ Дмитровскомъ уѣздѣ, судебныхъ пошлинъ изъ Бѣжецкаго Верха, оброчныхъ, пищальныхъ и кормовыхъ денегъ изъ Устюжны, оброчныхъ и стрѣлецкихъ денегъ изъ Чаронды и четвертныхъ денежныхъ доходовъ съ Можайска и Тотьмы ³⁾. «Медъ на дворець, отписка въ столъ» или «отписка въ столъ, деньги на приходъ» — помѣчали въ 1621—22 г. при полученіи доходовъ съ Архангельска, Вологды, Каргополя, Холмогоръ, Нижняго-Новгорода, Вятки, Колы и другихъ городовъ ⁴⁾. Подобныя же явленія наблюдаемъ въ той же Устюжской четверти въ 1629 ⁵⁾ и 1635 ⁶⁾ годахъ. «Деньги принять и въ приходъ записать», помѣчаютъ въ приказѣ въ сороковыхъ годахъ при полученіи таможенныхъ доходовъ изъ Пе-

¹⁾ Лапко-Данилевскій. Организация прямого облаженія въ Московскомъ госуд.; Милюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Моск. госуд.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 28, л. 83 и об., 115 и об., 127 и об.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 18, № 2.

⁴⁾ Тамъ же, св. 9, № 17.

⁵⁾ Тамъ же, св. 38, № 54.

⁶⁾ Тамъ же, св. 77, № 76.

черниковъ ¹⁾, оброка съ дворовъ изъ Калуги ²⁾ и Мценска ³⁾, четвертныхъ доходовъ изъ Бѣлева ⁴⁾. Въ 20-хъ годахъ приказъ Большого дворца безъ доклада государю принимаетъ деньги за печатныя книги, проданныя на Двинѣ и въ Вяткѣ ⁵⁾. Такимъ же образомъ производится приемъ самоѣдской дани изъ Пустозерска въ 1631 г. ⁶⁾ и т. д.

Ясно такимъ образомъ, какъ прочно сложилось вѣдомство центральныхъ подчиненныхъ учреждений по части приема различныхъ доходовъ, получавшихся государствомъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Верховная власть къ этому времени уже совершенно перестала вмѣшиваться въ дѣйствія приказавъ въ данной сферѣ.

III.

Совершенно иначе, гораздо сложнѣе и многообразнѣе, складывались отношенія между верховнымъ и подчиненнымъ управленіемъ въ дѣлѣ завѣдыванія государственными расходами.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ остановить вниманіе на выдачѣ жалованья. Со второй половины XVI вѣка жалованье по установленнымъ окладамъ выдавалось, какъ извѣстно, двумя способами: четвертики брали его изъ четвертей ежегодно, а остальнымъ служилымъ людямъ, «емлющимъ жалованье съ городомъ», оно выдавалось черезъ два-три года ⁷⁾. Кѣмъ въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ дѣлалось распоряженіе о выдачѣ жалованья?

Жалованье XVI и XVII вѣковъ было дѣйствительно, въ буквальномъ смыслѣ этого слова «жалованьемъ», особымъ актомъ пожалованія со стороны верховной власти, а вовсе не регулярной выдачей обычнаго вознагражденія, повторяемой всегда въ опредѣленные сроки. Это особенно справедливо по отношенію къ жалованью «съ городомъ», не четвертному. Характеренъ слѣдующій примѣръ: въ 1635 году бывший подьячій стародубской съѣзжей избы Дружининъ,

1) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7155 г., № 4.

2) Тамъ же, 7155 г., № 5.

3) Тамъ же, 7156 г., № 12.

4) Тамъ же, 7158 г., № 63.

5) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7135 г., №№ 26, 28

6) Тамъ же, 7139 г., № 22.

7) Сторожевъ. Къ вопросу о четвертикахъ, — въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за 1892 г., январь, стр. 197, 205—206.

служившій раньше въ Стародубѣ и получавшій жалованье по 12 р. въ годъ, 12 четв. ржи и 12 ч. овса, но ушедшій оттуда при взятіи города литовцами, просилъ опредѣлить его въ подьячье въ Орелъ и выдать ему жалованье; на его челобитной значится слѣдующая помѣта: «государь пожаловал, велѣлъ быть на Орлѣ, а не пока за вѣ службы, жалованье не дають» ¹⁾.

Итакъ для того, чтобы получить жалованье по установленному окладу, служилый человѣкъ долженъ былъ „показать службу“. Слѣдовательно, выдача жалованья являлась слѣдствіемъ оцѣнки этой службы высшей властью. Впрочемъ это не было единственнымъ и постояннымъ основаніемъ для выдачи жалованья. Случалось, что жалованье выдавали и по другимъ причинамъ,—вслѣдствіе болѣзни, пожара, разоренья и т. д. Напримѣръ, въ 1632 г. сторожу Галицкой чети Родивонову его жалованье было дано по случаю пожара его двора ²⁾.

Въ виду всего этого неудивительно, что служилые люди, «емлющіе жалованье съ городомъ», т. е. не каждый годъ, получали его обыкновенно не иначе, какъ съ доклада государю. Участіе въ этомъ верховной власти засвидѣтельствовано множествомъ мѣстъ въ нашихъ источникахъ ³⁾. Приведемъ только одинъ типическій примѣръ: въ 1616 г. жилецъ Даевъ былъ посланъ на службу въ Балугу съ воеводой княземъ Троекуровымъ, а жалованьемъ онъ, какъ жилецъ, еще пока не былъ верстанъ, „и мои денги з городом по десять рублевъ“; онъ просилъ выдать ему жалованье изъ калужскихъ доходовъ; „государь пожаловалъ“, велѣлъ выдать ⁴⁾.

Точно также часто и четвертники получали свое ежегодное жалованье не иначе, какъ по особому каждый разъ указу самого царя. Вотъ примѣры. Въ 1616 г. жилецъ Жеребятичевъ просилъ за смоленскую службу „четвертные мои денжонки пятнатцат рублевъ выдати“, и это „государь пожаловалъ“ ⁵⁾. Въ 1614 г. государь велѣлъ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 65, л. 166 и об.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7140 г., № 1.

³⁾ Акты г. Юшкова, № 264; Моск. Арх. Мин. Ин. Двора, ст. 2-го разр. Оруж. пал., 7127 г., № 15; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 901, л. 19 и др., 65 и об., № 1002, лл. 163 и об., 253 и об.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 7, № 2, св. 69, № 75, св. 71, № 95, св. 74, № 26, св. 75, № 46 и т. д.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 901, л. 65 и об.

⁵⁾ Тамъ же, л. 50 и слѣд.

выдать князю Федору Борятинскому его жалованье „четвертной оброкъ“¹⁾. Въ 1630 г. царь самъ указалъ выдать жалованье Пестрикову, получавшему его „ежегодъ изъ Устюжской чети“²⁾.

Надо однако же замѣтить, что довольно рано служилые люди высшихъ разрядовъ, занимавшіе важныя должности по центральному и областному управленію и получавшіе жалованье „изъ чети“, стали снабжаться этимъ жалованьемъ безъ участія государя, путемъ простаго распоряженія соответствующаго приказа. Такъ отъ 1616 года дошла до насъ челобитная о жалованьѣ князя Петра Мосальскаго, назначеннаго воеводой въ Романовъ; на этой челобитной имѣется помѣта: „князю Петру князь Володимерову сыну Клубкову-Мосальскому в Галицкой четверти в Кормленной книгѣ прошлаго 126 году написанъ оклад 92 рубли“³⁾. Въ томъ же году Хатунскій, назначенный осаднымъ головой въ Коломну, просилъ выдать жалованье, заявляя, что онъ „емлетъ изъ четверти девет рублей“, и приказъ безъ государя рѣшилъ: „дат грамота х кабацкому головѣ, велѣт дат денги, какъ в зборѣ будутъ“⁴⁾. Понятно, что когда позднее воеводы обращались къ царю съ просьбами о выдачѣ имъ жалованья, получаемаго ими изъ четверти, то онъ не вмѣшивался самъ въ дѣло, а передавалъ его въ приказъ. Когда въ 1626 г. брянскій воевода просилъ выдать ему жалованье, „государь пожаловал, велѣл выпишат, какъ прежнимъ воеводамъ давано жалованье, по тому и ему учинятъ“⁵⁾.

Но не только четвертчики, а и многіе служилые люди менѣе высокихъ чиновъ, «емлющіе съ городомъ», по мѣрѣ приближенія къ половинѣ XVII вѣка стали получать жалованье все чаще безъ прямого участія государя: онъ или передавалъ это дѣло въ отдѣльныхъ случаяхъ на усмотрѣніе подчиненныхъ учреждений, или эти учрежденія—приказы—сами непосредственно его рѣшали. Раньше всего и чаще всего это замѣчается по отношенію къ тѣмъ, кто служилъ по центральному управленію и дворцовому вѣдомству. Такъ, сторожамъ Владимірской и Галицкой четей и подъячимъ Владимірской четверти въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ жалованье вы-

1) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7122 г., № 11.

2) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал. 7139 г., № 5.

3) Тамъ же, 7127 г., № 7.

4) Тамъ же, 7127 г., № 77.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 48, л. 66 и об.

дается уже безъ государя ¹⁾). То же можно повторить о сторожахъ Казеннаго приказа ²⁾, завязочныхъ мастерахъ, бобровникахъ и мочильщикахъ ³⁾, портныхъ мастерахъ Казеннаго двора ⁴⁾, посошникахъ Казеннаго двора ⁵⁾, царицыныхъ дѣтяхъ боярскихъ ⁶⁾, золонныхъ мастерицахъ ⁷⁾, портомояхъ ⁸⁾ и т. д. въ сороковыхъ годахъ.

Наконецъ, къ концу изучаемаго нами періода и рядовые провинціальныя служилые люди и при томъ даже служилые люди по прибору начинаютъ получать жалованье безъ доклада государю; по крайней мѣрѣ, царь усваиваетъ привычку передавать дѣла о выдачѣ имъ жалованья въ руки центральныхъ подчиненныхъ учреждений. Такъ, въ 1649 г. на челобитной карповскихъ драгунъ о жалованьи находимъ помѣту: «думнымъ дьякомъ Ивану Гавреневу да Семену Заборовскому да дьяку Григорью Ларионову. Государь пожаловал велел указ учинитъ» ⁹⁾.

Разобранные выше факты выдачи жалованья относятся къ постоянному, выдаваемому по окладу, регулярному жалованью, къ жалованью «въ окладъ», какъ тогда выражались. Но бывали весьма часто случаи, когда служилые люди получали жалованье «въ приказъ, а не въ окладъ» ¹⁰⁾, т.-е. имъ дѣлались лишь единовременныя выдачи, не имѣвшія значенія постоянныхъ дачъ. А ригіогі можно сказать на основаніи предыдущаго, что въ этомъ случаѣ дѣло не обходилось, по крайней мѣрѣ, большею частью, если не всегда, безъ личнаго рѣшенія его государемъ. И источники подтверждаютъ такое апіорное заключеніе: мы видимъ, что московскій царь выдаетъ самъ единовременныя награды своимъ слугамъ не только дворцовымъ, но и государственнымъ ¹¹⁾, жалуетъ имъ деньги «на дворовое строенье»

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 91, л. 16 и об.; Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., ст. 2-го разр. Ор. пал., 7140 г., №№ 53 и 59, 7144 г., № 19, 7144 г., № 15, 7149 г., №№ 5 и 6, 7155 г., № 42.

2) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7158 г., № 109, 7153 г., № 55.

3) Тамъ же, 7148 г., № 23, № 24.

4) Тамъ же, 7148 г., № 25.

5) Тамъ же, 7148 г., № 28.

6) Тамъ же, 7150 г., № 12.

7) Тамъ же, 7150 г., № 39.

8) Тамъ же, 7150 г., № 54.

9) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 78, л. 181 и об.,

10) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7133 г., № 132.

11) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы Оруж. пал., 7156 г., № 4; 7151 г., № 14, 7125 г., № 3, № 5, № 65, № 81, 7127 г., № 1, № 10 и т. д.

(на постройку дворовъ)¹⁾, на платье²⁾, на помянь души усопшихъ родственниковъ³⁾, выдаетъ «селитебный хлѣбъ»⁴⁾ и т. д. Характерно, однако, что и здѣсь къ пятидесятымъ годамъ XVII вѣка проявляется тенденція къ порученію нѣкоторыхъ дѣлъ подчиненнымъ органамъ управленія. Такъ, особое жалованье за постройку новаго города (т.-е. укрѣпленій) въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII в. выдавалось обыкновенно по личному распоряженію царя⁵⁾. Но въ 1650 г. наблюдаемъ слѣдующій любопытный фактъ, являющійся несомнѣннымъ зародышемъ новыхъ, начинающихся слагаться порядковъ: жители города Вольнаго просили дать имъ особое жалованье за постройку острога; «государь пожаловал, велѣлъ указ учинитъ в Розрядѣ»⁶⁾.

Московское правительство, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, чрезвычайно ревниво относилось къ денежнымъ средствамъ, находившимся въ его распоряженіи. Этимъ объясняется то, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ всѣ остальные расходы—центральныхъ и областныхъ учреждений—производились по указу носителя верховной власти.

Приказы не могли произвести ни одного сколько-нибудь значительнаго расхода безъ разрѣшенія царя. Такъ, въ 1633 г. «государь указалъ послатъ память, а взятъ денги в Помѣнномъ приказѣ на жалованье полскимъ городомъ на 5000, что имъ дано жалованья»⁷⁾. Подобное же распоряженіе о выдачѣ денегъ изъ приказа на жалованье служившимъ людямъ въ г. Волуйгахъ встрѣчаемъ въ томъ же году⁸⁾. Въ 1638 г. курскій воевода Данило Яковлевъ писалъ, что ему было велѣно купить въ Курскѣ рогожныхъ кулей для ссыпки и хранения

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 181, л. 27 и об., № 219, л. 102, № 242, л. 216 и об., № 268, л. 502 и сл., № 274, л. 203 и сл., № 285, л. 54 и об. и мн. др.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 108, № 43. Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., столбцы Оруж. пал., 7142 г., № 332, 7144 г., №№ 48, 25, 23 7150 г., № 43.

3) Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7144 г. № 5, № 3.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 158, л. 89 и об., № 3, л. 1 и сл., 137 и об., № 104, л. 311 и об. и т. д.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 37, л. 277 и сл.

6) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 304, л. 353—354.

7) Тамъ же, № 60, л. 331.

8) Тамъ же, л. 369 и об.

въ нихъ муки, предназначенной для войска, и взять для этого денегъ изъ курскихъ неокладныхъ доходовъ, но денегъ этихъ у него мало; «государь указалъ послатъ къ Данилу денегъ» ¹⁾).

Последній фактъ показываетъ, что и областныя власти—воеводы — расходовали имѣвшіяся въ нихъ распоряженіи деньги обыкновенно по царскому указу. Еще болѣе яркимъ свидѣтельствомъ о такой сильной зависимости воеводъ отъ верховной власти въ данномъ отношеніи является слѣдующее наблюденіе: въ 1629 г. путивльскій воевода сообщалъ о доходахъ и расходахъ въ Путивлѣ за годъ, при чемъ указалъ, что съ путивльскихъ бортниковъ слѣдовало получить еще за медь нѣкоторую сумму, которая и расходовалась обыкновенно на мѣстѣ, но въ нынѣшнемъ году приказъ Большого Дворца вытребовалъ эту сумму себѣ; отъ этого можетъ оказаться въ Путивлѣ дефицитъ; дѣло не обошлось безъ государя: Разрядъ рѣшилъ «выписатъ в доклад о денгахъ, откуда за медь денги имати указано и колко денегъ» ²⁾).

Въ 1629 г. для казенныхъ нуждъ взяты были у воронежскихъ служилыхъ людей подводы. Уплата денегъ за эти подводы произведена была съ доклада царю ³⁾).

Когда для казны покупался хлѣбъ, расходъ на эту покупку всегда производился съ утвержденія государя. Такъ было, напр., въ 20-хъ и 30-хъ годахъ при покупкѣ хлѣба для Кольскаго острога ⁴⁾, въ 1630 году въ Путивлѣ ⁵⁾, въ 1640 г. на Усердѣ ⁶⁾ и т. д.

Такъ какъ денежное хозяйство едва зарождалось, то для финансовъ государства весьма большое значеніе имѣли не однѣ деньги, а и всякаго рода запасы натурой, которыми (напр., хлѣбомъ) выдавалось жалованье и которые разсылались въ разныя мѣста и учрежденія непосредственно для удовлетворенія ихъ потребностей. Расходование всѣхъ этихъ натуральныхъ запасовъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ производилось въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ опять таки съ утвержденія главы государства. Напр..

1) Тамъ же, № 110, л. 27 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгород. ст., № 248—252.

3) Моск. Арх. Мин. юст., столбцы Бѣлгородс. стола Разр., № 37, л. 276 и об.

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 36, № 34.

5) Моск. Арх. Мин. юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 68, л. 69 и об.

6) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. ст. Разр., № 121, л. 557 и об.

такъ называемый донской отпускъ, т.-е. посылка хлѣба на Донъ на жалованье донскимъ казакамъ, производился всегда съ доклада царю ¹⁾. Въ 1640 г. о расходѣ хлѣбныхъ запасовъ въ Хотмышскѣ на жалованье московскимъ стрѣльцамъ было „написано въ докладъ“, и государь рѣшилъ дѣло ²⁾.

Починка и постройка разныхъ казенныхъ зданій вызывала расходы, также нуждавшіеся въ санкціи царя: примѣромъ могутъ служить починки на большомъ посольскомъ дворѣ въ Москвѣ, произведенныя въ 1643 году ³⁾.

Даже такія мелочи, какъ починка вѣстового колокола въ Воронежѣ въ 1630 г., восходили до государя ⁴⁾.

Впрочемъ и здѣсь по мѣрѣ приближенія въ половинѣ XVII в. наблюдается иногда тенденція къ развитію ббльшей самостоятельности подчиненныхъ органовъ администраціи. Вотъ два характерныхъ примѣра, показывающихъ, что мелкіе расходы стали производиться безъ доклада царю. Въ 1647 г., сторожа Устюжской четверти просили, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, выдать имъ свѣчь и ладану къ образамъ въ помѣщеніи приказа; приказъ безъ государя распорядился выдачей ⁵⁾. Въ 1649 г. воевода города Бобрика просилъ прислать ему писчей бумаги, и это исполнено приказомъ безъ доклада царю ⁶⁾.

Предшествующее изложеніе даетъ намъ такимъ образомъ право слѣдующимъ образомъ формулировать соотношеніе между верховной властью и подчиненнымъ управленіемъ въ финансовыхъ дѣлахъ, поскольку это соотношеніе сложилось къ половинѣ XVII вѣка: подчиненныя учрежденія пріобрѣли право отдачи казенныхъ сборовъ на откупъ и сдачи ихъ на вѣру въ тѣхъ случаяхъ, когда откупная или „вѣрная“ система существовали уже въ данной мѣстности и не требовалось перехода отъ одной изъ нихъ къ другой; они-же отсрочивали на непродолжительное время платежъ податей, получали всѣ доходы государства, выдавали обычное жалованье служилымъ лю-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. юст., столбцы Бѣлгор. ст., № 908, л. 47 и об., № 141, лл. 44—46 и др.

²⁾ Тамъ же, № 132, лл. 99—100.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 140, № 70.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 58, л. 92 и об.

⁵⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 176, № 12.

⁶⁾ Моск. Арх. Мин. юст., столбцы Бѣлгород. ст. Разряда, № 877, л. 123 и об.

дямъ высшихъ разрядовъ и важнѣйшимъ должностнымъ лицамъ по центральному и областному управленію, а также дворцовымъ слугамъ, наконецъ, производили и другіе расходы, если они были невелики по размѣрамъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Соотношеніе верховныхъ и подчиненныхъ органовъ власти въ области суда.

I.

Судебныя дѣла доходили въ Московскомъ государствѣ до верховной власти тремя способами,—посредствомъ обращенія челобитчиковъ къ государю непосредственно, въ первой инстанціи, посредствомъ доклада подчиненныхъ органовъ власти и, наконецъ, путемъ подачи жалобы одною изъ тяжущихся сторонъ на рѣшеніе судьи. О послѣднемъ способѣ и вытекавшихъ отсюда послѣдствіяхъ мы будемъ говорить позднѣе, при разсмотрѣніи вопроса о надзорѣ и контролѣ надъ дѣятельностью властей въ Московскомъ государствѣ. Вопросъ о докладѣ и причинахъ, его вызывавшихъ, хорошо выясненъ въ литературѣ¹⁾. Поэтому теперь у насъ рѣчь пойдетъ лишь о судѣ царя и боярской думы въ первой инстанціи.

Надо прежде всего замѣтить, что конецъ изучаемаго періода принесъ опредѣленное законодательное запрещеніе обращаться къ государю съ прошеніями по судебнымъ дѣламъ, минуя приказы.

По этому поводу Уложеніе 1649 года содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: „не бивъ челомъ въ приказѣ, ни о какихъ дѣлѣхъ государю никому челобитенъ не подавати“ подъ страхомъ наказанія батогами или тюремнымъ заключеніемъ; государю челобитчикъ можетъ бить челомъ лишь въ томъ случаѣ, если „ему въ приказѣ суда не дадутъ, или противъ его челобитья указу ему не учинять“²⁾. Это, несомнѣнно, весьма важное постановленіе указывающее, что, по крайней мѣрѣ, юридически, если не фактически, утверждено было отдѣленіе судебныхъ функций подчиненныхъ органовъ власти отъ судебной дѣятельности царя. Намъ предстоитъ из-

¹⁾ См. особ. Дмитріевъ, Сочиненія, т. I,—Исторія судебныхъ инстанцій.

²⁾ Уложеніе, X, 20.

слѣдовать, какъ практика подготовляла такое отдѣленіе и поскольку оно фактически осуществлялось. Эту задачу лучше и удобнѣ всего разрѣшить, рассматривая подробно организацію разбора и рѣшенія отдѣльныхъ категорій судебныхъ дѣлъ тѣмъ болѣе, что такимъ путемъ можно будетъ установить извѣстную постепенность въ переработкѣ отдѣльныхъ видовъ нарушенія права въ самостоятельное вѣдѣніе подчиненныхъ учреждений.

Начнемъ съ суда по государственнымъ преступленіямъ. Въ числѣ такихъ преступленій обращаетъ на себя вниманіе прежде всего измѣна. Подъ измѣной разумѣлись въ то время главнымъ образомъ побѣгъ или попытка къ побѣгу за границу или въ непріятельскую армію и сношенія съ непріателемъ. Данные нашихъ источниковъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что при наличности такихъ преступленій дѣло непременно докладывалось царю, при чемъ докладъ производился немедленно послѣ обнаруженія преступленія, нерѣдко еще до производства слѣдствія, и царь обыкновенно предписывалъ воеводѣ или кому-либо изъ судей того или иного приказа произвести слѣдствіе; затѣмъ результаты разслѣдованія докладывались государю, и дѣло рѣшалось опять-таки по приговору этого послѣдняго. Такимъ образомъ, царь принималъ непосредственное и весьма активное участіе въ производствѣ и рѣшеніи подобныхъ дѣлъ. Такъ, напр., разобрано и рѣшено было въ 1628 г. дѣло о побѣгѣ за границу стрѣльца Самодура ¹⁾, дѣло о бѣжавшемъ за рубежъ крестьянинѣ Андрѣѣ Терешкинѣ ²⁾ и т. д. ³⁾.

То, что сказано сейчасъ о побѣгѣ за границу, слѣдуетъ повторить безъ всякихъ измѣненій о ходѣ и рѣшеніи дѣлъ о сношеніяхъ съ непріателемъ: и здѣсь при обнаруженіи преступленія совершался докладъ царю, а затѣмъ и самый приговоръ устанавливали самимъ носителемъ верховной власти. Въ 1621 г. Иванъ и Степанъ Голенищевы обвиняли въ Брянскѣ своего брата Павла Голенищева въ сношеніяхъ съ „зарубежными людьми“, съ литовцами; объ этомъ было „выписано въ докладъ“, и, согласно рѣшенію царя, подсудимые были вызваны въ Москву въ Разрядъ, для производства слѣдствія,

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 26, л. 1 и об. и сл.

²⁾ Тамъ же, л. 99 и об.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разр., № 18, л. 229 и об.; столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 11, л. 428 и сл.; столбцы Приказ. стола Разр., № 36, л. 322 и об., л. 331 и об., № 42, л. 121 и об., № 46, л. 79 и об.

чтобы потомъ результаты слѣдствія были доложены царю для постановленія приговора ¹⁾.

Самымъ распространеннымъ, чаще всего встрѣчавшимся въ судебной практикѣ того времени государственнымъ преступленіемъ было оскорбленіе величества, произнесеніе „непригожихъ словъ“ или „посмѣшныхъ рѣчей“ про государя или царицу, „лаянье“ государя и т. д. И здѣсь порядокъ производства и рѣшенія былъ таковъ же, и въ только что указанныхъ случаяхъ. Вотъ типическій примѣръ, взятый изъ многихъ другихъ ²⁾. Въ 1639 г. стрѣлецъ Михайловъ донесъ на царицыну постельницу Волосатову и ея дочь, что онѣ про царя и царицу сказали „посмѣшное слово“; государь противъ сеі челобитной указалъ сыскать околничему Василью Ивановичу Стрешневу да дьяку Сурнянину Тороканову“ и, когда слѣдствіе было закончено, и результаты его были ему доложены, велѣлъ постельницу „отставить изъ царицына чину“ и выслать ее, ея дочь и родственниковъ изъ царицыной слободы изъ Кисловки ³⁾.

Судебная волокита приводила въ то время часто къ тому, что обвиняемому приходилось долгіе годы высидѣвать въ тюрьмѣ, прежде чѣмъ его дѣло доходило до суда. Не выдержавъ тяжести и продолжительности тюремнаго заключенія, „тюремные сидѣльцы“ часто „говорили за собой государево слово“, заявляли, что они могутъ сдѣлать доносъ на кого либо въ государственномъ преступленіи. И въ этомъ случаѣ дѣло обязательно докладывалось царю, который опять распоряжался порученіемъ кому-либо произвести слѣдствіе и по окончаніи послѣдняго постановлялъ приговоръ. Примѣровъ—достаточно въ нашихъ источникахъ ⁴⁾, вотъ одинъ изъ нихъ. Въ 1630 г. Лехчановъ, сидя въ тюрьмѣ, сказалъ за собой государево дѣло, но обнаружилось, что основаній для этого въ дѣйствительности не было; дѣло было рѣшено по докладу государю ⁵⁾. Въ томъ же году два

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 11, л. 81.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разр., № 10, л. 265 и сл. № 83, л. 85 и об.; ст. Българ. ст. Разр., № 10, л. 28 и об., № 61, л. 145, № 83, л. 716 и об., № 236, л. 816 и об., № 270, л. 171 и об., № 298, лл. 20—21; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 85, № 64, св. 92, № 47, св. 172, № 105, св. 184, № 81; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 79, л. 60 и сл. и т. д.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Ими. Двора, столбцы Оруж. пал., 7147 г., № 44.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Българ. ст. Разр., № 83, л. 286 и об.; столбцы Владимир. стола Разряда, № 32, л. 15 и сл., № 60, лл. 96 и об., 100 и сл., 110 и об., 175 и сл., 479 и сл., и т. д.

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Нѣвгор. ст. Разр., № 18, л. 10 и об.

казака, подравшись, сказали другъ на друга по злобѣ государево дѣло; отписка объ этомъ была „государю чтена“, и онъ приговорилъ обоихъ ихъ „бить батоги, чтобы казакамъ неповадно было затѣвать государевы дѣла въ своихъ дракахъ“¹⁾. Надо однако замѣтить, что уже самая многочисленность подобнаго рода дѣлъ вынуждала верховную власть удерживать за собой только право произнесенія приговора и не требовать доклада передъ производствомъ слѣдствія: этимъ производствомъ въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка начинаютъ распорядиться центральные подчиненные органы—приказы, какъ показывается слѣдующій, напр., фактъ: сапожковскій полковой казакъ Василій Апрятка въ 1647 г. обвинялся въ одномъ преступленіи и, уклоняясь отъ суда, сказалъ за собой государево слово; сапожковскій воевода отписалъ объ этомъ въ Разрядъ; тамъ, не докладывая государю, рѣшили: „послатъ государева грамота, а велѣтъ его распросит, какое за нимъ государево дѣло; а будетъ не скажет, и ему бытъ пытау, да что скажет, о томъ отписатъ къ государю“²⁾.

За исключеніемъ указаннаго сейчасъ слабаго зародыша выдѣленія самостоятельныхъ функцій подчиненныхъ органовъ власти при разборѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ—зародыша, сводящагося въ сущности къ производству ими слѣдствія, нельзя отмѣтить ничего, что до конца изучаемаго періода сокращало бы область непосредственнаго воздѣйствія верховной власти въ данномъ отношеніи. Судъ по государственнымъ преступленіямъ вообще производился самой верховной властью, и это нашло себѣ яркое отраженіе въ Уложеніи 1649 г., устанавливавшемъ, всѣдъ за судебною практикой, широкое участіе царя въ постановленіи приговоровъ по государственнымъ преступленіямъ: невинные въ измѣнѣ мужа или отца жена и дѣти измѣнника получаютъ на прожитокъ изъ вотчинъ и помѣстій, „что государь пожалуетъ“³⁾; при извѣтѣ о великомъ государевѣ дѣлѣ безъ свидѣтелей и уликъ дѣло рѣшается, „какъ государь укажетъ“⁴⁾; награда за убійство или поимку измѣнника выдается убившему или поймавшему изъ „животовъ“ измѣнника, „что государь укажетъ“⁵⁾ и т. д.

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 46, лл. 340—341.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владиміре. стола Разряда, № 138, лл. 3—4.

3) Уложеніе, II, 7.

4) Тамъ же II, 12.

5) Тамъ же, II, 15.

II.

Въ ближайшей связи съ государственными преступленіями находятя преступленія противъ власти и противъ порядка управленія. Правосознаніе того времени, повидимому, придавало этимъ преступленіямъ несравненно меньшее значеніе, чѣмъ преступленіямъ государственнымъ. Притомъ преступленія противъ власти и противъ порядка управленія съ развитіемъ денежнаго хозяйства, торговыхъ сношеній, съ параллельными этому усложненіемъ гражданскихъ отношеній и связей и усиленіемъ вмѣшательства органовъ администраціи въ житейскія отношенія стали весьма частымъ, почти зауряднымъ явленіемъ. По всѣмъ этимъ причинамъ невозможно было доводить всѣ эти дѣла до царя, и потому мы видимъ, какъ постепенно уменьшается непосредственное участіе верховной власти въ разборѣ и рѣшеніи дѣлъ по подобнымъ преступленіямъ.

Возьмемъ прежде всего дѣла о обидахъ, побояхъ и ранахъ, наносившихся разнымъ должностнымъ лицамъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Въ 1624 г. въ Каширѣ Лихоревы избіли въ кабакѣ кабацкаго голову и цѣловальниковъ; каширскій воевода, по предписанію изъ приказа, произвелъ слѣдствіе и прислалъ въ Москву «обыскныя рѣчи»; здѣсь помѣтили на его отпискѣ: «выписатъ изъ обысковъ тотчасъ в доклад» ¹⁾ царю, которому и принадлежало, слѣдовательно, право рѣшить дѣло. Въ 1636 г. воеводы Голенищевъ и Аверкіевъ были оскорблены въ сѣзжей избѣ сыномъ боярскимъ Фроловымъ и доставили объ этомъ отписку въ Москву; «государь; сей отписки слушавъ, указалъ» посадить Фролова въ тюрьму ²⁾. Въ томъ же году посадскіе люди города Сольвычегодска обвинялись въ замыслѣ убить и ограбить воеводу Головачева; объ этомъ дѣлѣ было «выписано в доклад» ³⁾. Эти факты показываютъ, что довольно долго верховная власть стягивала въ свои руки дѣла объ обидахъ, побояхъ и ранахъ, наносимыхъ должностнымъ лицамъ, причемъ подчиненные органы производили лишь слѣдствіе. Однако въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ наблюдается иное: сначала дѣла объ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. стола Разр., № 31, л. 538 и об.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 115, лл. 637—643.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ип. Д., прил. д. ст. л., св. 84, № 53.

обидахъ и побояхъ, наносимыхъ второстепеннымъ администраторамъ, а потомъ и воеводамъ, передаются въ вѣдѣніе подчиненныхъ властей. Вотъ характерные факты. Въ 1632 г. устюжскій таможенный голова Клюкинъ и кабацкіе цѣловальники били челомъ на «англійскія земли переводчика Вилема Еремѣева», что онъ со своими людьми избилъ въ кабацкѣ цѣловальниковъ; о рассмотрѣніи и рѣшеніи дѣла «указал государь послать память в Посольской приказ» ¹⁾. Въ 1642 г. Тимоновъ «безчестилъ и лаялъ» романовскаго воеводу Воейкова; «государь пожаловалъ, велѣлъ про то сыскатъ губному старостѣ» и сообщить для рѣшенія дѣла въ Разрядъ ²⁾. Правда, въ обоихъ указанныхъ случаяхъ нѣтъ еще рѣшенія дѣлъ подчиненными учреждениями по собственной инициативѣ, но все-таки несомнѣнна передача имъ подобныхъ дѣлъ верховной властью, такъ что намѣчается довольно ясно значительная перемѣна въ направленіи къ расширенію самостоятельности подчиненныхъ учреждений.

Гораздо рѣзче и сильнѣе измѣнился въ указанномъ направленіи порядокъ рѣшенія дѣлъ о сопротивленіи или непослушаніи законнымъ требованіямъ властей. Въ нашихъ источникахъ сохранилось много данныхъ о томъ, что такія дѣла въ двадцатыхъ, тридцатыхъ, сороковыхъ, пятидесятихъ годахъ XVII вѣка разбирались и рѣшались подчиненными учреждениями безъ всякаго участія царя ³⁾. Приведемъ нѣсколько типическихъ примѣровъ. Въ 1627 г. въ Устюжнѣ-Желѣзопольской Панковскій оказалъ сопротивленіе воеводѣ при обыскѣ, произведенномъ у него по подозрѣнію въ корчемствѣ; воевода донесъ объ этомъ въ приказъ, и послѣдній безъ государя распорядился подвергнуть одного изъ холоповъ Панковскаго тюремному заключенію ⁴⁾. Въ 1646 г. жители Шунгскаго погоста сопротивлялись при сборѣ податей; Устюжская четверть предписала воеводѣ наказать ихъ ⁵⁾. Въ 1638 г. за сопротивленіе воеводѣ посадскаго человѣка въ Лихвинѣ приказъ, безъ доклада государю, предписалъ посадить виновнаго въ тюрьму на два дня ⁶⁾.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 57, № 66.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владиміре. ст. Разр., № 117, л. 269 и слѣд.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 28, л. 51 и об., № 39, л. 104 и об.; № 281, лл. 2—3; столбцы Моск. ст. Разр., № 40, л. 580 и об., № 74, ст. 2, л. 135 и об., № 58, л. 74 и об.; столбцы Владиміре. стола Разр., № 84, л. 59 и сл.; столбцы Моск. ст. Разр., № 272, л. 94 и об. и т. д.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 27, № 76.

⁵⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 166, № 42.

⁶⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 87, л. 11 и об.

Только въ особо важныхъ случаяхъ, преимущественно тогда, когда сопротивление оказывалось военнымъ распоряженіямъ воеводы, дѣло докладывалось государю, какъ показываютъ между прочимъ ¹⁾, слѣдующія наблюденія. Въ 1649 г. царю былъ сдѣланъ докладъ о сопротивленіи жителей Царева Алексѣева города предписаніямъ воеводы относительно постройки укрѣпленій ²⁾. Въ 1630 г. крестьяне Комарицкой волости отказались перейти въ городъ по случаю осаднаго времени, — и дѣло также не обошлось безъ доклада государю ³⁾. Въ 1648 г. жители Добраго Городища отказались выдать разбойниковъ и отвести слѣдъ; «государь указалъ про такое воровство сыскатъ» воеводѣ ⁴⁾. Намъ уже извѣстно, какъ ревниво относились московскіе цари къ каждой копейкѣ, поступавшей въ ихъ казну. Понятно поэтому, что въ 20-хъ годахъ всякій отказъ отъ уплаты податей непремѣнно восходилъ до государя. Такъ, когда въ 1627 г. строитель Телѣгова монастыря въ Устюжскомъ уѣздѣ отказался платить государевы четвертные доходы — данные и оброчные, — то объ этомъ выписано было «въ докладъ» ⁵⁾. Точно также, когда въ 1628 г. Чихачевъ «угрозою заказалъ» въ волости Шалгѣ Чарондскаго уѣзда выборному вѣрному цѣловальнику Степанову, чтобы онъ не бралъ мыта съ его крестьянъ, то «государь слушалъ и указалъ про то сыскатъ послатъ съ Москвы нарочно дворенина или сына боярсково добра» ⁶⁾. Однако позднѣе, по крайней мѣрѣ, въ менѣе важныхъ случаяхъ, наблюдается иной порядокъ рѣшенія подобныхъ дѣлъ; въ 1630 г. крестьяне одной изъ волостей Устюжскаго уѣзда жаловались въ Устюжскую четверть на одного крестьянина, что онъ отказывается платить четвертные доходы; приказъ не доложилъ государю, а рѣшилъ дѣло самъ: „отписатъ, велѣтъ доправитъ“, значитъ въ помѣтѣ. ⁷⁾ Въ 1633 дѣло о неплатежѣ государевыхъ доходовъ 12-ю деревнями Устьянскихъ волостей Ростовской волости было рѣшено дьякомъ Пантелеемъ Чириковымъ въ Устюжской четверти совершенно самостоятельно. ⁸⁾

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 11—12, л. 515 и об.; № 134, лл. 310—311, № 270, л. 239 и об. и др.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 305, л. 199 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 58, л. 311 и об.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. ст. Разр., № 131, л. 406 и об.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 23, № 9.

6) Тамъ же, св. 31, № 66.

7) Тамъ же, св. 42, № 74.

8) Тамъ же, св. 61, № 5.

Въ числу преступленій противъ порядка управленія относится также контрабанда или продажа заповѣдныхъ товаровъ. Характерно, что и дѣла по этому преступленію, сначала рѣшавшіяся царемъ, затѣмъ постепенно переходятъ въ вѣдѣніе подчиненныхъ учреждений. Въ Мещовскѣ въ 1624 г. вывозили за рубежъ заповѣдные товары; по этому дѣлу сдѣланъ былъ докладъ царю ¹⁾. Но когда въ 1644 г. купцы порохового ряда обвинялись въ продажѣ пороха крымцамъ, то судилъ и рѣшилъ дѣло Посольскій приказъ безъ всякаго участія государя. ²⁾

Еще въ документахъ XVI вѣка—въ губныхъ ³⁾ и уставныхъ земскихъ ⁴⁾ грамотахъ—находимъ несомнѣнныя указанія на то, что дѣла о корчемствѣ были подсудны губнымъ старостамъ и излюбленнымъ главамъ, т.-е. органамъ подчиненнымъ. Самостоятельность подчиненныхъ учреждений въ рѣшеніи этихъ дѣлъ въ XVII вѣкѣ засвидѣтельствована также многими документами. Вотъ примѣры: въ 1636 г. дѣло о корчемствѣ въ Сольвычегодскѣ рѣшено было безъ государя ⁵⁾; то же повторилось въ Тотемскомъ уѣздѣ въ 1637 г. ⁶⁾. Въ 1639 г. усердскій воевода далъ на поруку до указа троихъ дѣтей боярскихъ за корчемную продажу одному казаку вина; разрядъ безъ доклада царю велѣлъ дѣтей боярскихъ посадить въ тюрьму на два дня, а казака на три дня, а если окажется, что казакъ этимъ виномъ „чумашничаль, продавалъ“, предписалъ „бить его батоги“. ⁷⁾ Въ 1640 г. по дѣлу о корчемствѣ въ Осколѣ Разрядъ вынесъ рѣшеніе: „датъ государева грамота“, чтобы воевода разобралъ дѣло. ⁸⁾

III.

Расчлененіе общества на замкнутыя, юридически-различающіяся одно отъ другого сословія и крѣпостническія тенденціи соціального развитія сильно увеличили число дѣлъ, касающихся нарушенія правъ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 11, л. 369 и об.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 150, № 56.

³⁾ Ретвигъ, Органы губного управленія въ XVI и XVII в.,—въ „Сборникѣ правовѣднія и общественныхъ знаній“, томъ VI, стр. 267, прим. 45.

⁴⁾ Акты Арх. Элеп., т. I, № 234; т. III, № 37.

⁵⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 83, № 36.

⁶⁾ Тамъ же, св. 92, № 48.

⁷⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Бѣлг. ст. Разр., № 128, л. 434 и об.

⁸⁾ Тамъ же, № 115, л. 306 и об.

состоянія. Судебная практика того времени особенно богата была всякаго рода исками о холопствѣ и крестьянствѣ.

Въ 1614 г. князь Иванъ Голицынъ просилъ дать ему грамоту о правѣ вывезти его крестьянъ, бѣжавшихъ изъ его дѣдиловскаго помѣстья и найденныхъ имъ у нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ Тульскаго уѣзда; „государь пожаловал, велѣл дат свою свозную грамоту, за кѣмъ сыщет“¹⁾). Подобныя же дѣла рѣшались самимъ царемъ неоднократно и позднѣе, въ 20-хъ годахъ XVII вѣка.²⁾ Однако, уже одновременно съ этимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣльцы просили оставить за ними ихъ крестьянъ, неправильно вывозимыхъ отъ нихъ другими землевладѣльцами, государь обыкновенно предписывалъ разобрать и рѣшить дѣло подчиненнымъ органамъ, чѣмъ подготовлялось расширеніе самостоятельной компетенціи послѣднихъ. Такъ было, напр., въ 1613 г. съ Чудовымъ монастыремъ, на челобитѣ архимандрита котораго помѣчено: „государь велѣл дат ему суд и сыскъ, да по суду и по сыску указ учинит, до чево доведетца, чтобы вперед о томъ не били челомъ.“³⁾ Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ практика рѣшенія исковъ о крестьянахъ приказами и воеводами утверждается вполне прочно, какъ видно изъ ряда наблюдений надъ источниками. Панинъ въ 1636 г. жаловался на Карогодовскаго, что онъ подговорилъ выйти къ себѣ изъ его козельской вотчины крестьянина „съ его крестьянскими животы и с ссуднымъ хлебомъ и с денгами,“ и просилъ дать ему грамоту въ Козельскъ къ воеводѣ „въ подговорномъ крестьянинѣ и въ сносѣ, что стати ему на Москвѣ къ ответу в Челобитномъ приказѣ“; приказъ, не обращаясь къ царю, помѣтилъ: „дат государева грамота“⁴⁾). Подобное же рѣшеніе находимъ на челобитныхъ ливенскаго Сергіева монастыря въ томъ же году,⁵⁾ галичанина Апушкина въ 1639 г.,⁶⁾ Коптева относительно его кинешемскихъ крестьянъ въ 1643 г.⁷⁾

1) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7122 г., № 41.

2) См., напр., тамъ же, 7122 г., № 49, 7129 г., №№ 183 и 217.

3) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7121 г., № 31.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. ст. Разр., № 70, л. 5 и об.

5) Тамъ же, л. 42 и об.

6) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. стола Разр., № 84, л. 137 и сл.

7) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірс. стола Разр., № 111, л. 115 и сл.

Въ 1647 г. Новгородская четверть, такъ же не докладывая царю, поручила разборъ и рѣшеніе дѣла о вывезенныхъ у новгородца Колобова крестьянахъ мѣстному приказному человѣку ¹⁾. Въ 40-хъ годахъ, если какой-либо челобитчикъ обращался при искѣ о крестьянахъ прямо къ государю, минуя низшія инстанціи, то государь не разбиралъ дѣла, а передавалъ дѣло въ подчиненныя учрежденія, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра: въ 1640 г. Лихаревъ просилъ вернуть ему его крестьянина, бѣжавшаго за границу, потомъ вернушагося и поселившагося у другого землевладѣльца; несмотря на то, что дѣло было весьма запутанное, государь не сталъ его рѣшать самъ, а „велѣл в том указ учинит и государеву грамоту дат по уложению, досмотра ево государева указу и уложения“ ²⁾.

Въ томъ-же направленіи, т.-е. къ расширенію самостоятельной компетенціи подчиненныхъ учреждений, совершались перемѣны въ разборѣ и рѣшеніи дѣлъ о возвратѣ въ прежнее состояніе крестьянъ, бѣжавшихъ на посадъ или записавшихся въ служилые люди. Такъ въ 1613 году самъ царь распорядился возвращеніемъ князю Сицкому его медынскихъ крестьянъ, бѣжавшихъ на посадъ въ Калугу ³⁾. Но въ нашемъ распоряженіи имѣется множество позднѣйшихъ фактовъ, указывающихъ, что подобныя дѣла стали рѣшаться подчиненными органами безъ участія верховной власти ⁴⁾; напр., въ 1628 г., когда сынъ боярскій Свѣченый нашелъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ Бѣлгородѣ, приказъ помѣтилъ на его челобитной: „дат грамота, а велѣт дат суд“ ⁵⁾; точно также въ 1639 г. приказъ сбору ратныхъ людей самостоятельно рѣшилъ дѣло о возвратѣ Троицкому Сергіеву монастырю его крестьянина, записавшагося въ драгуны ⁶⁾. Рѣдко, и то лишь тогда, когда крестьяне формально были уже зачислены въ другое сословіе, дѣло не обходилось безъ участія государя: такъ было, напр., тогда, когда въ 1648 г. посадскій староста

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 187, № 99.

2) Тамъ же, св. 119, № 51.

3) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7121 г., № 46.

4) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 104, л. 430 и об., Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7128 г., № 39 и мн. др.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разр., № 33, л. 7 и об.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 104, № 16.

въ Ельци зачислилъ торговавшихъ тамъ крестьянъ Караманова въ посадскіе люди ¹⁾.

Иногда холоповъ и крестьянъ насильственно сводили отъ ихъ владѣльцевъ. Въ этихъ случаяхъ искъ разрѣшался въ 30-хъ и 40-хъ годахъ также исключительно подчиненными учрежденіями. Такъ въ 1630 г. приказъ рѣшаетъ дѣло о сводѣ холопа и похищеніи лошадей и имущества ²⁾, въ 1642 г. подобное дѣло поручается суду воеводы, ³⁾ въ 1650 г. дѣло рѣшаетъ Соковнинъ въ Мастерской палатѣ ⁴⁾ и т. д.

Иски о бѣглыхъ кабалныхъ людяхъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ доходили до царя, обыкновенно же разсматривались и рѣшались подчиненными учрежденіями, воеводами ⁵⁾, приказомъ Холопья суда ⁶⁾ и т. д. ⁷⁾.

Въ 1628 г. Устюжская четверть самостоятельно огородила устюжанина, посадскаго человѣка Злобина, отъ сына боярскаго Розварина, пытавшагося его закабалить ⁸⁾. Въ 1649 г. дѣло о насильственномъ закрѣпощеніи свободной женщины, племянницы тягльца Базенной слободы, разбиралось и было рѣшено въ Царицыной мастерской палатѣ безъ государя ⁹⁾. Верховная власть вмѣшивалась только тогда, когда иностранцы объявляли русскихъ посадскихъ людей своими холопами, какъ то было, напр., въ Новгородѣ въ 1647 г. ¹⁰⁾, такъ что вообще дѣла о закабаленіи или закрѣпощеніи лицъ городского сословія вѣдались въ XVII вѣкѣ подчиненными учрежденіями.

Весьма нерѣдко случалось, однако, что пытались закабалить слу-

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. стола Разр., № 275, л. 69 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7138 г., № 61.

3) Тамъ же, 7150 г., № 2.

4) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7158 г., № 16.

5) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7157 г., № 4; 7158 г., №№ 20 и 21 и др.

6) Тамъ же, 7133 г., № 29, 7136 г., № 41, 7150 г., №№ 52 и 55.

7) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 148, № 48; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 41, л. 1 и об., л. 3 и об., л. 11 и об. и т. д.

8) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 30, № 56.

9) Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7157 г., № 38.

10) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 177, № 14.

жилаго человѣка. Въ такихъ случаяхъ дѣло рѣшалось всегда подчиненными органами власти: такъ, напр., когда Савельевъ въ 1624 г. жаловался на соловянина сына боярскаго Хрипкова, что онъ объявилъ его своимъ холопомъ, то дѣло было рѣшено въ пользу Савельева Холопимъ приказомъ¹⁾; въ 1649 г. дѣло о попыткѣ закрѣпить пушкарскаго сына государя, которому, по старой привычкѣ, непосредственно подана была челобитная, велѣлъ разрѣшить въ приказѣ²⁾. Докладъ государю, иногда и государю съ Думой, былъ обязателенъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда служилый человѣкъ, вопреки закону, самъ добровольно поступалъ въ холопы. Вотъ примѣры: въ 1626 г. Левашова просила вернуть въ службу ея сына, закабаливашагося князю Шуйскому; «государь пожаловал, велелъ выписать доложит себя государя, был ли сын твой в службе и верстан ли и своею ль волею был челом в холопы»³⁾; въ 1641 г. Окороковъ и двое Бабоѣдовыхъ просили освободить ихъ родственника, поступившаго въ кабальные холопы къ князю Репнину, и самъ царь освободилъ его⁴⁾ и т. д.

Крѣпостническія тенденціи общества сказывались часто по отношенію къ плѣннымъ и выходцамъ изъ-за границы: ихъ также пытались объявлять холопами. Въ этомъ случаѣ всегда вмѣшивалась верховная власть, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ 1633 г. самъ царь распорядился огражденіемъ свободы плѣнной польки-шляхтянки Малаховской, которую одинъ сынъ боярскій хотѣлъ «похолопить», выдавъ замужъ за своего человѣка⁵⁾; въ 1631 г.⁶⁾ и въ 1656 г.⁷⁾ понадобилось вмѣшательство государя, чтобы предотвратить закрѣпощеніе двухъ литовскихъ шляхтичей, вышедшихъ на его имя.

Наконецъ, правительству приходилось слѣдить за тѣмъ, чтобы и два высшихъ сословія—служилое и посадское—были прикрѣплены къ своимъ обязанностямъ, строго ограничены другъ отъ друга.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7132 г., № 34.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7157 г., № 50.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. стола Разр., № 39, л. 16 и об.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородск. стола Разряда, № 74, л. 41 и сл.

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 100, л. 323 и об.

⁶⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимірск. стола Разр., № 32, л. 155 и об.

⁷⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 325, л. 818 и слѣд.

Между тѣмъ посадскіе люди бѣгали съ посадовъ, уклоняясь отъ тягла, или записывались въ служилые люди по прибору, вызывая тѣмъ искъ о возвратѣ со стороны посадской общины; съ другой стороны, посадская община стремилась обложить тягломъ и служилыхъ людей по прибору, нерѣдко промышлявшихъ и торговавшихъ на посадѣ, иногда даже прямо записывали ихъ въ посадскіе люди. Интересуясь прежде всего обезпеченіемъ службы, государство съ особенною строгостью наблюдало за тѣмъ, чтобы служилые люди не зачислились на посадѣ, и потому нерѣдко тавія дѣла доходили до царя; но онъ уже обыкновенно передавалъ ихъ въ подчиненныя учрежденія. Ограничимся однимъ примѣромъ: когда въ 1639 г. нѣсколько человекъ карачевскихъ пушкарей и затинщиковъ жаловались, что ихъ неправильно зачисляютъ на посадѣ въ качествѣ посадскихъ людей, то «государь пожаловал, велѣмъ про то сыскат, а по сыску указ учинит по уложению» ¹⁾. Точно такъ же и дѣла о посадскихъ людяхъ самостоятельно рѣшались подчиненными учрежденіями: напр., въ 1641 г. клинскій губной староста прислалъ отписку о побѣгѣ съ посада посадскаго человѣка Овчинникова; приказъ безъ государя рѣшилъ вернуть его на посадѣ ²⁾; въ 1646 г. псковскіе земскіе старосты просили вернуть на посадѣ посадскаго человѣка Смолянина, записавшагося въ пушкари; рѣшено: «датъ государева грамота, велѣтъ про то сыскат, будетъ напередъ сего въ пушкарѣхъ не бывалъ, а нынѣ торгуетъ, и ево по прежнему велѣтъ изъ пушкарей взятъ въ тягло» ³⁾.

IV.

Мы не будемъ останавливаться на способахъ разбора и рѣшенія дѣлъ о религіозныхъ преступленіяхъ, потому что въ этой области незамѣтно никакихъ измѣненій за все изучаемое время: въ эпоху всевозможныхъ суевѣрій понятіе религіознаго преступленія было необычайно широко, репрессія въ этомъ случаѣ отличалась тогда чрезвычайной суровостью и, наконецъ, всему дѣлу придавалось такое важное значеніе, что оно обыкновенно не проходило безъ участія верховной власти; вотъ почему мы видимъ, что царь рѣшаетъ дѣла объ

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 116, № 8.

²⁾ Тамъ же, св. 127, № 42.

³⁾ Тамъ же, св. 16^а, № 72.

отступленіи отъ православія въ мусульманство ¹⁾, о колдовствѣ ²⁾, о «порчѣ» ³⁾, о святотатствѣ ⁴⁾, о волшебствѣ ⁵⁾).

Переходимъ къ преступленіямъ противъ жизни—къ убійству. Не подлежитъ сомнѣнію и подтверждается цѣлымъ рядомъ указаній источниковъ ⁶⁾, что обыкновенныя дѣла объ убійствѣ судились и рѣшались подчиненными органами власти—приказами, воеводами, приказными людьми, губными старостами. Правда, между центральными и областными учреждениями дѣла эти распределялись, какъ и большая часть другихъ дѣлъ, довольно беспорядочно, и все опредѣлялось тѣмъ, куда поступала челобитная, такъ какъ отъ челобитчика зависѣло, начать ли дѣло въ приказѣ въ Москвѣ или передѣ областными властями, однако и здѣсь уже обнаруживалась сильная тенденція въ передачѣ главной массы дѣлъ мѣстнымъ учреждениямъ. При всемъ томъ, однакоже, бывали случаи, когда, по старой привычкѣ, подавалась челобитная прямо царю о обыкновенномъ убійствѣ; тогда царь предписывалъ подчиненнымъ органамъ рѣшить дѣло. Вотъ характерный примѣръ. Въ 1651 г. Чупахинъ подалъ челобитную царю объ убійствѣ Дружининымъ и Борченковымъ его крестьянъ; государь «велѣлъ указъ учинить» яблоновскому воеводѣ князю Репнину ⁷⁾.

Зато приговоръ по дѣламъ объ убійствахъ особаго рода не могъ быть постановленъ безъ непосредственнаго участія верховной власти. Въ этомъ отношеніи сфера непосредственнаго воздѣйствія послѣдней была еще весьма широка. Такъ, дѣла о мужеубійствѣ подлежали рѣшенію царя и Боярской думы. Напр., въ 1636 г. по дѣлу о мужеубійствѣ, случившемся въ Курскѣ, «бояре приговорили» зарыть мужеубійцу живьемъ въ землю ⁸⁾. Верховная власть рѣшала также

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 11, № 27.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 11, л. 162 и сл., № 54, ст. 2, л. 247 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородск. ст. Разр., № 83, л. 58 и об.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 575, л. 148 и сл.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 181, № 66.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 87, № 70, св. 129, № 53, св. 150, № 53; Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го Разр. Оруж. пал., 7150 г., № 5; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Приказ. ст. Разр., № 41, л. 61 и об.; Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, ст. 2-го разр. Оруж. пал., 7144 г., № 29; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 12, л. 312 и сл., и т. д.

7) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 298, л. 33 и сл.

8) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 83, л. 258 и об.

дѣла о братоубійствѣ. Вотъ примѣры: въ 1638 г. государю докладывали о результатахъ слѣдствія по дѣлу о братоубійствѣ, совершенномъ Шепелевымъ, при чемъ цѣлью доклада было получить определенное рѣшеніе ¹⁾; въ 1641 г. описка о другомъ случаѣ братоубійства была «государю чтена; государь указал того убійцу пытать накрѣпко» и прислать разспросныя рѣчи въ Москву ²⁾.

Убійство, совершенное служилымъ человѣкомъ во время похода или вообще во время отбыванія службы, также подлежало суду самого царя или Боярской думы въ первой инстанціи. Въ 1622 г. въ Данковѣ на службѣ одинъ служилый человѣкъ подрался съ другимъ и убилъ его; «бояре приговорили за его воровство бити на козлѣ кнутомъ» ³⁾. Въ другомъ подобномъ случаѣ, относящемся къ 1644 году, приговоръ постановилъ государь ⁴⁾. Имъ же рѣшено было дѣло объ убійствѣ Дымовскимъ казака Комарева въ 1648 г. ⁵⁾

До царя доходили далѣе и имъ рѣшались въ первой инстанціи дѣла объ убійствѣ холопами и крестьянами свободныхъ людей, особенно ихъ господъ. Слѣдующіе, взятые на выборъ, факты свидѣтельствуютъ объ этомъ. Въ 1632 г. по дѣлу объ убійствѣ въ Устюжскомъ уѣздѣ Важенина двумя холопами слѣдствіе было произведено воеводой и дякомъ Устюжской четверти Пантелеемъ Чириковымъ, а затѣмъ дѣло было выписано «въ докладъ» государю ⁶⁾. Въ 1636 г. въ Торопецкомъ уѣздѣ Кушелевъ былъ убитъ своими крестьянами, о чемъ было доложено царю, и онъ велѣлъ пытать ихъ и разспросныя рѣчи сообщить въ Москву ⁷⁾. То же самое наблюдаемъ въ 1638 г. при убійствѣ Сергѣева крестьяниномъ Тыртова ⁸⁾, въ 1642—при убійствѣ Левашова холопомъ Волынскаго Игнатьевымъ ⁹⁾, въ 1654—при убійствѣ Толбугина крестьянами князя Черкаскаго ¹⁰⁾.

Къ числу исключительныхъ дѣлъ, подлежавшихъ рѣшенію вер-

1) Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Моск. ст. Разр., № 134, л. 639 и об.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 85, № 64.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 12, лл. 142 об.—150.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 190, л. 323 и об.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 131, л. 68 и об., л. 183 и об.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 49, № 48.

7) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгор. ст. Разр., № 58, л. 463 и сл.

8) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 133.

9) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 117, л. 149 и сл.

10) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 294, л. 326 и сл.

ховной власти, принадлежали, наконецъ, дѣла объ убійствѣ священно- и церковнослужителей и объ убійствѣ иностранныхъ подданныхъ, а также объ убійствѣ иностранцами русскихъ. Вотъ доказательства: въ 1642 г. дьяконъ въ пьяномъ видѣ зарѣзалъ въ кабацѣ попа, съ которымъ у него была «недружба» и который его раньше «бывалъ неодинова»; отписка объ этомъ была «государю чтена», и онъ рѣшилъ послать грамоту, съ предписаніемъ произвести пытку ¹⁾; въ 1635 г. была выписана въ докладъ отписка холмогорскаго воеводы объ убійствѣ одного посадскаго человѣка «цесарскія земли прапорщикомъ Улфомъ Полгеромъ» ²⁾; въ 1639 г. царь рѣшилъ дѣло объ убійствѣ одного литвина Петрищевымъ ³⁾.

Въ связи съ убійствомъ или «душегубствомъ», какъ оно обыкновенно тогда называлось, стоятъ другія «губныя» дѣла, именно—разбой и татьба съ личнымъ. Еще губныя грамоты XVI вѣка установили подсудность этихъ дѣлъ подчиненнымъ органамъ областного управленія ⁴⁾, и это сохранилось въ XVII в. Если и бывали случаи, когда дѣло разсматривалось и рѣшалось царемъ, то это было исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Сюда относились, напр., дѣла о массовыхъ и систематическихъ разбояхъ на Волгѣ: въ 1623 г. воронежскій воевода прислалъ въ Москву слѣдственное дѣло о такихъ разбояхъ, и рѣшено было его «выписать в доклад тотчас» ⁵⁾. Безъ царя—что вполне естественно—не обходились и дѣла о разбояхъ надъ иностранными подданными: въ 1639 г. было «написано в доклад» о разбоѣ, совершенномъ однимъ жителемъ Торопца надъ заграничными велижскими крестьянами ⁶⁾; въ 1645 г. подверглись разбою караваны двухъ голландскихъ купцовъ около Новгорода; дѣло было немедленно доложено государю, который распорядился производствомъ слѣдствія воеводой и Посольскимъ приказомъ; затѣмъ послѣдовалъ докладъ царю, который и постановилъ приговоръ ⁷⁾.

Наши источники переполнены фактами, свидѣтельствующими, что

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 129, № 45.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 76, № 62.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 108, л. 446 и сл.

4) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 187, 192, 194, 224, 330; Доп. къ Акт. Историч., т. I, № 31.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 11, л. 9 и об.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 103, № 11.

7) Тамъ-же, св. 157 № 18.

всѣ обыкновенныя дѣла по разнаго рода уголовнымъ преступленіямъ увѣчью, нанесенію ранъ и побоевъ, безчестью, кражѣ, грабежу, поджогу, машенничеству ¹⁾, а также всѣ гражданскія правонарушенія ²⁾ разбирались и рѣшались въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка подчиненными учрежденіями. Мы не будемъ поэтому останавливаться на этомъ вопросѣ подробно; отмѣтимъ только тѣ особые случаи, въ которыхъ замѣтно непосредственное участіе верховной власти въ первой инстанціи; мы убѣдимся при этомъ, что такъ бывало лишь тогда, когда были спеціальныя для того причины, коренившіяся въ характерѣ разбираемаго дѣла.

Въ 1621 года Леховъ и Левашовъ по царскому указу взяли въ Вязьмѣ у литовскаго купца могилевца Таруты икону съ мощами и перо и привезли ихъ въ Москву, оставивъ Тарутѣ подѣль закладъ ихъ 411 руб. 4 деньги и условившись размѣняться обратно въ цетровъ день того-же года; потомъ Тарута отказался размѣняться и потому Леховъ и Левашовъ просили царя дать грамоту вяземскому воеводѣ задержать въ Вязьмѣ могилевскихъ купцовъ; «государь пожаловал, велѣдъ дат грамота» ³⁾. Понятно, почему здѣсь необходимо было участіе царя: рѣчь шла о неисполненіи обязательства иностраннымъ подданнымъ, и мѣра, вызывавшаяся обязательствами сводилась къ репрессіямъ по отношенію къ иностраннымъ подданнымъ.

Въ 1641 г. Погожевъ обвинялъ Нелединскаго, что онъ подкупилъ лицъ, участвовавшихъ въ повальномъ обыскѣ, почему послѣдніе показали на вторичномъ обыскѣ не такъ, какъ при первомъ; неудивительно, что при такомъ исключительномъ и важномъ обвиненіи «государь пожаловал, велѣдъ дѣло внести къ бояромъ» ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 102, № 70, св. 139, № 60, св. 144, № 15, св. 152, № 61, св. 157, № 31, св. 135, № 65, св. 152, № 68, св. 156, № 14, св. 121, № 77, св. 139, № 60, св. 141, № 75, св. 144, № 15, св. 152, № 61, св. 153, № 71; св. 158, № 46, Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Бягѣр. ст., № 1076, л. 13 и об.; Моск. Арх. Мин. Имп. Дв., ст. Оруж. пал., 7139 г., № 94.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 81, № 13, св. 88, № 14, св. 90, № 34, св. 92, № 53, св. 94, № 5, св. 96, №№ 14 и 15, св. 97, № 23, св. 104, № 22, св. 120, № 65 и т. д.; Моск. Арх. Мин. Юст., ст. Приказ. ст. Разр., № 108, л. 190 и об. и т. д.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 181, ст. 3, л. 1. и об.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 205, л. 7 и об.; Моск. Арх. Мин. Имп. Двора, столбцы 2-го Оруж. пал., 7143 г., № 216; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 54, ст. 2, л. 196 и об. и т. д.

Понятно—далѣе, что до чрезвычайности сложный и запутанный споръ о наслѣдствѣ между вдовой князя И. Б. Черкаскаго и княземъ Я. К. Черкасскимъ былъ въ концѣ концовъ въ 1643 г. разрѣшенъ самимъ царемъ, предоставившимъ однако и здѣсь разрѣшеніе отдѣльныхъ пунктовъ спора подчиненнымъ учрежденіямъ какъ видно изъ слѣдующаго текста помѣты: «государь пожаловалъ животы велѣд раздѣлит по прежнему своему государеву указу боярину князю Алексѣю Михайловичу Львову да дяку Григорью Ларивонову, а судное дѣло взяти к Москвѣ, а вотчинами владѣти по дачемъ, что кому дано, а государево жалованье загородные дворы раздѣлити пополам, а что живот своз до дѣлу, и то написат и биті челом іменно, а въ Юрьевскомъ уѣздѣ вотчину село Семинское з деревнями і с пустошами раздѣлиті пополам» ¹⁾.

Остается, наконецъ, отмѣтить, что нѣкоторыя измѣненія въ процессуальныхъ дѣйствіяхъ властей опредѣлялись распоряженіемъ царя. Сюда относились, напр., переносъ дѣла изъ одного учрежденія въ другое по просьбѣ одной изъ сторонъ ²⁾, отсрочка разбирательства по случаю отправленія на службу, похода и по другимъ уважительнымъ причинамъ ³⁾. Иногда впрочемъ—именно тогда, когда законъ давалъ основанія для разрѣшенія просьбы въ опредѣленномъ смыслѣ,—царь и въ процессуальныхъ вопросахъ представлялъ рѣшеніе дѣла подчиненнымъ учрежденіямъ, хотя съ челобитной обращались и непосредственно къ верховной власти. Такъ бывало, напр., тогда когда отвѣтчики просили царя рѣшить дѣло въ ихъ пользу за неявкой истцовъ. Въ такихъ случаяхъ государь распоряжался, чтобы указы или воеводы «указъ учинили по уложению»: такъ было, напр., въ 1635 ⁴⁾, 1691 г. ⁵⁾ и т. д.

Такимъ образомъ, мы убѣдились, что самостоятельныя судебныя функціи подчиненныхъ учреждений выражались къ половинѣ XVII вѣка въ производствѣ слѣдствія по государственнымъ преступленіямъ, въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ о преступленіяхъ противъ власти и противъ порядка управленія (за исключеніемъ особенно важныхъ)

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новг. ст. Разр., № 4, л. 39 и об. № 71, л. 44 и об., № 80, л. 1 и об.; ст. Бѣлгор. ст. Разр., № 4, л. 109 и об., № 16, л. 235 и об., № 65, л. 105 и об., № 130, л. 96 и об.; Моск. Арх. Мин. Импер. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7140 г., № 37 и т. д.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 15, № 33.

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 91, № 40.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 70 л. 5 й об.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 130, № 61.

исковъ о крестьянахъ и холопахъ, дѣлъ о закабаленіи и закрѣпощеніи свободныхъ людей, о выходѣ служилыхъ и посадскихъ людей изъ ихъ состояній, наконецъ обыкновенныхъ, заурядныхъ дѣлъ объ убійствѣ, о преступленіяхъ противъ здоровья, чести и противъ правъ имущественныхъ и всякаго рода гражданскихъ тяжбъ. Въ общемъ нельзя не признать, что соотношенія между верховными и подчиненными органами власти въ области суда складывались въ извѣстномъ уже намъ направленіи облегченія верховной власти и высшихъ учрежденій отъ множества мелкихъ дѣлъ, ранѣе постоянно восходившихъ до нихъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Полицейская дѣятельность государства. Соотношеніе между верховной властью и подчиненными органами въ дипломатической дѣятельности.

Полицейская дѣятельность государства, т. е. заботы его о безопасности и благосостояніи населенія, развивается, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, позднѣе, чѣмъ другія функціи государственной власти. Поэтому здѣсь мы будемъ наблюдать гораздо больше остатковъ страны, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Сколько-нибудь организованной полиція безопасности становится лишь въ XVI вѣкѣ, съ появленіемъ губныхъ учрежденій. Губныя грамоты свидѣтельствуютъ, что населеніе стало выбирать десятскихъ, пятидесятскихъ и сотскихъ на каждые 10, 50, 100 дворовъ; всѣхъ пріѣзжихъ и проѣзжихъ людей населеніе должно было «являть» десятскимъ, десятскіе ихъ являли пятидесятскимъ, а пятидесятскіе сотскимъ, а сотскіе съ пятидесятскими и десятскими тѣхъ людей «осматривали и записывали». ¹⁾ Во второй половинѣ XVI вѣка, когда появились излюбленные головы, и они были привлечены къ содѣйствію губнымъ учрежденіямъ въ дѣлѣ полицейскаго надзора: они должны были „беречь накрѣпко“, чтобы у нихъ «всякихъ лихихъ людей не было». ²⁾ Въ XVII вѣкѣ такого же рода функціи свойственны были воеводамъ. ³⁾ Неудивительно, что полицейскій надзоръ, элементарная забота о безопасно-

1) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 192, 194, 330.

2) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 234, 250, т. II, № 52.

3) *Чичеринъ*, Областные учрежденія Россіи въ XVII в., стр. 178 и слѣд.

сти населенія раньше и полнѣе всего перешла въ самостоятельное вѣдѣніе подчиненныхъ областныхъ учреждений: съ развитіемъ денежнаго хозяйства участились передвиженія населенія по странѣ, обострились классовыя противорѣчія, и господствующіе имущіе классы почувствовали настоятельную потребность въ правильной организаціи защиты своихъ матеріальныхъ интересовъ. Въ городѣ Москвѣ функціи полицейскаго надзора исполняло особое учрежденіе — Земскій приказъ или Земскій дворъ.

То же усиленіе торговыхъ сношеній вызвало постоянныя поѣздки иностранныхъ купцовъ по Россіи. Свобода поѣзда для нихъ обезпечивалось особыми выдававшимися московскимъ правительствомъ паспортами — „поѣзжими грамотами“. Выдача такихъ поѣзжихъ грамотъ въ первой половинѣ XVII вѣка сдѣлалась уже одной изъ обычныхъ функцій подчиненной администраціи. Вотъ примѣры: въ 1628 г. поѣзжую грамоту голландцу Демутину на поѣздъ изъ Москвы до Архангельска выдалъ Посольскій приказъ безъ государя ¹⁾; такимъ же образомъ получена была однимъ гамбургскимъ купцомъ въ 1636 г. поѣзжая грамота на Псковъ ²⁾; то же повторилось съ московскимъ торговымъ иноземцемъ въ 1642 г. ³⁾ и т.-д. Лишь въ томъ случаѣ, когда иноземецъ навсегда или надолго выѣзжалъ за границу, требовалось разрѣшеніе царя на выдачу поѣзжей грамоты, какъ видно изъ слѣдующаго, напр., факта: Бурцевъ завелъ бумажную фабрику и пригласилъ изъ за границы прусака Фрума, который «в бумажныхъ снастяхъ учениковъ русскихъ людей научил» и теперь просится на родину; по этому поводу Бурцевъ просилъ для него поѣзжей грамоты на выѣздъ за границу; въ 1641 г. „государь пожаловал, велелъ дат свою государеву поѣзжую грамоту“ ⁴⁾.

Если такимъ образомъ уже въ выдачѣ поѣзжихъ грамотъ наблюдаются остатки непосредственной дѣятельности верховной власти, то еще болѣе замѣтна эта дѣятельность въ другихъ отрасляхъ полиціи безопасности. Напр., пожарная часть сосредоточивалась въ городахъ въ вѣдѣніи воеводъ, но въ Москвѣ, хотя ее вѣдалъ Земскій приказъ, но обо всякомъ значительномъ пожарѣ непрежѣнно докладывалось царю. Мало того: даже о большихъ пожарахъ въ провин-

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 28, № 2.

2) Тамъ же, св. 84, № 52.

3) Тамъ же, св. 122, № 17.

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 77, № 77.

ціальныхъ городахъ дѣлали иногда такой же докладъ: такъ было, напр., въ 1636 г., когда случился громаднй пожаръ въ Архангельскѣ ¹⁾.

Царь принималъ также непосредственное участіе въ распоряженіяхъ о распланированіи и постройкѣ московскихъ улицъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны слѣдующіе документы. Послѣ огромнаго пожара въ Москвѣ въ 1626 г. царь и патріархъ распорядились, чтобы князь Г. К. Волконскій и дьякъ Волковъ измѣрили и описали погорѣвшія улицы; 21 мая царь и патріархъ „росписи слушали и указали“, какой ширины должна быть каждая улица ²⁾. Въ іюнѣ тѣмъ же лицамъ царь и патріархъ указали „на Николскомъ кресцѣ иконной ряд на обѣ стороны подвинут назад для уличнаго простору“ ³⁾.

Заботы о безопасности населенія отъ всякаго рода стихійныхъ бѣдствій принимали въ то время весьма часто форму предписанія объ исполненіи религиозныхъ обрядовъ. Распоряженія въ этомъ направленіи также сплошь и рядомъ исходили прямо отъ верховной власти. Такъ, въ октябрѣ 1650 года „государь, совѣтовавъ съ патріархомъ, указали“ по случаю недорода, саранчи, наводненій, пожаровъ и эпизоотій въ Филипповъ постъ вездѣ поститься и служить молебны ⁴⁾.

II.

Еще менѣе развитой и расчлененной между разными органами власти была дѣятельность государства, направленная на заботы о благосостояніи населенія. Для этой цѣли прежде всего большое значеніе имѣютъ пути сообщенія и почта. Но московское правительство было настолько далеко отъ удовлетворенія въ этомъ отношеніи общественнымъ потребностямъ, что почту и дорожную часть приспособляло исключительно къ нуждамъ государства: этой именно цѣли служила ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ. Соотвѣтственно этому и въ организациі ямской гоньбы можно наблюдать важную роль царя, непосредственно на нее воздѣйствовавшего. Правда, обычная исполнительная, текущая работа по ямскому дѣлу уже сосредоточилась въ рукахъ подчиненныхъ органовъ администраціи; построеніе ямовъ и устройство ямской гоньбы лежало на обязанности особыхъ, специально посылавшихся изъ Москвы стройщиковъ; самую

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прил. д. ст. л., св. 82, № 26.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., книга Моск. стола Разряда № 17. лл. 1 и сл.

³⁾ Тамъ же, кн. № 18, л. 1.

⁴⁾ Полное собраніе законовъ, № 47.

гоньбу вели старосты, приказчики и ямские охотники; въ центрѣ завѣдывалъ ею съ технической стороны Ямской приказъ ¹⁾. Но и это центральное учрежденіе, какъ и другіе приказы, не могло самостоятельно распоряжаться учрежденіемъ новыхъ ямовъ; это требовало непременно спеціальнаго указа государя. Такъ въ 1646 г. объ учрежденіи ямовъ и ямской гоньбы въ Важскомъ уѣздѣ было «написано в доклад» царю ²⁾.

Весьма видную роль игралъ московскій государь въ дѣлахъ, касавшихся торговой полиціи. Правда, и здѣсь стала уже постепенно выдѣляться сфера самостоятельной дѣятельности подчиненныхъ учреждений: мы видимъ, напр., что разрѣшеніе устройства новыхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій переходитъ въ ихъ руки: такъ, безъ участія государя разрѣшено было въ 1637 г. одному голандскому купцу завести торговлю смолой и добываніе ея близъ Архангельска на Жабьѣ болотѣ ³⁾, въ 1637 г. Устюжская четверть самостоятельно разрѣшила понойскимъ и есканскимъ новокрещенамъ купить въ Вологдѣ хлѣба и доставить его въ Архангельскъ, а оттуда на кораблѣ гостя Юрія Клинна ⁴⁾; отписки о литовскихъ купцахъ, прѣзжавшихъ въ Великія Луки, Осташковъ и Вязьму въ 1639 г. съ заповѣдными товарами (табакомъ, виномъ и проч.), всегда читались государю, но дѣла столь же постоянно рѣшались приказомъ совершенно независимо ⁵⁾. Но при всемъ томъ сплошь и рядомъ попадаетъ непосредственное руководство царя по весьма мелкимъ дѣламъ. Такъ, въ декабрѣ 1626 года государь и отецъ его „котѣльного ряду торговыхъ людей пожаловали, по рядом и по кресцом с котлы оприч котѣльного ряду сидѣт не велѣли“ ⁶⁾, а затѣмъ ими же велѣно „проклинати биричу по всѣмъ рядом і по кресцом і по воротам и посылати приставов почасту и смотрети накрепко, чтоб в рядѣхъ торговые всякіе люди сидѣли съ товары своими, которыми товары в котором ряду торгуют, гдѣ кому указано, а порознь бы ни кто никаков челоувѣкъ с розными товары в ыных рядѣх не торговали и по кресцом ни с какими мѣлкими товары і в воротах і в окнах и на скамьях ни с каким товаром не сидѣли и не торговали, а торговали б в рядѣх

1) *Гурляндъ*, Ямская гоньба въ моск. госуд., стр.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 174, № 152.

3) Тамъ же, св. 93, № 60.

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 93, № 60.

5) Тамъ же, св. 103, № 10.

6) Моск. Арх. Мин. Юст., книги Моск. стола Разряда, № 18, л. 37 и об.

и сидѣли на скамьяхъ с товарами своими, гдѣ кому даны мѣста“¹⁾. Разрѣшеніе разыскивать руды и контроль за этими розысками въ концѣ концовъ зависѣли также отъ царя. Въ 1636 г. кайгородскій воевода описывалъ, что двое Олковыхъ, Бартовъ и Шишкинъ; сообщившіе, что они знаютъ оловянную и серебрянную руду, и обѣщавшіе принести «опытъ» ея, не исполнили этого послѣдняго обѣщанія, почему у воеводы явилось подозрѣніе, что они хотятъ „покорытоваться“ этою рудою; по этому поводу „указалъ государь“ произвести слѣдствіе и о результатахъ довести до его свѣдѣнія²⁾. Безъ прямого распоряженія самого царя не обходились даже такія неважныя дѣла, какъ устройство мостовой въ Москвѣ или похороны самоубійцы. Вотъ примѣры: въ 1643 г. „указалъ государь наместит мосты для своего государева походу за Стрѣтенскими и за Покровскими вороты в земляном городе, а денги указал государь собрать по писцовым книгамъ з дворов и с лавок, которые дворы и лавки за Стрѣтенскими и за Покровскими вороты“;³⁾ въ томъ же году Матрена Шишкина кончила жизнь самоубійствомъ; мать ея просила у патріарха позволенія ея похоронить; патріархъ велѣлъ произвести сыскъ, а царь предписалъ сыскъ изъ Патріаршаго двора взять и по дѣлу сыскать боярину князю Юрію Андреевичу Сицкому и дьяку Д. Карпову и „доложить себя государя“⁴⁾.

Такимъ образомъ, несмотря на позднее и слабое развитіе полицейской дѣятельности государства, къ половинѣ XVII вѣка, отчасти и раньше, слагается мало-по-малу самостоятельное полицейское вѣдомство подчиненныхъ учрежденій: ихъ функція слагаются изъ элементарной охраны общественной безопасности, снабженія паспортами купцовъ, завѣдыванія пожарной частью, исполнительнѣйшей дѣятельности по ямской гоньбѣ и менѣе важныхъ дѣлъ по торговой полиціи.

III.

Намъ уже извѣстно, что въ удѣльной Руси верховная власть часто принимала непосредственное участіе въ веденіи дипломатическихъ переговоровъ, и что съ этою цѣлью стремились вести эти переговоры непременно въ Москвѣ. Эта традиція сохранилась и въ

1) Тамъ же, лл. 190 - 191.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 87, № 81.

3) Тамъ же, св. 139, № 59.

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. ст. л., св. 138, № 45.

XVI вѣкѣ. Въ малолѣтство Грознаго московское правительство ни за что не соглашалось отправить посольство для мирныхъ переговоровъ въ Литву, упорно отстаивая старый обычай, несмотря на всё настоянія Литвы ¹⁾. То же долго продолжалось и тогда, когда Иванъ Грозный самъ сталъ править государствомъ, и только побѣды Баторія заставили впервые отступить отъ этого правила ²⁾.

Характерно, что и самый способъ веденія переговоровъ остался прежнимъ. Для примѣра укажемъ на переговоры въ январѣ 1549 г. съ литовскимъ посольствомъ Глѣбовича, Камаевского и Есмана. Во время перваго сѣзда послѣ безплодныхъ долгихъ споровъ и запросовъ послами Пскова и другихъ городовъ „бояре рѣчи ихъ (пословъ) сказали царю и великому князю“, и царь велѣлъ посламъ ѣхать на подворье ³⁾. То же повторялось неоднократно и позднѣе. Мало того: иногда Грозный, наскучивъ сношеніями съ послами черезъ „отвѣтныя“ комиссія Боярской думы, вступалъ въ переговоры самъ непосредственно. Такъ случилось въ 1570 г., когда въ Москву прибыло для переговоровъ о мирѣ литовское посольство, состоявшее изъ Кротошевскаго, Тавлоша и Злешеня: послѣ продолжительныхъ споровъ пословъ съ боярами о полоцкихъ границахъ, царь самъ лично повелѣлъ съ ними разговоръ, и въ концѣ-концовъ было заключено перемиріе ⁴⁾.

Отмѣченный уже сейчасъ фактъ, что со времени Баторія московское правительство стало отправлять своихъ пословъ въ Литву для переговоровъ, свидѣтельствуетъ самъ - по - себѣ о большей, чѣмъ прежде, самостоятельности московскихъ дипломатовъ уже въ концѣ XVI вѣка. Правда, они и тутъ продолжали весьма часто сноситься съ верховной властью черезъ гонцовъ, испрашивая инструкцій по незначительнымъ иногда вопросамъ, но все-таки это было труднѣе, чѣмъ выйти въ сосѣднюю комнату для полученія надлежащихъ указаній. Такая новая постановка дѣла не замедлила отразиться и на содержаніи инструкцій или „наказовъ“, даваемыхъ посламъ: наказания эти касаются уже весьма важныхъ вопросовъ внѣшней политики и, стремясь исчерпать и предусмотрѣть всё подробности и перипетіи переговоровъ, волей - неволей расширяютъ предѣлы компетенціи

¹⁾ Акты Западной Россіи, т. II, № 175.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI, М., 1856, стр. 367 и сл.

³⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ 59-й, стр. 275.

⁴⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ 71-й; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI, стр. 268.

пословъ, предоставляя имъ больше свободы. Особенно выдается въ этомъ отношеніи извѣстный наказъ, данный Иваномъ Грознымъ князю Сицкому и Пивову ¹⁾, а также инструкціи Пушкину и Писемскому ²⁾.

Въ первой половинѣ XVII вѣка новая организація дипломатической части сохраняется и развивается. Мы видимъ, напримѣръ, что Аладьянъ, Желябужскій, Воротынский, Сицкой и Измайловъ вели переговоры внѣ Москвы ³⁾. Параллельно этому растутъ и самостоятельность московскихъ дипломатовъ: во время переговоровъ въ Столбовѣ русскіе послы соглашались на титулъ „Ижерскій“ для шведскаго короля, не снесаясь объ этомъ предварительно съ Москвой ⁴⁾; въ 1634 г. во время переговоровъ въ Поляновѣ Ѳ. И. Шереметевъ и князь А. М. Львовъ ни разу не запрашивали московское правительство ⁵⁾.

Вѣнцомъ этой самостоятельности является въ 60-хъ годахъ XVII вѣка та инициатива, которую проявлялъ въ то время руководитель московской дипломатіи Ординъ-Нащокинъ: онъ, какъ настоящій культурный дипломатъ, проявлялъ уже творческія тенденціи, составилъ записку о принципахъ, на которыхъ должна строиться московская внѣшняя политика, высказываясь тамъ за союзъ съ Польшей и борьбу съ Швеціей изъ-за береговъ Балтійскаго моря ⁶⁾.

Вообще и въ дипломатической сферѣ къ половинѣ XVII в. сложилось довольно опредѣленно самостоятельное вѣдомство подчиненныхъ органовъ власти.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Контроль и надзоръ за администраціей.

I.

Еще болѣе отсталой, менѣе организованной, чѣмъ полиція, функцией государственной власти въ Московской Руси до половины XVII вѣка является контроль и надзоръ за администраціей, потому что

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI, стр. 368—370.

2) Тамъ же, стр. 374—375.

3) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX.

4) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 111.

5) Тамъ же, стр. 235 и слѣд.

6) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI, стр. 201 и слѣд.

реальныя условія общественной жизни того времени—экономическія и особенно соціальныя — не вызывали еще неутолимой потребности въ огражденіи правъ личности отъ произвола властей: слабость развитія денежнаго хозяйства и особенно крѣпостной общественный строй сыграли тутъ главную роль. Мы знаемъ уже, что это отразилось на внѣшней организаціи административнаго надзора и контроля: ни XVI вѣкъ, ни первая половина XVII-го не знали постоянныхъ центральныхъ учрежденій съ такими задачами: Приказъ приказныхъ дѣлъ, Приказъ что на сильныхъ бьютъ челомъ, Сыскной приказъ были временными и рудиментарными учрежденіями; по тайнымъ дѣламъ были только подьячіе, но не было приказа; единственнымъ исключеніемъ являлся Челобитный приказъ, но онъ, будучи канцеляріей по приему прошеній на царское имя, во-первыхъ вѣдалъ не только контроль за администраціей, а всѣ самыя разнообразныя дѣла, во-вторыхъ онъ можетъ считаться однимъ изъ свидѣтельствъ въ пользу того, что контроль и надзоръ за администраціей были весьма несовершенны, потому что проявлялись почти всегда не систематически, не въ видѣ постоянной функціи высшихъ учрежденій, а въ формѣ разсмотрѣнія жалобъ со стороны потерпѣвшихъ. Такимъ образомъ, говоря о контролѣ и надзорѣ, намъ придется имѣть въ виду почти исключительно разборъ и рѣшеніе дѣлъ о должностныхъ преступленіяхъ. Дѣла эти тогда, какъ и теперь, рѣшались чаще всего въ порядкѣ дисциплинарномъ, рѣже—въ судебномъ порядкѣ. Но рѣшались ли они такъ или иначе, — во всякомъ случаѣ, какъ сейчасъ увидимъ, очень часто верховная власть принимала въ нихъ непосредственное участіе.

Исслѣдованію подлежитъ прежде всего вопросъ о томъ, кѣмъ разсматривались и разрѣшались жалобы на центральныя учрежденія—приказы.

Приказы иногда оказывали неповиновеніе верховной власти, не исполняли ея распоряженій. Примѣромъ такого неповиновенія можетъ служить слѣдующая челобитная гостя Светешникова, относящаяся къ 1627 году. Светешниковъ пишетъ: „пожаловали вы, великіе государи, меня, холопа своего, велѣли закладную Михаила Вешнякова брата ево Володимеровскую вотчинку Вешнякова записать в Помѣсномъ приказе за мною холопомъ вашимъ“, но судьи приказа „тое вотчинки не записали, а сказали, что о той вотчине есть челобитчики“ Олябевъ и Борзецовъ, и какія подписныя челобитныя ни приносили затѣмъ Светешниковъ, судьи не исполняли ихъ, „поро-

вили“ Олябьеву и Борзцову, „и той вотчинки в книги не запишут, и вас государей о том не доложить“. Дѣло по этой жалобѣ было въ концѣ-концовъ рѣшено самимъ царемъ: вотчина записана за Светешниковымъ, но никакого наказанія судьи Помѣстнаго приказа не понесли ¹⁾. То же самое наблюдается въ другомъ случаѣ, засвидѣтельствованномъ въ челобитной новгородца посадскаго человѣка Суконникова въ 1647 г.: „по твоему государеву по верховному по имянному приказу и по четыремъ по подписнымъ челобитнымъ новгородцу посадскому человѣку Василию Варварину по ложному челобітю и по воровской по нарядной купчей двороваго твоего государева жалованья данаго мѣста съ садом и хоромишекъ моихъ поставленья моево до подлинново сыску отнимать у меня сироты твоего не велѣно“, а думный дьякъ Назаръ Чистой изъ Новгородской четверти велѣлъ только выслать Варварина съ „воровской“ купчей въ Москву, а объ оставленіи двора за челобитчикомъ распоряженія не сдѣлалъ; Суконниковъ просилъ сдѣлать такое распоряженіе, и царь, не подвергая высылкѣ Чистого, велѣлъ сдѣлать ²⁾.

Бывали затѣмъ случаи, когда приказъ не исполнялъ законныхъ рѣшеній другого приказа, подлежащихъ непремѣнному исполненію. И тогда жалоба шла къ верховной власти, которая и распоряжалась исполненіемъ рѣшенія, опять-таки не наказывая виновныхъ. Вотъ примѣръ: Булатъ Телицынъ, назначенный въ 1628 г. быть у «государева панихиднаго дѣла», былъ пожалованъ жалованьемъ, и дьякъ Лихачевъ далъ память во Владимирскую четверть къ дьяку Золотареву о выдачѣ жалованья, но Золотаревъ не выдалъ; по жалобѣ Телицына, государь и патріархъ «велѣли дать ему жалованье» ³⁾.

Если такимъ образомъ пассивное сопротивленіе законнымъ требованіямъ властей, простое неисполненіе ихъ приказами не влекло за собой кары, а вызывало только новое понужденіе къ исполненію со стороны верховной власти, то злоупотребленіе и лихоимство вызывало кару по приговору той же верховной власти, при чемъ производилось сждствіе, поручавшееся царемъ каждый разъ особо-назначеннымъ для того лицамъ. Въ 1635 г. царь «указалъ стол-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., книги запис. вотч. Помѣст. приказа, $\frac{5969}{1}$, лл. 1—28.

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прил. д. ст. л., св. 183, № 79.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Императ. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7136 г., № 47.

низу князю Миките Ивановичю Одоевскому да діаку Пантелѣю Чирикову по извѣтной челобитной стадного прикащика Юрья Легасова сыскати про все, о чем он бил челом государю и извещал Конюшеннаго приказу на діана на Григорья Пятово да на Григорья Бузовлева. А в извѣтной его Юрьеве челобитной пишетъ: Пятой въ 143 году без государева указу учинил прибавку хлѣбному и денежному жалованью стремяннымъ и задворнымъ стряпчимъ и конюхомъ и всякимъ людямъ конюшенному чину перед прошлымъ годомъ, а за это взялъ себя съ каждаго по 3, 4, 5 рублей, а раньше Пятой былъ ~~стреманнымъ~~ конюхомъ и сидѣлъ «у государева двора на ~~московской~~ конской площадѣ съ Кузовлевымъ и собрали въ то 1200 рублей только 530, брали взятки и морили царскихъ лошадей». О результатахъ слѣдствія было «выписано въ докладъ» царю, который и постановилъ приговоръ ¹⁾.

Далѣе жалобу царю на приказъ вызывало также нерѣдко и неисполненіе приказомъ законныхъ требованій просителя. Такъ въ 1649 г. дьякъ Разряда не далъ двоимъ поручителямъ сроча для сыска лица, за которое они поручились; послѣдовала жалоба, и государь велѣлъ дать срочъ ²⁾.

Уже приведенныхъ сейчасъ фактовъ достаточно, чтобы сдѣлать понятной и естественной ту страшную волокиту, которая тогда была обычнымъ явленіемъ въ московскихъ центральныхъ учрежденіяхъ и вызывала также противъ себя частыя жалобы. Наши источники переполнены относящимися сюда фактами, причемъ опять-таки всегда дѣло шло къ государю и имъ рѣшалось. Это санкціонировано было и Уложеніемъ 1649 года, установившимъ, что самъ царь опредѣляетъ размѣры пени въ такомъ случаѣ ³⁾. Впрочемъ надо замѣтить, что и здѣсь дѣло ограничивалось большею частью, даже почти всегда простымъ понужденіемъ приказовъ со стороны верховной власти вершить дѣло «безволокитно» ⁴⁾.

Въ общемъ приходится, слѣдовательно, признать, что контроль

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ив. Д., прик. д. ст. л., св. 79, № 95.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 265, лл. 313, 337 и об.

³⁾ Уложение, X, 15.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ив. Д., прик. д. ст. л., св. 89, № 18, св. 118, № 43, св. 121, № 82, св. 108, № 29, св. 124, № 30, св. 125, № 38, св. 129, № 52, св. 133, № 21, св. 137, № 4, св. 147, № 27, св. 154, № 90, св. 157, № 30 и др.

и надзоръ за центральными учреждениями были до конца изучаемаго періода крайне неорганизованы, сосредоточивались всецѣло въ рукахъ самой верховной власти, что и отражалось на самомъ существѣ дѣла: контрольные дѣйствія возникали лишь по жалобамъ отдѣльныхъ лицъ и проявлялись по преимуществу въ видѣ повуждений къ исполненію приказами возложенныхъ на нихъ функций; наказанія были рѣдки, примѣнялись только въ болѣе важныхъ случаяхъ.

II.

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о контролѣ и надзорѣ за дѣйствіями воеводъ.

Важнѣйшимъ и наиболѣе часто встрѣчавшимся видомъ должностныхъ преступленій воеводъ было злоупотребленіе властью, заключавшееся въ обидахъ и притѣсненіяхъ жителей вообще и служилыхъ людей въ частности. Всѣ случаи злоупотребленій воеводъ всегда въ первой половинѣ XVII вѣка разсматривались царемъ, который и постановлялъ при этомъ окончательное рѣшеніе. Фактамъ переполнены источники ¹⁾. Приведемъ несколько характерныхъ изъ нихъ. Въ 1623 г. коломенскіе посадскіе люди били челомъ на воеводу князя Шаховского «въ насильствахъ и налогахъ», и «государь пожаловал, велелъ [по тому дѣлу доложитъ себя государя» ²⁾. Въ 1638 г. епифанскій сынъ боярскій Кофановъ жаловался на побой, понесенные имъ отъ епифанскаго воеводы Писарева, и 20 сентября «государь пожаловал, челобитье твое велелъ записать, а будетъ учетъ тебя Писаревъ бити и увечити напрасно, ино не прогосударево дѣло і вину, і онъ самъ будѣтъ бит и увечен» ³⁾. Въ 1643 г. елецкій воевода Олябевъ собиралъ съ жителей лишнія подати и дѣлалъ незаконные поборы; государь велѣлъ его смѣнить ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л. св. 82, № 25; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Вязгоде. ст. Разр., № 199, лл. 4—5, 56 и об., № 232, л. 146 и об., № 233, л. 32 и об., № 274, л. 215 и об., № 275, л. 155 и об., № 281, л. 16 и об., № 284, л. 204 и слѣд., № 298, лл. 30 и об., 170 и об., № 317, л. 26 и об., № 10, л. 56 и об., № 75, л. 163 и об., № 158, л. 193 и об. и мн. др.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владимір. стола Разр., № 31, лл. 629—630.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 135, л. 166 и об.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 116 л. 29 и об.

Въ 1654 г. рославльскій соборный попъ Макарь Матвѣевъ билъ челомъ на воеводу Горчакова въ томъ, что воевода «отогналъ» его отъ соборной церкви, захватилъ все его имущество, продалъ въ свою пользу весь его хлѣбъ, посадилъ самого попа въ тюрьму на двѣ недѣли и выпустилъ лишь за 2 рубля, отослалъ къ себѣ въ помѣстье попова племянника, наконецъ, во второй разъ заключилъ попа въ тюрьму и освободилъ лишь за 20 р. Царь велѣлъ стольнику князю Гагарину произвести слѣдствіе и о результатахъ сообщить царю для его рѣшенія ¹⁾. Сюда относятся также случаи волокиты ²⁾ и отказа принять челобитную по судебному дѣлу ³⁾, вызывавшіе также обязательное участіе государя въ рѣшеніи дѣла. Уложение 1649 г. также устанавливаетъ подсудность царю дѣлъ о воеводскихъ злоупотребленіяхъ ⁴⁾.

Притѣсненія подъячихъ съѣзжихъ избъ со стороны воеводъ стали ужъ по мѣрѣ приближенія къ половинѣ XVII в. передаваться царемъ на разсмотрѣнія и рѣшеніе другихъ воеводъ, какъ показываетъ слѣдующій, напр., фактъ: подъячій съѣзжей избы во Ржевѣ Володиміровой Бараксинъ въ 1648 г. жаловался на притѣсненія со стороны воеводы Стрешнева и просилъ царя велѣть судить его съ Стрешневымъ воеводѣ Собакину; царь исполнилъ эту просьбу ⁵⁾.

Къ числу должностныхъ преступленій воеводъ относилось далѣе превышеніе власти. Типическими въ этомъ отношеніи могутъ быть признаны слѣдующіе, напр., факты. Въ 1639 г. крапивенскій воевода жаловался, что полковой воевода отнимаетъ у него «многія осадныя дѣла»; Разрядъ, не докладывая государю, рѣшилъ отписать къ полковому воеводѣ, чтобы онъ «в осадныя дѣла не вступался, а вѣдал ратныя дѣла» ⁶⁾. Въ 1643 г. галицкій воевода писалъ, что по одному дѣлу судилъ и постановилъ рѣшеніе чухломской приказный человекъ Невельскій, которому, по грамотѣ изъ Галицкой чети, велѣно было вѣдать только посадъ Чухлому, а Чухломская

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 263, лл. 26 и об. и 85.

2) См., напр., Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 81, № 6 и друг.

3) См., напр., Моск. Арх. Мин. Императ. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7158 г., № 24 и др.

4) Уложение, X, 150.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгорода. ст. Разр., № 80, л. 14 и об.

6) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 58, л. 619 и об.

осада Галицкаго уѣзда была подсудна галицкому воеводѣ; Разрядъ опять вполне самостоятельно распорядился: «отписат: велѣт судит въ Галиче» ¹⁾. Въ 1637 г. малолетславецкій воевода Селеховскій жаловался на боровскаго воеводу Поливанова, что послѣдній распечаталъ грамоты, посланныя на имя перваго; снова дѣло рѣшено въ приказѣ: «отписать, чтоб грамот не распечатывал» ²⁾. Ясно такимъ образомъ, что вѣдѣніе дѣлъ о превышеніи власти воеводами уже перешло къ центральнымъ подчиненнымъ учрежденіямъ.

Данныя нашихъ источниковъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что дѣла о непослушаніи воеводъ высшимъ властямъ разсматривались и рѣшались самой верховной властью. Вотъ примѣры. Въ 1613 г. суздальскій воевода, вопреки предписанію приказа, отказался давать кормъ 16-ти иноземцамъ, посланнымъ въ Суздаль; царь «велѣл отписать воеводѣ: то он дѣлает негораздо» ³⁾. Въ 1612 г. нижегородскій воевода, вопреки предписанію земскаго собора, являвшагося тогда носителемъ верховной власти, отказалъ, не давъ Милославскому списка съ оброчныхъ книгъ; дѣло было рѣшено верховной властью ⁴⁾. Въ 1649 г. полковою воевода князь Хилковъ обвинялъ осаднаго воеводу Москотиньева - Плещеева въ непослушаніи; дѣло рѣшилъ царь ⁵⁾.

То же непосредственное участіе верховной власти замѣчается и въ рѣшеніи дѣлъ о неисполненіи воеводами законныхъ требованій равныхъ имъ властей. Въ 1635 г. горододѣлецъ Колтовской писалъ въ Москву, что болховскій воевода князь Мещерскій, вопреки его требованію, не позволялъ биричу прокликать на торгу о вызовѣ сѣвшихъ людей изъ Болховскаго уѣзда для городского дѣла въ Орелъ; государь указалъ написать Мещерскому «с опалою» за непослушанье ⁶⁾. Въ 1647 г. бѣлгородскій воевода Бутурлинъ жаловался на непослушанье карповскаго воеводы Вердеревскаго въ дѣлѣ о заготовкѣ хлѣбныхъ запасовъ; царь велѣлъ пригрозить Вердеревскому наказаніемъ ⁷⁾. Однако, спустя два года, въ 1649 г., мы на-

¹⁾ Тамъ же, № 117, л. 405 и об.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 85, л. 377 и об.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Императ. Двора, столбцы 2-го разр. Оруж. пал., 7121 г., № 74.

⁴⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 4, № 1.

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 220, л. 176 и об.

⁶⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 65, л. 207 и об.

⁷⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 224, л. 50 и сл.

блюдаемъ уже иной порядокъ—рѣшеніе дѣла Разряднымъ приказомъ: воевода Царева Алексѣева города жаловался, что воеводы разныхъ городовъ, несмотря на его требованія, не высылаютъ къ нему дѣтей боярскихъ «нѣтчиковъ»; Разрядъ рѣшилъ: «послать государева грамота, велѣтъ тѣхъ дѣтей боярскихъ сыскавъ выслать в новой Царев Алексѣев город тотчас»¹⁾. И это не единственный фактъ²⁾, такъ что расширеніе самостоятельной компетенціи подчиненныхъ учреждений въ этихъ дѣлахъ не подлежитъ сомнѣнію.

Совершенно гармонируетъ съ этимъ и тотъ фактъ, что неисполненіе воеводами законныхъ требованій низшихъ должностныхъ лицъ вѣдалось приказами безъ доклада царю. И такъ было еще въ началѣ XVII вѣка, что видно изъ такого факта: въ 1617 г. Ногинъ, посланный съ государевой грамотой въ Новгородъ, не получалъ подводу отъ тверского воеводы, на что вполне имѣлъ право; приказъ самостоятельно постановилъ отписать воеводѣ, пусть онъ отпустить Ногина немедленно и впредь такихъ гонцовъ не задерживаетъ³⁾.

Такимъ образомъ, хотя и справедливо установившееся въ литературѣ мнѣніе, что въ контролѣ за дѣйствіями воеводъ было много безпорядочнаго⁴⁾, но нѣкоторые зародыши большей определенности и организованности наблюдаются уже къ концу изучаемаго періода, при чемъ слагается довольно обширный кругъ немаловажныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ центральнымъ подчиненнымъ учреждениямъ.

III.

Въ числу важныхъ должностныхъ лицъ въ московскомъ государствѣ, хотя и дѣйствовавшихъ непостоянно, а получавшихъ лишь временныя спеціальныя порученія, принадлежали писцы, переписчики и дозорщики. Обязанности, на нихъ лежавшія, чрезвычайно сильно затрогивали матеріальные интересы государства и населенія. Но этимъ причинамъ контроль за ихъ дѣятельностью оставался все время въ вѣдѣніи самой верховной власти, и дѣла объ ихъ злоупотребленіяхъ разбирались и рѣшались непосредственно царемъ. Въ 1625 г. на крайнемъ сѣверѣ «писцы по волостямъ малыя сошки неравно пи-

1) Тамъ же, № 294, л. 45 и об.

2) Тамъ же, лл. 46 и об., 115 и об. и др.

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. ст. л., св. 6, № 5.

4) Чичеринъ, Областные учреждения Россіи въ XVII в., стр. 289 и слѣд.

сали»; объ этомъ выписано было государю «в доклад» ¹⁾. Въ 1622 г. царь и патриархъ разобрали дѣло по жалобѣ романовцевъ посадскихъ людей на то, что ихъ неправильно «писал и дозирал» Алексѣй Шапиловъ ²⁾. То же было въ 1627 г. съ жалобой посадскихъ людей ржевичей на писцовъ Лачинова и Матвѣева ³⁾ и т. д. ⁴⁾.

Выбиравшіеся дворянствомъ cadaго уѣзда окладчики въ своей дѣятельности также затрогивали существенные матеріальные интересы государства и дворянскаго сословія. Понятно, какую важность имѣли при такихъ условіяхъ ихъ злоупотребленія. Вотъ почему и здѣсь требовалось непосредственное дѣйствіе носителя верховной власти. Такъ, напр., когда въ 1644 г. Дурасовъ подалъ извѣтную челобитную на муромскихъ окладчиковъ, указывая, что они дали невѣрныя свѣдѣнія о «нѣтчикахъ» и тѣхъ отставныхъ служилыхъ людяхъ и вдовахъ, которые не представили денегъ за даточныхъ людей, то «государь пожаловал, велѣдъ выписат в доклад в Разряде» ⁵⁾.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію того, къмъ рѣшались дѣла о должностныхъ преступленіяхъ лицъ, стоявшихъ ниже воеводъ на административной лѣстницѣ, такъ или иначе имъ подчиненныхъ.

Сюда относятся прежде всего таможенные и кабацкіе откупщики. Ихъ злоупотребленія, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку они затрогивали казенный интересъ, — а это почти всегда такъ было, — подлежали карѣ, налагаемой самимъ царемъ. Вотъ типическіе примѣры: въ 1630 г. голландскій купецъ Деледалъ жаловался на вологодскаго таможеннаго голову Иванова, что онъ незаконно взялъ пошлину съ хлѣба, неподлежащаго оплатѣ; дѣло было рѣшено государемъ ⁶⁾; въ 1642 г. кабацкій цѣловальникъ Бѣжецкаго Верху Желобницкій продавалъ вино, пиво и медъ по высокой цѣнѣ и тратилъ на свое личное торговое предпріятіе вырученныя отъ продажи вина деньги; дѣло было доложено царю ⁷⁾.

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 17, № 25.

2) Тамъ же, св. 11, № 9.

3) Тамъ же, св. 28, № 80.

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 129, № 57, св. 166, № 61; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. ст., № 91, л. 73 и об. и др.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разряда, № 189, л. 1 — 2.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 38, № 5.

7) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 132, № 15.

Стрѣлецкіе головы своими злоупотребленіями и проступками не вредили денежнымъ интересамъ казны и потому не привлекали въ такой степени, какъ таможенные и кабацкіе головы, вниманія верховной власти. Административная практика первой половины XVII вѣка слагалась здѣсь въ направленіи передачи дѣла въ вѣдѣніе подчиненныхъ учреждений. Въ 1640 г. стрѣлецкій голова Бакшіевъ „говорилъ невѣжливо“ съ яблоновскимъ воеводой и изорвалъ на воеводѣ охабень, а когда воевода его заключилъ въ тюрьму, то стрѣльцы освободили заключеннаго; „государь приказалъ отписать князю Василью Львову, велѣтъ про то сыскат и по сыску учинит имъ наказанье“ ¹⁾. Въ 1650 г. ефремовскій воевода жаловался, что стрѣлецкій и казачій голова Шетилловъ вступался въ татинныя и разбойныя дѣла, хотя эти дѣла, по грамотѣ изъ Разбойнаго приказа, было велѣно вѣдать воеводамъ; приказъ запретилъ головѣ такое вмѣшательство ²⁾. Въ 1659 г. въ Рязкѣ стрѣлецкій голова не слушался воеводы; Разрядъ послалъ объ этомъ память въ Стрѣлецкій приказъ ³⁾.

Когда станичныя головы не исполняли по небрежности важныхъ военныхъ обязанностей на нихъ лежавшихъ, благодаря чему государство подвергалось опасности внезапнаго вражескаго нашествія, тогда дѣло рѣшалъ царь: такъ въ 1645 г. станичный голова Шеховцевъ съ товарищами не замѣтили татаръ; государь указалъ посадить ихъ въ тюрьму ⁴⁾. Однако не всегда такъ бывало: повидимому, московскіе цари уже сознавали необходимость передачи подобныхъ дѣлъ на рѣшеніе подчиненныхъ учреждений, и когда дѣла эти до нихъ доходили, поручали ихъ воеводамъ, какъ показываетъ, напр., фактъ 1647 года: царь велѣлъ воеводѣ разобрать, виноваты ли были станичный голова въ недосмотрѣ относительно нападенія крымскихъ татаръ на городъ Вольный ⁵⁾.

Естественно, что проступки по должности такихъ менѣе важныхъ должностныхъ лицъ, какъ осадные головы, карались приказами; въ

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 128, л. 932 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 137, л. 110 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 301, лл. 130 и об., 131, 132.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгородс. стола Разр., № 203, л. 579 и об.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 256, лл. 29—30.

1639 г. Разрядъ предписалъ заключить въ тюрьму калужскаго осаднаго голову за то, что онъ, вопреки предписанію, позволялъ жителямъ топить бани и мыльни и раскладывать на дворахъ огни ¹⁾).

Относительно злоупотребленій и преступленій по должности, совершавшихся подьячими съѣзжихъ избъ, надо замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда они были особенно серьезны, что большею частью влекло за собою отставку подьячихъ, — докладъ государю и рѣшеніе имъ дѣла были необходимы. Вотъ доказательства: въ 1640 г. царь отставилъ подьячаго кромской съѣзжей избы за большія злоупотребленія его ²⁾; въ 1652 г. подьячій лебедянской съѣзжей избы былъ уличенъ въ томъ, что онъ чрезвычайно сильно притѣснялъ жителей; „государь пожаловал, велѣл тово подьячево от дѣла отставить“ ³⁾; то же самое произошло въ 1653 г. съ подьячимъ съ ~~писью~~ калужской съѣзжей избы, который бражничалъ и ничего не дѣлалъ безъ посула, вина и запаса, такъ что самъ воевода вынужденъ былъ за него подписывать приставныя памяти и закрѣплять нѣкоторыя дѣла ⁴⁾. Но всѣ дѣла о менѣ важныхъ должностныхъ преступленіяхъ подьячихъ, не влекшихъ за собой устраненія ихъ отъ должности, разсматривались и рѣшались въ первой половинѣ XVII вѣка всегда подчиненными органами власти. Изъ большого числа относящихся сюда фактовъ ⁵⁾ приведемъ на выборъ два. Въ 1631 г. Устюжская четверть разобрала и рѣшила дѣло о 140 руб. мірскихъ начетныхъ ямскихъ денегъ, увезенныхъ въ Сибирь подьячимъ устюжской съѣзжей избы Котельниковымъ, уѣхавшимъ туда торговать ⁶⁾. Въ 1627 г. устюжскіе посадскіе люди жаловались на притѣсненія и обиды отъ подьячихъ съѣзжей избы; жалоба была рассмотрѣна и вынесенъ приговоръ приказомъ, безъ обращенія къ государю ⁷⁾.

О должностныхъ преступленіяхъ лицъ, занимавшихъ низшія ступени на лѣстницѣ административной іерархіи въ Московскомъ государствѣ, надо сказать прямо, что всѣ они разбирались и рѣшались

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст., № 142, ст. 1, л. 53.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Вѣлгор. ст. Разр., № 192, л. 345 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 259, л. 112 и об.

4) Тамъ же, № 325, лл. 810, 811, 716.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 47, № 31; Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. стола Разр., № 40, лл. 550, 559 и об., № 213, л. 8 и об. и т. д.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., пр. д. ст. л., св. 47, № 31.

7) Тамъ же, св. 24, № 27.

подчиненными учреждениями — приказами и воеводами. Это доказываетя рядомъ фактовъ. Напр., въ 1628 г. полковымъ судьей было подчищено одно дѣло; воевода за это велѣлъ его бить батогами, а Разрядъ сверхъ того распорядился посадить на мѣсяць въ тюрьму ¹⁾. Около того же времени Кротовъ жаловался на сотскаго Шведеницкой волости, что онъ отказалъ въ производствѣ слѣдствія и укрывалъ тѣмъ людей, его ограбившихъ; шенкурскій воевода Стрешневъ велѣлъ доправить съ сотскаго и цѣловальника 2 гривны за „пороровку“. Въ 1624 г. площадной дьячекъ „прописалъ“, т.-е. написалъ въ челобитной не сполна, имя государя; приказъ, безъ доклада царю подвергъ его наказанію батогами ²⁾.

Отдѣльно нѣсколько словъ необходимо сказать о преступленіяхъ служилыхъ людей, совершавшихся ими въ время отбыванія ими службы и касавшихся ихъ служебныхъ обязанностей. Мы имѣемъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что бѣгство служилыхъ людей со службы, уклоненіе ихъ отъ нея вызывали докладъ дѣла на усмотрѣніе царя, который и постановлялъ рѣшеніе ³⁾. Это неудивительно: ревнивое отношеніе государства къ исполненію служилыми людьми ихъ военныхъ обязанностей вызвало верховную власть на непосредственное воздѣйствіе въ данномъ случаѣ. Впрочемъ уже въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка наблюдается отклоненіе отъ стараго обычая: начинается передача подобныхъ дѣлъ въ руки подчиненныхъ властей. Въ 1642 г. одинъ сынъ боярскій, служившій „по выбору“, уклонился отъ службы, — бѣжалъ съ „посылки на вѣсти“; онъ былъ наказанъ за это Разрядомъ ⁴⁾. Въ 1648 г. царю было доложено, что семь орловскихъ стрѣльцовъ, вопреки приказанію, не были на службѣ въ Бобринѣ; „государь указал учинит о том указ тем непослушнымъ боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому і дьякамъ“ ⁵⁾. До государя обыкновенно доходили также дѣла, касавшіяся грабежей

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. стола Разр., № 24, л. 100 и об.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 11, л. 403 об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Моск. стола Разр., № 23, л. 26, № 176, л. 55 и об.; столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 217, лл. 56 и об., 125—126, № 274, л. 185 и об. и мн. др.

4) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Владим. ст. Разр., № 117, л. 97 и об.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Бѣлгор. ст. Разр., № 279, лл. 61—62.

жителей служилыми людьми ¹⁾ или потравъ, ими производимых ²⁾. Но за всё остальныя нарушенія своихъ служебныхъ обязанностей служилые люди отвѣчали обыкновенно передъ подчиненными властями. Типическими примѣрами могутъ служить факты 1628 ³⁾ и 1651 ⁴⁾ годовъ, показывающіе, что казаки, пропивавшіе оружіе и платье, наказывались Разрядомъ безъ доклада дѣлу верховной власти.

Итакъ, хотя контроль и надзоръ за администраціей до половины XVII вѣка былъ неорганизованъ, случаетъ, но многія дѣла по должностнымъ преступленіямъ перешли уже изъ рукъ верховной власти въ самостоятельное вѣдѣніе подчиненныхъ учреждений. Сюда относились дѣла о притѣсненіяхъ подьячихъ воеводами, о превышеніи воеводами своей власти, о неисполненіи воеводами законныхъ требованій равныхъ имъ и низшихъ властей, о злоупотребленіяхъ и должностныхъ преступленіяхъ стрѣльцкихъ, станичныхъ и осадныхъ головъ, о менѣ важныхъ преступленіяхъ по должности, совершавшихся подьячими съѣзжихъ избъ, о должностныхъ преступленіяхъ низшихъ органовъ администраціи (полковыхъ судей, сотскихъ, площадныхъ дьячковъ и т. д.), наконецъ, также дѣла о менѣ важныхъ служебныхъ проступкахъ служилыхъ людей, составлявшихъ массу московскаго войска.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отношенія между церковью и государствомъ въ Россіи до половины XVII вѣка.

Въ исторіи отношеній между церковью и государствомъ надо различать двѣ стороны: отношенія въ области административно-технической и отношенія въ сферѣ политической. Какъ вліяло государство на административную технику церковнаго управленія, и какую роль играли въ учрежденіяхъ государственныхъ органы церковной власти—отвѣтъ на эти вопросы характеризуетъ одну сторону дѣла. Каково было политическое значеніе духовенства и его главы,—отвѣ-

1) См., напр., Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Моск. ст. Разр., № 115, л. 595 и об.

2) См. тамъ же, № 127, л. 249 и об.

3) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы Владим. ст. Разр., № 33, л. 334 и сл.

4) Тамъ же, № 138, л. 573 и об.

тить на этотъ вопросъ значить освѣтить другую сторону. Въ русской исторической литературѣ въ основныхъ чертахъ разрѣшены вопросы, относящіеся къ той и другой сторонѣ ¹⁾. Остается только свести приобретенныя заключенія въ единое цѣлое, систематизировать ихъ, сдѣлавъ при этомъ нѣкоторые дополнительные замѣчанія.

Церковный строй и отношенія церкви къ государству находятся вообще подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ государственнаго строя, подъ которымъ скрывается, разумѣется, въ конечномъ счетѣ экономическая и социальная подкладка. Неудивительно поэтому, что въ соответствіи съ основными свойствами политическаго устройства древнѣйшей Россіи до конца XII вѣка церковный строй характеризовался въ то время почти полной неорганизованностью въ сферѣ административно-технической и полнымъ подчиненіемъ церкви государству съ точки зрѣнія политической. Кліры изъ священниковъ, дававшіе нѣрѣдко совѣты епископамъ по дѣламъ церковнаго управленія, отличались непостоянствомъ своего состава и нерегулярностью дѣйствія; архіерейскіе намѣстники и тиуны—очень часто изъ свѣтскихъ лицъ—исполняли отдѣльныя порученія безъ всякой системы и порядка. Даже предѣлы компетенціи церковныхъ властей не установились сколько-нибудь прочно. Извѣстно, напр., что по церковному уставу новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, относящемуся въ 1135 году, князья нѣрѣдко нарушали постановленія Кормчей книги, и церковная юрисдикція отличалась неопредѣленностью и колебаніями: князь отмѣчаетъ, что онъ раньше „самъ вѣдалъ“ тяжбы дѣтей отъ разныхъ браковъ между собою, и только теперь передаетъ „все это епископу управливати“, справившись съ греческимъ „Номаканомомъ“ ²⁾. Вообще князь могъ вмѣшиваться и дѣйствительно вмѣшивался во всѣ мелочи церковнаго управленія и суда.

Въ политическомъ отношеніи церковь и духовенство находились

---

1) См. особенно Исторія русской церкви митр. Макарія, г. Голубинскаго и г. Знаменскаго; Дьяконовъ. Власть московскихъ государей. Павловъ, Теорія восточнаго папизма (въ „Правосл. Обзор.“ за 1819 г.); Павловъ, Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи; Хрущевъ, Сочиненія І. Санина; Жмакинъ, Митр. Даніилъ и его сочиненія; Архангельскій, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ; Гиббелетъ, Историч. изслѣд. дѣла патр. Никона и мног. друг. Новѣйшая работа г. Шпакова („Кіевскія универ. изв.“ за 1904 г.) не вносятъ ничего новаго.

2) См. его въ приложеніи ко II тому Исторія русской церкви Макарія.

въ древнѣйшей Россіи въ полномъ подчиненіи княжеской власти: князья не только вмѣшивались въ дѣла, подсудныя епископамъ, но и смѣщали, выбирали, даже судили іерарховъ русской церкви, а также пользовались видными представителями духовенства для своихъ чисто-политическихъ цѣлей: призывали епископовъ въ Боярскую думу, отправляли ихъ въ качествѣ пословъ и т. д.¹⁾ Не малую роль въ такомъ подчиненіи сыграла и матеріальная зависимость духовенства отъ князей.

Еще въ большей степени, чѣмъ въ древнѣйшей Россіи, церковь сдѣлалась орудіемъ государства въ вольныхъ городахъ XIII—XV вѣковъ: новгородскій архіепископъ или владыка сдѣлался выборнымъ; его основной функціей стало служеніе интересамъ государства въ трехъ сферахъ, — сферѣ дѣйствія высшихъ государственныхъ учреждений—вѣча и совѣта, — въ сферѣ судебной и отчасти политической дѣятельности и въ финансовыхъ дѣлахъ; управленіе церковью и духовенствомъ сосредоточилось въ рукахъ свѣтскихъ слугъ владыки-софіянъ. Но если политически церковь была подчинена государству, то въ то же время техника церковнаго управленія и суда сдѣлали въ вольныхъ городахъ большіе успѣхи. Здѣсь очень рано выдѣлился небольшой сравнительно кругъ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлъ, рѣшавшихся самимъ владыкой: сюда относились посвященіе священниковъ и діаконовъ, освященіе церквей и наблюденіе за церковнымъ благочиніемъ во время поѣздокъ по епархіи. Всѣ остальные церковныя дѣла—административныя и судебныя—перешли въ самостоятельное вѣдѣніе софіянъ—казначей, намѣстника, десятильниковъ—и корпоративныхъ организацій духовенства—соборовъ, въ лицѣ ихъ поповскихъ или соборныхъ старостъ²⁾.

Сѣверо-востокъ удѣльной Руси далеко отсталъ отъ вольныхъ городовъ въ отношеніи церковно-административной техники. И здѣсь, какъ и въ управленіи удѣльными княжествами, было мало порядка, опредѣленности и постоянства: большею частью давались лишь отдѣльныя временныя порученія, постоянное же вѣдомство отдѣльныхъ органовъ церковнаго управленія слагалось чрезвычайно медленно. Впрочемъ успѣхи въ данной сферѣ сравнительно съ древнѣйшей

---

1) Голубинскій, Исторія русской церкви, т. I, половина первая, изд. 2-е, М. 1901, стр. 548 и слѣд.

2) См. Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, — въ „Журн. Мин. Нар. Пров.“ за 1879 г. и отдѣльно.

Россіей все-таки наблюдались; они проявлялись главнымъ образомъ въ образованіи различныхъ органовъ церковной администраціи, слагавшихся по образу администраціи свѣтской. У митрополита появились свои бояре, отроки, столбники, конюшіе и т. д. Судъ по духовнымъ дѣламъ принадлежалъ большею частью духовнымъ лицамъ—протопопамъ и архимандритамъ, но для суда надъ церковными людьми по дѣламъ гражданскимъ существовали у архіереевъ свѣтскіе слуги—десятинники, волостели и поселскіе. Соборные протопопы въ большихъ городахъ (по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ) имѣли нѣкоторую власть надъ причтами приходскихъ церквей.

Съ политической точки зрѣнія церковь и духовенство удѣльной сѣверо-восточной Руси находились въ сильнѣйшей зависимости отъ государства и общества. Низшее духовенство, согласно канонамъ, выбиралось прихожанами, но этотъ выборъ все чаще и чаще становился фикціей, превращаясь въ простую санкцію воли мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ; эти послѣдніе нерѣдко позволяли себѣ при этомъ большія злоупотребленія: наур., добивались отъ епископовъ поставленія въ священники своихъ холоповъ и пользовались этимъ, чтобы извлекать для себя лишніе доходы. Положеніе митрополитовъ и епископовъ по отношенію къ князьямъ было подчиненнымъ, и это подчиненіе постепенно увеличивалось по мѣрѣ усиленія великихъ князей московскихъ. Митрополиты, какъ Петръ, Алексѣй, Іона, всецѣло служили государственному идеалу собиранія Руси. Дмитрій Донской, Иванъ III, Василій III распоряжались митрополичьей каеедрой по усмотрѣнію. При Дмитріи Донскомъ Митяй, Бипріанъ и Пименъ всецѣло зависѣли отъ милости великаго князя. Митрополиты Зосима и Симонъ были поставлены въ сущности по приказанію Ивана III, выборъ же ихъ соборомъ епископовъ былъ простой формальностью. Василій III возвелъ въ митрополиты Варлаама, потомъ смѣстилъ его и замѣнилъ Даниломъ. Въ малолѣтствѣ Грознаго Данилъ былъ замѣненъ Іоасафомъ и Іоасафъ Макаріемъ,—все подъ вліяніемъ свѣтской власти. Сѣверно-русская церковь того времени, вообще близко напоминала состояніе католической, римской церкви въ X вѣкѣ и въ первой половинѣ XI столѣтія.

Церковная администрація въ западной Руси удѣльнаго времени отличалась тѣми же чертами, что и на сѣверо-востокѣ: дворъ и управленіе митрополитовъ и епископовъ отражали на себѣ свѣтское вліяніе,—вліяніе панской вотчины и государственнаго строя удѣльной эпохи. У епархіальныхъ архіереевъ были свои намѣстники, за-

мѣнявшіе ихъ во всѣхъ дѣлахъ церковной администраціи и суда, свои бояре, подскарбіе, маршалки съ компетенціей, соотвѣтствовавшей компетенціи одноименныхъ свѣтскихъ слугъ государства и отдѣльныхъ пановъ. Если положеніе митрополита и епископовъ во многомъ уподоблялось положенію пановъ и князей, то простое духовенство было бѣдно и ближе всего подходило по своему положенію къ крестьянской массѣ. Было много монастырей, большею частью независимыхъ по управленію и суду отъ епископовъ. Надо впрочемъ замѣтить, что и положеніе епископовъ не было равно положенію пановъ: въ радѣ они не участвовали. Вліяніе государства и свѣтскаго общества на положеніе западно-русской православной церкви, какъ учрежденія, и западно-русскаго духовенства, какъ общественной группы, не ограничивалось тѣмъ воздѣйствіемъ, какое оказывали свѣтскія отношенія и порядки на церковный строй. Существовала, кромѣ того, и непосредственная зависимость церкви отъ свѣтскаго общества. Православные паны участвовали въ избраніи митрополитовъ, слѣдили за церковными имуществами и церковнымъ управленіемъ, предотвращали злоупотребленія епископовъ и ходатайствовали передъ правительствомъ о соблюденіи интересовъ церкви, какъ они ихъ понимали. Юридическимъ основаніемъ этого было право патроната свѣтскихъ лицъ надъ церковными учрежденіями, — церквами, монастырями и епархіями. Такимъ правомъ патроната пользовались не только отдѣльные князья и паны, но и городскія общины, особенно тѣ, которыя организовались на основѣ магдебургскаго права. Осуществленіе права патроната надъ церквами въ городахъ выпадало большею частью на долю братствъ. Духовенство тяготилось этой зависимостью отъ свѣтскаго общества и пыталось отъ нея освободиться. Съ этою цѣлью въ 1509 году при митрополитѣ Іосифѣ Солтанѣ собранъ былъ церковный соборъ въ Вильнѣ, важнѣйшія постановленія котораго заключаются въ слѣдующемъ: на церковныя должности необходимо ставить людей достойныхъ; выборъ ихъ — дѣло епископовъ и православныхъ пановъ; патронъ лишается права лишать священника патронируемаго имъ прихода или должности безъ вѣдома и согласія мѣстнаго епископа. Разнь между православнымъ духовенствомъ и свѣтскимъ обществомъ на практикѣ приводила къ усиленію власти литовскаго господара надъ православной западно-русской церковью: міряне жаловались на духовенство митрополиту и великому князю; духовенство — въ томъ числѣ и епископы — въ дѣлахъ между собою также сплошь и

рядомъ обращаются къ господарю, а не къ митрополиту. Въ результатѣ получилось то, что въ XVI вѣкѣ господарь захватилъ въ свои руки замѣщеніе всѣхъ церковно-іерархическихъ должностей, и власть митрополита стала совершенно ничтожной.

Таковó было въ главныхъ чертахъ положеніе западно-русской церкви и духовенства въ Литвѣ, западной и югозападной Руси въ удѣльное время, до конца XV вѣка. XVI столѣтіе принесло за собою очень много новаго. Главными новыми явленіями было распространеніе протестантизма (главнымъ образомъ, кальвинизма и социніанства), развитіе католицизма и установленіе и утвержденіе церковной уніи.

Кальвинизмъ и социніанство, разсматриваемыя со стороны общественной организаціи, являются протестомъ противъ аристократическаго строя и проповѣдью демократической простоты и равенства. Условія общественной и государственной жизни Литвы и западной Руси вызывали на такой протестъ по преимуществу низшіе слои населенія, но эти слои были слишкомъ мало подготовлены съ культурной стороны къ воспріятію новыхъ религіозныхъ ученій. Поэтому и распространялись эти ученія только между шляхетствомъ, добивавшимся равенства съ князьями и панами, и когда это равенство было достигнуто, быстро были подавлены, отступили на второй планъ, сохранили за собой сравнительно-слабое меньшинство. Демократическое устоиво церкви такимъ образомъ такъ же не привилось, какъ не нравились и не развились демократическіе социальныя и государственныя порядки.

Гораздо болѣе приспособленнымъ, какъ учрежденіе, къ социальнымъ и политическихъ условіямъ Литвы и западной Руси оказался католицизмъ. Католическій епископъ виленскій съ самаго своего появленія въ Вильнѣ при Ягайлѣ въ 1386 г. становится членомъ господарской рады. Католическіе епископы, кромѣ того, занимали болѣе независимое положеніе по отношенію къ свѣтскимъ панамъ, чѣмъ православные: они прикрывались и защищались авторитетомъ папы. Присутствіе въ радѣ и самостоятельность ставили такимъ образомъ высшихъ іерарховъ католической церкви на равную ногу съ значѣйшими литовскими и русскими князьями и панами. Такое же видное положеніе приобрѣли и проникшіе въ западную и югозападную Русь католическіе монашескіе ордена, — доминиканскій и іезуитскій. Не надо, наконецъ, забывать, что и политическая необходимость уніи съ Польшей въ интересахъ самосохраненія литовско-русскаго

государства отъ опасности, грозившей съ востока, была благоприятнымъ для католицизма условіемъ, содѣйствовавшимъ его распространенію. Такимъ образомъ, строй католической церкви, утвердившійся въ XVI в., болѣе соответствовалъ господству шляхетскаго сословія, и если высшая католическая іерархія напоминала князей и пановъ, то католическіе священники отражали въ своемъ положеніи простую, рядовую шляхту.

Связующимъ звеномъ между католическимъ и православнымъ духовенствомъ въ этомъ отношеніи явилось, несомнѣнно, уніатское духовенство. Правда уніатскіе епископы и даже митрополитъ не получили доступа въ сенатъ, но за то они стали болѣе самостоятельны по отношенію къ мірянамъ, чѣмъ епископы православные, и, кромѣ того, сильно повысили свое матеріальное обезпеченіе, такъ какъ получили много новыхъ земель. Все это не могло не отразиться на социальномъ вѣсѣ уніатскаго духовенства.

Остается указать на то, что развитіе католицизма и появленіе уніи отразилось и на положеніи православной церковной іерархіи: эта іерархія еще болѣе обѣднѣла и принизилась въ социальномъ отношеніи, еще болѣе сблизилась съ низшими слоями общества, стала вполнѣ демократической.

Такимъ образомъ, удѣльная эпоха завѣщала Московской Руси XVI вѣка тѣ же двѣ особенности церковнаго строя, наличность которыхъ наблюдается и въ строѣ государственномъ: слабую организацию административной техники и постоянное и сильное непосредственное вмѣшательство верховной власти во многія мелочи церковнаго управленія, при сильной зависимости церкви отъ государства.

II.

Съ половины XVI до половины XVII вѣка техника церковнаго управленія и суда подверглась сильнѣйшимъ измѣненіямъ, опять-таки явившимся отраженіемъ перемѣнъ, которыя совершились въ государственномъ строѣ.

Первымъ шагомъ въ направленіи къ преобразованію церковной администраціи (и суда) являются постановленія Стоглава. Стоглавъ передалъ судъ по духовнымъ дѣламъ исключительно въ руки архіереевъ и ихъ слугъ изъ духовенства, по ихъ порученіямъ. Это было однимъ изъ признаковъ того стремленія, которое наблюдается въ русскомъ духовенствѣ особенно XVI и XVII вѣковъ, какъ наблюда-

лось и въ исторіи западно-европейской католической церкви, — стремленія къ независимости отъ государственной власти. Духовенство было объявлено подсуднымъ гражданскому суду только по уголовнымъ дѣламъ. Архіереи, по Стоглаву, должны были дѣйствовать черезъ посредство двухъ родовъ слугъ — духовныхъ и свѣтскихъ. Свѣтскіе слуги — владычны бояре — судили только бѣлое духовенство и мірянъ, жившихъ на церковныхъ земляхъ, по гражданскимъ дѣламъ. Остальныя дѣла церковнаго управленія и суда вѣдались архіерейскими слугами изъ духовенства, — архимандритами, игуменами, протопопами, выборными поповскими старостами и десятскими священниками ¹⁾.

Постановленія Стоглава, какъ извѣстно, въ большей своей части остались мертвой буквой. Но это не означало, что техника церковнаго управленія осталась прежней. Напротивъ, она непрестанно развивалась, и однимъ изъ самыхъ существенныхъ признаковъ такого развитія является появленіе патріаршихъ приказовъ. Въ литературѣ господствуетъ мнѣніе, что эти приказы — Патріаршій Судный или Патріаршій Разрядъ, завѣдывавшій судебными дѣлами и дѣлами о поставленіи на духовныя мѣста, Приказъ церковныхъ дѣлъ, вѣдавшій церковное благочиніе, Казенный, собиравшій сборы съ вотчинъ и духовенства, и Дворцовый, вѣдавшій хозяйство патріаршаго дома, — появились только въ XVII вѣкѣ, даже только со временъ патріарха Филарета ²⁾. Съ этимъ нельзя согласиться. Слѣды существованія патріаршихъ приказовъ становятся замѣтными уже въ концѣ XVI столѣтія. Такъ, напр., Патріаршій Дворцовый приказъ упоминается въ одномъ документѣ 1595 года ³⁾.

Дальнѣйшій шагъ по пути измѣненій въ технику церковнаго управленія является царская жалованная грамота патріарху Филарету, относящаяся къ 1621 году и установившая для патріаршей епархіи такой порядокъ суда: всѣ духовныя лица собственной епархіи патріарха подсудны патріарху; въ случаѣ, если они сами предъявляютъ искъ къ человѣку, не подлежащему юрисдикціи патріарха, ихъ иски разбираются и рѣшаются въ тѣхъ приказахъ, гдѣ вѣ-

1) См. Стоглавъ въ казанскомъ изданіи.

2) Ш и м к о, Патріаршій Казенный Приказъ, — въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. архивѣ министерства юстиціи“, кн. IX, стр. 2.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., грам. колл. экономіи, Костром. у., № 5129, л. 20 об.

домы судомъ отвѣтчики; если отвѣтчики выступаютъ съ встрѣчнымъ искомъ, то духовныя лица, подсудныя патриарху, въ этомъ случаѣ отвѣчаютъ по суду въ тѣхъ же приказахъ. Послѣднія постановленія замѣняютъ прежнюю норму, примѣнявшуюся въ подобныхъ случаяхъ — смѣстный судъ — и, несомнѣнно, доказываютъ, что привилегіи духовенства уменьшались, потому что смѣстный судъ носить на себѣ печать большей привилегированности, чѣмъ новый порядокъ.

Наконецъ, Уложение 1649 года установило особое учрежденіе для завѣдыванія монастырскими и церковными землями и для суда по гражданскимъ дѣламъ надъ всѣмъ духовенствомъ — бѣлымъ и чернымъ, включая и архіереевъ, — и надъ всѣми церковными людьми и крестьянами. Въ случаѣ исковъ къ постороннимъ, не церковнымъ людямъ и при встрѣчныхъ искахъ этихъ послѣднихъ примѣнялись правила, установленныя жалованной грамотой патриарху Филарету ¹⁾. Учрежденіе Монастырскаго приказа имѣло важное значеніе для политическихъ отношеній между церковью и государствомъ, но не менѣе важно оно и для исторіи перемѣнъ въ технику церковнаго управленія и суда; безъ сомнѣнія, извѣстныя уже намъ явленія въ исторіи администраціи и суда въ Московскомъ государствѣ нашли себѣ съ этого времени примѣненіе и въ области церковно-административной. Это должно было и здѣсь технически облегчить роль верховной власти, направить послѣднюю на принципиальныя вопросы и задачи.

III.

Подчиненіе церкви государству въ томъ видѣ, какъ оно осуществилось въ XV и первой половинѣ XVI вѣка въ сѣверо-восточной Россіи, не осталось безъ оппозиціи. Оно встрѣтило себѣ яростнаго врага въ лицѣ Іосифа Санина. Большинство изслѣдователей склонны представить себѣ Іосифа, какъ сторонника подчиненія церкви государству, потому что онъ признавалъ въ государѣ хранителя чистоты вѣры, обладающаго высшей властью въ церковномъ управленіи и судѣ ²⁾. Надо однако замѣтить, что храненіе чистоты вѣры было, съ точки зрѣнія Іосифа, не правомъ, а обязанностью государя, и при томъ государь здѣсь въ сущности долженъ былъ лишь дѣйстви-

1) Уложение, XII и XIII главы.

2) См., напр., Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, стр. 102.

вать въ интересахъ церкви и по ея рѣшенію, являлся орудіемъ въ рукахъ церкви. Такимъ образомъ, Іосифъ Санинъ въ сущности былъ первымъ яркимъ выразителемъ идеи русскаго папизма и въ этомъ отношеніи сильно напоминаетъ папу Николая I.

Іосифъ имѣлъ успѣхъ лишь отчасти: онъ сдѣлалъ государство орудіемъ церкви въ жгучихъ вопросахъ того времени,—въ вопросѣ о преслѣдованіи еретиковъ и въ вопросѣ о монастырскомъ землевладѣніи. Но ему не удалось поставать церковь выше государства во всѣхъ отношеніяхъ. А его ученики и послѣдовали—іосифляне — превратились въ рабовъ свѣтской власти, въ «потаковниковъ» царя, какъ называлъ ихъ князь Курбскій. Митрополитъ (потомъ патріархъ) и архіереи стали опредѣлять къ себѣ на службу бояръ и дворянъ и увольнять ихъ отъ службы не иначе, какъ съ соизволенія царя. Иванъ Грозный низложилъ митрополита Филиппа и превратилъ его преемниковъ — Кирилла и Антонія — въ своихъ полныхъ холоповъ. При Федорѣ Годуновѣ лишилъ власти митрополита Діонисія и возвелъ на митрополичью кафедру Іова. Самое введеніе патріаршества не столько означало возвышеніе церковной власти, сколько отражало ростъ свѣтской власти самодержавнаго царя. И съ патріархами церемонились не больше, чѣмъ съ митрополитами: Іовъ былъ свергнутъ первымъ Лжедмитріемъ и замѣненъ Игнатіемъ; Василій Шуйскій низложилъ Игнатія и возвелъ Гермогена. Гермогенъ, какъ и другіе архіереи его времени, напр., Ефремъ Казанскій, Исидоръ новгородскій и Θεоктистъ тверской, былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Шуйскаго и его партіи.

Масса духовенства — бѣлаго и особенно чернаго — примкнула въ Смутное время къ тѣмъ среднимъ слоямъ русскаго общества, которые поддерживали существовавшій порядокъ: вмѣстѣ съ среднимъ и мелкимъ дворянствомъ, посадскими людьми и зажиточнымъ сѣвернымъ крестьянствомъ духовенство высказалось противъ аристократической олигархіи боярства и возвело на престолъ новую династію. Эта социальная роль духовенства увеличила его удѣльный вѣсъ въ политической жизни и возвысила патріарха. Поэтому-то двоевластіе царя и патріарха, которое создано при Михаилѣ и Филаретѣ, объясняется не столько родственною связью патріарха съ царемъ, сколько правящимъ положеніемъ духовенства на ряду съ другими средними слоями русскаго общества того времени. При Филаретѣ русскій папизмъ сдѣлалъ такимъ образомъ рѣшительный шагъ впередъ.

Крупнѣйшимъ представителемъ папизма на московской патриаршей кафедрѣ былъ, какъ извѣстно, Никонъ. Онъ сознательно выставилъ и проводилъ въ жизнь ученіе о главенствѣ церкви надъ государствомъ, о приматѣ духовной власти сравнительно съ властью свѣтской. Не даромъ во вновь изданную Кормчюю книгу онъ включилъ знаменитую легенду о дарѣ Константина. Но такія притязанія столкнули Никона и представляемое имъ духовенство съ правящими средними слоями русскаго общества, главнымъ образомъ, съ дворянствомъ, которое къ этому времени упрочило самодержавную власть царя. Въ результатъ получилось крушеніе принципа двоевластія и паденіе идеи папизма въ Россіи. Церковь окончательно стала орудіемъ государственной власти, средствомъ, которымъ пользовалось для своихъ цѣлей самодержавіе.

Такимъ образомъ, техника церковнаго управленія и суда, развиваясь и улучшаясь, достигла постепенно къ половинѣ XVII вѣка, того же состоянія, какъ и техника управленія свѣтскаго, такъ что и здѣсь для верховной власти открылась возможность по преимуществу одной направляющей, принципиальной дѣятельности; въ то же время послѣ нѣкоторой борьбы церковная власть окончательно подчинилась верховной власти московскихъ царей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Политическая сторона развитія верховной власти и высшаго управленія въ Московскомъ государствѣ до половины XVII вѣка.

I.

Политическая исторія утвержденія самодержавія въ Россіи въ главныхъ чертахъ достаточно изслѣдована въ нашей исторической литературѣ. Намъ остается только, во-первыхъ, представить резюмирующее изложеніе вопроса, во-вторыхъ разрѣшить нѣкоторые контроверзы, въ-третьихъ—и это главное—связать политическій процессъ въ цѣломъ и частностяхъ съ явленіями, изслѣдованными нами въ предыдущихъ главахъ.

Зарожденіе самодержавія въ Россіи относится еще къ концу удѣльнаго періода, когда обнаружились первые, слабые ростки его. Съ конца XV вѣка до половины XVI столѣтія и длится этотъ пер-

вый, зачаточный періодъ развитія самодержавной власти русскихъ государей. Періодъ этотъ характеризовался тѣмъ, что опредѣлились силы, борьба которыхъ привела, въ концѣ-концовъ, къ утвержденію самодержавія; силы эти уяснили себѣ и усвоили опредѣленные политическія идеи; произошли отдѣльныя, спорадическія вспышки борьбы, и, наконецъ, одна изъ борющихся силъ временно восторжествовала.

Силами, опредѣлившимися для борьбы одна съ другой, были, съ одной стороны, думная аристократія, съ другой—среднее и мелкое провинціальное дворянство съ прибавленіемъ посадскихъ людей и зажиточной части крестьянства. Думная аристократія не представляла собою единой, цѣльной силы; напротивъ, она, сообразно своему социальному составу, двоилась, дѣлилась на двѣ части—на титулованное боярство, вышедшее изъ среды бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей, поступившихъ на службу къ московскому государю и занявшихъ первыя мѣста въ Боярской думѣ, заполнившихъ собою чины бояръ и окольничихъ, и на нетитулованныхъ думныхъ людей, главная часть которыхъ принадлежала къ числу „дѣтей боярскихъ, живущихъ въ думѣ“ (впослѣдствіи думныхъ дворянъ) и большихъ или введенныхъ дьяковъ (впослѣдствіи думныхъ дьяковъ) ¹⁾.

Политическія настроенія каждой изъ этихъ социальныхъ группъ успѣли въ изучаемый періодъ настолько опредѣлиться и скристаллизоваться, что превратились уже въ политическія идеи, даже въ системы политическихъ идей. Наименѣ систематизированными были возрѣнія незнатныхъ думныхъ людей, потомковъ старинныхъ удѣльныхъ слугъ московскихъ князей. Эти люди жили традиціями удѣльной старины, видѣли политическій идеалъ въ прошломъ, когда московскіе великіе князья не задавались широкими политическими задачами, не проводили рѣзкой разграничительной черты между собою и своими слугами, держали себя съ ними запросто и прибѣгали къ совѣту съ ними по всѣмъ дѣламъ, охотно выслушивая возраженія. Типическимъ представителемъ этихъ реакціонеровъ того времени является извѣстный Иванъ Никитичъ Берсень-Беклемишевъ, которому за его „непригожія рѣчи“ о Василии III и его матери отрѣзали языкъ ²⁾. Впрочемъ, этотъ слой и былъ наименѣ вліятеленъ: бывшіе удѣльные слуги были подавлены съ одной стороны новымъ титулованнымъ боярствомъ, съ другой незнатнымъ провинціальнымъ

¹⁾ Ключевскій, Боярская Дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 273 и сл.

²⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, № 172.

дворянствомъ, которое, выслуживаясь, проникало въ Думу по преимуществу въ чины думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ и здѣсь большей частью ассимилировало съ собой старыхъ удѣльныхъ слугъ.

Такимъ образомъ, враждебными, точно опредѣленными, сложившимися силами являлись аристократическое боярство и дворянски-демократическій провинціальный, отчасти и столичный служилый классъ. Обѣ эти социальныя силы стремились къ преобладанію, и это нашло себѣ отраженіе въ опредѣленныхъ системахъ политическихъ воззрѣній. Формулировка этихъ системъ произведена была самыми образованными элементами той и другой общественной группы,— чернымъ духовенствомъ, монахами, выходившими изъ ихъ среды. „Заволжскіе старцы“, ученики Нила Сорскаго, были идейными представителями аристократіи, іосифляне являлись идеологами рядового дворянства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что составленная въ началѣ пятидесятихъ годовъ XVI вѣка „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа“ является политическимъ памфлетомъ, вышедшимъ именно изъ среды заволжскихъ старцевъ. Здѣсь ясно и опредѣленно выразилась тенденція знатнаго боярства къ ограниченію власти государя черезъ посредство Боярской думы. „Бесѣда“ прямо заявляетъ: „царемъ и великимъ княземъ достойтъ изъ міру всякіе доходы своя съ пощадою збирати и всякія дѣла дѣлати милосердно съ своими князи и съ боляры и съ прочими міряны, а не съ иноки“. ¹⁾

Іосифлянская группа политическихъ писателей, являясь идейной представительницей средняго и мелкаго дворянства, унаслѣдовавъ давно уже проводившуюся духовенствомъ идею о богоустановленности власти и усвоивъ представленіе о томъ, что Константинополь палъ вслѣдствіе отступленія отъ православія царя и патріарха во флорентійской уніи, и что истинное благочестіе сохранилось только на Руси, развила изъ этихъ основъ цѣлую стройную и сложную теорію значенія, задачъ и цѣлей православнаго русскаго царства. Въ византійской литературѣ—напр., въ сочиненіяхъ Меодія Патарскаго, Льва Премудраго, въ такъ-называемыхъ видѣніяхъ пророка Даниила—было не мало мистическихъ пророчествъ о судьбѣ Царьграда. Въ числѣ этихъ пророчествъ было одно, въ которомъ

---

1) Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа, въ изданіи гг. Дружинина и Дьяконова.

говорилось, что «родъ русскихъ» (ξανθὸν γένος) побѣдитъ всего Измаила и овладѣетъ Седмихолмьмъ. Этотъ «родъ русскихъ» у русскихъ книжниковъ, составлявшихъ сказанія о паденіи Царьграда, замѣненъ былъ «родомъ русскихъ». Затѣмъ, въ 1492 г. во вновь составленной на восьмую тысячу лѣтъ отъ сотворенія міра пасхалии великій князь Иванъ III названъ былъ новымъ царемъ Константиномъ, и Москва—новымъ Константинополемъ. Подобныя представленія почерпались также изъ византійскаго сказанія о Вавилонскомъ царствѣ, передававшаго о томъ, какъ греческій императоръ Левъ отправилъ въ Вавилонъ пословъ, чтобы взять знаменіе отъ трехъ отроковъ, не сгорѣвшихъ въ печи, и добыть вещи Навуходоносора; послѣ многихъ опасностей послы принесли ему царскій скипетръ и шапку Мономаха. Эта легенда пополнялась другой—такъ-называемой «Исторіей владодержцевъ отъ Ноя»: отъ Ноя здѣсь выводился Августъ, потомкомъ миѳическаго брата котораго, Пруса, объявлялся нашъ Рюрикъ, отъ Рюрика же произошелъ Владиміръ Святой, который послѣ войны съ византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ получилъ отъ него часть животворящаго креста и царскій вѣнецъ. Послѣ брака Ивана III съ Софіей Палеологъ эти мотивы соединились съ новымъ элементомъ—указанной сейчасъ теоріей преемства Москвы отъ Константинополя въ дѣлѣ охраны православія. Еще въ 60-хъ годахъ XV в. правительство проводило такую теорію въ особо составленной брошюрѣ «Слово избрано отъ святыхъ писаній еже на латыню». Однимъ изъ литературныхъ предшественниковъ «Слова на латыню» было «Посланіе инока Саввы на жидовъ и на еретики», гдѣ великій князь Василій Васильевичъ названъ «потвердникомъ благочестія» ¹⁾. Въ «Словѣ» онъ именуется «богшественнымъ поспѣшникомъ истиннѣ, высочайшимъ исходатаемъ благовѣрія, мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ божественнаго закона, истиннымъ вѣры православія, боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси». Но наиболѣе яркимъ выраженіемъ политической теоріи русскаго царства были составленныя въ XVI в. три посланія старца псковскаго Елеазарова монастыря Филоея—одно къ великому князю Василю III, другое къ дьяку Мунехину, третье къ царю Ивану IV, написанныя почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Основная идея посланій выражена такъ: «два Рима пали, третій (т.-е. Москва) стоитъ, а четвертому не быть». Здѣсь говорится, по собственнымъ

1) См. „Чтеніе въ Общ. Ист. и Древ. Рос.“ за 1903 г.

словами автора, «о православномъ царствѣ пресвѣтлѣйшаго и великостольнѣйшаго государя нашего, единственнаго во всей поднебесной христіанскаго царя, браздодержателя святыхъ Божіихъ престоловъ, св. вселенской и апостольской церкви, которая просіяла вмѣсто церкви римской и константинопольской и утвердилась въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ и которая одна во всей вселенной и лучше солнца свѣтится. Всѣ другія христіанскія царства исчезли совершенно и соединились въ одно царство нашего государя»¹⁾.

Такова была теорія московскаго православія и самодержавія, отстаивавшаяся политическими писателями іосифлянской партіи.

Столкновеніе двухъ враждебныхъ силъ выразилось въ нѣсколькихъ вспышкахъ: въ „высокоумничаньи“ князей Ряполовскаго, Ивана и Василія Патригѣевыхъ при Иванѣ III, при чемъ Василій Патригѣевъ, постриженный въ монахи подъ именемъ Вассіана, и поздиѣ вель ожесточенную борьбу съ іосифлянами и придавъ возрѣніямъ заволжскихъ старцевъ тотъ политическій характеръ, котораго они первоначально, у Нила Сорскаго, совершенно не имѣли, въ ссылкѣ князя Холмскаго, въ господствѣ боярскаго олигархіи въ малолѣтство Ивана Грознаго, наконецъ, въ вліятельной роли Сильвестра, Адашева и Курбскаго съ „избранной радой“.

Первый періодъ развитія самодержавія въ Россіи поставилъ враждебныя соціальныя силы другъ противъ друга и намѣтилъ задачи каждой изъ сторонъ. Но, кромѣ того, онъ создалъ и еще многое весьма важное: имъ былъ утвержденъ обычай участія Боярскаго Думы въ законодательныхъ дѣлахъ²⁾, опредѣленъ составъ Думы изъ четырехъ думныхъ чиновъ, установленъ и характеръ земскихъ соборовъ XVI вѣка, такъ какъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что земскій соборъ, 1550 г. по составу своему не отличался отъ соборовъ 1566 и 1598 годовъ, т.-е. состоялъ по преимуществу изъ призванныхъ правительствомъ на совѣщаніе органовъ правительственной власти, вождей служилаго класса³⁾. Такимъ образомъ, техника верховнаго управления въ смыслѣ устройства высшихъ учреждений, раздѣляющихъ съ государемъ сферу его непосредственной дѣятельности, достигла уже нѣкоторой степени развитія.

1) Малининъ, Посланія старца псковскаго Елеазарова монастыря Филоея.

2) Ключевскій, Боярская Дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 281 и слѣд.

3) Ключевскій, Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси—въ „Рус. Мысли“ за 1890 г., № 1, и за 1891 г., № 1.

Этотъ періодъ закончался временнымъ торжествомъ боярской олигархіи, выразившимся не только въ томъ опредѣляющемъ вліяніи, какое принадлежало „избранной радѣ“ до шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка, но и въ юридической нормѣ, внесенной въ Судебникъ 1550 года, по которому новые законы должны были устанавливаться „съ государева указа и со всѣхъ бояръ приговора“¹⁾. Временная побѣда боярства понятна: денежное хозяйство еще не начинало сколько-нибудь замѣтно развиваться и не требовало сильной объединяющей власти; крѣпостной общественный строй также еще не сложился; подчиненная администрація едва начала организоваться на новыхъ началахъ, при томъ пока непрочныхъ и нежизнеспособныхъ; административная техника и особенно техника высшаго управленія была совершенно не развита. Однимъ словомъ, не было на лицо ни одной изъ необходимыхъ предпосылокъ абсолютизма.

II.

Второй моментъ политической исторіи самодержавія—это царствование Ивана Грознаго съ его естественнымъ продолженіемъ—царствованиями Федора и Бориса Годунова. Въ это время намѣтились въ главныхъ чертахъ, хотя и не приняли законченнаго вида, экономическія и социальныя новообразованія—денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ и крѣпостничество. Понятно, поэтому, что окончательно и рѣзко опредѣлились и противоположности въ политическихъ воззрѣніяхъ. Отраженіемъ этого являются не только знаменитая переписка Грознаго съ Курбскимъ и написанная послѣднимъ „Исторія великаго князя московскаго“, но и политическіе памфлеты Ивана Пересвѣтова. Важны здѣсь не только его „челобитныя“, но и „Повѣсть о турецкомъ царѣ Мехметѣ и волошскомъ воеводѣ Петрѣ“, въ которой прямо высказывается, напр., увѣренность въ необходимости, чтобы царство было подѣ царемъ не безъ грозы. Насколько опредѣлились отношенія дворянской массы къ политикѣ Грознаго,—это показываетъ „Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа“; здѣсь царя предостерегаютъ отъ чаръ и волхвованія „жварныхъ синглитовъ“.

Въ то же время, благодаря указаннымъ хозяйственнымъ и социальнымъ переменамъ, сопровождавшимся связанными съ ними другими явленіями, намъ уже извѣстными, становится не только возможной, но и необходимой побѣда самодержавной власти царя надъ олигархи-

1) Акты Историч., т. I, № 153.

ческими тенденціями боярства. Эта побѣда выразилась прежде всего въ знаменитой опричинѣ Ивана Грознаго.

Извѣстна внѣшняя исторія опричины: неожиданное удаленіе царя въ Александровскую слободу, двѣ его грамоты въ Москву—грозная къ боярамъ и милостивая къ остальному населенію,—отказъ отъ власти и возвратъ къ ней съ особыми полномочіями, учрежденіе войска опричниковъ подъ начальствомъ Малюты Скуратова, отобраніе въ опричину половины государства. Но смыслъ и значеніе опричины не одинаково понимаются различными изслѣдователями. Нѣкоторые думаютъ, что опричина—слѣдствіе личнаго каприза, болѣзненной трусливости Грознаго, бывшаго и правыхъ и виноватыхъ, что она—учрежденіе для борьбы съ лицами, а не съ порядками и потому не имѣетъ особенно важнаго значенія ¹⁾. При этомъ обращаютъ вниманіе, главнымъ образомъ, если не исключительно, на казни и пытки, на собачьи головы и метлы на сѣдлахъ у опричниковъ. Все это, конечно, несомнѣнные факты, и опричина, какъ первая по времени политическая полиція въ Россіи, нерѣдко преслѣдовала людей виѣсто того, чтобы уничтожать порядки, боролась съ лицами, а не съ учрежденіями и общественнымъ строемъ: такова ужъ участь всякаго проявленія терроризма, всякой власти, не основанной на законѣ, а опирающейся на личное усмотрѣніе. Однако такое пониманіе опричины, какъ показываетъ ближайшее изученіе вопроса ²⁾, односторонне и потому невѣрно: она была орудіемъ не только личной, но и политической борьбы, не только губила людей, но и уничтожала враждебные самодержавію порядки. Дѣло въ томъ, что когда извѣстный уѣздъ отбирался въ опричину, то всѣ землевладѣльцы, не принадлежавшіе къ числу опричниковъ, должны были оставлять свои земли, лишались ихъ, сохраняя право искать себѣ въ другихъ мѣстахъ земли для пожалованія ихъ царемъ. Оставленные земли раздавались опричникамъ. Такимъ путемъ уничтожались старинныя удѣльныя владѣнія князей и связанныя съ ними обширныя привилегіи, происшедшія не отъ царскаго пожалованья, а унаслѣдованныя отъ удѣльной эпохи: сюда относились и право суда, и право сбора податей, и право дачи жалованныхъ грамотъ. Такъ, опричина съ корнемъ вырывала остатки феодализма, устраняла дробленіе власти, порывала связь потомства бывшихъ удѣльныхъ князей съ населеніемъ, предки котораго были

1) Ключевскій, Боярская Дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 337—341.

2) Платоновъ, Очерки по исторіи смуты въ Моск. госуд. XVI и XVII вв., Спб., 1899, стр. 152.

подданными предковъ землевладѣльцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же опричинѣ исчезали и привилегіи, являвшіяся слѣдствіемъ знатности происхожденія: въ опричинѣ, какъ извѣстно, не было мѣстничества. Наконецъ, подъ вліяніемъ опричины уменьшилось и политическое значеніе Боярской Думы: опричная территорія, охватывавшая лучшую половину государства, была изъята изъ вѣдѣнія Боярской Думы, которая управляла только земщиной, да и то съ доклада государю; къ тому же, даже когда опричина исчезла, приобрѣла большее, чѣмъ прежде, значеніе комнатная или ближняя дума, развившаяся изъ предшественника опричины—совѣщанія „самъ третей у постели“. Къ этому надо прибавить, что и земскіе соборы—эти совѣщанія съ болѣе обширнымъ, чѣмъ бояре и другіе думные люди, кругомъ лицъ, принадлежащихъ къ служилому сословію, — также содѣйствовали ограниченію политическихъ притязаній боярства: многіе вопросы перво-степенной важности стали разсматриваться на соборахъ, а не въ Думѣ. Остается, наконецъ, указать, что опричина содѣйствовала и перемѣнамъ въ техникѣ высшаго управленія: управля дѣлами земщины, бояре только по важнѣйшимъ дѣламъ дѣлали докладъ царю; такъ проводилась самой административной практикой демаркаціонная черта между личной дѣятельностью государя и дѣятельностью Боярской Думы.

Понятно такимъ образомъ, какимъ сокрушительнымъ ударомъ для боярской аристократіи была опричина. Боярство очень хорошо это сознавало. Спрашивается: почему же оно не реагировало на опричину самымъ рѣшительнымъ образомъ? Почему оно не возстало, не подняло открытаго возмущенія, а или терпѣло, или бѣжало за границу? Отвѣта на этотъ вопросъ, помимо могущества тѣхъ общественныхъ элементовъ, въ интересахъ которыхъ было утвержденіе самодержавія, надо искать въ извѣстныхъ уже намъ хозяйственныхъ условіяхъ московскаго центра. Къ концу шестидесятыхъ и особенно къ семидесятымъ годамъ XVI вѣка относится упадокъ хозяйства въ центральныхъ уѣздахъ, гдѣ расположены были въ большинствѣ своемъ княжескія вотчины, разореніе и запустѣніе ихъ. Это какъ разъ совпало съ господствомъ опричины, достигшимъ своего высшаго развитія именно въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Разоренные князья не имѣли такимъ образомъ матеріальной силы, на которую они могли бы опереться въ открытой борьбѣ съ царской властью.

Боярство получило при Грозномъ первый рѣшительный ударъ, было поколеблено имъ, но далеко еще не сломлено. Закрѣпить при-

обрѣтенія опричины и было цѣлью Годунова, который продолжалъ лишь въ смягченныхъ формахъ политику Грознаго при Федорѣ и въ свое собственное царствованіе. При Федорѣ онъ рѣшительно устраняетъ знать отъ всякаго политическаго вліянія: онъ постригаетъ въ монахи князя Мстиславскаго; въ 1587 году ссылаетъ князей Шуйскихъ со всѣми ихъ сторонниками и низлагаетъ митрополита Діонисія и крутицкаго архіепископа Варлаама. Въ свое собственное царствованіе Борисъ все время дѣйствуетъ противъ боярства и въ интересахъ средняго и мелкаго дворянства. Такое направленіе его правительственной дѣятельности засвидѣтельствовано цѣлымъ рядомъ данныхъ. О немъ говоритъ и Хронографъ 1616 г., и сказаніе Ивана Тимофеева, и Палицынъ, и Масса, и Флетчеръ, и польскіе послы 1608 года Олесницкій съ товарищами. О томъ же свидѣтельствуетъ возвышеніе назнатныхъ людей въ родѣ Клешина. Указы 1601 и 1602 годовъ, запрещающіе вывозъ крестьянъ крупнымъ землевладѣльцамъ и разрѣшающіе его землевладѣльцамъ мелкимъ, носятъ на себѣ сразу бросающуюся въ глаза классовую окраску. Въ Псковѣ, Смоленскѣ, на разныхъ должностяхъ въ Москвѣ царь Борисъ, по словамъ Тимофеева, назначалъ своихъ „родныхъ спомогателей“¹⁾. Такими средствами Борису удалось оттѣснить знать и въ частности Боярскую Думу отъ политическаго руководства, лишить значенія ея притязанія на участіе въ верховной власти. Рѣшительные успѣхи самодержавія были такимъ образомъ завѣщаны XVI вѣкомъ Смутному времени.

III.

Смутное время еще болѣе дифференцировало общество, опредѣлило и подчеркнуло классовыя противорѣчія и выяснило политическія идеалы борющихся сторонъ. Это, какъ извѣстно, ясно отразилось въ обширной литературѣ повѣстей и сказаній, появившихся въ то время. То были произведенія лишь отчасти историческія, въ гораздо же большей степени публицистическія, политическіе памфлеты. Такъ, въ одномъ изъ нихъ, такъ называемомъ „Иномъ сказаніи“, ярко выражены аристократическія тенденціи, авторъ высказывается противъ самодержавія, противъ Бориса и Лжедмитрія и всецѣло становится на сторону боярскаго царя Шуйскаго. Напротивъ, „Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ“ рѣзко высказывается противъ бояръ: называя ихъ правителями, авторъ прибавляетъ, что ихъ можно

1) Русская Историч. Библиотека, т. XIII, 340.

назвать и кривителями, а вмѣсто „земледержцевъ“ можно бы наименовать и „землесѣдцами“. Безусловнымъ сторонникомъ самодержавія является и дьякъ Иванъ Тимофеевъ въ своемъ „Временникѣ“. На своемъ витѣватомъ языкѣ онъ выражаетъ свои политическія воззрѣнія слѣдующимъ, напрямѣръ, образомъ. „Яко Бога вся купно тварь почитаетъ страхомъ и молчаніемъ, подобнѣ тому повинуюся служи“ и царю; „аще и человекъ царь по естеству, властію достоинства привлеченъ есть Богу, иже надо всѣми; не имать бо на земли высочайши себя“¹⁾.

Понятно, что уясненіе политическихъ тенденцій, прикрывавшихъ опредѣленные классовыя вождедѣнія, обострило борьбу, и прежде всего выдвинуло на первый планъ то же олигархически—настроенное боярство. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что первый Лжедмитрій былъ подготовленъ знатью, — Богданомъ Бѣльскимъ, Романовыми, Черкасскимъ, къ которымъ потомъ присоединились Шуйскій и Голицыны, возведшіе Лжедмитрія на престолъ при помощи безпринципнаго карьериста—высочки Басманова. Всѣ эти князья и бояре желѣли, разумѣется, мысль о своемъ участіи въ новой „избранной радѣ“, которая, по ихъ мысли, должна была руководить новымъ царемъ, всѣмъ обязаннымъ боярству. Но въ томъ-то и дѣло, что Лжедмитрій оказался обязаннымъ боярству далеко не всѣмъ. Онъ былъ возведенъ на престолъ не одними боярами, а еще и чернью, бѣглыми холопами и крестьянами, прикнувшими къ нему послѣ его вторженія въ предѣлы Московскаго государства, и вообще народной массой, недовольной государственными тягостями и все туже затягивавшимся узломъ крѣпостной неволи. Это и дало возможность Лжедмитрію занять положеніе, совершенно независимое отъ бояръ: онъ порицаетъ, прямо бранитъ бояръ, возстановляетъ старую опричную аристократію—Нагихъ, Романовыхъ, Щелкаловыхъ,—окружаетъ себя незнатными людьми въ родѣ Басманова Мосальскаго, Татеева, Власьева, Сутупова, Молчанова, Микулина. Словомъ, Лжедмитрій I оказался на престолѣ такимъ же самодержцемъ, какими были Иванъ Грозный и Борисъ Годуновъ.

Тогда боярство предприняло новую энергичную попытку уничтожить самодержавіе. Составленный заговоръ увѣнчался, какъ извѣстно, успѣхомъ,—убійствомъ Лжедмитрія и возведеніемъ на престолъ Василія Шуйскаго. Съ него взята была „запись“, содержав-

¹⁾ Русская Исторія. Библіотека, т. XIII, 397, 398.

шая слѣдующія постановленія: 1) „всякаго человѣка, не осуди истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати“, 2) вотчинъ у родственниковъ бояръ—государственныхъ преступниковъ, если эти родственники не принимали участія въ преступленіи, не отнимать; 3) это послѣднее относится и къ гостямъ и торговымъ людямъ; 4) не слушать „доводовъ“ (т.-е. доносовъ).

Въ нашей исторической литературѣ существуетъ мнѣніе, что изложенная запись нисколько ни ограничиваетъ царской власти и не представляетъ собою договора царя съ боярами, а является просто манифестомъ о возстановленіи порядка, существовавшего до опричнины. Въ доказательство этого мнѣнія приводится то соображеніе, что въ резюме грамоты, помѣщенной въ концѣ ея, нѣтъ словъ „съ бояры своими“. ¹⁾ Но, во-первыхъ, надо оцѣнивать грамоту по полному тексту, а не по резюме, а тамъ есть слова „съ бояры своими“; во-вторыхъ, ничего подобнаго тому, что установлено записью Шуйскаго, не было до опричнины: напр., Берсень былъ приговоренъ безъ рѣшенія боярской думы, Патрикѣевы тоже, Шуйскіе и Воронцовъ въ малолѣтство Грознаго—тоже; имѣнія отбирались у ни въ чемъ невиноватыхъ родственникововъ, «доводамъ» вѣрили; въ-третьихъ Шуйскій присягнулъ на своей записи, какъ конституціонный государь присягаетъ на вѣрность конституціи.

Итакъ царь Василій—не былъ самодержцемъ, хотя, конечно, нельзя сказать, чтобы онъ во всѣхъ дѣлахъ былъ юридически ограниченъ записью: въ ограничительной грамотѣ ничего не говорится о способѣ установленія налоговъ и о законодательствѣ.

Положенія Шуйскаго было очень затруднительно: прежде всего онъ долженъ былъ угождать знатнѣйшимъ боярамъ—бывшимъ удѣльнымъ князьямъ, которымъ онъ обязанъ былъ своимъ престоломъ; затѣмъ онъ не могъ слишкомъ раздражать и менѣе знатныхъ людей, а въ особенности опасно было вызывать недовольство въ средѣ рядовыхъ служилыхъ людей, купцовъ и чернаго городского и сельскаго населенія, потому что эти общественные слои и безъ того подозрительно и недовѣрчиво относились къ боярскому царю. Такъ какъ у всѣхъ перечисленныхъ классовъ русскаго общества того времени были различныя, часто даже прямо противоположныя интересы, то никакой компромиссъ не оказывался возможнымъ. Поэтому Шуйскій ничего реальнаго не предпринялъ и не могъ предпринять по отношенію къ

1) Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, стр. 303.

народной массѣ — городской и сельской — и къ рядовымъ служилымъ людямъ — столичнымъ и провинціальнымъ. Нельзя же считать реальнымъ дѣломъ разсылку увѣщательныхъ грамотъ съ обличеніемъ самозванства Лжедмитрія I или составленіе политическихъ памфлетовъ въ родѣ „повѣсти 1606 г.“, описанія перенесенія мощей Дмитрія или извѣта старца Варлаама о Гришкѣ Отрепьевѣ: было слишкомъ очевидно, что все это вдохновлялось правительствомъ и тенденціозно окрашивало политическія обстоятельства и событія въ тотъ цвѣтъ, какой угоденъ былъ господствующей партіи, а выгоды отъ этого для среднихъ и низшихъ слоевъ общества не получалось никакихъ. Уже это создавало ропотъ и недовольство, которые подкапывались подъ тронъ Шуйскаго и скоро повели къ бурѣ. Менѣе знатное боярство Шуйскій не только не привлекалъ къ себѣ, но, бросившись въ объятіе княжеской аристократіи, сталъ его преслѣдовать: Власьева, Бѣльскаго, Мосальскаго, Салтыкова онъ разослалъ по воеводствамъ; къ Романовымъ относился подозрительно, видя въ нихъ претендентовъ на престолъ, и лишилъ ихъ племянника, князя Черкаскаго, должности кравчаго.

Шуйскій былъ и остался царемъ, угоднымъ исключительно одному знатному титулованному боярству, которое и превратило Московскую Русь его времени въ олигархическое государство. Но всякая олигархія имѣетъ ту особенность, что ея участники — олигархи не могутъ ужиться другъ съ другомъ мирно, начинаютъ грызть одинъ другого, интриговать другъ противъ друга, ссориться, потому что обаяніе власти, столь близкой и доступной, заставляетъ ревниво относиться къ соперникамъ и соучастникамъ. Воротынскіе, Голицыны и Куракины своевольничаютъ и сталкиваются между собою, и дѣло кончается тѣмъ, что Воротынскіе и Голицыны принимаютъ, наконецъ, участіе въ низложеніи царя — само-собою разумѣется, въ личныхъ своихъ выгодахъ.

Такимъ образомъ, у Шуйскаго не было опоры въ сущности нигдѣ и ни въ чемъ. Въ такихъ-то обстоятельствахъ началось возстаніе народныхъ массъ, на знамени котораго было написано требованіе не столько самодержавія, сколько социальныхъ облегченій. Облегченія рисовались массамъ въ видѣ возвращенія къ старому приволью и простору, къ вольному захвату земли, къ социальному равенству. Къ возставшимъ присоединились средніе землевладѣльцы — провинціальныя дворяне, недовольные исключительно одной политической олигархіей, и мелкіе служилые люди, которые были и за самодержа-

этому, сознавая, что преимущества ихъ заключаются въ способностяхъ и знаніяхъ, незнатные дворяне выговорили себѣ право ѣздить за границу для полученія образованія. Характерна и защита интересовъ купечества—просьба о предоставленіи купцамъ права свободно ѣздить за границу для торговли: это показываетъ, что дворянство чувствовало въ торговомъ классѣ естественнаго своего союзника. Тотъ же классовый интересъ продиктовалъ и остальные условія—требованіе независимости Московскаго государства отъ Польши и Литвы, сохраненіе его административнаго и соціального строя и религіи, санкціонировавшей существующій порядокъ. Наконецъ, рядовое выслужившееся дворянство почувствовало потребность въ юридическихъ гарантіяхъ своего преобладанія: оно потребовало ограниченія власти Владислава не только Боярской думой, но и совѣтомъ „всѣя земли“; не надо представлять себѣ это требованіе строго-демократическимъ: извѣстно, что составъ земскихъ соборовъ XVI вѣка былъ почти исключительно дворянскимъ, служилымъ. Нѣкоторые изслѣдователи склонны думать, что «ограниченіе единоличной власти Владислава... вытекало въ договорѣ не изъ какой-либо политической теоріи, а изъ обстоятельствъ минуты, приводившихъ на московскій престолъ иноземнаго и иновѣрнаго государя» ¹⁾. Дѣло, конечно, не въ политической теоріи, а въ классовыхъ интересахъ незнатнаго дворянства, въ наличности которыхъ сомнѣваться совершенно не приходится.

Договоръ Салтыкова съ Сигизмундомъ былъ заключенъ 4 февраля 1610 года. Но онъ не вошелъ въ силу: дворянская и посадская масса не сомкнулась около него, потому что не успѣла еще политически организовать себя, а боярская знать его перехватила и исказила, замѣнивъ договоромъ 17 августа, чисто-боярскимъ по тенденціямъ, ограничивавшимъ Владислава только Боярской думой. Такъ произведена была новая попытка утвердить боярскую олигархію. Понятно, что ею были недовольны Салтыковъ съ компаніей, и этимъ объясняется поддерживаемая ими кандидатура самого Сигизмунда. Бояре попрежнему остались одиночными и не могли утвердить свое господство.

Смута, поддерживаемая боярской знатью, казаками, крестьянами и холопами, карьеристами въ родѣ Салтыкова и Андропова, достигла высшей точки своего развитія. Больше всего она отражалась на интересахъ среднихъ слоевъ русскаго общества—средняго и мелкаго

¹⁾ Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, стр. 425.

дворянства посадскихъ людей, зажиточной части крестьянства, и примыкавшаго къ нимъ духовенства. Денежное хозяйство крѣпостной общественной строй, уничтоженіе боярскаго олигархіи—вотъ въ чемъ заключались классовые интересы названныхъ общественныхъ группъ. Возстановленіе порядка для нихъ было насущной потребностью. За порядокъ высказались какъ разъ города сѣверные и сѣверовосточные, а также города, расположенные по сѣверной, восточной и южной окраинамъ центра, не подвергшимся экономическому кризису XVI вѣка¹⁾; таковы Рязань, Нижній-Новгородъ, Ярославль, Галичъ, Кострома, Вологда и т. д. Въ результатъ и получились двѣ попытки возстановить порядокъ, одна неудачная—попытка Ляпунова, другая успѣшная—попытка Минина и Пожарскаго. Духовенство, сначала въ лицѣ патриарха Гермогена, потомъ главнымъ образомъ черезъ Троицкую Лавру, оказывало дѣятельную духовную поддержку ополченію среднихъ слоевъ населенія.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ фактъ, что хотя побѣдителями оказались средніе слои русскаго общества, но избраніе перваго царя новой династіи было результатомъ компромисса, соглашенія противоположныхъ партій. Не забудемъ прежде всего тѣхъ горячихъ и продолжительныхъ споровъ, которые предшествовали на земскомъ соборѣ избранію царя Михаила. Не забудемъ и того, что самъ Пожарскій былъ сторонникомъ кандидатуры князя Голицына. За компромиссъ говоритъ и наличность записи, взятой съ Михаила. Въ исторической литературѣ сдѣлана попытка истолковать и эту записку въ томъ смыслѣ, что она не ограничивала власти царя²⁾. Но не подлежитъ сомнѣнію несостоятельность такого толкованія въ виду категорическаго свидѣтельства Котошихина, что царь Михаилъ „хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего“³⁾. Можно догадываться, что салтыговскій договоръ явился важнымъ прецедентомъ записи Михаила: не даромъ такъ часто созывались въ его царствованіе земскіе соборы.

V.

Намъ остается разсмотрѣть послѣдній моментъ въ политической исторіи происхожденія самодержавія въ Россіи—царствованіе Михаила и начало царствованія Алексѣя.

¹⁾ См. ваше Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 60--63.

²⁾ Маркевичъ, въ статьѣ, помѣщенной въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1889 г.

³⁾ Котошихинъ, стр. 104.

Царь Михаилъ не былъ самодержавнымъ государемъ. Тѣмъ не менѣе, его царствованіе имѣетъ весьма важное значеніе для политической исторіи самодержавія въ Россіи. Мы видѣли отчасти, въ чемъ состоятъ это значеніе. Если уже предшествующее время выдвинуло важныя перемены въ народномъ хозяйствѣ, социальныхъ отношеніяхъ и отчасти въ административномъ строѣ, то въ царствованіе Михаила, особенно къ сороковымъ годамъ XVII вѣка, слагается въ болѣе систематическомъ видѣ административная техника, поскольку она имѣетъ отношеніе къ непосредственному участию верховной власти въ дѣлахъ управленія. Къ этому надо добавить, что и техника правительственной дѣятельности высшихъ учреждений—земскаго собора и Боярской думы—сложилась болѣе или менѣе правильно и систематично именно въ царствованіе перваго царя новой династіи. Нижеслѣдующія наблюденія убѣждаютъ въ этомъ.

Что земскіе соборы XVII вѣка превратились въ организованныя учрежденія, — это хорошо выяснено въ специальной литературѣ. Установлено, что земскіе соборы сдѣлались представительствомъ тѣхъ именно среднихъ слоевъ русскаго общества, которые все болѣе и болѣе выдвигались на первый планъ реальными условіями русской хозяйственной и социальной жизни того времени. Представительство это не походило уже на то, которое наблюдалось на земскихъ соборахъ XVI вѣка, а было организованнымъ: производились правильные выборы ¹⁾. Въ послѣдніе время удалось найти документъ, ставящій внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что при выборахъ на земскій соборъ 1648—49 годовъ избиратели снабжали своихъ выборныхъ опредѣленными инструкціями или наказами ²⁾. Безъ сомнѣнія, это не было новостью, не являлось специфическимъ признакомъ собора 1648—49 гг., а было традиціей, унаслѣдованной отъ прошлаго, обычаемъ, утвердившимся еще въ царствованіе Михаила.

Хорошо извѣстно, какая серьезная и многосторонняя созидательная, творческая работа исполнена была земскими соборами XVII вѣка ³⁾. Вѣнцомъ этой работы явился и новый кодексъ — Уложеніе 1649 года. Нельзя не признать, что дѣятельность земскихъ соборовъ сильно облегчила положеніе верховной власти и въ то же время

1) Латкинъ, Земскіе соборы древней Руси, стр. 266 и сл.

2) См. сообщеніе г. Алексеева въ «Трудахъ Археологической Комиссіи Моск. Археологич. Общества», т. II, вып. второй.

3) Латкинъ, Земскіе соборы древней Руси, стр. 282 и сл.

удовлетворила не требовавшимъ отлагательства потребностямъ правящихъ классовъ русскаго общества. Дворянство въ главной своей массѣ было удовлетворено и перестало ощущать нужду въ непосредственномъ воздѣйствіи на государственную власть черезъ выборныхъ: оно и такъ оставалось правящимъ классомъ. Съ другой стороны, такъ какъ главные вопросы государственной жизни были разрѣшены земскими соборами въ духѣ господствующихъ въ обществѣ интересовъ, то верховной власти было легко справиться съ текущей законодательной работой, не прибѣгая къ такому чрезвычайному средству, какъ земскіе соборы. Таковъ былъ смыслъ того содѣйствія образованію самодержавной власти русскихъ государей, которое, быть-можетъ и не сознательно, оказывали земскіе соборы. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно перечислить тѣ вопросы, которыхъ касалась дѣятельность соборовъ XVII вѣка. Сюда относились, если не считать выборовъ царей, регулированіе землевладѣльческаго права, дѣла внѣшней политики, кодификація права, распоряженіе о производствѣ переписей, финансовыя дѣла (установленіе налоговъ), торговые договоры, установленіе внутреннего порядка въ государствѣ ¹⁾.

Параллельно тому, какъ организовались и развивали свою дѣятельность земскіе соборы, происходили измѣненія въ технику правительственной работы, совершавшейся въ Боярской думѣ. Основная черта этихъ измѣненій состояла въ томъ, что сложился обычный кругъ дѣлъ, которыя всегда рѣшались съ участіемъ Думы. Само-собой разумѣется, это не исключало возможности обращенія царя къ Думѣ по другимъ вопросамъ, какъ и разсмотрѣнія и рѣшенія въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ дѣлъ, обычно рѣшавшихся Боярской думой, безъ ея участія, но все это были уже исключенія, нисколько не опровергающія общаго правила, основной тенденціи, установившейся въ правительственной практикѣ ²⁾.

Въ теченіе всей первой половины XVII вѣка ни одинъ законъ, касающійся холопства, не былъ изданъ безъ участія Боярской думы. Вотъ рядъ фактовъ, подтверждающихъ это положеніе: 16 августа 1603 г. государь указалъ и бояре приговорили: тѣхъ холоповъ, которыхъ въ голодные годы ихъ господа не кормятъ, а отсылаютъ отъ себя, освобождать на волю ³⁾; 7 января 1606 г. состоялся

1) Латкинъ, Земскіе соборы, стр. 282 и сл.

2) Ср. Ключевскій, Боярская дума, изд. 2-е, стр. 441 и слѣд.

3) Акты Историч., т. II, № 44.

боярскій приговоръ о томъ, чтобы отецъ и сынъ, поступающіе въ кабальное холопство, давали каждый на себя особую кабалу, а не писались въ одной общей ¹⁾; въ 1607—1609 годахъ состоялся рядъ приговоровъ Боярской думы по дѣламъ о холопствѣ ²⁾ и т. д.

Точно такъ же при изданіи новыхъ законовъ, касавшихся землевладѣнія, помѣстнаго и вотчиннаго права, цари Михаилъ и Алексѣй всегда совѣщались съ Боярской думой. Объ этомъ на каждомъ шагѣ свидѣтельствуетъ прежде всего Указная книга Помѣстнаго приказа: напр., въ 1622 г. „государь.... совѣтовавъ со отцемъ своимъ... и говорилъ о томъ съ бояры ³⁾“; 20 февраля 1621 года государь и отецъ его указали и бояре приговорили объ отпискѣ вотчинъ на государя у тѣхъ, кто не значится въ осадномъ спискѣ о царя Васильевомъ осадномъ сидѣннѣ ⁴⁾; въ 1636 г. государя „докладывалъ думный дьякъ Михаилъ Даниловъ о помѣстныхъ и о вотчинныхъ статьяхъ. И государь... указалъ тѣхъ статей слушать бояромъ; а что о тѣхъ статьяхъ бояре приговорятъ, и о томъ государь велѣлъ доложить себя государя ⁵⁾“ и т. д. То же подтверждается и новоуказными статьями: рядъ боярскихъ приговоровъ о помѣстномъ владѣніи землей состоялся въ 1649 г. ⁶⁾; въ 1650 г. бояре приговорили объ отмежеваніи пустошей, неправильно примежеванныхъ къ помѣстьямъ ⁷⁾, и о цѣломъ рядѣ другихъ законодательныхъ вопросовъ, касавшихся помѣстій и вотчинъ ⁸⁾; то же наблюдается въ 1651 ⁹⁾ и 1652 ¹⁰⁾ годахъ.

Установленіе этихъ прочныхъ нормъ законосовѣщательной компетенціи Боярской думы также содѣйствовало тому, что къ половинѣ XVII вѣка московскій государь почувствовалъ себя въ силахъ стать дѣйствительно самодержавнымъ, усвоивъ себѣ по преимуществу направляющую и принципиально—опредѣляющую дѣятельность.

Царь Алексѣй занялъ престолъ, не будучи ограниченъ въ своей

---

1) Тамъ же, № 63.

2) Тамъ же, № 85.

3) Сторожевъ, Указная книга Помѣстнаго приказа, стр. 33.

4) Тамъ же, стр. 38.

5) Тамъ же, стр. 115.

6) Полное Собрание Законовъ, №№ 14, 15, 16, 17, 20.

7) Тамъ же, № 25.

8) Тамъ же, №№ 27, 30, 31, 32, 33, 42, 45, 46, 53, 54.

9) Тамъ же, №№ 59, 73.

10) Тамъ же, № 89.

власти никакой записью. Тѣмъ не менѣе, въ первые годы своего царствованія онъ продолжалъ созывать земскіе соборы. Это продолжалось, однако же, недолго: земскій соборъ 1653 года былъ послѣднимъ полнымъ, правильно составленнымъ земскимъ соборомъ въ Московскомъ государствѣ.

Послѣ этого правительство усвоило обычай совѣщаться съ экспертами изъ лицъ, принадлежащихъ къ тому или другому сословію, котораго касался ближайшимъ образомъ обсуждаемый вопросъ. Повидимому, служилое сословіе—эта главная опора установившагося послѣ Смуты государственнаго порядка—было довольно этимъ и не претендовало на новый созывъ земскаго собора. Нѣкоторыя тенденции въ сторону продолженія соборной практики замѣтны были только въ средѣ посадскихъ людей. Въ 1662 году посадскіе люди города Москвы—всѣ отъ высшихъ до низшихъ разрядовъ,—гости, люди гостиной и суконной сотенъ, а также и люди черныхъ сотенъ и слободъ, по случаю денежныхъ затрудненій, переживавшихся страной въ 50-хъ и 60-хъ годахъ и вызванныхъ попыткой введенія мѣдныхъ денегъ, заявили верховной власти о томъ, что они признаютъ полезнымъ созвать земскій соборъ. Это заявленіе оказалось, однако, бесплоднымъ ¹⁾. Московское правительство окончательно вступило на путь абсолютизма. Процессъ происхожденія самодержавія въ Россіи закончился.

Изслѣдованіе политической стороны процесса происхожденія самодержавія въ Россіи приводитъ такимъ образомъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) въ первый моментъ—съ конца XV до половины XVI вѣка—опредѣлились и уяснили свои задачи главныя общественныя силы, вступившія между собою въ политическую борьбу,—боярство и дворянство,—и временно одержало верхъ боярство, ограничившее власть государя; 2) второй моментъ—съ половины XVI до начала XVII в.—характеризуется открытымъ столкновеніемъ враждебныхъ силъ, выразившимся въ опричинѣ, въ казняхъ и конфискаціяхъ Грознаго и въ ссылкахъ Годунова; дворянская самодержавная манархія одержала первую рѣшительную побѣду, которая была подготовлена тѣмъ, что были заложены основы денежнаго хозяйства, крѣпостныхъ социальныхъ отношеній, новой административной системы; рѣшительное сопротивление самодержавію со стороны боярскаго аристократіи было парализовано достигшимъ центръ страны въ концѣ XVI вѣка эконо-

---

¹⁾ Платоновъ, Статья по русской исторіи, Спб. 1903, стр. 160—161.

мическимъ кризисомъ, генетически связаннымъ съ зарождеиіемъ денежнаго хозяйства; 3) въ третій моментъ борьбы—въ Смутное время со вступленія на престолъ Іжедмитрія до выбора перваго царя новой династіи—наблюдается ограниченіе царской власти, сопровождавшееся сначала временнымъ торжествомъ боярской олигархіи при Шуйскомъ. потомъ торжествомъ среднихъ классовъ русскаго общества, вынужденныхъ однако вступить въ компромиссъ по поводу избранія Романа на ограничивающихъ его власть условіяхъ; 4) въ четвертый моментъ—при Михаилѣ и въ началахъ царствованія Алексѣя—эти средніе классы, заинтересованные въ установленіи порядка, — преимущественно дворянство—организовали высшее управленіе, подняли на высшую ступень административную технику вообще и развили широкую творческую законодательную дѣятельность въ земскихъ соборахъ, что, на ряду съ экономическими и социальными предпосылками, создало окончательное торжество самодержавія въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Общiе выводы.

Намъ остается свести воедино результаты предпринятаго изслѣдованія. Предшествующее изложеніе обосновываетъ такіе тезисы:

1. До XVI вѣка въ Россіи не существовало самодержавія: въ древнѣйшей Россіи—до конца XII вѣка—государство было неорганизованнымъ двоевластіемъ вѣча и князя; въ вольныхъ городахъ XIII—XV вѣковъ оно являлось аристократической муниципальной республикой; государственный союзъ сѣверо-восточной удѣльной Руси представлялъ собою типическое вотчинное государство, въ которомъ государственныя функціи разсматривались какъ простые хозяйственные атрибуты земельного владѣнія; Литовско-русское государство было реальной уніей отдѣльныхъ земель, развивавшейся въ унитарное государство съ ограниченіемъ власти государя дворянскими представительными учрежденіями.

2. Такіе политическіе порядки находились въ тѣсной связи съ хозяйственнымъ бытомъ, социальными условіями и административной техникой: въ древнѣйшей Россіи хозяйство, общество и техника управленія отличались полной аморфностью; въ вольныхъ городахъ

преобладаніе внѣшней торговли въ высшихъ слояхъ общества и связанный съ этимъ переходъ земли въ руки бояръ создали перевѣсъ аристократіи и элементы технической организаціи высшаго управленія; въ сѣверо-восточной Руси XIII—XV вѣковъ господствовало земледѣліе при сохраненіи натурального хозяйства, утвердилось служилое землевладѣніе—вотчинное и помѣстное,—возникли въ зародышѣ классы и сословія, и начало, хотя и весьма слабо, технически преобразовываться высшее управленіе; западная Русь характеризовалась преобладаніемъ земледѣлія при весьма быстромъ движеніи къ денежному хозяйству, господствомъ дворянскаго землевладѣнія, ростомъ классового и сословнаго значенія дворянства и постепенной смѣной единоличной дѣятельности князя-вотчинника его совмѣстной работой съ коллегіальными дворянскими учрежденіями—радой и сеймомъ.

3. Въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII вѣка начало утверждаться денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ, причѣмъ подъ вліяніемъ этой перемѣны наблюдается рѣзко выраженный экономическій кризисъ въ главныхъ областяхъ государства.

4. Для того, чтобы преодолѣть этотъ кризисъ и успѣшно справиться съ переходомъ отъ натурального хозяйства къ денежному, рассчитанному на обширный сбытъ, русское общество XVI—XVII вѣковъ сомкнулось въ крѣпостныя сословія, въ средѣ которыхъ перевѣсъ принадлежалъ дворянству.

5. Соотвѣтственно хозяйственнымъ и социальнымъ условіямъ въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка организованы были органы подчиненнаго управленія—мѣстнаго и центрального: въ мѣстномъ управленіи система кормленій была сначала ограничена частичной примѣсью выборныхъ учреждений со спеціальнымъ назначеніемъ и примѣненіемъ по частямъ хозяйственнаго управленія городскихъ приказчиковъ, а затѣмъ замѣнена опытомъ земскаго самоуправленія, примѣнявшимся однако далеко не повсемѣстно, и, наконецъ, централизованной бюрократіей въ лицѣ воеводъ, сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ всѣ отрасли областного управленія; въ центральномъ управленіи развились приказы, причѣмъ въ соотвѣтствіи съ хозяйственными и социальными потребностями раньше и полнѣе всего организовались управленіе дворцовымъ хозяйствомъ и завѣдываніе службой, землевладѣніемъ и внѣшней политикой, почти одновременно, но отчасти уже позднѣе двинулось впередъ центральное финансовое управленіе; затѣмъ слѣдовала организація центральныхъ судебныхъ учреждений и военныхъ

приказовъ; еще позднѣе и меньше рѣзвивались приказы, вѣдавшіе общественное благоустройство и благосостояніе, и, наконецъ, совершенно отсталой по времени и по степени развитія является контролирующая администрацію дѣятельность высшей власти.

6. Къ половинѣ XVII вѣка техника высшего управленія постепенно преобразовалась въ смыслѣ усиленія самостоятельности бюрократіи и избавленія верховной власти отъ множества мелкихъ дѣлъ, прежде до нея восходившихъ. Въ разрядныхъ дѣлахъ органы подчиненнаго управленія стали самостоятельно вѣдать запись въ службу главной массы служилыхъ людей, служебные отпуска низшихъ чиновъ въ невоенное время, переводы изъ гарнизонной службы въ полевую, назначеніе на всѣ мелкія должности въ войскѣ, центральномъ и областномъ управленіи, верстанье окладами, назначеніе специальныхъ вознагражденій, придачи къ окладамъ низшихъ чиновниковъ, справку придачъ для всѣхъ служилыхъ людей, выдачу инструкцій областнымъ правителямъ, сборъ свѣдѣній о состояніи военныхъ силъ государства и, наконецъ, устройство мелкихъ укрѣпленій. Въ отношеніи къ землевладѣнію органы подчиненнаго управленія успѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ самостоятельное завѣдываніе хозяйствомъ на дворцовыхъ земляхъ, поскольку оно шло нормальнымъ, обычнымъ порядкомъ, сдачу на оброкъ разныхъ доходныхъ статей на черныхъ земляхъ, передачу свободныхъ дворовъ на посадахъ, нотаріальное укрѣпленіе владѣльческихъ правъ на землю, исполнительную дѣятельность по производству статистическихъ описаній и межеваній земли и разборъ поземельныхъ тяжбъ обычного характера. Въ финансовомъ отношеніи подчиненныя учрежденія приобрѣли право отдачи казенныхъ сборовъ на откупъ и сдачи ихъ на вѣру въ тѣхъ случаяхъ, когда откупная или „вѣрная“ система существовала уже въ данной мѣстности и не требовалось перехода отъ одной изъ нихъ къ другой; тѣ же учрежденія отсрочивали на непродолжительное время платежи податей, получали всѣ доходы государства, выдавали обычное жалованье служилымъ людямъ высшихъ разрядовъ и важнѣйшимъ должностнымъ лицамъ по центральному и областному управленію, а также дворцовымъ слугамъ, наконецъ, производили и другіе расходы, если они были невелики по размѣрамъ. Самостоятельными судебныя функціи подчиненныхъ учреждений выражались въ половинѣ XVII вѣка въ производствѣ слѣдствія по государственнымъ преступленіямъ, въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ о преступленіяхъ противъ власти и противъ порядка управленія (за исключеніемъ осо-

бенно важныхъ), исквъ о крестьянахъ и холопахъ, дѣлъ о закабаленіи и закрѣпощеніи свободныхъ людей, о выходѣ служилыхъ и посадскихъ людей изъ ихъ состояній, наконецъ, обыкновенныхъ заурядныхъ дѣлъ объ убійствѣ, о преступленіяхъ противъ здоровья, чести и противъ правъ имущественныхъ и всякаго рода гражданскихъ тяжбъ. Самостоятельныя полицейскія функціи подчиненныхъ учреждений къ тому же времени слагаются изъ элементарной охраны общественной безопасности, снабженія паспортами купцовъ, завѣдыванія пожарной частью, исполнительной дѣятельности по ямской гоньбѣ и менѣ важныхъ дѣлъ по торговой полици. Въ дипломатической части также развивается самостоятельность подчиненныхъ органовъ, выражающаяся въ веденіи переговоровъ безъ непосредственнаго по каждой подробности сношенія съ верховной властью и въ выработкѣ принципиальныхъ основъ для внѣшней политики. Хотя контроль и надзоръ за администраціей былъ неорганизованъ, случаенъ, но многія дѣла по должностнымъ преступленіямъ перешли уже изъ рукъ верховной власти въ самостоятельное вѣдѣніе подчиненныхъ учреждений: сюда относились дѣла о притѣсненіяхъ подъячихъ воеводами, о превышеніи воеводами своей власти, о неисполненіи воеводами законныхъ требованій равныхъ имъ и низшихъ властей, о злоупотребленіяхъ и должностныхъ преступленіяхъ стрѣльцкихъ, станичныхъ и осадныхъ головъ, о менѣ важныхъ преступленіяхъ по должности, совершавшихся подъячими съѣзжихъ избъ, о должностныхъ преступленіяхъ низшихъ органовъ администраціи, наконецъ такъ же дѣла о менѣ важныхъ служебныхъ проступкахъ служилыхъ людей, составлявшихъ массу московскаго войска.

7. Техника церковнаго управленія и суда постепенно въ половинѣ XVII вѣка достигла того же состоянія, какъ и техника управленія свѣтскаго; въ то же время послѣ нѣкоторой борьбы церковная власть окончательно подчинилась верховной власти московскихъ царей.

8. Самодержавіе въ Россіи окончательно сложилось къ пятидесятымъ годамъ XVII вѣка, причемъ въ его политической исторіи надо различать четыре момента. Въ первый моментъ—съ конца XV до половины XVI вѣка—опредѣлились и уяснили свои задачи главныя общественныя силы, вступившія между собою въ политическую борьбу,—боярство и дворянство,—и временно одержало верхъ боярство, ограничившее власть государя. Второй моментъ—съ половины XVI до начала XVII в.—характеризуется открытымъ столкновеніемъ враж-

дебныхъ силъ, выразившимся въ опричиннѣ, въ казняхъ и конфискаціяхъ Грознаго и въ ссылкахъ Годунова; дворянская самодержавная монархія одержала первую рѣшительную побѣду, которая была подготовлена тѣмъ, что были заложены основы денежнаго хозяйства, крѣпостныхъ социальныхъ отношеній, новой административной системы; рѣшительное сопротивленіе самодержавію со стороны боярской аристократіи было парализовано постигшимъ центръ страны въ концѣ XVI вѣка экономическимъ кризисомъ, генетически связаннымъ съ зарожденіемъ денежнаго хозяйства. Въ третій моментъ борьбы—со вступленія на престолъ Іжедмитрія до выбора перваго царя новой династіи—наблюдается ограниченіе царской власти, сопровождавшееся сначала временнымъ торжествомъ боярской олигархіи при Шуйскомъ, потомъ торжествомъ среднихъ классовъ русскаго общества, вынужденныхъ однако вступить въ компромиссъ по поводу избранія Романа на ограничивающихъ его власть условіяхъ. Въ четвертый моментъ—при Михаилѣ и въ началѣ царствованія Алексѣя—эти средніе классы, заинтересованные въ установленіи порядка,—преимущественно дворянство,—организовали высшее управленіе, подняли на высшую ступень административную технику вообще и развили широкую творческую законодательную дѣятельность въ земскихъ соборахъ, что, на ряду съ экономическими и социальными предпосылками, создало окончательное торжество самодержавія.

Если бы, наконецъ, потребовалась единая краткая формула, выражающая процессъ происхожденія самодержавія въ Россіи, эта формула могла бы принять слѣдующій видъ: зарожденіе денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ во второй половинѣ XVI вѣка и сопровождавшій его экономическій кризисъ, выразившійся особенно въ центрѣ страны, вызвали крѣпостной социальный строй, перевѣсъ среднихъ классовъ общества, особенно дворянства, и ослабленіе боярства, извѣстную степень развитія административной техники, избавившую верховную власть отъ вмѣшательства во всѣ мелочи текущей работы по управленію, и въ результатъ всего этого сложилась самодержавная власть московскихъ царей. Основной причиной установленія самодержавія является, такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ зарожденіе и первоначальное развитіе денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ. Надо замѣтить, что такая экономическая перемѣна во всѣхъ странахъ приводила въ усиленію монархической власти: достаточно припомнить хотя бы французскую и англійскую монархію XVI и XVII вѣковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Если въ

Россіи самодержавіе съ самаго своего утвержденія оказалось сильнѣе, чѣмъ на западѣ Европы, то основной причины этого опять-таки надо искать въ сферѣ хозяйственныхъ явленій: въ этомъ повиненъ катастрофическій характеръ русскаго экономическаго развитія второй половины XVI и начала XVII вѣка—переходъ отъ натурального хозяйства почти непосредственно къ денежному съ обширнымъ рынкомъ.

Мы изслѣдовали процессъ происхожденія самодержавія въ Россіи. Но самодержавіе не было само себѣ равно во все время своего существованія, не было одинаковымъ, неизмѣннымъ явленіемъ. Напротивъ, оно переживало измѣненія, оно развивалось. Изучить этотъ процессъ развитія самодержавія, а также и процессъ его паденія—задачи чрезвычайной научной важности и большого интереса. Но онѣ должны составлять уже предметъ другихъ изслѣдованій.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I.

Нѣсколько методологическихъ замѣчаній.

Наименѣе изслѣдованнымъ, можно сказать даже почти совершенно незатронутымъ, являлся въ изучаемой темѣ вопросъ объ административной Technikѣ, въ частности о демаркаціонной чертѣ, отдѣлявшей въ первой половинѣ XVII вѣка дѣятельность верховной власти и высшихъ учрежденій отъ дѣятельности учрежденій подчиненныхъ. Разъясненію этого частнаго, но важнаго вопроса и посвящены главы IV, V, VI, VII, VIII и IX нашей работы. Онѣ основаны на изученіи весьма значительнаго матеріала, и если бы разбирать детально каждое изъ относящихся сюда наблюденій надъ источниками, размеры книги разрослись бы по крайней мѣрѣ вдвое, и она сдѣлалась бы совершенно неудобочитаемой. Поэтому мы предпочли сжать изложеніе, приводя въ болѣе или менѣе подробной передачѣ лишь нѣкоторые типическіе факты и ограничиваясь по отношенію къ явленіямъ, имъ подобнымъ, ссылками на источники. По этой же причинѣ въ текстѣ не могли найти себѣ мѣста методологическія замѣчанія, обосновывающія то пониманіе нѣкоторыхъ выраженій источниковъ, какого держался авторъ. Отсюда является необходимость въ допол-

нительныхъ разъясненіяхъ именно этой методологической стороны дѣла. Такія методологическія разъясненія и отнесены въ настоящее приложение.

Въ источникахъ мы встрѣчаемъ прежде всего рядъ положеній, не вызывающихъ никакихъ сомнѣній: прямо и опредѣленно указывается, что по тому или другому поводу «государь указалъ», или «государь указалъ и бояре приговорили», или данное рѣшеніе принято такими-то судьями приказовъ или воеводами. Несомнѣнность такихъ указаний совершенно ясна и не требуетъ никакихъ комментарій къ приведеннымъ выраженіямъ.

Есть, однако, выраженія иного рода, — иногда читаемъ: «послать грамоту велѣть сдѣлать то-то». Какъ понимать эти выраженія? Кто тутъ принимаетъ рѣшенія? Тщательное изученіе источниковъ показываетъ прежде всего, что подобныя помѣты не могутъ указывать на рѣшеніе верховныхъ учреждений и самаго царя: послѣднія сопровождаются всегда формулой «государь указалъ» или «бояре приговорили». Нельзя отнести разбираемыя выраженія и къ дѣятельности воеводъ: это опровергается не только тѣмъ, что помѣты сохранились въ дѣлопроизводствѣ приказовъ, но и прилагаемыми обыкновенно при томъ грамотами, въ которыхъ излагается распоряженіе, при чемъ оно адресуется изъ Москвы областнымъ властямъ. Итакъ, выводъ возможенъ одинъ: это—рѣшеніе приказовъ безъ участія верховной власти и высшихъ учреждений. Такъ это и принималось въ текстѣ изслѣдованія.

Есть и еще другія, на первый взглядъ еще менѣ ясныя выраженія. Такъ, часто встрѣчается въ разнымъ документахъ помѣта «выписать». Когда говорится «выписать въ докладъ», тогда, конечно, рѣчь идетъ о докладѣ царю. Но просто «выписать» — не значило представить для доклада верховной власти или высшему учрежденію. Это означало просто выписку, дѣлавшуюся въ приказѣ по дѣлу для рѣшенія его судьей приказа. Примеровъ въ этомъ отношеніи у насъ много (напр., Арх. Мин. Юст., книги записныя вотчинныя Помѣст. приказа, кн. $\frac{5984}{16}$, дѣла №№ 3, 5, 45, кн. $\frac{19}{5987}$, дѣло № 44 и др.). Вотъ характерный случай: 9 декабря 1639 г. Григорій Борняковъ и Алексѣй Берестовъ подали въ Помѣстный приказъ челобитныя о записи за однимъ изъ нихъ вотчины другого; на челобитныхъ сдѣлана была помѣта «выписать», но доклада царю и Болгарской думѣ не было: выписка была подана думному дьяку, и дѣло рѣшено приказомъ самостоятельно (Арх. Мин. Юст., книги запис. вотч. Пом.

прик., книга $\frac{5984}{16}$, дѣло № 2).

Совершенно аналогичный выводъ получается при анализѣ выраженія «по государеву указу». Не подлежитъ сомнѣнію, что когда-то всѣ дѣла рѣшались при непосредственномъ участіи государя, великаго или удѣльнаго князя. Обломкомъ этихъ временъ и является это выраженіе. Но именно только обломкомъ, а не указаніемъ на дѣйствительное рѣшеніе дѣла царемъ. Это выраженіе приобрѣло значеніе формулы, символизирующей идею верховной власти государя, подобно тому, какъ теперь судебные приговоры постановляются «по указу его императорскаго величества», хотя императоръ самъ не судить. Сдѣланный сейчасъ выводъ доказывается опять-таки рядомъ наблюдений надъ источниками, изъ которыхъ приведемъ для образца одно: въ сороковыхъ годахъ XVII в. въ книгахъ записныхъ вотчинныхъ Помѣстнаго приказа много дѣлъ рѣшено было приказомъ независимо отъ верховной власти, но въ помѣтахъ значилось: «по государеву указу» (см., напр., книгу $\frac{5988}{20}$). Когда участіе государя имѣло мѣсто по докладу приказа, тогда дѣлалась докладная выписка; а когда царь вмѣшивался въ дѣло на основаніи поданной ему челобитной одной изъ сторонъ, то помѣчалась не просто «по государеву указу», а «по государеву указу и по подписной челобитной» (см., напр., ту же книгу зап. вотч. $\frac{5988}{20}$).

Весьма часто на той или другой воеводской отпискѣ дѣлалась въ приказѣ помѣта «къ отпуску». Что это значитъ? Отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ дается слѣдующимъ фактомъ. Въ 1638 г. романовскій татаринъ Булатовъ билъ челомъ на церковныхъ дьячковъ Зубарева, Зарина и Трофимова, что они прикладываютъ руки какъ послухи къ ложнымъ кабаламъ на крестьянъ Булатова и тѣмъ причиняютъ имъ убытки; отвѣтчикамъ было велѣно стать на срокъ въ Москвѣ къ отвѣту, но они въ срокъ не стали; Булатовъ просивъ дать ему другую грамоту къ воеводѣ на Романовъ по тѣхъ дьячковъ, чтобы явились на срокъ въ Москву. На оборотѣ челобитной значится помѣта: «147 года сентября в 29 д. справяся с прежнимъ отпускомъ, дат другая государева грамота». (Моск. Глав. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, св. 104, № 12). Изъ этого ясно, что «отпускъ»—это рѣшеніе по дѣлу, вызывающее немедленное исполненіе особой грамотой, т.-е. исполненіе по дѣлу неспорному. Ясно.

что всѣ помѣты «къ отпуску» относятся къ дѣламъ, рѣшаемымъ приказами самостоятельно, безъ участія верховной власти и высшихъ учреждений.

Остается, наконецъ, еще разъяснить смыслъ и значеніе слова «чтепа», безъ прибавки «государю», также нерѣдко встрѣчающагося въ источникахъ. Смыслъ и значеніе этого слова удовлетворительно разъясняется слѣдующимъ сопоставленіемъ. Въ 1635 г. прислана была отписка въ Москву о военныхъ вѣстяхъ, и оказалось, что эта отписка была «передъ государемъ чтена і то вѣдомо» (Моск. Арх. Мин. Юст., столбцы Новгородскаго стола Разряда, № 68, л. 236 об.). Оказывается, что въ совершенно аналогичныхъ случаяхъ, разрѣшавшихся, очевидно, тѣмъ же порядкомъ, помѣчалось просто «чтена» (см., напр., тамъ же, л. 253 и об.). Очевидно, слово «чтена» и безъ прибавленія «государю» обозначало сообщеніе дѣла верховной власти для свѣдѣнія или рѣшенія.

Таковы важнѣйшія методологическія основанія для пониманія источниковъ, служившихъ для разбора и рѣшенія въ нашемъ изслѣдованіи вопросовъ административной техники.

II.

О значеніи внѣшней политики и войнъ для утвержденія самодержавія въ Россіи.

Въ нашей исторической литературѣ до сихъ поръ большимъ кредитомъ и широкимъ распространеніемъ пользуется мнѣніе о перво-степенномъ значеніи внѣшней политики и войнъ для утвержденія самодержавія въ Россіи. Все предшествующее изложеніе, кажется, показываетъ, что въ процессѣ происхожденія самодержавной власти русскихъ государей первенство принадлежитъ внутреннимъ, главнымъ образомъ хозяйственнымъ условіямъ. Но, помимо этого можно указать и на другія соображенія, не позволяющія приписывать внѣшней политикѣ и войнамъ первенствующее значеніе въ данномъ отношеніи.

Прежде всего войны не менѣе, если не болѣе, занимали и русскихъ князей великихъ и удѣльныхъ — до половины XVI вѣка. И однако они не были тогда самодержавными государями. То же самое надо повторить о всѣхъ средневѣковыхъ государствахъ.

Затѣмъ Литовско-русское государство и Польша, объединившіяся

во второй половинѣ XVI в. въ одно государство — Рѣчь Посполитую, — вынесли съ того времени во всякомъ случаѣ не меньше, если не больше, войнъ, чѣмъ Московское государство; и весьма часто, напр. въ XVII в., эти войны были весьма опасны и требовали напряженія всѣхъ силъ. И однако самодержавія тамъ не было; напротивъ, власть короля уменьшилась до чрезвычайности.

Въ томъ же направленіи даютъ матеріалъ историческія аналогіи съ европейскимъ западомъ въ эпоху возникновенія тамъ самодержавія. Тюдоры и Стюарты въ Англіи XVI и XVII вѣковъ, послѣдніе Валуа и первые Бурбоны во Франціи хотя и вели войны, но эти войны не были главнымъ мотивомъ и основной движущей силой ихъ политики и не являлись также источникомъ ихъ самодержавія, созданнаго соотношеніемъ общественныхъ силъ, которое отражало на себѣ хозяйственный бытъ.

Наконецъ, извѣстно, что буржуазныя конституціонныя монархіи сильнѣйшимъ образомъ развиваютъ милитаризмъ и пускаются въ военныя авантюры, хотя самодержавія, послѣдовательно проведеннаго, въ нихъ не существуетъ.

Многія изъ этихъ соображеній, устраняя, какъ несостоятельную теорію, происхожденія самодержавія отъ напряженной внѣшней политики и войнъ, даютъ уже отчасти основаніе и для правильнаго пониманія отношенія войнъ и внѣшней политики къ самодержавному режиму и его происхожденію. Войны и внѣшняя политика сами являются отраженіемъ соотношенія внутреннихъ общественныхъ силъ и хозяйственныхъ потребностей, устанавливающихъ это соотношеніе. И въ самомъ дѣлѣ: достаточно бросить взглядъ на внѣшнюю политику Россіи съ Ивана Грознаго до Алексѣя, чтобы понять это. Въдѣ завоеванія Волги, Сибири, защита юга и движеніе къ югу по направленію къ Крыму и Кавказу шли навстрѣчу потребностямъ въ колонизаціи, въ землѣ для служилаго класса. Основными мотивами борьбы съ Польшей было приобщеніе Малороссіи къ хозяйственному вліянію Великой Россіи и особенно стремленіе къ морю, о чемъ свидѣтельствуютъ войны за Ливонію съ Польшей и Литвой, при Грозномъ, и съ Швеціей, при Алексѣѣ. Войны и внѣшняя политика лишь постольку укрѣпляли самодержавіе, поскольку они сами являлись результатомъ соотношенія социальныхъ силъ, выдвигаемыхъ въ извѣстной перспективѣ процессомъ хозяйственнаго развитія.

The following information is provided for your information:

1. The information provided in this document is for informational purposes only and does not constitute an offer or a recommendation to buy or sell any securities or financial products.

2. The information provided in this document is based on the information provided to us by the issuer and is not intended to be a complete and exclusive statement of all the information that may be relevant to your investment decision.

3. The information provided in this document is subject to change without notice and is not intended to be a contract.

4. The information provided in this document is not intended to be a substitute for professional advice.

5. The information provided in this document is not intended to be a recommendation to buy or sell any securities or financial products.

6. The information provided in this document is not intended to be a recommendation to buy or sell any securities or financial products.

7. The information provided in this document is not intended to be a recommendation to buy or sell any securities or financial products.

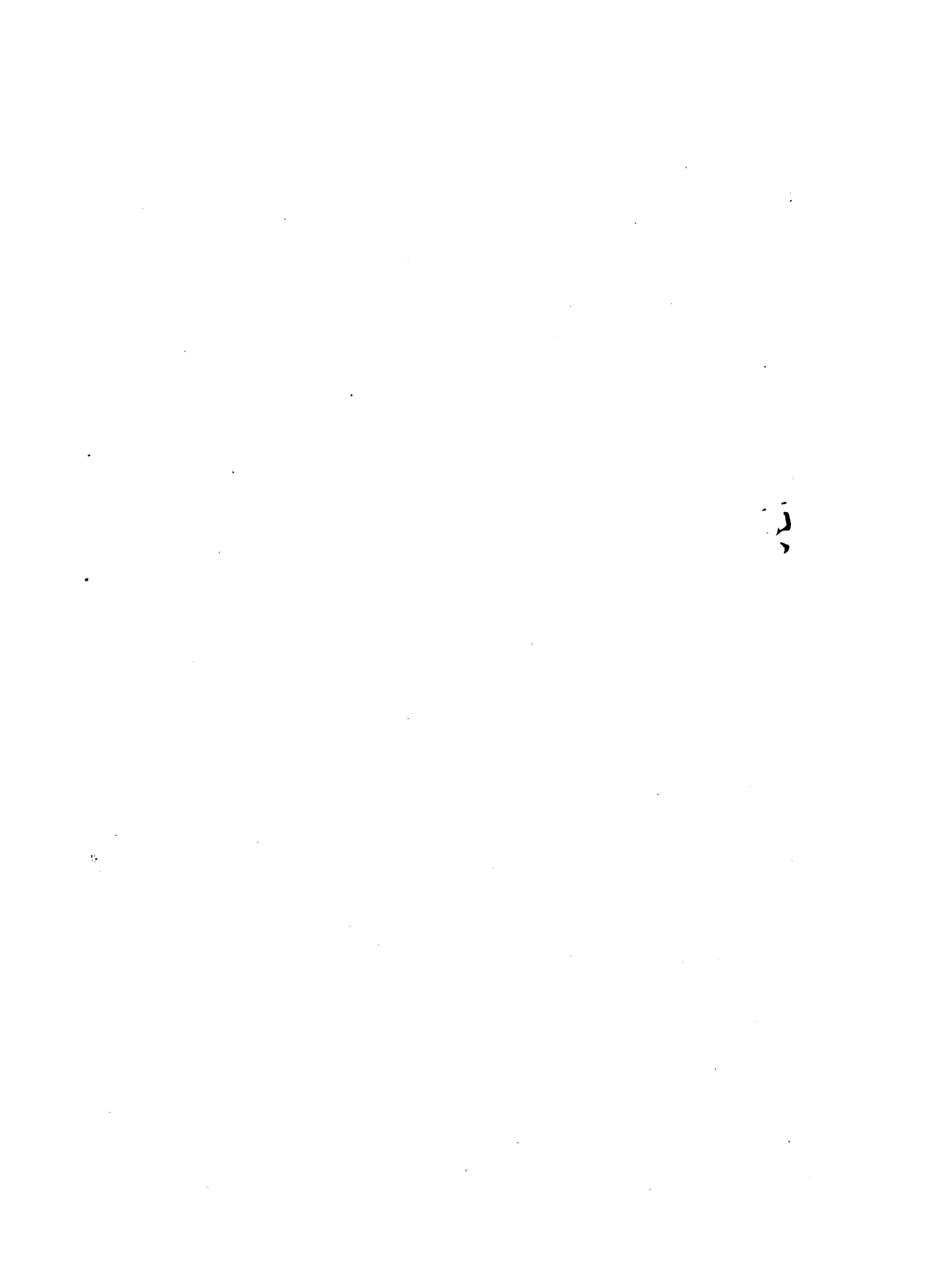
8. The information provided in this document is not intended to be a recommendation to buy or sell any securities or financial products.

9. The information provided in this document is not intended to be a recommendation to buy or sell any securities or financial products.

10. The information provided in this document is not intended to be a recommendation to buy or sell any securities or financial products.

Того же автора:

- 1) *Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія, часть первая, изданіе второе.* Цѣна 1 р.
- 2) *То же, часть вторая, выпускъ первый.* Цѣна 1 р.
- 3) *То же, часть вторая, выпускъ второй.* Цѣна 1 р.
- 4) *Городъ и деревня въ русской исторіи* (краткій очеркъ экономической исторіи Россіи), изданіе второе. Цѣна 40 коп.
- 5) *Учебникъ русской исторіи*, для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Цѣна 60 коп.
- 6) *Учебникъ всеобщей исторіи*, для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Цѣна 1 р. 10 коп.
- 7) *Историческіе и соціологическіе очерки, часть первая.* Цѣна 1 р. 50 коп.
- 8) *То же, часть вторая.* Цѣна 2 р.
- 9) *Исторія крепостного права въ Россіи.* Цѣна 10 коп.
- 10) *Къ аграрному вопросу.* Цѣна 5 коп.
- 11) *О формахъ народнаго представительства.* Цѣна 5 коп.
- 12) *Эволюція хозяйственныхъ формъ.* Цѣна 6 коп.

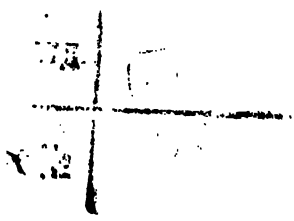

к

Р. 57. № 1547
102

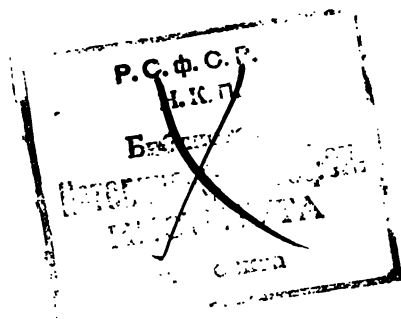
Г. И. ЗЕМЕЛЬ.

И. Рожковъ. 19 60/711 05.

42051

Исторія крѣпостного права въ Россіи.

Издание „Донская Рѣчь“
Н. Пармонова
въ Ростовѣ на Дону.

Доволено цензурою 29 Іюня 1905 г., Ростовъ на Дону.

РОСТОВЪ НА ДОНУ.
электро-печатня А. Теръ-Абрамянъ.
1905.

Исторія крѣпостного права въ Россіи.

I.

Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи.

Что такое крѣпостное право, что называется крѣпостнымъ правомъ? Крѣпостное право—это право одного человѣка—господина или владѣльца крѣпостныхъ людей, на личность, даровой трудъ и имущество другихъ людей, находящихся отъ него въ зависимости. У господина при такомъ порядкѣ—главнымъ образомъ, права, у крѣпостного человѣка—главнымъ образомъ, обязанности, почти однѣ только обязанности. Какія это права и обязанности и какъ и почему они образовались,—вотъ первый вопросъ исторіи крѣпостного права въ Россіи.

По этому вопросу не всѣ, занимавшіеся и занимающіеся русской исторіей, согласны между собою. Существуютъ два главныхъ мнѣнія,—старое и новое. Старое мнѣніе основано, главнымъ образомъ, на трехъ указахъ—24 ноября 1597 г. (при царѣ Федорѣ Ивановичѣ), 28 ноября 1601 г. (при царѣ Борисѣ Федоровичѣ Годуновѣ) и 1607 г. (при царѣ Василии Ивановичѣ Шуйскомѣ). Первый изъ этихъ указовъ установилъ пятилѣтній срокъ давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, т. е. опредѣлилъ, что только тѣ изъ бѣглыхъ крестьянъ подлежатъ возврату къ прежнимъ владѣльцамъ, которые бѣжали отъ нихъ въ теченіе

послѣднихъ пяти лѣтъ, т. е. не ранѣе 24 ноября 1592 года. Отсюда изслѣдователи, держащіеся стараго мнѣнія о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи, заключаютъ, что 24 ноября 1592 г. былъ изданъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ, сдѣлавшій невозможнымъ свободный переходъ крестьянъ и обусловившій поэтому необходимость возврата крестьянъ, ушедшихъ послѣ этого времени. Во второмъ указѣ—1601 года—мелкимъ землевладѣльцамъ разрѣшается вывозить крестьянъ другъ у друга, но не болѣе, какъ по два человѣка разомъ. Слѣдовательно,—заключаютъ изслѣдователи стараго направленія—раньше былъ запрещенъ вывозъ крестьянъ, т. е. крестьяне еще до 1601 г. были крѣпостными. Наконецъ, указъ 1607 года установилъ 15-тилѣтнюю давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Вычитая 15 изъ 1607-ми, получаемъ тотъ же 1592 годъ,—годъ предполагаемаго закрѣпощенія крестьянъ. Итакъ, крестьяне были прикрѣплены распоряженіемъ правительства, состоявшимся, по всей вѣроятности, въ 1592 году, хотя и не дошедшемъ до насъ. Вызвано было прикрѣпленіе крестьянъ государственными потребностями: необходимостью урегулировать и правильно организовать сборъ податей, которому мѣшала подвижность, бродяжность населенія. Поэтому и сущность крѣпостного права заключалась въ прикрѣпленіи къ землѣ, на которой сидѣли крестьяне.

Такова старая теорія происхожденія крѣпостного права въ Россіи, дающая весьма опредѣленные отвѣты на вопросы о времени прикрѣпленія, о роли въ этомъ дѣлѣ правительства, о государственныхъ причинахъ крѣпостного права и о самой юридической природѣ крѣпостныхъ отношеній,—прикрѣпленіи къ землѣ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи этой теоріи и ея

основаній изслѣдователи новаго направленія приходятъ къ заключенію, что она не выдерживаетъ критики, не оправдывается фактами. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ прежде всего говорятъ три приведенныхъ выше указа—1597, 1601 и 1607 гг.?

Въ нихъ нѣтъ ни слова о прикрѣпленіи крестьянъ, т. е. о запрещеніи крестьянскаго выхода или перехода отъ одного землевладѣльца къ другому, а говорится только о запрещеніи крестьянскаго *вывоза* и крестьянскаго *побѣга*. Надо, слѣдовательно, опредѣлить, что называлось вывозомъ и побѣгомъ. Вывозъ и побѣгъ—незаконныя формы крестьянскаго перехода, вытекавшія изъ несоблюденія законныхъ условій перехода. Выходъ или переходъ крестьянина считался законнымъ въ томъ случаѣ, если, во-первыхъ, соблюденъ былъ при этомъ установленный для перехода срокъ—за недѣлю до Юрьева дня осенняго (24 ноября) и въ теченіе недѣли послѣ этого дня,—во-вторыхъ, если крестьянинъ формально заявилъ о своемъ уходѣ—произвелъ „отказъ“,—въ-третьихъ, если онъ возвратилъ землевладѣльцу ссуду, которую онъ получалъ отъ него на хозяйственное обзаведеніе, и уплатилъ ему „пожилое“ или „похоронное“—особую плату за пользованіе дворомъ и хозяйственными постройками, въ немъ находящимися. Если крестьянинъ уходилъ, не выполнивъ хотя бы одного изъ этихъ условій, онъ считался бѣглымъ, и, такимъ образомъ, законный выходъ превращался въ незаконный побѣгъ. Вывозомъ называлось вотъ что: многіе землевладѣльцы нуждались въ рабочихъ и потому осенью, по наступленіи времени, установленнаго закономъ для крестьянскаго выхода,—за недѣлю до Юрьева дня осенняго и въ теченіе недѣли послѣ него—отправлялись искать крестьянъ, ко-

торые согласились-бы къ нимъ перейти, платили за нихъ долги и пожилое землевладѣльцамъ, у которыхъ они жили, и вывозили такихъ крестьянъ къ себѣ, причемъ, конечно, крестьяне обязаны были платить свой долгъ новымъ господамъ. Лишеніе рабочей силы было, однако, непріятно для землевладѣльцевъ, отъ которыхъ вывозились крестьяне, и отсюда происекали большіе раздоры, кончавшіеся нерѣдко насиліями и убійствами. Вотъ почему правительство запретило вывозъ крестьянъ, и только царь Борисъ въ 1601 году разрѣшилъ его для мелкихъ землевладѣльцевъ, не распространяя на крупныхъ, отъ насилій со стороны которыхъ особенно сильно терпѣли небогатые дворяне.

Итакъ, въ указахъ 1597, 1601 и 1607 годовъ ни слова нѣтъ о прикрѣпленіи крестьянъ, а говорится только о незаконныхъ формахъ крестьянскаго перехода—крестьянскомъ вывозѣ и крестьянскомъ побѣгѣ. Свободный переходъ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому по прежнему разрѣшался съ соблюденіемъ установленныхъ закономъ условій. Никакого закона о закрѣпощеніи крестьянъ въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка издано не было. Все это подтверждается и другими данными: крестьянинъ того времени садился на дворянскую землю, арендовалъ ее на извѣстныхъ условіяхъ, излагавшихся въ особомъ договорѣ между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ; этотъ договоръ называли порядной грамотой и заключала въ себѣ указанія на срокъ аренды, на арендную плату (оброкъ) или работу на барской землѣ вмѣсто платы (барщину или „издѣлье“), на заемъ, производившійся крестьяниномъ у землевладѣльца и т. д. и вотъ оказывается, что не только въ XVI, но и въ первой половинѣ XVII вѣка заключались порядныя гра-

моты съ правомъ крестьянина на свободный выходъ. Слѣдовательно, прикрѣпленія крестьянъ по закону еще не было. Законъ установилъ крѣпостное право на крестьянъ лишь въ 1649 г. въ сводѣ законовъ того времени, извѣстномъ подъ названіемъ Уложенія царя, Алексѣя Михайловича, причемъ въ текстѣ Уложенія прямо указано, что это сдѣлано впервые: „по нынѣшней государевъ указъ государевы заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати“. Къ этому необходимо еще прибавить, что *законодательному* прикрѣпленію *всѣхъ* крестьянъ по Уложенію 1649 года предшествовало закрѣпощеніе *нѣкоторыхъ* крестьянъ землевладѣльцами *по гражданскимъ актамъ* по договорамъ: въ нѣкоторыхъ порядныхъ грамотахъ со второй четверти XVII вѣка появляется отказъ крестьянъ отъ свободнаго перехода: „по сей порядной я государю своему крѣпокъ безвыходно на крестьянство и впредь крестьянствомъ“, пишутъ крестьяне.

Такъ новая теорія происхожденія крѣпостнаго права въ Россіи отвѣчаетъ на вопросъ о *времени* закрѣпощенія крестьянъ: отдѣльные крестьяне стали закрѣпощаться по договорамъ ихъ съ землевладѣльцами со второй четверти XVII вѣка, а по закону всѣ крестьяне сдѣлались крѣпостными лишь въ 1649 г. Отвѣтъ этотъ совершенно несогласенъ съ тѣмъ, что утверждали по данному вопросу изслѣдователи стараго направленія.

Почему-же, спрашивается, установлена была давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, и почему эта давность восходила къ 1592 году? Установленіе давности необходимо по той причинѣ, что устраняеть обремененіе судовъ множествомъ дѣлъ и происходящую отсюда судебную волокиту, медленность въ рѣ-

шеніи тяжбъ. А 1592 годъ, какъ конечный пунктъ установившихся тогда сроковъ давности, былъ выбранъ потому, что въ этомъ году составлены были для всей Россіи новыя писцовыя книги. Писцовыми книгами назывались документы, посвященные хозяйственно-статистическому описанію страны: въ нихъ описывался каждый уѣздъ, въ уѣздѣ станы и волости, въ станахъ и волостяхъ отдѣльныя имѣнія, села и деревни, причемъ означались количество дворовъ, взрослое мужское населеніе каждаго двора, размѣры пашни, сѣнокоса, лѣса и т. д. Такимъ образомъ, въ писцовыхъ книгахъ 1592 года были точно названы по именамъ крестьяне, жившіе на землѣ каждаго владѣльца, такъ что, руководясь этими книгами, легко можно было опредѣлить, жилъ-ли тотъ или иной крестьянинъ за даннымъ землевладѣльцемъ, почему писцовыя книги 1592 г. и могли служить прочной опорой для разбора исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Вотъ причина того, что 1592 г. былъ избранъ конечнымъ пунктомъ при установленіи сроковъ давности.

Несогласіе между старой и новой теоріей происхожденія крѣпостного права въ Россіи замѣтно и по вопросу о юридической природѣ крестьянскаго прикрѣпленія. Сторонники старого мнѣнія, какъ было уже сказано, думали, что крестьяне *сначала были* прикрѣплены къ землѣ. Сущность прикрѣпленія къ землѣ заключается въ томъ, что не только самъ крестьянинъ не можетъ уйти съ участка, на которомъ онъ сидитъ, но и его владѣлецъ не можетъ его ни перевести на другой участокъ, ни продать, заложить, подарить, промѣнять и завѣщать безъ этого участка, безъ земли. Отъ этого прикрѣпленія къ землѣ надо отличить прикрѣпленіе къ личности землевладѣльца, дающее по-

слѣдному право переводить крестьянина съ одного участка на другой, продавать, закладывать, дарить и завѣщать его безъ земли. Оказывается, что у насъ крестьяне съ самага начала закрѣпощенія были прикрѣплены не къ землѣ, а къ личности землевладѣльца: припомнимъ выраженіе порядныхъ: „я *государю* *своему* крѣпокъ безвыходно“; въ документахъ первой половины XVII в. постоянно встрѣчается переводъ крестьянъ не только съ участка на участокъ и изъ имѣнія въ имѣніе, но и изъ одного уѣзда въ другой, иногда очень далекій: напр., изъ Костромского уѣзда въ Рязанскій. Надо, впрочемъ, замѣтить, что приверженцы стараго взгляда признають, что скоро, уже къ послѣдней четверти XVII в., прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ превратилось въ прикрѣпленіе къ личности землевладѣльца.

Но всего важнѣе, разумѣется, вопросъ о *причинахъ* прикрѣпленія крестьянъ. И здѣсь нельзя принять старое мнѣніе, сводившееся къ указанію на государственныя причины крѣпостного права, на трудность производить сборъ налоговъ при бродячести населенія. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь если, какъ мы уже знаемъ, крестьяне были прикрѣплены не къ землѣ, а къ личности землевладѣльца, то безземельные продажи, залогъ, дареніе, мѣна и передача крестьянъ по наслѣдству открывали возможность для прежнихъ передвиженій и, слѣдовательно, не создавали вовсе большихъ, чѣмъ раньше, удобствъ для сбора налоговъ. Затѣмъ, не надо забывать и того, что не государство сначала установило крѣпостное право, а сами землевладѣльцы и крестьяне въ своихъ порядныхъ грамотахъ, а государство только вслѣдъ за этимъ утвердило закономъ то, что было уже раньше сдѣлано въ

жизни. Вотъ почему въ самой жизни, въ отношеніяхъ дворянъ и крестьянъ, въ ихъ нуждахъ, въ ихъ пользахъ и надо искать причинъ крѣпостного права.

Почему дворяне желали крѣпостного права на крестьянъ? Потому, что имъ нужны были рабочіе для обработки барской пашни; недаромъ дворяне вывозили крестьянъ другъ у друга, ссорились и дрались изъ-за нихъ между собою. Нужда-же въ рабочихъ для барской пашни все увеличивалась, потому что барская пашня постепенно росла: къ концу XVI вѣка было немало дворянскихъ имѣній, гдѣ $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ всей земли находилась подъ барской запашкой, и лишь остальная земля находилась въ пользованіи крестьянъ, большею частью обязанныхъ за то отбывать барщину. И не только нужно было больше рабочихъ для барской запашки, но и нужны были *постоянные* рабочіе, которые привыкли бы къ хозяйственнымъ порядкамъ имѣнія и работали бы правильно, регулярно. Лучшимъ средствомъ для этого было закрѣпощеніе крестьянъ тѣмъ болѣе, что денегъ у дворянъ было еще очень мало и оплачивать ими трудъ вольнонаемныхъ рабочихъ было невозможно.

Почему крестьянамъ пришлось согласиться на закрѣпощеніе, и почему они согласились вносить въ порядныя грамоты отказъ отъ свободнаго перехода? Основная причина тутъ — задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ: такъ у Соловецкаго монастыря $\frac{3}{4}$ всѣхъ крестьянъ были должниками монастыря, въ Тверскомъ уѣздѣ въ 1576 г. $\frac{9}{10}$ всѣхъ крестьянъ были въ долгахъ. Дѣло не въ одной только задолженности, а въ томъ, что она была неоплатной: долги, судя по поряднымъ, въ среднемъ доходили въ концѣ XVI в. у каждаго крестьянина до 100 рублей на наши деньги, да

сверхъ того при уходѣ крестьянинъ долженъ былъ платить еще пожилое или похоронное, доходившее до 30 р. на наши деньги за 4 года; въ общемъ выходило 130 руб.—годовой доходъ средней крестьянской семьи. Уплатить сразу такую сумму невозможно было, и потому *на дѣлѣ* крестьянинъ не могъ уйти отъ землевладѣльца, воспользоваться принадлежавшимъ ему по закону правомъ свободнаго выхода. Стало быть, право свободнаго перехода существовало только по закону, по имени, а на дѣлѣ, въ жизни его не было, такъ что крестьянину ничего не стоило отказаться въ порядной грамотѣ отъ этого несуществующаго на практикѣ права. Этого мало: въ сущности крестьянину было даже выгоднѣе отказаться отъ права перехода, чѣмъ не отказываться, потому что о томъ крестьянинѣ, который можетъ уйти, дворянинъ не заботился и даже грабилъ его и всячески обижалъ: такъ, напр., у богатаго крестьянина Владимирскаго уѣзда Сокурова въ 1599 г. дворянинъ Соболевъ, на землѣ котораго онъ жилъ, насильно отобралъ весь хлѣбъ, все сѣно, 35 руб. деньгами, забралъ весь скотъ и, наконецъ, его самого выгналъ съ семьей со двора. Другое дѣло было, если крестьянинъ соглашался на крѣпостную зависимость: онъ въ такомъ случаѣ пользовался поддержкой отъ господина, помощью отъ него деньгами и хлѣбомъ: крестьяне были очень бѣдны и не могли бы справиться съ голодовками, неурожаями, падежами скота безъ поддержки со стороны дворянъ, а дворяне помогали имъ, справедливо рассуждая, что для того, чтобы постричь овцу, надо дать ей обрости шерстью.

Итакъ, въ сущности крѣпостное право на крестьянъ было создано двумя основными причинами: во-первыхъ, нуждой дворянъ въ рабочихъ; во-вторыхъ, нуж-

дой крестьянъ въ деньгахъ. А почему и то и другое— и нужда дворянъ въ рабочихъ, и нужда крестьянъ въ деньгахъ—сильно сказывались въ Россіи конца XVI вѣка и первой половины XVII-го? Все дѣло въ хозяйствѣ,—въ томъ, какъ люди тогда добывали себѣ пищу, одежду и жилище: хозяйствомъ и называется именно совокупность способовъ и пріемовъ, какими человѣкъ добываетъ себѣ пищу, одежду и жилище.

Сначала человѣкъ добываетъ себѣ все необходимое собственнымъ трудомъ; члены каждаго семейства дѣлятъ между собой трудъ: одни охотятся, ловятъ рыбу, пахутъ пашню, сѣютъ и жнутъ хлѣбъ; другіе ходятъ за скотомъ, пекутъ хлѣбъ, готовятъ одежду и т. д. Каждое семейство ничего не продаетъ и не покупаетъ, живетъ исключительно своимъ трудомъ, получаетъ все отъ этого труда натурой. Такое хозяйство и называется поэтому натуральнымъ. Но, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось количество населенія, жить въ натуральномъ хозяйствѣ стало невыгодно; понадобилось много разныхъ необходимыхъ и полезныхъ вещей и притомъ лучшаго качества, чѣмъ прежде; для этого необходимо большее раздѣленіе труда, необходимо, чтобы каждымъ дѣломъ занимался его мастеръ, человѣкъ въ немъ искусный, посвятившій ему всѣ свои силы: отъ этого дѣло спорится, получается больше результатовъ труда, и всѣ вещи оказываются лучшими по качеству. Но когда каждый человѣкъ предается одному только дѣлу, специализируется въ немъ, то онъ вынужденъ продавать другимъ предметы своего производства и покупать у другихъ то, что ему нужно и выработано ими. Поэтому развивается торговля или обмѣнъ, для котораго нужны деньги, или, какъ обыкновенно говорятъ, натуральное хозяйство замѣняется хозяйствомъ мѣновымъ или

денежнымъ. Въ Россіи натуральное хозяйство существовало и господствовало до половины XVI вѣка. Съ этого-же времени начинается развиваться хозяйство денежное. Это доказывается многими фактами, прежде всего у насъ есть множество прямыхъ указаній на развитіе внутренней и внѣшней торговли въ Россіи со второй половины XVI вѣка: развиваются и умножаются въ числѣ ярмарки и торжки, какъ ярмарки въ старомъ Холопьемъ городкѣ на Мологѣ, въ городѣ Островѣ нынѣшней Псковской губерніи, въ Макарьевскомъ монастырѣ къ востоку отъ Нижняго-Новгорода (зародышъ нынѣшней Нижегородской ярмарки); вся страна пересѣкается въ разныхъ направленіяхъ торговыми дорогами: къ одной столицѣ государства Москвѣ съ разныхъ сторонъ шло не менѣе семи торговыхъ дорогъ, ежедневно провозили къ Москвѣ хлѣба на продажу по одной только ярославской дорогѣ не менѣе 700 возовъ; съ половины XVI в. начинается обширная и оживленная торговля съ Англіей; лучшимъ свидѣтельствомъ роста внѣшней торговли являются такъ называемыя торговыя книги, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о цѣнахъ на разные русскіе товары въ Москвѣ, Архангельскѣ, Голландіи, Англіи и даже Испаніи: такъ далеко заходили за границу продукты русскаго производства. Есть и другія доказательства развитія денежнаго хозяйства въ Россіи съ половины XVI в.; причѣмъ особенно важно то, что въ торговый оборотъ втягивались народныя массы; это видно изъ того, что вмѣсто натуральныхъ оброковъ землевладѣльцамъ крестьяне стали платить деньгами и вмѣсто отбыванія натуральныхъ государственныхъ повинностей начали вносить денежныя подати. Пока было натуральное хозяйство и денегъ было мало,—крестьяне давали землевладѣль-

цамъ оброки натурой—долей урожая (половиной, третью, четвертью) или опредѣленнымъ количествомъ четвертей разнаго хлѣба; въ то же время натурой удовлетворялись и всѣ государственныя потребности; нужно было построить крѣпость,—крестьяне отбывали натуральную повинность, извѣстную подъ названіемъ „городового дѣла“, т. е. выходили сами для постройки укрѣпленій, привозили матеріаль и т. д.; являлась потребность въ казенной почтѣ,—крестьяне давали подводы, лошадей и ямщиковъ и т. д. Съ половины XVI в. вмѣсто натуральныхъ оброковъ землевладѣльцамъ поступаютъ денежные платежи, и въ то же время натуральныя повинности замѣняются денежными податями; за городовое дѣло платятъ особый денежный налогъ, вмѣсто натуральной ямской гоньбы вносятъ „ямскія“ деньги—подать на устройство казенной почты и т. д. Это возможно стало только потому, что у крестьянъ появились деньги, а появиться они могли у нихъ только отъ торговли, т. е. отъ развитія денежнаго хозяйства. Наконецъ, ростъ денежнаго хозяйства отразился и на цѣнность денегъ: съ развитіемъ торговли денегъ стало больше и потому онѣ подешевѣли. Рубль начала XVI в. равнялся на наши деньги 94 рублямъ, т. е. тогда на рубль можно было купить столько-же необходимыхъ и полезныхъ предметовъ, сколько теперь покупаютъ на 94 рубля: дороговизна денегъ страшная, вполне естественная при натуральномъ хозяйствѣ. Въ концѣ XVI в. рубль стоилъ на наши деньги уже только 25 рублей. Слѣдовательно, въ теченіе столѣтія деньги подешевѣли болѣе, чѣмъ въ 3½ раза, почти вчетверо: это могло быть только при развитіи денежнаго хозяйства.

Развитіе денежнаго хозяйства и было причиной

того, что, съ одной стороны, дворянамъ стало выгодно увеличить размѣры своей, барской пашни—теперь стало выгодно продавать хлѣбъ,—съ другой крестьянамъ сдѣлались крайне необходимыми деньги. Ростъ барской пашни обострилъ нужду въ постоянныхъ рабочихъ, а потребность крестьянъ въ деньгахъ вызвала ихъ задолженность. Результатомъ же нужды дворянъ въ рабочихъ и задолженности крестьянъ и было, какъ мы уже знаемъ, крѣпостное право.

На основаніи всего сказаннаго выше можно дать такой окончательный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи крѣпостного права: *крѣпостное право въ Россіи возникло вслѣдствіе перехода отъ натурального хозяйства къ денежному, начавшемуся съ половины XVI в. и вызвавшего острую нужду землевладѣльцевъ въ постоянныхъ рабочихъ и неоплатную задолженность крестьянъ, что и привело къ закрѣпощенію; отдѣльные крестьяне стали крѣпостными по частнымъ договорамъ ихъ съ землевладѣльцами со второй четверти XVII в., и законъ закрѣпостилъ всѣхъ крестьянъ только въ 1649 году; крестьяне въ Россіи были прикрѣплены не къ землѣ, а къ личности землевладѣльца.*

II.

Положеніе крестьянъ во второй половинѣ XVII вѣка.

Каково-же было положеніе крестьянъ по закону послѣ того, какъ крѣпостное право на крестьянъ окончательно установилось? Было бы большой ошибкой утверждать, что крѣпостные крестьяне во второй половинѣ XVII вѣка сдѣлались совершенно безправными, превратились въ полныхъ рабовъ. Напротивъ, крестьяне въ то время сохраняли за собой много личныхъ правъ, личность крестьянина признавалась закономъ и

ставилась наряду съ личностями людей, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ. Это видно прежде всего изъ того, что, по уложенію 1649 г., въ тѣхъ случаяхъ, когда производился такъ называемый повальный обыскъ, т. е. опрашивались сосѣди обвиняемаго въ тяжеломъ преступленіи о его поведеніи и благонадежности, признавались законными и доказательными безъ ограниченій показанія крестьянъ, какъ и лицъ другихъ свободныхъ состояній; между тѣмъ полные рабы, холопы при этомъ опросу не подлежали, ихъ показанія въѣры не давалось. Затѣмъ тотъ же законодательный памятникъ установилъ пеню за безчестье крестьянина. Далѣе, крестьяне признавались полноправными свидѣтелями на судѣ наряду съ лицами другихъ сословій. Наконецъ и послѣ Уложенія, какъ и раньше, крестьянинъ могъ свободно вступать въ различные договоры.

Гораздо сильнѣе, чѣмъ въ области личныхъ правъ, крѣпостное право сказалось въ области правъ вещныхъ или имущественныхъ. Это видно уже по отношенію къ правамъ на движимость: правда, и тутъ законодательство признаетъ за крестьянами собственность и право вступленія въ гражданскія сдѣлки помимо владѣльцевъ съ отдѣльными лицами и даже съ казною, но наряду съ этимъ, уже по указу 1628 года, предписано, въ случаѣ неплатежа землевладѣльцами по искамъ къ нимъ, взыскивать подлежащую уплатѣ сумму съ ихъ крестьянъ, и это, затѣмъ, было подтверждено Уложеніемъ и послѣдовавшими за нимъ указами, а сверхъ того Уложеніе допускало насильственное отчужденіе крестьянскаго имущества въ руки землевладѣльцевъ. Это легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что землевладѣльцы обязывались закономъ кормить крестьянъ въ голодные годы и платить за не-

состоятельныхъ крестьянъ причитающіеся съ нихъ государственные налоги, если землевладѣльцы несли, такимъ образомъ, имущественную отвѣтственность за своихъ крѣпостныхъ, то отсюда естественно вытекало ихъ право на имущество послѣднихъ: крестьянамъ стало принадлежать лишь право владѣнія и пользованія ихъ имуществомъ съ условіемъ не нарушать хозяйскихъ интересовъ владѣльца. Это общее начало еще сильнѣе и полнѣ отразилось въ правахъ крестьянъ на недвижимое имущество, въ частности на землю. Пока крестьяне были свободны, они, арендуя владѣльческую землю, часто передавали ее за деньги или даромъ другимъ крестьянамъ, т. е. въ сущности продавали ее, причемъ новый крестьянинъ соглашался нести всѣ обязательства стараго по отношенію къ землевладѣльцу. Но по мѣрѣ того, какъ крѣпостное право стало утверждаться, подобное положеніе начало дѣлаться неудобнымъ для владѣльцевъ, и они стали лишать своихъ крестьянъ права отчуждать землю. Уже въ концѣ XVI в. на земляхъ Соловецкаго монастыря крестьянамъ запрещается продавать и закладывать землю постороннимъ, а разрѣшается это дѣлать только между собою; въ концѣ XVII вѣка прямо указывается, что „во всякихъ вотчинахъ продать что или заложить повольность имѣть вотчинникъ, а не крестьянинъ“!

Наконецъ, всего яснѣе сказалось крѣпостное право въ корпоративной организаціи крестьянства, какъ сословія, т. е. въ тѣхъ правахъ и обязанностяхъ, которыя принадлежали всему крестьянству, какъ единому цѣлому, а не каждому отдѣльному крестьянину. Въ сущности можно прямо сказать, что крестьянство совершенно утратило корпоративныя *права* и осталось при однѣхъ лишь корпоративныхъ *обязанностяхъ*. Из-

давна выбиравшіеся крестьянами земскіе старосты и цѣловальники (т. е. присяжные, отъ выраженія „цѣловать крестъ“—присягать) стали служить исключительно интересамъ государства, а не сословія, ихъ выбиравшаго: они обязаны были раскладывать, т. е. распредѣлять между отдѣльными плательщиками, государственныя подати и затѣмъ собирать ихъ съ крестьянъ, причемъ, въ случаѣ недобора, по какимъ бы причинамъ онъ не происходилъ,—все равно, зависѣло-ли устраненіе этихъ причинъ отъ воли старостъ и цѣловальниковъ или не зависѣло,—старосты и цѣловальники отвѣчали передъ правительствомъ своимъ имуществомъ, изъ котораго и взыскивался недоборъ. При несостоятельности старостъ и цѣловальниковъ отвѣтственность перелагалась на имущество ихъ избирателей—крестьянъ. Но такъ какъ въ концѣ концовъ, какъ намъ уже извѣстно, за податную неисправность крѣпостныхъ отвѣчали ихъ владѣльцы, то это открывало владѣльцамъ широкую возможность подчинить своей власти не только отдѣльныхъ крестьянъ, но и весь крестьянскій міръ.

III.

Крестьяне въ XVIII вѣкѣ.

Крѣпостное право, утвердившись въ XVII вѣкѣ, продолжало развиваться далѣе и достигло полнаго расцвѣта въ XVIII столѣтіи. Это отразилось очень ясно въ законодательствѣ того времени.

Прежде всего переходъ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому сдѣлался совершенно невозможнымъ вслѣдствіе строгости кары, постигавшей по закону тѣхъ землевладѣльцевъ, которые принимали къ себѣ бѣглыхъ крестьянъ: по указамъ 1706 и

1707 годовъ за невозвращеніе бѣглыхъ крестьянъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ грозила тому, кто укрывалъ крестьянъ у себя, полная потеря имѣнія, изъ котораго половина поступала лицамъ, чьи бѣглые крестьяне оказались въ имѣніи, а другая половина конфисковалась въ казну. Затѣмъ, установилась мало по малу вотчинная юстиція и полиція, т. е. землевладѣлецъ приобрѣлъ право наблюдать за порядкомъ въ своихъ имѣніяхъ и судить своихъ крестьянъ по многимъ дѣламъ. Этимъ оттѣснялось отъ разбора и рѣшенія очень многихъ дѣлъ государственная полицейская и судебная власть. Тамъ владѣльческой судъ и расправу можно наблюдать, какъ вполне развитое явленіе, даже въ самомъ началѣ XVIII в. въ имѣніи князя П. И. Долгорукаго, селѣ Мыть съ деревнями Суздальскаго уѣзда. Постепенно, такимъ образомъ, установилось правило, потомъ господствовавшее, что землевладѣльцу принадлежитъ право суда надъ своими крѣпостными по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ (убійство, поджоги, разбой, кражи и т. д.), подсудныхъ государственнымъ чиновникамъ. При Петрѣ Великомъ, по указу 1721 г., крѣпостные крестьяне могли еще поступать въ военную службу безъ разрѣшенія господина, но по указу императрицы Елизаветы 1742 года это право было окончательно отнято у крестьянъ. Въ 1760 г. владѣльцы получили право ссылатъ своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты при томъ лишь условіи, чтобы ссылались люди молодые и здоровые и не разлучались мужъ съ женой (родителей и дѣтей разлучать разрѣшалось). Наконецъ, всѣ эти ограниченія крестьянскихъ личныхъ правъ увѣнчались закономъ 1765 года, по которому владѣльцамъ предоставлено было право ссылатъ крестьянъ на каторжныя работы за дерзости.

Мы видѣли, что еще раньше имущественныя права крѣпостныхъ крестьянъ подвергались большимъ ограниченіямъ, чѣмъ ихъ личныя права. Въ XVIII в. наблюдается дальнѣйшее ограниченіе правъ крѣпостныхъ по имуществу. Указомъ 1707 г. крестьяне были лишены права брать на откупъ таможенные сборы и продажу вина. Въ 1730 году крестьянамъ было запрещено приобрѣтать недвижимыя имѣнія (т. е. дома и земли) въ городахъ и уѣздахъ. Въ 1731 году крестьяне лишились права принимать на себя подряды и брать откупа. Въ 1734 году крѣпостнымъ было запрещено заводить суконныя фабрики. Указомъ 1739 года отнято у крестьянъ право покупать людей въ услуженіе и даже для поставки вмѣсто себя рекрутъ. Наконецъ, въ 1761 году крѣпостнымъ было запрещено обязываться векселями и выступать въ качествѣ поручителей за другихъ лицъ; только съ дозволенія владѣльцевъ разрѣшалось крестьянамъ занимать деньги подъ заемныя письма.

Но, несомнѣнно, самой крупной перемѣной въ имущественныхъ правахъ крестьянъ надо признать установленіе порядковъ такъ называемаго общиннаго или мірскаго землевладѣнія. Извѣстна эта организація общиннаго землевладѣнія, которая начала слагаться въ XVIII вѣкѣ: сущность ея—периодическіе передѣлы и череполосица, какъ слѣдствія земельного равенія, и принудительный сѣвооборотъ и круговая порука, какъ слѣдствія передѣловъ и череполосицы. Здѣсь важно разрѣшить два вопроса: 1) о причинахъ развитія общиннаго землевладѣнія, 2) о времени его распространенія.

Крестьяне до возникновенія крѣпостнаго права снимали землю у землевладѣльцевъ каждый въ отдѣль-

ности по особому договору, такъ что снимаемые отдѣльными крестьянами участки были различны по размѣрамъ и качеству почвы. Это различіе продолжало сохраняться и при крѣпостномъ правѣ. Можно даже сказать, что оно усилилось, потому что отдѣльныя семьи размножались неодинаково, почему у многосемейныхъ крестьянъ участки ихъ наслѣдниковъ мельчали, а у малосемейныхъ сохранялся крупный размѣръ участковъ. Такимъ образомъ, среди крѣпостныхъ крестьянъ образовалось два общественныхъ слоя, одинъ, сравнительно — малочисленный, имѣлъ много земли, другой — большинство крестьянства — страдалъ отъ малоземелья. Понятно, что этотъ послѣдній слой стремился улучшить свое положеніе и обращался къ владѣльцамъ съ просьбой совершить передѣлъ всей наличной земли, которой пользовались крѣпостные крестьяне по числу лицъ (или „душъ“) мужского пола въ каждой крестьянской семьѣ. Владѣльцы охотно прислушивались къ этимъ просьбамъ, потому что желали, чтобы ихъ крѣпостные исправно платили оброки и отбывали барщину, а достигнуть этого можно было только въ томъ случаѣ, если бы у всѣхъ крестьянъ было достаточно земли. Съ другой стороны, и государство сочувствовало надѣленію землей малоземельнаго крестьянства, потому что желало правильнаго поступленія государственныхъ податей. Такимъ образомъ, интересы и выгоды малоземельныхъ крестьянъ, владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ и государства сходились, а эти три общественныхъ силы были могущественнѣе немногочисленнаго многоземельнаго крестьянства. Понятно, что побѣда въ концѣ концовъ должна была остаться за ними, тѣмъ болѣе, что она была облегчена двумя обстоятельствами: установившим-

ся взглядомъ на отношеніе владѣльца къ имуществу его крѣпостныхъ и введеніемъ подушной подати. Подушная подать, впервые собранная въ 1724 г., падала на каждую душу мужского пола безъ различія возраста—отъ новорожденнаго младенца до дряхлаго старика—поровну, чѣмъ подчеркивалась необходимость обезпеченія каждой семьи землей соотвѣтственно количеству числящихся въ ней душъ мужского пола, а, слѣдовательно, и необходимость уравнительнаго передѣла на этихъ основаніяхъ. Взглядъ, что крѣпостные имѣютъ лишь право владѣнія и пользованія имуществомъ безъ нарушенія хозяйственныхъ интересовъ владѣльца, выставялъ послѣдняго какъ собственника всего движимаго и недвижимаго достоянія крѣпостныхъ, и обосновывалъ его право предписать производство передѣла. И мы, дѣйствительно, наблюдаемъ въ XVIII вѣкѣ начало передѣловъ земли, окончательно установившихся повсюду въ Великороссіи къ 1831 году.

Но дѣло не могло ограничиться установленіемъ однихъ періодическихъ передѣловъ по душамъ мужского пола. Вѣдь земля въ каждомъ имѣніи неодинакова по своему качеству: есть участки плодородные, средніе по урожайности и совсѣмъ худые. Несправедливо было бы надѣлить каждую душу мужского пола одинаковымъ количествомъ десятины земли, не считаясь съ качествомъ послѣдней. Отсюда и происходитъ необходимость прежде распредѣленія земли по душамъ распредѣлить ее на „ярусы“ или „коны“ по степени плодородія, чтобы потомъ уже въ каждомъ ярусѣ или кону отдѣлить на каждую душу мужского пола по полюсъ, такъ что участокъ каждой души называется состоящимъ изъ нѣсколькихъ полюсъ, раз-

брошенных въ разныхъ мѣстахъ и перемежающихся полосами, отдѣленными на другія души, это и называется черезполосицей.

Но при передѣлахъ и черезполосицѣ необходимо всѣмъ начинать и кончать полевья работы въ одно время, потому что осенью, по снятіи урожая, выгоняется скоть на пастьбу по жнитву, и неубранныя полосы должны пострадать отъ потравы. Вотъ эта то обязательность держаться опредѣленныхъ, одинаковыхъ для всѣхъ порядковъ земледѣльческаго хозяйства и носить названіе принудительнаго сѣвооборота.

Наконецъ, круговая порука—отвѣтственность всѣхъ за cadaго и cadaго за всѣхъ въ уплатѣ оброковъ и податей и отбываній барщины—необходимо слѣдуетъ изъ періодичности передѣловъ, установленной владѣльцами и государствомъ по просьбамъ крестьянъ: владѣльцы и государство видѣли въ ней сильнѣйшее обезпеченіе своихъ интересовъ и слѣдствіе того, что земля перешла въ распоряженіе крестьянскаго міра.

Корпоративная организація крѣпостного крестьянства въ XVIII в. сводится къ вопросу о хозяйственномъ, полицейскомъ и судебномъ значеніи именно этой крестьянской общины или міра. То, что сейчасъ сказано о мірскомъ землевладѣніи, достаточно характеризуетъ хозяйственное значеніе міра. Полицейское и судебное ея значеніе выражается въ общемъ тѣмъ же, чѣмъ оно характеризовалось уже во второй половинѣ XVII в.,—т. е. полной замѣной принципа *права* началомъ *обязанности*. Крестьянская община въ XVIII и первой половинѣ XIX в. организовалась именно на началѣ обязанности, это была принудительная, крѣпостная организація. Типичный примѣръ крѣпостной полицейской общины для центральной Россіи—поряд-

ки, существовавшіе въ селѣ Мыть Суздальскаго уѣзда, имѣннїи князя Долгорукаго: мѣръ выбиралъ старосту, провѣрялъ расходование имъ денегъ, поручалъ ему сборъ податей и оброковъ, но въ сущности староста былъ подчиненъ не міру, а владѣльцу, который могъ его и наказать и смѣнить, могъ и защитить отъ міра, уничтоживъ рѣшеніе послѣдняго, направленное противъ старосты.

Нельзя, наконецъ, не обратить вниманія и на то, что въ XVIII в. до чрезвычайныхъ размѣровъ возросло количество крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 1721 г. Петръ Великій разрѣшилъ покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ съ тѣмъ, чтобы они были крѣпки не заводчикамъ и фабрикантамъ, а самимъ фабрикамъ и заводамъ, т. е. не продавались-бы и не закладывались бы отдѣльно отъ фабрикъ и заводовъ; вполнѣдствіи такіе крестьяне получили названіе посесіонныхъ. Въ 1783 г., при Екатеринѣ II, были прикрѣплены крестьяне въ Малороссіи, причемъ въ 1798 г. было запрещено продавать ихъ безъ земли. Наконецъ, русскіе государи XVIII в.—особенно Екатерина II и Павелъ I—увеличивали количество крѣпостныхъ владѣльческихъ крестьянъ пожалованіемъ дворянамъ земель, принадлежащихъ государству и населенныхъ крестьянами.

Итакъ, полный расцвѣтъ, безраздѣльное господство крѣпостного права на крестьянъ въ XVIII вѣкѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

IV.

Отношеніе крестьянъ къ крѣпостному праву въ XVII—XVIII вѣкахъ.

Крѣпостное право на крестьянъ въ XVII и особенно XVIII вѣкѣ сыграло важную роль въ развитіи народнаго хозяйства въ Россіи въ двухъ его основ-

ныхъ вѣтвяхъ—сельскомъ хозяйствѣ и обрабатывающей промышленности. Сельское хозяйство получило свою организацію благодаря, главнымъ образомъ, мірскому землевладѣнію, которое обезпечивало землей большую часть крѣпостной крестьянской массы, давало ей платежныя и рабочія силы для исполненія обязательствъ по отношенію къ государству и помѣщикамъ и, такимъ образомъ, открывало возможность для владѣльцевъ правильно устроить свое барское земледѣльческое хозяйство, увеличить количество сельскохозяйственныхъ продуктовъ, поставляемыхъ на рынокъ для продажи. Такимъ образомъ, мірское землевладѣніе—это дѣтище крѣпостной эпохи—сыграло въ свое время очень важную и благодѣтельную роль.

Но крѣпостное право содѣйствовало также развитію новыхъ отраслей обрабатывающей промышленности. Денежное хозяйство въ Россіи XVIII вѣка вообще развивалось довольно туго и медленно. Поэтому дворяне-землевладѣльцы стремились обезпечить себя достаточнымъ количествомъ собственныхъ крѣпостныхъ ремесленниковъ всякаго рода. Съ этою цѣлью они прибѣгали къ разнымъ средствамъ: основывали свои фабрики, куда выписывали иностранныхъ мастеровъ, обучавшихъ крѣпостныхъ рабочихъ разнымъ мастерствамъ, посылали своихъ крестьянъ въ города для обученія у городскихъ ремесленниковъ, отпускали ихъ работать на купеческія фабрики, отправляли даже за границу. Подъ вліяніемъ всего этого развились крестьянскіе кустарные промыслы: научившись за границей у городскихъ ремесленниковъ и на фабрикахъ разнымъ мастерствамъ, крестьяне разносили ихъ по деревнямъ и основывали здѣсь новыя производства,—стальные, желѣзные, корзиночныя, ткацкія и т. д. Это было тѣмъ легче, что

на фабрикахъ въ XVIII в. работали руками безъ помощи машинъ, такъ что фабричная работа не имѣла никакихъ преимуществъ передъ кустарной, и кустари успѣшно конкурировали съ фабриками.

Такимъ образомъ, крѣпостное право улучшало хозяйственное положеніе не однихъ помѣщиковъ—владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ, но и самихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Понятно, что многіе крестьяне приспособились къ крѣпостному праву, привыкли къ нему, сжились съ нимъ и нерѣдко проявляли большую преданность своимъ господамъ, готовность для нихъ пожертвовать многимъ. Однимъ словомъ, воспитались особая рабы чувства, прежде рѣже проявлявшіяся въ жизни. Мы имѣемъ, напр., завѣщаніе дворянина Ивана Григорьевича Нагого, относящееся еще къ 1598 году. По этому завѣщанію, Нагой передаетъ одно свое имѣніе въ собственность своему крѣпостному Богдану Сидорову „за его къ себѣ прямую службу и за терпѣніе, что онъ со мною животь свой мучилъ на государевѣ службѣ въ Сибири 13 лѣтъ, да его-жь, Богдана, за мой грѣхъ государь велѣлъ у меня взять изъ Сибири и привезти въ Москву, сковаль и мучилъ онъ животь свой, сидя въ цѣпи и въ желѣзахъ годъ“, а потомъ выпросилъ своему господину у царя помилованіе. Довѣріе Нагого къ Сидорову доходило до того, что въ завѣщаніи Нагой назначилъ Сидорова своимъ душеприказчикомъ и завѣщалъ ему дѣтей своихъ научить грамотѣ и быть ихъ опекуномъ до совершеннолѣтія.

Приведенный сейчасъ примѣръ указываетъ на хорошія, добрыя отношенія между господиномъ и крѣпостнымъ, обусловливавшіяся, вѣроятно, и добротой господина, и особой привязанностью къ нему со стороны крѣпостного. Но иногда господской доброты и не было,

а все-таки крѣпостная вѣрность проявлялась, рабыи чувства росли и укрѣплялись. Это превосходно изображено поэтомъ Некрасовымъ въ его „Пѣснь про холопа примѣрнаго Якова вѣрнаго“, гдѣ разсказывается между прочимъ слѣдующее:

„Былъ господинъ невысокаго рода,
Онъ деревнюшку на взятки купилъ,
Жилъ въ ней безвыѣдно 33 года,
Вольничаль, бражничалъ, горькую пилъ.
Жадный, скупой, не дружилъ съ дворянами,
Только къ сестрицѣ ѣзжалъ на чаекъ;
Даже съ родными, не только съ крестьянами,
Былъ господинъ Поливановъ жестокъ:
Дочь повѣнчавъ, муженька благовѣрнаго
Высѣкъ, обоихъ прогналъ нагишомъ,
Въ зубы холопа примѣрнаго,
Якова вѣрнаго
Походя билъ каблукомъ.
Люди холопскаго званія—
Сущіе псы иногда:
Чѣмъ тяжелѣй наказаніе,
Тѣмъ имъ милѣй господа;
Яковъ такимъ объявился изъ младости:
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать,
Да племяша—малютку качать“.

Баринъ жестоко надругался надъ Яковымъ: когда его племянникъ выросъ и захотѣлъ жениться на дѣвущкѣ, на которую зарился самъ баринъ, послѣдній отдалъ несчастнаго жениха въ солдаты, и Яковъ не нашелъ другого выхода, какъ повѣситься на глазахъ у барина.

Не всѣ, однако, приспособлялись къ крѣпостнымъ отношеніямъ, не всѣ легко ихъ переносили. Были люди среди крѣпостныхъ, которые тяготились крѣпостнымъ правомъ и жаждали стряхнуть съ себя цѣпи крѣпостной неволи. Многие вызывало въ нихъ такія желанія.

Прежде всего передъ ними рисовалась старинная, прежняя, вольная жизнь крестьянства, существовавшая задолго до крѣпостного права,—въ то время, когда много было приволья на Руси, когда каждый охотился, ловилъ рыбу, добывалъ медъ и воскъ, гдѣ угодно и сколько угодно, потому что простору было много, а людей мало. Съ такой жизнью многіе бѣглецы крестьяне знакомились на Дону и за Днѣпровскими порогами, гдѣ образовалось казачество, жившее именно охотой и рыболовствомъ, свободно занимавшее вольныя земли, управлявшееся сходами казаковъ и выборными атаманами, не знавшее ни крѣпостничества, ни податей, ни оброковъ, ни барщины. А затѣмъ ненависть къ крѣпостному праву вызывалась жестокостями помѣщиковъ, которые мучили крѣпостныхъ, издѣвались надъ ними, ссылали ихъ, отдавали въ солдаты, насильничали, обременяли работой. Помѣщикъ Струйскій пыталъ и казилъ своихъ крестьянъ, помѣщица Салтычиха замучила до смерти 18 человекъ крѣпостныхъ, не считая другихъ, которые также много терпѣли отъ нея, но остались живы. Этими двумя причинами—стремленіемъ къ старинной волѣ и жестокостями помѣщиковъ—и вызывались крестьянскія возстанія XVII и XVIII вѣковъ. Важнѣйшими изъ нихъ были два—возстаніе Разина въ XVII в. и Пугачева въ XVIII. Первое было вызвано, главнымъ образомъ, желаніемъ возстановить старину, второе было направлено противъ помѣщицкой жестокости, хотя также не было чуждо стремленія вернуться къ прежней волѣ. И Разинъ, и Пугачевъ сначала имѣли успѣхъ, захватили все нижнее и отчасти среднее Поволжье, но въ концѣ концовъ были разбиты схвачены и казнены. Причина ихъ неудачи кроется, кромѣ силы дворянства и правительственныхъ войскъ,

именно въ томъ, что оба они видѣли спасеніе въ возвращеніи къ старинѣ, а не впереди, не въ новомъ, а затѣмъ крѣпостное право было еще необходимо и помѣщикамъ и крестьянству.

V.

Хозяйственныя причины паденія крѣпостного права въ Россіи.

Въ XIX вѣкѣ, особенно къ пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ, хозяйственное положеніе Россіи стало существенно измѣняться. До этого времени хотя и развивалось денежное хозяйство, но развивалось медленно и захватывало не большинство народа, а лишь нѣкоторую, впрочемъ все болѣе значительную, часть его; только съ 50-хъ годовъ XIX столѣтія кругъ товарнаго обращенія расширился до того, что *большая* часть общества начала производить хозяйственныя блага для рынка, а не для собственнаго лишь потребленія. Это видно изъ цѣлаго ряда фактовъ. Прежде всего на это указываетъ ростъ оборотовъ русской внѣшней торговли. Выражая въ круглыхъ цифрахъ цѣнность русскаго вывоза за границу, можно сказать, что въ первые годы XIX в. онъ достигалъ 75 милліоновъ рублей въ годъ, а во второй половинѣ 50-хъ годовъ повысился до 230 милліоновъ; соотвѣтствующія цифры привоза заграничныхъ товаровъ за тѣ же два хронологическихъ момента 52 и 200 милліоновъ рублей. Параллельно этому развивалась и торговля внутренняя, учесть обороты которой невозможно, но можно найти на то цѣлый рядъ косвенныхъ указаній. Такъ развитіе суконныхъ, ситценабивныхъ и ткацкихъ фабрикъ, хронологически опередившее ростъ другихъ отраслей русской фабрично-заводской промышленности, служить

вѣрнымъ показателемъ послѣдовательныхъ и постепенныхъ успѣховъ денежнаго хозяйства; фабричное сукно, ситець и митраль, вслѣдствіе своей дешевизны и высокаго качества, вытѣсняли изъ употребленія продукты домашняго производства,—грубыя суконныя издѣлія и полотна. Далѣе, дворяне-землевладѣльцы, привыкшіе прежде удовлетворять почти всѣмъ своимъ потребностямъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ, тѣмъ ближе къ половинѣ XIX в., тѣмъ болѣе расширяли кругъ предметовъ потребленія, прибрѣтаемыхъ покупкою: одежда, мебель, металлическія издѣлія, экипажи, сбруя, земледѣльческія орудія прежде приготавливались крѣпостными ремесленниками изъ дворовыхъ, а теперь стали покупаться. Вотъ почему дворовые люди въ большинствѣ случаевъ только по имени числились въ этомъ разрядѣ, а на дѣлѣ увольнялись на заработки за оброкъ. Иностраннй наблюдатель нѣмецъ баронъ Гакстгаузенъ замѣтилъ это еще въ 40-хъ годахъ XIX вѣка. Въ 50-хъ годахъ въ ярославскомъ имѣніи Шипова изъ 101 дворового только 15 были заняты въ собственномъ хозяйствѣ помѣщика, остальные же отпускались на оброкъ. Наконецъ, развитіе денежнаго хозяйства заставило и большую часть крѣпостныхъ земледѣльцевъ считаться съ условіями рынка. Это отражается очень ярко и въ ростѣ денежнаго оброка, въ совершенномъ почти вытѣсненіи имъ оброка натурального, и въ развитіи крестьянскаго отхода на заработки въ городъ, и въ обогащеніи многихъ крѣпостныхъ, которые выкупались на волю и основывали крупныя торгово-промышленныя предпріятія. Такъ случилось съ Морозовыми еще въ концѣ XVIII вѣка, подобное-же можно сказать о кустаряхъ-набойщикахъ села Иванова Шуйскаго уѣзда, наконецъ, въ 1831 г. Кондратовы, — тоже

бывшіе крѣпостные,—основали свой металлическій заводъ въ селѣ Вачѣ Муромскаго уѣзда.

Развитіе денежнаго хозяйства сильно отражалось и на земледѣліи и на обрабатывающей промышленности,—какъ на ихъ относительномъ значеніи, такъ и на системѣ или technikѣ, т. е. на способахъ или приѣмахъ производства, на степени затраты труда и капитала.

Земледѣліе продолжало еще играть господствующую роль въ народномъ производствѣ, но средняя и сѣверная Россія постепенно дѣлается не столько земледѣльской, сколько промышленной страной, а земледѣльческими районами являются только мѣстности къ югу отъ Оки. вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе повышенія спроса на проданный русскій хлѣбъ за границей и въ Россіи, оказываются устарѣлыми и мало-полезными старые приѣмы обработки земли; необходимымъ становится ихъ улучшение, большая производительность труда въ земледѣліи. На рубежѣ XVIII и XIX столѣтій русское земледѣліе даже въ издавна заселенныхъ, старинныхъ областяхъ страны представляло собою обширное поле безраздѣльнаго, исключительнаго примѣненія трехпольной системы. При этомъ не мало было такихъ мѣстностей, гдѣ трехполье существовало въ крайне несовершенномъ, недоразвитомъ видѣ; развитой трехпольной системой полевого хозяйства считается такая, когда ежегодно лишь треть годной для распашки земли остается подъ паромъ и удобряется навозомъ, а другія двѣ трети засѣваются наполовину озимью и наполовину яровымъ хлѣбомъ; но уже тогда, когда ежегодно остается безъ обработки половина всей пахотной земли, мы наблюдаемъ въ сущности трехпольную систему въ зачаточномъ, недоразвитомъ состояніи, потому что при такихъ условіяхъ залежь уже

недолго остается безъ распашки, не можетъ возстановить свои производительныя силы путемъ простаго отдыха, безъ удобрения, и, слѣдовательно, превращается уже въ парь. Въ началѣ XIX в. недоразвитое трехполье было распространено еще сильно въ Европейской Россіи, встрѣчалось нерѣдко въ такихъ центральныхъ губерніяхъ, какъ Калужская. Обширныя восточныя и южныя окраины Европейской Россіи и всѣ азіатскія владѣнія въ то же время и долго еще позднѣе оставались широкой ареной переложнаго земледѣлія. Въ первой половинѣ XIX в., особенно въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, зачаточныя формы трехполя развиваются въ его чистую законченную форму; переложная система переходитъ въ недоразвитую трехпольную и, наконецъ, появляется мѣстами болѣе совершенная, чѣмъ трехпольная, плодосмѣнная система земледѣлія, основанная на уничтоженіи пара, замѣнѣ его посѣвомъ утучняющихъ почву травъ, вродѣ клевера и смѣнѣ зерновыхъ хлѣбовъ корнеплодами (кортофелемъ, свекловицей), причѣмъ вводится искусственное удобреніе (приготовленные химическимъ путемъ туки, минеральныя удобрения—фосфориты и т. д.). Уже въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ нѣкоторые дворяне-землевладѣльцы, какъ напримѣръ, калужскій—Полтарацкій, тверской—Шелиховъ и Воробьевъ, тульскій—Хрущовъ, отчасти также рязанскій—Семеновъ, сдѣлали смѣлыя и въ общемъ удачныя попытки привить плодосмѣнъ.

Въ то же время развивалась обрабатывающая промышленность. Въ первые 50 лѣтъ XIX в. количество перерабатываемаго въ Россіи хлопка возросло въ 16 разъ. Въ 1850 г. считалось уже 492 суконныхъ фабрики. Въ 40-хъ годахъ пышнымъ цвѣтомъ распускается кустарная промышленность: къ этому, именно, времени отно-

сится процвѣтаніе извѣстныхъ теперь кустарныхъ центровъ—Павлова, Ворсмы, Иванова-Вознесенска, Кимръ и т. д. На фабрикахъ улучшаются и приемы производства,—вводятся машины: уже въ сороковыхъ годахъ технической уровень русскаго фабричнаго хлопчатобумажнаго производства былъ довольно высокъ.

Наконецъ, новые приемы производства въ земледѣліи и обрабатывающей промышленности требовали и новыхъ формъ хозяйственныхъ предпріятій.

Пока фабрика знала лишь ручное, не машинное производство, какъ то было въ XVIII вѣкѣ, до тѣхъ поръ на ней господствовалъ не свободный трудъ—крѣпостныхъ крестьянъ на дворянскихъ фабрикахъ и крестьянъ посессионныхъ на фабрикахъ купеческихъ. Это происходило оттого, что не было нужды въ большомъ количествѣ товара и притомъ въ товарѣ хорошаго качества: покупателей было мало, и они были очень невзыскательны. Въ XIX в. мы наблюдаемъ важныя перемѣны въ формахъ фабричнаго производства: дворянскія фабрики постепенно исчезаютъ,—въ 30-хъ годахъ онѣ составляютъ уже только седьмую часть всѣхъ русскихъ фабрикъ, а въ 40-хъ—едва двадцатую часть; затѣмъ падаютъ и купеческія посессионныя фабрики: въ 1816 г. Александръ I навсегда запретилъ покупку крестьянъ къ фабрикамъ, въ 1825 г. уже болѣе половины всѣхъ фабричныхъ рабочихъ работали по вольному найму, въ 30-хъ годахъ фабриканты громко жаловались на невыгодность посессионнаго труда, въ 1840 г. изданъ былъ законъ, по которому фабриканты получили право освободить своихъ рабочихъ за деньги или бесплатно, и тотчасъ послѣ этого болѣе половины посессионныхъ фабрикъ перешло, по желанію владѣльцевъ, къ вольнонаемному труду. Однимъ словомъ, къ

половинѣ XIX вѣка, когда понадобились подъ вліяніемъ машиннаго производства болѣе искусные и старательные фабричныя рабочіе, въ обрабатывающей промышленности восторжествовалъ вольнонаемный трудъ; такимъ образомъ, возникъ и усилился спросъ на вольнонаемныхъ рабочихъ, и выдвинулся вопросъ о необходимости освободить крестьянское населеніе отъ крѣпостной зависимости. Мы видимъ, слѣдовательно, что развитіе денежнаго хозяйства и неизбѣжный результатъ его—ростъ фабричной промышленности съ наемнымъ, свободнымъ трудомъ—подрывали крѣпостное право въ его основаніяхъ и выставляли крестьянскую реформу въ качествѣ требованія, совершенно-необходимаго въ интересахъ національно-хозяйственнаго развитія Россіи. Такова первая экономическая причина паденія крѣпостнаго права въ Россіи, коренящаяся въ развитіи обрабатывающей промышленности.

Точно также и въ земледѣліи переходъ къ настоящему, развитому трехполью и зарожденіе плодовсѣна подготовили торжество труда свободнаго надъ крѣпостнымъ. Признакомъ этого является прежде всего уменьшеніе къ половинѣ XIX в. количества барщинныхъ крестьянъ сравнительно съ XVIII столѣтіемъ; такъ, во Владимірской губерніи въ XVIII в. половина помѣщичьихъ крестьянъ сидѣла на барщинѣ, а въ половинѣ XIX вѣка такихъ крестьянъ было уже только $\frac{3}{10}$; въ Московской губерніи въ XVIII в. работали на барщинѣ немногимъ менѣе $\frac{2}{3}$ крестьянъ, а въ половинѣ XIX в. меньше трети. Значитъ барщинный, несвободный трудъ сокращался. Правда, въ южныхъ чисто-земледѣльческихъ губерніяхъ это было не всегда, тамъ иногда на барщину въ XIX в. переводились новые крестьяне, прежде бывшіе на оброкѣ, потому что съ ростомъ хлѣб-

ной торговли расширялась барская запашка и обострялась потребность въ рабочихъ рукахъ, но и здѣсь свободный, вольнонаемный трудъ выступалъ все болѣе на видъ: крѣпостного населенія не хватало, и помѣщики нанимали рабочихъ, приходившихъ изъ другихъ густо населенныхъ губерній; во многихъ имѣніяхъ прямо переходили къ вольнонаемному труду, безъ примѣси или съ небольшою примѣсью крѣпостного: такъ было въ тульскихъ имѣніяхъ графа Бобринскаго и Хрущова, въ нижегородскомъ имѣніи Чаадаева, во многихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ Тамбовской губерніи. Еще въ началѣ 40-хъ годовъ многіе дворяне-землевладѣльцы заявляли, что считаютъ вольнонаемный земледѣльческій трудъ болѣе выгоднымъ для себя, чѣмъ крѣпостной. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго или страннаго: вѣдь затраты на улучшенные приемы земледѣлія дѣлали необходимымъ увеличеніе производительности труда, заставляли заботиться о томъ, чтобы урожаи были лучше и хлѣбъ былъ высшаго качества; между тѣмъ барщинный, подневольный трудъ отличается слабой производительностью: работая неохотно, по неволѣ, въ пользу другого, безъ всякой для себя выгоды, барщинный крестьянинъ исполняетъ свое дѣло чрезвычайно плохо, почему и земля подъ барской пашней не окупаетъ своимъ скуднымъ урожаемъ повышенныхъ, благодаря усовершенствованіямъ, расходовъ. Остается одно средство для повышенія дохода—употребленіе вольнонаемнаго труда, при которомъ искусный, трудолюбивый работникъ вознаграждается лучше другихъ. Другими словами, необходима отмѣна крѣпостнаго права. Итакъ, вторая экономическая причина паденія крѣпостнаго права въ Россіи состояла въ перемѣнахъ приѣмовъ и формъ земледѣльческаго производства.

Въ общемъ, то самое денежное хозяйство, которое въ началѣ своего развитія вызвало къ жизни крѣпостныя отношенія, въ послѣдовательномъ своемъ ростѣ повело къ уничтоженію крѣпостного права, заставивъ и въ земледѣліи, и въ обрабатывающей промышленности, перейти къ улучшеннымъ приѣмамъ производства, въ свою очередь усилившимъ примѣненіе свободнаго, вольнонаемнаго труда и сдѣлавшимъ настоятельной потребностью освобожденіе крестьянъ.

VI.

Подготовка и развитіе въ русскомъ обществѣ мысли о необходимости уничтоженія крѣпостного права.

Для того, чтобы осуществить въ жизни какое-либо преобразование, недостаточно одной подготовки его въ жизни, хозяйственными условіями времени,—для этого необходимо еще сознаніе обществомъ настоятельности и нужды такого преобразования. Поэтому мы должны теперь познакомиться съ тѣмъ, какъ была подготовлена и развилась въ русскомъ обществѣ мысль о необходимости уничтожить крѣпостное право.

Эта мысль появилась впервые еще тогда, когда крестьянская реформа далеко не была подготовлена хозяйственной жизнью страны, въ пору наибольшаго расцвѣта крѣпостныхъ отношеній,—въ царствованіе Екатерины II. Но это не значитъ, что въ то время постановка крестьянскаго вопроса не зависѣла отъ житейскихъ обстоятельствъ, отъ хозяйственныхъ условій: именно по той причинѣ, что окружающая дѣйствительность неблагопріятствовала освободительнымъ стремленіямъ, эти послѣднія принимали большую частью неосуществимую форму, не могли быть примѣ-

нены къ жизни; вмѣсто настоящихъ плановъ преобразованія въ результатѣ получались одни порывы и мечтанія. Мысль объ освобожденіи крестьянъ обнаружилась почти одновременно и въ правительственныхъ кругахъ, и въ обществѣ, и въ литературѣ. И вездѣ она была создана двумя причинами: во-первыхъ, тѣмъ, что русскіе законы не опредѣляли точно правъ земле-владѣльцевъ по отношенію къ крестьянамъ, откуда происходила чрезмѣрная требовательность къ крѣпостнымъ со стороны ихъ господъ; во-вторыхъ, вліяніемъ западно-европейской, по преимуществу французской просвѣтительной литературы XVIII вѣка, признававшей свободу и равенство основными правами человѣка и отрицавшей, поэтому, крѣпостное право. Въ обществѣ и правительствѣ намѣтились, такимъ образомъ, два теченія: 1) просвѣтительно-освободительное, имѣвшее въ виду освобожденіе личности крестьянина безъ надѣленія его хозяйственной самостоятельностью, т. е. безъ сохраненія за нимъ земли, 2) практическое, не задававшееся широкими планами, въ сущности лишенное настоящаго освободительнаго стремленія и предлагавшее лишь смягченіе и законодательное опредѣленіе предѣловъ крѣпостного права, ограниченіе въ законѣ помѣщичьей власти надъ крестьянами. Первое теченіе было сильнѣе второго по числу сторонниковъ, но оба оказались совершенно безрезультатными въ силу неподготовленности реформы жизнью хозяйственными условіями. Представителемъ перваго теченія былъ, напр., князь Голицынъ, настаивавшій въ своихъ письмахъ къ Горчакову, доходившихъ до самой императрицы, на безземельномъ освобожденіи крестьянъ. Депутатъ, въ созданной Екатериною въ 1767 г. Коммисіи для составленія проекта новаго Уложенія, Коробъ

инъ стоялъ за опредѣленіе въ законѣ крестьянскихъ имущественныхъ правъ и высказывался противъ чрезмѣрнаго обремененія крестьянъ владѣльческими поборами, т. е. склонялся къ практическому взгляду на необходимость не уничтоженія, а только законодательнаго ограниченія крѣпостного права. Подобныя же взгляды высказывали графъ Петръ Панинъ и Сиверсъ, и, наконецъ, къ этому склонна была и сама императрица, какъ видно изъ ея „Наказа“, даннаго Коммисіи депутатовъ 1767 г. и представлявшаго собою общее изложеніе преобразовательныхъ плановъ правительства. Тотъ же практическій вопросъ занималъ и учрежденное въ началѣ царствованія Екатерины Императорское вольное экономическое общество, объявившее на премію тему о правѣ собственности крестьянъ и увѣнчавшее преміей работу француза Беарде-де-Лабеля, который признавалъ за крестьянами это право и предлагалъ точно опредѣлить его въ законѣ. Въ концѣ царствованія Екатерины II освободительныя стремленія нашли себѣ яркое и талантливое литературное отраженіе въ знаменитомъ сочиненіи Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, гдѣ изображены были ужасы крѣпостного права, злоупотребленія помѣщиковъ властью надъ крестьянами, и набросанъ былъ цѣлый подробный планъ освобожденія. Характерно, однако, для того времени, что Радищевъ за свое сочиненіе жестоко поплатился долготѣней ссылкой въ Сибирь. Вообще, можно сказать, что при Екатеринѣ II преобладалъ неосуществимый планъ освободить крестьянъ безъ земли: то было время, когда мысль объ освобожденіи едва намѣчалась и зарождалась и потому практическихъ послѣдствій не имѣла.

Болѣе плодотворнымъ въ отношеніи смягченія крѣпостного права было короткое царствованіе непосредственнаго преемника Екатерины—Павла I. Въ день коронаціи императора, 5 апрѣля 1797 года, былъ изданъ манифестъ, имѣющій то значеніе, что онъ былъ первымъ законодательнымъ актомъ, регулировавшимъ отношенія крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ, слѣдовательно, ограничивавшимъ крѣпостное право: этимъ манифестомъ было установлено, что крестьянская барщинная работа на владѣльца не должна превышать три дня въ недѣлю; такимъ образомъ, если не считать воскресеній, половина всего рабочаго времени оставалась крестьянину для его собственной работы на себя. Такъ началъ осуществляться въ дѣйствительности практической взглядъ на необходимость законодательнаго опредѣленія крѣпостныхъ отношеній. Надо, впрочемъ, замѣтить, что манифестъ 5 апрѣля 1797 г. оригинальнымъ образомъ выражалъ идею ограниченія крестьянской барщины: онъ *не предписывалъ* помѣщикамъ ограничиться требованіемъ трехдневной барщины, а *разрѣшалъ* имъ это: какъ будто это было исполненіемъ желанія самихъ помѣщиковъ и, съ другой стороны, какъ будто признавалось, что они раньше не имѣли права давать крестьянамъ подобныя поблажки. Нечего и говорить о томъ, что трехдневная барщина далеко не всегда соблюдалась и при Павлѣ I, и позднѣе: сплошь и рядомъ владѣльцы крѣпостныхъ душъ заставляли работать на себя больше.

Въ царствованіе Александра I сдѣлана была первая попытка частичнаго и постепеннаго освобожденія. Помѣщики всегда имѣли право отпускать на волю отдѣльныхъ своихъ крѣпостныхъ, но законъ не дозволялъ освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями и

имѣніями. Графъ Сергѣй Румянцевъ подалъ императору записку, гдѣ предлагался проектъ разрѣшить дворянамъ увольнять крестьянъ изъ крѣпостного состоянія цѣлыми селеніями или имѣніями за плату или бесплатно, но непременно съ земельнымъ надѣломъ. Результатомъ этой записки было изданіе въ 1803 году закона о свободныхъ или вольныхъ хлѣбопашцахъ, переименованныхъ потомъ при Николаѣ I, въ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. Законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ былъ точнымъ осуществленіемъ проекта Румянцева. Значеніе этого закона въ исторіи крестьянскаго вопроса велико: онъ не только осуществилъ въ жизни освобожденіе крестьянъ цѣлыми массами—тутъ на дѣлѣ не такъ еще значительны были его послѣдствія, потому что на его основаніи вышли на волю до 1861 г. всего 112 тысячъ душъ мужского пола,—но и, что гораздо важнѣе, подчеркнул впервые необходимость освобожденія крестьянъ непременно съ землей.

Этимъ не ограничилось значеніе царствованія Александра I въ развитіи мысли о необходимости облегченія и отмѣны крѣпостного права: на облегченіи крестьянской барщины и на устраненіи жестокости владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ особенно настаивалъ въ это время Николай Тургеневъ; тогда-же зародилась мысль подвинуть впередъ и ускорить ходъ частичнаго и постепеннаго освобожденія крестьянъ, предоставивъ помѣщикамъ право дѣлать крестьянъ лично-свободными и давать имъ при этомъ землю не въ собственность, а въ вѣчную аренду на условіяхъ, точно опредѣленныхъ въ законѣ; эта мысль впервые была высказана Сперанскимъ и проявилась затѣмъ въ мнѣніи гр. Стенбока и въ проектѣ петербургскаго дворянства,

представленномъ правительству, но оставшемся безъ дальнѣйшаго движенія; наконецъ, Вольное экономическое общество предложило на премію тему о сравнительной выгодности для хозяина крѣпостного и вольнонаемнаго труда, и первую премію получилъ Якобъ, признававшій вольнонаемный трудъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ крѣпостной.

Оффиціальная исторія крестьянскаго вопроса при Николаѣ I начинается дѣятельностью секретнаго комитета, учрежденнаго 6 декабря 1826 г. Главнымъ дѣтелемъ въ этомъ комитетѣ былъ Сперанскій, представившій обстоятельную записку, въ которой онъ предлагалъ запретить безземельную продажу крестьянъ, дозволить безпрепятственно увольнять ихъ на свободу и опредѣлить всѣ работы и повинности крѣпостныхъ договоромъ ихъ съ помѣщиками, взаимнымъ соглашеніемъ обѣихъ сторонъ. Секретный комитетъ принялъ предложеніе Сперанскаго, но никакихъ законодательныхъ послѣдствій работы комитета не имѣли. Зато онѣ повліяли на послѣдующій ходъ крестьянскаго дѣла. Въ царствованіе императора Николая I учреждался цѣлый рядъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу, и въ нихъ предлагались проекты самаго разнообразнаго характера, рекомендовавшіе то освобожденіе крестьянъ безъ земли, то частичныя поправки, то, наконецъ, предлагавшіе, согласно указаннымъ уже нами выше предположеніямъ Сперанскаго, личное освобожденіе крестьянъ съ сохраненіемъ за ними права собственности на движимость, права перехода въ другія свободныя состоянія и на иныя владѣльческія земли, но съ правомъ не земельной собственности, а лишь постояннаго пользованія помѣщичьей землей за опредѣленные въ законѣ оброки и

повинности. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ и поданъ въ комитетъ 1839 г. проэктъ графа Киселева, въ которомъ такіе свободные крестьяне—арендаторы помѣщичьей земли назывались обязанными. На основѣ этого проэкта въ 1842 г. былъ изданъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, отличавшійся, однако, существеннымъ образомъ отъ проэкта Киселева: именно: Киселевъ предполагалъ опредѣлить платежи и повинности крестьянъ особыми оффиціальными книгами—инвентарями, чѣмъ устранялись личный произволъ и притѣсненія, а на дѣлѣ, въ законѣ, опредѣленіе повинностей и платежей предоставлено было свободному соглашенію крестьянъ съ землевладѣльцами, такъ что въ сущности все зависѣло отъ землевладѣльцевъ, какъ болѣе сильной стороны. Единственнымъ улучшеніемъ, кромѣ личной свободы, было, значить, предоставленіе крестьянамъ нѣкотораго количества земли въ вѣчную аренду. Поэтому законъ объ обязанныхъ крестьянахъ имѣлъ еще меньше значенія на дѣлѣ, чѣмъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, примѣнялся гораздо еще рѣже. Ему принадлежитъ тѣмъ не менѣе значительная роль въ исторіи крестьянскаго вопроса,—болѣе значительная, чѣмъ закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ: онъ возбудилъ вниманіе къ крестьянскому вопросу въ провинціальномъ дворянствѣ и къ Киселеву стали поступать записки по крестьянскому дѣлу, подготавливавшія общество къ реформѣ, такъ какъ онѣ ходили въ рукописяхъ по рукамъ. Изъ другихъ законодательныхъ мѣръ правительства по крестьянскому дѣлу при Николаѣ I заслуживаетъ упоминанія еще одна: указъ 1847 г., разрѣшившій крестьянамъ выкупаться на волю при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга; но практическое значеніе этого указа было совершен-

но ничтожно: имъ воспользовалось менѣе 1000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 40-хъ годахъ нѣкоторыя дворянскія общества стали ясно сознавать необходимость реформы и—хотя и безуспѣшно—ходатайствовали передъ правительствомъ объ учрежденіи мѣстныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу; такія ходатайства были представлены напр., смоленскими и тульскими дворянами. Вопросъ назрѣвалъ такимъ образомъ все болѣе и болѣе и привлекалъ къ себѣ общественное вниманіе.

Остается указать, что къ концу царствованія Николая I все сильнѣе обнаруживалась и сознавалась необходимость освобожденія крестьянъ въ интересахъ внутренняго порядка и внѣшней безопасности государства. Внутренній порядокъ нарушался крестьянскими волненіями, число которыхъ при Николаѣ I доходило до крупной цифры—556, причемъ въ 20-хъ годахъ было всего 41 волненіе, а въ 50-хъ число ихъ дошло до 137, цифры очень внушительной. Государство не можетъ терпѣть такіе беспорядки, а единственнымъ радикальнымъ средствомъ ихъ уничтоженія является устраненіе ихъ причины—крѣпостного права. Внѣшняя безопасность государства требовала развитія производительныхъ силъ страны, промышленности, торговли, путей сообщенія, такъ какъ недостатки во всемъ этомъ губительно отражались на финансахъ государства, ставили Россію въ низшее положеніе сравнительно съ западомъ Европы и были основной причиной пораженія, понесеннаго нашимъ отечествомъ въ Крымской войнѣ. А для подъема промышленности и торговли, какъ мы знаемъ, существенно необходима была отмѣна крѣпостныхъ отношеній.

Такимъ образомъ, когда началось новое царствованіе—императора Александра II,—настоятельная необходимость законодательнаго уничтоженія крѣпостного права была несомнѣнна для правительства и лучшей, мыслящей и образованной части русскаго общества. Были намѣчены предшествующей исторіей и важнѣйшіе приемы освобожденія: съ землей, подъ условіемъ выкупа, при содѣйствіи мѣстныхъ дворянскихъ комитетовъ.

Какъ всегда бываетъ, освободительныя стремленія, обнаружившіяся въ обществѣ подъ влияніемъ практическихъ потребностей и интересовъ, плохо создаваемыхъ большинствомъ, находили себѣ подкрѣпленіе, подогрѣвались и распространялись въ массѣ той отрасли литературы, которая говоритъ всѣмъ понятнымъ языкомъ, дѣйствуетъ на чувство и воображеніе: мы говоримъ объ изящной литературѣ или беллетристикѣ. Лучшіе представители русской литературы внесли свою лепту въ дѣло распространенія въ обществѣ мысли объ освобожденіи крестьянъ. Не входя въ подробности, можно указать въ этомъ отношеніи на такія общеизвѣстныя и крупныя явленія, какъ знаменитое стихотвореніе Пушкина „Деревня“ съ опальными нѣкогда стихами: „Увижу-ль, наконецъ, народъ неугнетенный, и рабство, павшее по манію царя? и надъ отечествомъ свободы просвѣщенной взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?“ Сюда, въ особенности, относятся такія поаднѣйшія сочиненія, какъ „Записки охотника“ Тургенева и „Антонъ Горемыка“ Григоровича. Тургеневъ и Григоровичъ впервые вскрыли передъ массою русской читающей публики духовный міръ крестьянина, его психологію, содѣйствовали нравственному сближенію образованнаго общества съ

народомъ, открыли въ крѣпостномъ крестьянинѣ человека. Мы не можемъ теперь и представить себѣ то удивительно-сильное впечатлѣніе, какое произвели „Записки охотника“ и „Антонъ Горемыка“ на русское общество 40-хъ и 50-хъ годовъ XIX вѣка: это потому, что мы такъ сжились, сроднились съ мыслью о крестьянинѣ какъ такомъ-же человѣкѣ, какъ мы, что цѣнимъ въ „Запискахъ охотника“ лишь ихъ превосходную художественную, эстетическую сторону, а что касается „Антонъ Горемыки“, то эта въ сущности малохудожественная, сентиментальная, слащавая повѣсть теперь кажется прямо—неинтересной и фальшивой. Но не то было тогда: въ тотъ историческій моментъ оба названныхъ сочиненія, — и „Антонъ Горемыка“ не менѣе „Записокъ охотника“, — сыграли приблизительно ту-же роль, какая принадлежала въ эпоху освобожденія негровъ въ Америкѣ извѣстному роману Бичеръ-Стоу „Хижина дяди Тома“. Сердца согрѣты были горячимъ чувствомъ состраданія и братской любви, а для этихъ чувствъ, разъ они возникли, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ преградъ и препятствій.

VII.

Осуществленіе реформы 19 февраля 1861 г.

Въ осуществленіи реформы 19 февраля 1861 г. слѣдуетъ различать четыре главныхъ момента: 1) начало царствованія Александра II—до конца ноября 1857 г.; 2) эпоху рескриптовъ, положившихъ начало новому повороту дѣла и вызвавшихъ учрежденіе губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, — съ конца ноября 1857 г. до октября 1858 г.; 3) время дѣятельности губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, — 1858

году и отчасти 1859 г.; 4) эпоху дѣятельности редакціонныхъ комиссій, главнаго комитета и государственнаго совѣта,—съ 1859 по 1861 гг.

Въ первый моментъ правительство оставалось всецѣло на старой почвѣ, пыталось разрѣшить крестьянскій вопросъ при помощи стараго, на практикѣ показавшаго въ царствованіе Николая I свою непригодность средства,—именно, секретнаго комитета. 3 января 1857 г. былъ учрежденъ такой комитетъ подъ предсѣдательствомъ врага реформы князя Орлова изъ лицъ, большею частью мало сочувствовавшихъ освобожденію. Большинство членовъ комитета стояло за личное освобожденіе крестьянъ безъ земельного надѣла, но съ правомъ на аренду земли у помѣщиковъ. Такимъ образомъ точка зрѣнія оставалась прежней, унаслѣдованной отъ Николаевской эпохи. При томъ комитетъ высказался за постепенное освобожденіе крестьянъ по частямъ, а не во всей Россіи разомъ. Императоръ Александръ II, которому доложены были результаты трудовъ секретнаго комитета 3 января 1857 г., обсудилъ ихъ съ Киселевымъ, упоминавшимся уже нами, лучшимъ государственнымъ дѣятелемъ по крестьянскому дѣлу при Николаѣ I, причемъ Киселевъ категорически высказался за освобожденіе крестьянъ непременно съ землей. Этимъ былъ поставленъ крестьянъ надъ всѣми трудами комитета, и вмѣстѣ съ тѣмъ кончился первый моментъ осуществленія крестьянской реформы при Александрѣ II.

Историческое значеніе этого момента сводится къ тому, что правительство окончательно убѣдилось въ невозможности разрѣшенія вопросъ старыми средствами и стало искать новыхъ путей.

Великое дѣло освобожденія не могло совершиться

въ *секретномъ* комитетѣ, подъ покровомъ бюрократической тайны: оно нуждалось въ гласности и въ свѣтѣ, равно какъ и въ общественномъ содѣйствіи.

Въ это время въ Петербургъ пріѣхалъ виленскій генераль-губернаторъ Назимовъ и привезъ мнѣніе дворянства сѣверозападныхъ губерній объ установленіи его отношеній къ крестьянамъ. Сѣверозападные дворяне, т. е. дворяне Виленской, Гродненской и Ковенской губерній, держались той точки зрѣнія, что крестьяне должны быть освобождены безъ права собственности на землю, но съ правомъ пользованія помѣщичьей землею на основаніи инвентарей, опредѣлявшихъ точно повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Это было въ сущности возстановленіемъ и расширеніемъ стараго проекта Киселева, вызвавшего изданіе закона 1842 года. Тогда Александръ II предложилъ секретному комитету разсмотрѣть проектъ составленія губернскихъ дворянскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу въ сѣверозападныхъ губерніяхъ и 20 ноября издалъ рескриптъ на имя Назимова. Это былъ первый рѣшительный шагъ въ дѣлѣ реформы и вмѣстѣ начало второго момента ея осуществленія. Въ рескриптѣ указано было средство освобожденія крестьянъ въ сѣверозападныхъ губерніяхъ и изложены общія начала, которыя необходимо было, по мнѣнію правительства, положить въ основу предпринятаго преобразованія. Средствомъ должно было признать, по рескрипту, учрежденіе губернскихъ дворянскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Ковенской, а основныя начала ихъ работы выражены были слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, признавалось право собственности дворянъ на всю землю, но крестьянамъ дано было право выкупа себѣ

въ собственность усадебной осѣдлости и право пользования извѣстнымъ количествомъ полевыхъ, сѣнокосныхъ и лѣсныхъ угодій за оброкъ или работу на помѣщика; во-вторыхъ, крестьянъ предположено распределить на сельскія общества съ предоставленіемъ помѣщикамъ полицейской и судебной власти надъ ними,—вотчинной юстиціи и полиціи. Изъ этого не трудно усмотрѣть, что, какъ ни важенъ былъ сдѣланный впередъ шагъ. рескриптъ Назимову сохранялъ, однако, много устарѣлыхъ началъ и окаменѣлыхъ преданій прошлаго, удовлетворялъ почти исключительно интересамъ дворянъ землевладѣльцевъ, а не крестьянъ: реформа выработывалась и осуществлялась съ большимъ трудомъ и съ чрезвычайно медленной постепенностью. Важно было то, что послѣ названнаго рескрипта въ правительственныхъ кругахъ выдвинулись впередъ и стали пріобрѣтать вліяніе рѣшительные и убѣжденные сторонники реформы: министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской всецѣло подчинился вліянію одного изъ директоровъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ послѣдствіи товарища министра Николая Милютина, и кружка великой княгини Елены Павловны, горячей сторонницы освобожденія. Потомъ вспомнили о старомъ ходатайствѣ дворянъ Петербургской губерніи, просившихъ нѣкогда дозволенія составить проектъ управленія помѣщичьими имѣніями на основаніи инвентарей. Этимъ ходатайствомъ рѣшили воспользоваться, чтобы придать общерусское значеніе мѣрамъ, рекомендованнымъ въ рескриптѣ Назимову, и съ этою цѣлью былъ изданъ другой рескриптъ Александра II—на имя Петербургскаго генераль-губернатора Игнатьева. По содержанію новый рескриптъ былъ совершенно подобенъ Назимовскому, повторялъ всѣ его

основныя положенія. Тогда нижегородское дворянство, по почину мѣстнаго губернатора Муравьева, горячаго сторонника освобожденія, обратилось къ правительству съ ходатайствомъ объ открытіи въ Нижегородской губерніи дворянскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу. Въ началѣ 1858 г., не безъ давленія со стороны правительства, о томъ же просило московское дворянство, а съ марта того же года стали поступать ходатайства объ учрежденіи дворянскихъ комитетовъ въ другихъ губерніяхъ, опять таки не безъ вліянія со стороны правительства; масса провинціального дворянства съ трудомъ мирилась съ необходимостью перемѣнъ. Къ октябрю 1858 г. губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу были учреждены вездѣ, гдѣ существовали владѣльческіе, крѣпостные крестьяне, и этимъ учрежденіемъ завершается, такимъ образомъ, второй моментъ осуществленія реформы 19 феврала. Въ этотъ же моментъ—именно въ началѣ 1858 г.—секретный комитетъ, учрежденный 3 января 1857 г., былъ переименованъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, чѣмъ ясно и твердо обнаружена была рѣшимость правительства открыто произвести реформу и довести ее до конца. Дѣло преобразованія стало теперь гласнымъ, перестало быть тайной.

Третій моментъ охватываетъ всю дѣятельность губернскихъ комитетовъ, явившихся выразителями взглядовъ русскаго дворянства. Дворянство того времени, какъ то видно изъ дѣятельности дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, не все одинаково относилось къ предпринятой реформѣ. Въ немъ можно было различить въ этомъ отношеніи четыре главныхъ направленія. Къ первому принадлежало большинство: то были помѣщики-рутинеры, привыкшіе вести хозяйство по

старинѣ, большею частью давно уже раззорившіеся, но кое-какъ перебивавшіеся при старыхъ порядкахъ, отсрочивавшіе хозяйственную катастрофу со дня на день; они были въ сущности рѣшительными и непреклонными врагами освобожденія, и если, скрѣпя сердце, мирились съ необходимостью крестьянской свободы, то обставляли ея достиженіе тремя тяжелыми для крестьянъ условіями: выкупомъ самой личности крѣпостного крестьянина, т. е. особымъ платежемъ за самый выходъ на свободу, сохраненіемъ барщины послѣ освобожденія и полнымъ или почти полнымъ лишеніемъ крестьянъ земельного надѣла. Въ сущности, люди этого направленія стремились, слѣдовательно, сохранить возможно больше крѣпостныхъ порядковъ. Ко второму направленію принадлежали люди богатые и знатные, привыкшіе къ власти и большею частью переходившіе уже къ крупному земледѣльческому хозяйству въ своихъ имѣніяхъ. Они не противились освобожденію: имъ былъ нуженъ вольнонаемный трудъ земледѣльческихъ рабочихъ; но, во первыхъ, они желали снабдить крестьянъ лишь ограниченнымъ по размѣрамъ земельнымъ надѣломъ, во-вторыхъ, они стремились къ аристократическому строю мѣстнаго управленія, съ предоставленіемъ административной и судебной власти—вотчинной юстиціи и полиціи—крупнымъ землевладѣльцамъ изъ дворянъ. Третье направленіе представлено было дворянами, безусловно стоявшими за освобожденіе крестьянъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ; такихъ было еще меньше, чѣмъ дворянъ-аристократовъ. Наконецъ, было еще четвертое направленіе: это были дворяне—конституціоналисты: большинство ихъ не стояло за крупный надѣлъ, но всѣ они были сторонниками освобожденія съ землей и созданія центрального пред-

ставительнаго учрежденія съ перевѣсомъ въ немъ дворянства. Представителемъ этого направленіе былъ Тверской губернской предводитель дворянства Унковскій, къ которому примыкало большинство тверскихъ дворянъ. Московское дворянство состояло, главнымъ образомъ, изъ представителей двухъ первыхъ направленій и на рѣшительныя мѣры въ пользу освобожденія съ землей было подвергнуто только личнымъ заявленіемъ императора Александра II, который выразилъ недовольство медленностью работы и ея направленіемъ въ московскомъ губернскомъ комитетѣ и указалъ на необходимость произвести реформу сверху, чтобы она не началась снизу. Московскій губернскій комитетъ вообще типиченъ для большинства комитетовъ.

Въ то время, какъ въ провинціи шла дѣятельность губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, сопровождавшаяся борьбою указанныхъ четырехъ взглядовъ на вопросъ, стоявшій на очереди, въ столицѣ государства подготовлялись перемѣны, изъ взаимодѣйствія которыхъ съ результатами трудовъ губернскихъ комитетовъ вышелъ четвертый, и послѣдній, моментъ осуществленія крестьянской реформы. Въ Петербургѣ на помощь рѣшительнымъ сторонникамъ освобожденія крестьянъ пришелъ николаевскій генералъ-адъютантъ, строгій консерваторъ по своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. На перемѣну взглядовъ Ростовцева произвело вліяніе знакомство съ литературой по крестьянскому вопросу и съ настроеніемъ общества, а также отразилось тутъ и свойственное Ростовцеву честолюбіе, желаніе оставить по себѣ добрую память. Онъ пришелъ въ концѣ концовъ къ твердому убѣжденію въ необходимости реформы на тѣхъ именно основаніяхъ, какія составляли завѣтную

мечту дѣятелей, подобныхъ Милютину. Ростовцевъ написалъ Александру II четыре письма изъ заграницы, гдѣ лѣчилъ, и эти письма, развивавшія планъ преобразования, оказали сильное и рѣшительное вліяніе на убѣжденія самого императора. Вернувшись въ Петербургъ, Ростовцевъ окончательно сблизился съ Ланскимъ и Милютинимъ и установилъ новую, вдохновенную Милютинимъ, программу дѣятельности главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Три общихъ начала легли въ основу новой программы: во-первыхъ, необходимость освобожденія крестьянъ безъ выкупа ихъ личности; во-вторыхъ, устройство самостоятельнаго крестьянскаго міра безъ вотчинной юстиціи и полиціи помѣщика; въ-третьихъ, освобожденіе съ земель посредствомъ выкупа послѣдней, причемъ подѣлъ земель должна была разумѣться не только одна усадебная осѣдность, какъ прежде, т. е. не одинъ дворъ и надворныя строенія съ огородами, но и угоды всякаго рода, т. е. и пашня, и сѣнокосъ, и лѣсъ и т. д.

Изложенная программа была утверждена и принята, когда въ концѣ 1858 года стали поступать проекты, выработанные въ губернскихъ дворянскихъ комитетахъ. Тогда наступилъ четвертый и послѣдній моментъ осуществленія крестьянской реформы. Ростовцевъ, Ланской и Милютинъ настояли на учрежденіи трехъ редакціонныхъ комиссій—одной для составленія общихъ законоположеній, другой для составленія законоположеній мѣстныхъ, и третьей—финансовой, для детальной разработки вопроса о выкупѣ земли. Редакціонныя комиссіи состояли подѣ председательствомъ Ростовцева, изъ 36 членовъ, изъ которыхъ 30—въ томъ числѣ Милютинъ, князь Черкасскій, Соловьевъ и Юрій Самаринъ—были убѣжденными сторонниками освобожденія.

Редакціонныя комиссіи энергично составили предва- рительный проект реформы. Тогда были вызваны въ Петербургъ дворянскіе представители (депутаты) отъ гу- бернскихъ комитетовъ, причеъ Милютинъ и Соловь- евъ, черезъ посредство Ланского, настояли на двухъ условіяхъ призыва этихъ представителей: первое зак- лючалось въ томъ, чтобы вызваны были депутаты не только отъ большинства, господствовавшего въ губерн- скихъ комитетахъ и несочувственно относившагося къ реформѣ, но и отъ меньшинства, стремившагося къ освобожденію крестьянъ съ землей; второе условіе имѣ- ло въ виду ограничить сопротивленіе проекту со сто- роны противниковъ реформы: съ этой цѣлью отъ де- путатовъ рѣшено было требовать не обсуждения об- щихъ началъ проекта, составленнаго редакціонными комиссіями, а только отзывовъ о примѣненіи проекта къ мѣстнымъ условіямъ. Большинство такъ называе- мыхъ депутатовъ перваго призыва отъ губернскихъ комитетовъ—общее число этихъ депутатовъ было 32— было до чрезвычайности раздражено такимъ ограниче- ніемъ ихъ правъ, подало адресъ государю съ жало- бой на Ростовцева и послало самому Ростовцеву пи- сьмо, гдѣ требовало права обсуждать проектъ во всей его полнотѣ. Александръ II, подчиняясь вліянію Рос- товцева, черезъ котораго дѣйствовало большинство членовъ редакціонныхъ комиссій, отклонилъ требова- нія депутатовъ. Тогда послѣдніе волей-неволей стали обсуждать частности и остановились на подробностяхъ вопроса, имѣвшаго первостепенную важность: стали обсуждать предложенія о выкупѣ крестьянами надѣ- ловъ, сдѣланныя редакціонными комиссіями по плану Милютина. Эти предложенія встрѣтили со стороны де- путатовъ перваго призыва сильное противодѣйствіе;

они многое измѣнили въ вопросѣ о выкупѣ: во первыхъ, была понижена величина выкупаемаго крестьянскаго надѣла; во-вторыхъ, выкупаемая земля была оцѣнена гораздо выше, чѣмъ предлагали редакціонныя комиссіи. Это были поправки въ пользу дворянъ и вопреки крестьянскимъ интересамъ. И несмотря на то, что депутаты перваго призыва были скоро распущены правительствомъ, недовольнымъ ими, редакціонныя комиссіи все же вынуждены были пойти на уступки требованіямъ, заявленнымъ представителями дворянскаго сословія: понизили размѣръ надѣла и повысили выкупной платежъ. Между тѣмъ въ началѣ 1860 г. умеръ Ростовцевъ, и для реформы наступили, казалось, черныя дни: предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій былъ назначенъ врагъ предпринятаго преобразования графъ Панинъ. Тогда были вызваны въ Петербургъ 40 дворянскихъ депутатовъ втораго призыва отъ губернскихъ комитетовъ. Депутаты втораго призыва пошли дальше въ дѣлѣ сопротивленія реформѣ, чѣмъ ихъ предшественники: они желали сохранить за помѣщиками всю землю, и самое большее на что они были согласны, заключалось въ предоставленіи освобожденнымъ крестьянамъ земельного надѣла лишь на извѣстный опредѣленный срокъ въ пользованіе. Не смотря на то, что этимъ нарушались основныя начала дѣятельности редакціонныхъ комиссій и главнаго комитета, установленнаго при Ростовцевѣ, Панинъ горячо поддерживалъ депутатовъ втораго призыва. Это привело Панина къ рѣзкому столкновенію съ членами редакціонныхъ комиссій, особенно съ Милютинымъ. Казалось, что планы Милютина и его друзей окончательно рушились. Но императоръ Александръ II подъ вліяніемъ великой княгини Елены Павловны хорошо при-

няли членовъ редакціонныхъ комиссій, окончившихъ свои занятія, и проектъ ихъ, несмотря на заявленія депутатовъ второго призыва, былъ переданъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ, ревностный приверженецъ реформы по началамъ, принятымъ редакціонными комиссіями. Главный комитетъ сохранилъ эти начала, но понизилъ еще болѣе размѣры надѣловъ. Еще болѣе понизилъ ихъ государственный совѣтъ. 19 февраля 1861 г. проектъ Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, сталъ закономъ, а 5 марта былъ опубликованъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.

Такъ пало навсегда крѣпостное право въ Россіи.

VIII.

Основные черты Положенія 19 февраля 1861 года.

Послѣ освобожденія состояніе крестьянъ въ Россіи опредѣляется Положеніемъ 19 февраля 1861 года.

Первая черта этого Положенія, которую слѣдуетъ отмѣтить, состоитъ въ томъ, что, до выкупа земли, крестьяне должны были пользоваться той землей, какую занимали при крѣпостномъ правѣ, но обязаны были давать точно опредѣленное въ Положеніи вознагражденіе помѣщикамъ за такое пользованіе, почему и назывались временно-обязанными. Такъ было создано закономъ временное переходное состояніе отъ крѣпостничества къ свободѣ.

Далѣе: Положеніе 19 февраля 1861 г. останавливается на вопросѣ о цѣнѣ выкупаемой крестьянами

земли, причемъ, однако, отношеніе закона къ двумъ главнымъ частямъ выкупаемаго надѣла было неодинаково, именно: въ Положеніи была точно опредѣлена для каждой мѣстности цѣна усадебной осѣдлости, т. е. дома съ огородами и надворными постройками, но опредѣленіе выкупной цѣны угодій, т. е. пашни, сѣнокоса, лѣса, выгона, предоставлено было свободному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками, что, конечно, давало значительный перевѣсъ помѣщикамъ, потому что они были богаче и, слѣдовательно, сильнѣе крестьянъ.

Третій важный вопросъ, занимавшій вниманіе составителей Положенія 19 февраля,—это вопросъ о размѣрахъ крестьянскаго надѣла. Положеніемъ были установлены для каждой губерніи особый высшій и особый низшій размѣры выкупаемой земли. Въ результатѣ оказалось, что крестьянамъ перешла далеко не вся земля, какой они пользовались при крѣпостномъ правѣ, а только $\frac{4}{5}$ ея, причемъ $\frac{1}{5}$ отрѣзанная помѣщиками, состояла изъ земель особо выгодныхъ, выдававшихся клиньями въ крестьянскія земли, отрѣзывавшихъ водопой, дорогу, выгонъ и т. д., и тѣмъ обезпечивавшихъ возможность помѣщикамъ сдавать эти земли въ аренду по весьма высокой цѣнѣ, такъ какъ онѣ были необходимы для крестьянскаго хозяйства. Надо еще замѣтить, что въ Положеніе 19 февраля была введена одна оговорка, дурно отразившаяся на поземельномъ устройствѣ части крестьянъ: законъ дозволилъ помѣщикамъ давать крестьянамъ надѣлъ безъ выкупа, такъ называемый дарственный надѣлъ, менѣе четверти вышшаго надѣла, т. е. очень небольшой по размѣрамъ, заслужившій справедливо названіе нищенскаго. Этимъ дозволеніемъ, между прочимъ, воспользовались нѣкоторые особенно крупные, богатые землевладѣльцы.

Четвертая основная черта Положенія 19 февраля 1861 года состоитъ въ постановленіяхъ о крестьянскомъ землевладѣніи. Вопросъ о землевладѣніи крестьянъ принадлежалъ въ то время къ числу наиболѣе жгучихъ, вызывалъ прямо противоположныя предложенія: одни считали унаслѣдованное отъ крѣпостного права мірское или общинное землевладѣніе вреднымъ при новыхъ свободныхъ условіяхъ жизни и требовали его законодательнаго уничтоженія и введенія личной земельной собственности; другіе видѣли въ порядкахъ мірскаго землевладенія зародышъ другихъ, лучшихъ поземельныхъ отношеній и считали его лучшимъ средствомъ противъ образованія безземельнаго пролетаріата. Положенія 19 февраля выбрало средній путь: оно сохранило и мірское, и личное или подворное землевладѣніе тамъ, гдѣ то и другое существовало.

Пятымъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о средствахъ надѣленія крестьянъ землей или такъ называемой выкупной операціи. У крестьянъ не было денегъ для выкупа земли и правительство выпустило особыя процентныя бумаги на всю выкупную сумму, которую, такимъ образомъ, выручило и уплатило дворянамъ, а для полученія этой суммы казною съ крестьянъ были установлены съ крестьянскаго населенія такъ называемые выкупные платежи, первоначально разсроченные на $49\frac{1}{2}$ лѣтъ, но потомъ отсроченные еще по разнымъ мѣстностямъ на болѣе продолжительное время, такъ что, если не послѣдуетъ дальнѣйшихъ перемѣнъ, выкупная операція закончится во всей Россіи въ 1932 г. Деньгами, вырученными отъ выкупной операціи, дворянство воспользовалось для двухъ цѣлей: во-первыхъ, оно завело на эти деньги хозяйство съ вольнонаемнымъ трудомъ; во-вторыхъ, уплатило значительную часть

своихъ долговъ: ко времени паденія крѣпостного права во всей Россіи было заложено болѣе 44 тысячъ имѣній на 425¹/₂ милліоновъ рублей.

Наконецъ, Положеніе занято было еще шестымъ вопросомъ—объ устройствѣ сельскихъ обществъ. Освобожденнымъ крестьянамъ дано было сословное самоуправленіе во главѣ съ сельскимъ сходомъ изъ домохозяевъ и выборнымъ отъ нихъ сельскимъ старостой. Сельское общество должно раскладывать и собирать подати, устанавливать налоги для собственныхъ своихъ нуждъ, производить передѣлъ земли тамъ, гдѣ сохранилось мірское землевладѣніе. Нѣсколько сельскихъ обществъ соединяются въ волость съ волостнымъ старшиной и сходомъ во главѣ и съ выборнымъ волостнымъ судомъ.

Таково было въ существенныхъ чертахъ содержаніе Положенія 19 февраля 1861 г. Безъ сомнѣнія, оно внесло много новаго въ крестьянскую жизнь, перестроило ее во многихъ отношеніяхъ. Но оно не вполне уничтожило всѣ остатки крѣпостного права, до сихъ поръ сохраняющіеся въ нѣкоторыхъ сторонахъ крестьянской жизни. Сюда относятся, напр., стѣсненіе права крестьянъ на переселеніе и отлучку необходимою разрѣшенія властей для переселенія и выдачей увольнительнаго свидѣтельства для отлучки и строгая опека со стороны земскихъ начальниковъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ томъ, что новыя условія русской общественной жизни окончательно уничтожатъ всѣ остатки крѣпостныхъ отношеній.

Литература: статья Милюкова, — „Крестьяне“, въ 32 мѣ полutomѣ энциклопедическаго словаря Брокгауза и Эфрона; Бѣляевъ, — „Крестьяне на Руси“; Энгельманъ, — „Исторія крѣпостного права въ Россіи“; Клю-

чевскій, — „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи“ (въ „Русской Мысли“ за 1885 г.); Дьяконовъ, — „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ“; Лаппо-Данилевскій, — „Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ“; Рожковъ, — „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ“; Семевскій, — „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“; Семевскій, — „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.“; Игнатовичъ, — „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“; Иванюковъ, — „Паденіе крѣпостного права въ Россіи“; Корниловъ, — „Губернскіе дворянскіе комитеты по крестьянскому дѣлу“ (въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1905 г.).

177

X

U

_____

Р. Вл
5к №1619.

Г. И. ЗЕМЕЛЬ.

к

Книгоиздательство МОЛОТЪ.

19 20 05.

Н. А. РОЖКОВЪ.

О ФОРМАХЪ

НАРОДНАГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА.

42952

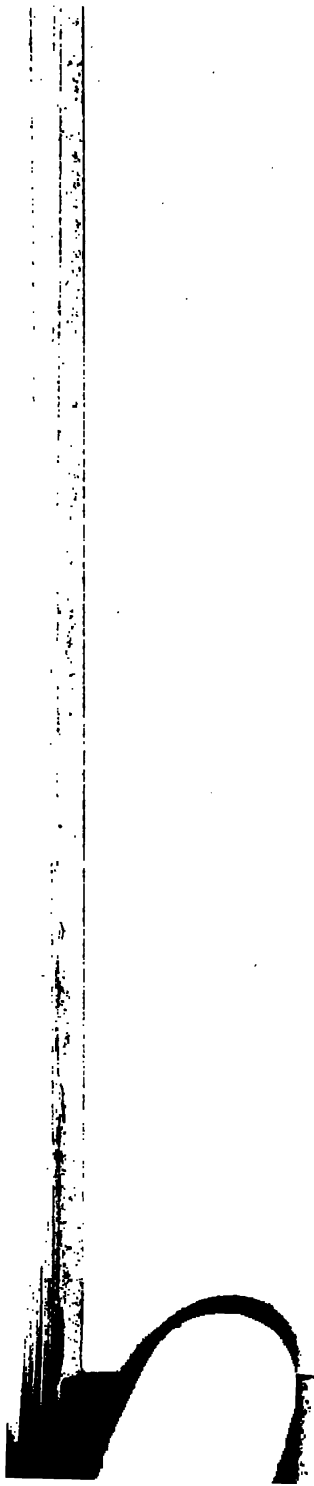
Цѣна 5 коп. С. Ф. С. Р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1905.

Доволено цензурою. Москва, 19 мая 1905 года.

О ФОРМАХ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА.

Вопросъ о формахъ народнаго представительства довольно сложенъ. Чтобы правильно рѣшить его, надо рассмотреть отдѣльно три частныхъ вопроса, на которые онъ естественно распадается: 1) какія формы представительства существуютъ и существовали; 2) какими условіями создаются разныя формы народнаго представительства; 3) какія формы представительства свойственны демократическому государству.

Разсматривая первый вопросъ, надо замѣтить, что вообще существовали и существуютъ четыре основныхъ формы народнаго представительства: аристократическое или кровное, сословное, цензовое и всеобщее избирательное право.

Аристократическимъ представительствомъ называется такое, которое основано на представительствѣ знатнѣйшихъ или вообще привилегированныхъ фамилій ихъ главами, получающими право представительства не по выбору народа, а по наслѣдству отъ своихъ предковъ. Примѣромъ такого аристократическаго представительства въ настоящее время является англійская палата лордовъ, состоящая изъ лордовъ или королевскихъ пэровъ, главъ знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій и изъ епископовъ. Всѣ лорды—наслѣдственные законодатели, передающіе свое мѣсто въ палатѣ

*

своимъ старшимъ сыновьямъ. Передачи полномочій отъ общества путемъ выборовъ здѣсь совершенно нѣтъ.

Второй формой представительства является представительство сословное, гдѣ есть выборы, по крайней мѣрѣ отчасти, и въ низшихъ сословіяхъ, но производятся они по сословіямъ, причемъ представители каждаго сословія засѣдаютъ обыкновенно отдѣльно, подаютъ голоса по сословіямъ, и всѣ вопросы рѣшаются не большинствомъ голосовъ представителей, а большинствомъ голосовъ сословія. Такъ, въ средневѣковой Франціи въ сословно-представительномъ учрежденіи, носившемъ названіе генеральныхъ штатовъ, присутствовали представители трехъ сословія—дворянства, духовенства и мѣщанства (буржуазіи), каждое сословіе засѣдало особо и особо голосовало, такъ что, если дворянство и духовенство были согласны между собою, то ихъ два голоса подавляли голосъ буржуазіи. Въ настоящее время сословное представительство столь же рѣдко, какъ и представительство аристократическое. Въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ оно сохранилось, напр., въ Финляндіи: сеймъ состоитъ здѣсь изъ четырехъ сословныхъ группъ—дворянства (дворяне присутствуютъ не по выбору, а поголовно,—тутъ аристократическое представительство), духовенства, выборныхъ отъ горожанъ и выборныхъ отъ крестьянъ. Въ основѣ сословнаго представительства лежитъ такой общественный строй, въ которомъ отдѣльныя группы общества различаются между собою въ юридическомъ отношеніи,—по правамъ и обязанностямъ; такія юридически различныя группы и называются сословіями.

Но общество может дѣлиться еще на классы, т. е. на группы, различающіяся между собою тѣмъ положеніемъ, какое онѣ занимаютъ въ производствѣ и обмѣнѣ хозяйственныхъ благъ: такъ, классами являются землевладѣльцы, земледѣльцы, фабриканты, рабочіе и т. д. Различные классы имѣютъ разную степень имущественной обеспеченности: одни богаты, другіе бѣдны. На различіи въ имущественномъ достаткѣ основывается третья форма народнаго представительства—цензовое представительство, при которомъ правомъ выбирать представителей (такъ называемымъ активнымъ избирательнымъ правомъ) и правомъ быть выбираемыми въ представители (пассивнымъ избирательнымъ правомъ) пользуются лица, обладающія имуществомъ не ниже установленнаго размѣра. Устанавливаемый закономъ размѣръ имущества, дохода или налоговъ, дающій избирательныя права, называется имущественнымъ цензомъ. Цензовое представительство существуетъ, напримѣръ, въ Англіи при выборахъ въ палату общинъ: активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ пользуются при этомъ всѣ англійскіе граждане, платящіе за квартиру не менѣе 10 фунтовъ стерлинговъ въ годъ (около 100 руб. на наши деньги). Болѣе высокій имущественный цензъ существуетъ въ Бельгіи, Австріи, Венгріи, Пруссіи и т. д. Наши земскія и городскія учрежденія также построены на основѣ цензоваго представительства. Вообще это въ настоящее время очень распространенная форма народнаго представительства.

Наконецъ, существуетъ еще всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право безъ всякихъ ограниченийъ. Если разсматривать эту форму представитель-

ства въ идеалѣ, то надо признать, что терминъ «всеобщее» предполагаетъ распространеніе активнаго и пассивнаго избирательнаго права на всѣхъ безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, по достиженіи лишь извѣстнаго возраста. Прямымъ избирательное право бываетъ тогда, когда избиратели непосредственно своимъ голосованіемъ намѣчаютъ депутатовъ, когда не существуетъ такъ называемыхъ двустепенныхъ выборовъ, состоящихъ въ томъ, что избиратели намѣчаютъ лишь особыхъ выборщиковъ, а этимъ послѣднимъ принадлежитъ уже право выбирать депутатовъ. Терминъ «равное» избирательное право употребляется въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ, имъ обозначается тотъ фактъ, что активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ пользуются одни и тѣ же лица (бывало и не такъ: иногда для того, чтобы быть выбраннымъ въ депутаты требовали повышенный имущественный цензъ сравнительно съ избирателями или болѣе высокій возрастъ); во-вторыхъ, при равномъ избирательномъ правѣ каждый избиратель долженъ имѣть только одинъ голосъ; устраняется такимъ образомъ такъ называемая множественность вотумовъ, встрѣчающаяся напр., въ Бельгіи и состоящая въ томъ, что нѣкоторые болѣе состоятельные избиратели имѣютъ при выборахъ по нѣскольку голосовъ.

Наконецъ, тайной называется такая подача голоса при выборахъ, при которой избиратель имѣетъ право безъ свидѣтелей, въ особомъ помѣщеніи написать и заключить въ конвертъ свою избирательную записку съ именемъ кандидата и подать этотъ конвертъ запечатаннымъ. Такимъ образомъ, остается неизвѣстнымъ, кого именно выбралъ данный избиратель, такъ что

устраивается всякое давленіе со стороны, напр., вліяніе кредиторовъ избирателя, его хозяина, если онъ на службѣ у частнаго лица, начальства и т. д.

Наконецъ, для своей полноты всеобщее избирательное право нуждается еще въ отсутствіи всякихъ другихъ ограниченій, къ числу которыхъ принадлежитъ, напр., требованіе, чтобы избиратель прожилъ въ мѣстности, гдѣ подаетъ голосъ, нѣкоторое, точно определенное время—3-6 мѣсяцевъ. Это особенно неудобно для рабочихъ, по самой своей профессіи вынужденныхъ нерѣдко мѣнять мѣстожительство.

Всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право существуетъ въ настоящее время во многихъ государствахъ,—напр., въ Германской имперіи, во Франціи, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и т. д. Необходимо, однако, оговориться: въ чистомъ, идеальномъ видѣ его нѣтъ нигдѣ: главное отступленіе отъ идеала состоитъ въ томъ, что женщины не пользуются избирательными правами; только въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки и въ Новой Зеландіи за женщинами признается избирательное право—и то лишь активное, а не пассивное: онѣ участвуютъ въ выборахъ въ качествѣ избирателей, но не могутъ быть сами избираемы въ народные представители.

Установивъ четыре основныхъ типа народнаго представительства—аристократическое, сословное, цензовое и всеобщее—необходимо прибавить, что кромѣ этихъ чистыхъ типовъ на практикѣ существуютъ еще смѣшанные. Важнѣйшимъ изъ такихъ смѣшанныхъ типовъ народнаго представительства является система двухъ палатъ. Изучая двухпалатную систему, слѣдуетъ различать два случая: во-первыхъ, двухпалатную сп-

стему въ государствахъ унитарныхъ, централизованныхъ, во-вторыхъ, ту же систему въ федеративныхъ государствахъ, представляющихъ собою соединеніе нѣсколькихъ самоуправляющихся политическихъ единицъ. Въ унитарныхъ государствахъ система двухъ палатъ представляетъ собою въ сущности сочетаніе разныхъ формъ народнаго представительства. Такъ, въ Англіи верхняя палата или палата лордовъ представляетъ собою образецъ аристократическаго представительства, а нижняя палата или палата общинъ основана на представительствѣ цензовомъ. Даже тогда, когда выборы въ обѣ палаты основаны на всеобщей подачѣ голосовъ, дѣло въ сущности не мѣняется: изучая составъ верхней палаты, въ такихъ случаяхъ легко убѣдиться, что здѣсь имѣется на-лицо не что иное, какъ скрытый цензъ. Въ самомъ дѣлѣ: французскій сенатъ пополняется слѣдующимъ образомъ: всеобщей подачей голосовъ выбираются муниципалитеты, по функціямъ подобные нашимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ; эти органы мѣстнаго самоуправления выбираютъ уже сенаторовъ. И оказывается, что при такихъ порядкахъ въ сенатъ попадаютъ почти исключительно представители богатѣйшей буржуазіи. Такимъ образомъ система двухъ палатъ въ унитарныхъ государствахъ имѣетъ недвусмысленный характеръ ограниченія демократическаго принципа.

Совершенно иной смыслъ имѣетъ система двухъ палатъ въ федеративныхъ государствахъ. Напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки законодательное учрежденіе—конгрессъ—состоитъ изъ двухъ палатъ—палаты депутатовъ и сената. И депутаты и сенаторы выбираются всеобщей подачей голосовъ, но

количество депутатовъ отъ каждаго штата опредѣляется числомъ его жителей, тогда какъ въ сенатъ каждаго штата посылаетъ по два сенатора. Идея, одушевляющая эту систему, ясна: хотая уравнивать права отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ союзъ, путемъ равенства ихъ всѣхъ въ верхней палатѣ.

Это вполне понятно въ тѣхъ федераціяхъ, которыя состоятъ изъ политическихъ единицъ, не рѣзко различающихся между собою по размѣрамъ территорій и количеству населенія. Но это невозможно тамъ, гдѣ между отдѣльными частями федераціи различія по пространству и числу жителей слишкомъ велики. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ мы и не встрѣчаемъ въ федеративныхъ парламентахъ двухъ палатъ: такъ, германскій рейхстагъ однопалатное представительное учрежденіе. Надо, впрочемъ, замѣтить, что верхняя палата въ федеративныхъ государствахъ вообще имѣетъ второстепенное значеніе сравнительно съ нижней: это именно надо сказать объ американскомъ сенатѣ.

Переходимъ ко второму вопросу о томъ, чѣмъ создаются и почему сохраняются разныя формы народнаго представительства.

Отчего возникаетъ; развивается и сохраняется аристократическое представительство? Оно очень древняго происхожденія, восходитъ къ эпохѣ натурального хозяйства и притомъ къ тому ея періоду, когда главную роль въ экономической жизни играетъ не земледѣліе, а добывающая промышленность—охота, рыболовство, пчеловодство. Каждая семья держится тогда особо, чтобы не мѣшать другимъ въ хозяйственномъ отношеніи; раздѣленіе труда существуетъ лишь въ предѣлахъ самой семьи; торговли почти нѣтъ: все

необходимое семейный союзъ добываетъ трудомъ своихъ членовъ, ничего не покупая и не продавая.. Вотъ почему личность въ эту эпоху поглощается семьей, и реальной политической силой является именно семья, кровный союзъ. Отсюда возникаетъ кровное представительство на народномъ собраніи или вѣчѣ, на которомъ правомъ рѣшающаго голоса пользуются только главы семейства. Но обыкновенно уже въ это время слагается общественная группа, которая занимается не одной добывающей промышленностью, а отдаетъ часть своихъ силъ и времени внѣшней торговлѣ, замѣняющей сплошь и рядомъ тамъ, гдѣ можно, разбоємъ. Этими занятіями создаются для нея нѣкоторыя матеріальныя преимущества, что и отражается въ образованіи особаго аристократическаго совѣта при царѣ, королѣ или князѣ, совѣта, построеннаго опять-таки на кровномъ представительствѣ, состоящаго изъ главъ аристократическихъ семействъ. Таковы сенатъ въ Римѣ, герусія въ Спартѣ, ареопагъ въ Афинахъ, германскій совѣтъ старѣйшинъ, древнѣйшая русская боярская дума или совѣтъ дружинниковъ князя. Таково происхожденіе аристократическаго представительства.

Аристократическая или кровная форма представительства сохраняется и во второй періодъ развитія натурального хозяйства, тогда, когда надъ добывающей промышленностью одерживаетъ верхъ земледѣліе. Такъ сенатъ въ Римѣ, наша боярская дума, средневѣковые съѣзды королевскихъ пэровъ сохранились и въ эту эпоху. Разница сравнительно съ предшествующимъ періодомъ состояла лишь въ томъ, что на основѣ капиталовъ, добытыхъ раньше торговлей и разбо-

емъ, сложилась подъ вліяніемъ господства земледѣлія новая, болѣе прочная опора для аристократическихъ привиллегій, именно землевладѣніе. Земледѣліе требуетъ нѣкоторой, довольно значительной сравнительно съ добывающей промышленностью, затраты капитала: первобытныя звѣроловъ, рыболовъ или пчеловодъ почти совершенно не нуждаются въ капиталѣ для своихъ производительныхъ цѣлей: нетрудно и ничего не стоитъ устроить тенета для звѣря, обзавестись рогаминою, сплести сѣти для рыбъ; чтобы собрать воску и меду, стоитъ только найти въ лѣсу дуплистое дерево, гдѣ живутъ дикія пчелы, переморить или выгнать ихъ и взять соты. Не то въ земледѣліи: при занятіи имъ въ лѣсной странѣ, необходимо выжечь лѣса, выкорчевать пни, распахать новъ, засѣять ее, переборонить поле, сжать и вымолотить хлѣбъ, смолоть зерно. Всѣ эти операціи требуютъ значительной затраты времени, слѣдовательно, предполагаютъ у земледѣльца наличность извѣстнаго потребительнаго запаса, извѣстныхъ средствъ для пропитанія; кромѣ того, операціи эти настолько сложны, что вызываютъ употребленіе земледѣльческихъ орудій—плуга, сохи, бороны, косы или серпы и т. д.; если къ этому прибавить необходимость сѣмянъ для посѣва, рабочаго скота и хозяйственныхъ построекъ, то станетъ понятной настоятельная нужда земледѣльца въ капиталѣ. Между тѣмъ отдѣльная крестьянская семья сплошь и рядомъ не обладала достаточными для успѣшнаго веденія земледѣльческаго хозяйства средствами, а это заставляло ее нерѣдко отказываться отъ земли за ссуду инвентаремъ, получаемую отъ лицъ болѣе состоятельныхъ. Такъ и сложилось частное землевладѣніе,

прочный фундамент для аристократическаго представительства, которое въ это время успѣло поэтому уничтожить и кровное не-аристократическое представительство, такъ какъ вѣче подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ новыхъ хозяйственныхъ условій исчезло.

Первый серьезный удар нанесенъ былъ аристократическому представительству лишь зарожденіемъ и первоначальнымъ развитіемъ денежнаго хозяйства, основаннаго на раздѣленіи труда и на обмѣнѣ или торговлѣ. Правда, въ это время аристократическое представительство не исчезло, а лишь осложнилось, какъ скоро увидимъ, другими формами представительства, но чѣмъ далѣе шло впередъ развитіе денежнаго хозяйства, тѣмъ сильнѣе и разрушительнѣе были удары, наносимые аристократіи. Это вполне понятно: при денежномъ хозяйствѣ нужна инициатива, необходима предприимчивость, коммерческая опытность, подвижность, склонность къ риску и т. д. Старая аристократія большею частью всѣмъ этимъ не обладаетъ, и потому ея значеніе блѣднѣетъ. Естественно, что въ наше время денежнаго хозяйства, рассчитаннаго на обширный, даже міровой рынокъ, уцѣлѣли лишь остатки стариннаго аристократическаго представительства, въ родѣ англійской палаты лордовъ или первой куріи австрійскаго рейхсрата, гдѣ присутствуютъ главы знатнѣйшихъ фамилій не по избранію, а по праву наслѣдства, или наслѣдственныхъ сенаторовъ въ Италіи. Что это не болѣе, какъ именно обломки старины, переживанія отдаленнаго прошлаго, можно видѣть изъ того, что въ австрійскомъ и итальянскомъ парламентахъ такихъ аристократическихъ элементовъ мало, а англійская палата лордовъ

имѣть меньшее значеніе, чѣмъ палата общинъ только палатѣ общинъ принадлежитъ право бюджетнаго законодательства, т. е. право измѣненія и утвержденія смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ, палата лордовъ ограничивается лишь формальнымъ разсмотрѣніемъ бюджета, ничего въ неѣ не измѣняя, кромѣ того министерство отвѣтственно въ Англіи только передъ палатой общинъ, а не передъ палатой лордовъ: оно выходитъ въ отставку, если большинство въ палатѣ общинъ выскажется противъ его политики, но мнѣніе большинства въ палатѣ лордовъ нисколько не вліяетъ на судьбу министерства. Къ этому надо добавить, что въ сущности палата лордовъ уже утратила почти совершенно свой чисто-аристократическій характеръ: большинство пэровъ не аристократы, а выслужившіеся люди: въ царствованіе Викторіи министерства, чтобы провести черезъ палату лордовъ принятые палатой общинъ, но непріятные для знати законопроекты, сплошь и рядомъ прибѣгали къ назначенію новыхъ пэровъ изъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей и чиновниковъ или изъ представителей крупнаго капитала (какъ Ротшильдъ). Наконецъ, многіе пэры позолотили свои гербы женитьбой на дочеряхъ богатыхъ купцовъ, фабрикантовъ и банкировъ и сами пустились въ денежные спекуляціи и занялись промышленными предпріятіями. Эта примѣсь капитала и поддерживаетъ въ Англіи палату лордовъ. Вліяетъ тутъ и общій характеръ англійской общественной жизни, въ которой всегда все шло постепенно, безъ скачковъ, перерывовъ и катастрофъ, правящіе классы дѣлали уступки недовольнымъ, покуная ча-

стичными поправками и компромиссами сохраненіе многого, что обезпечивало имъ преобладаніе въ обществѣ.

Такимъ образомъ въ эпоху натурального хозяйства единственной формой представительства было представительство кровное, аристократическое, прористекавшее не изъ выборовъ, а изъ права наследованія. Но по мѣрѣ роста населенія рамки натурального хозяйства дѣлались все болѣе тѣсными: увеличилась потребность въ необходимыхъ и полезныхъ предметахъ, понадобилось ихъ больше по количеству и лучшаго качества. Достигнуть такихъ результатовъ можно было только путемъ раздѣленія труда, специализаціи занятій, а такъ какъ каждый мастеръ своего дѣла нуждался и въ чужихъ произведеніяхъ, то ему не оставалось ничего другого, какъ продавать избытки продуктовъ своего труда и покупать чужія произведенія. Такъ развилась торговля, потребовавшая обширнаго примѣненія денегъ, и такимъ образомъ на смѣну натурального хозяйства пришло хозяйство денежное или мѣновое. Переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному чрезвычайно труденъ, всю жизнь надо перестраивать на ново, ломать все, что установилось вѣками. Въ это время даже высшіе классы населенія нуждаются въ поддержкѣ, опекѣ, покровительствѣ; одной семьѣ своими собственными усиліями невозможно справиться со всею сложностью новыхъ хозяйственныхъ отношеній. И потому организуются сословія, отличающіяся другъ отъ друга юридически, въ то время, какъ члены cadaго сословія соединяются между собою одинаковыми правами и обязанностями. Такимъ образомъ не отдѣльная семья,

а цѣлая сословная группа совмѣстными усиліями, съ поддержкой государства, одолеваетъ всѣ вновь возникающія затрудненія. Отраженіемъ этого является появленіе цеховъ и гильдій. Цехомъ называлось ремесленное товарищество, охватывавшее всѣхъ мастеровъ извѣстнаго ремесла и опредѣлявшее всѣ подробности производства: число рабочихъ, качество продукта, технику работы и такъ далѣе. Гильдія— торговое товарищество, опредѣлявшее подробности торговли: ея мѣсто, цѣны товаровъ и т. д. Цеховое и гильдейское устройство смыкалось въ одно цѣлое. Земледѣліе регулировалось крѣпостнымъ правомъ, обезпечивавшимъ какъ интересы дворянъ-землевладѣльцевъ, получавшихъ при его помощи рабочую силу, такъ и потребности крестьянъ, которые по своей бѣдности испытывали особыя затрудненія въ эпоху образованія денежнаго хозяйства, подвергались постоянной опасности погубить все свое благосостояніе и потому особенно нуждались въ опекѣ и матеріальной поддержкѣ; ихъ они и получали дорогой цѣной личной свободы, такъ какъ дворяне были заинтересованы въ сохраненіи жизни и нѣкоторой части имущества своихъ крѣпостныхъ: чтобы имѣть возможность постричь овцу, надо же дать ей обрости шерстью.

На почвѣ такого сословнаго устройства общества и возникаетъ и развивается сословное народное представительство. Типическими примѣрами его являются средневѣковыя сословно-представительныя учрежденія: французскіе генеральные штаты, нѣмецкіе ландтаги, наши земскіе соборы. Сословное представительство вполне естественно въ начальной стадіи развитія денежнаго хозяйства, когда жизнь только еще пере-

страивается на новую экономическую основу. Но по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія денежнаго хозяйства сословныя перегородки оказываются стѣснительными, разрываются, падаютъ, и вмѣстѣ съ ними дряхлѣетъ и разрушается сословное представительство. Въ настоящее время въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ оно уцѣлѣло только въ Финляндіи и то вслѣдствіе особыхъ экономическихъ и политическихъ условій, въ какихъ находится эта страна; денежное хозяйство въ Финляндіи рассчитано не на большіе рынки, лишено грандіозности, широты размаха; притомъ же Финляндіи приходилось отстаивать свою политическую самобытность, что на время прекращало борьбу партій, объединяя ихъ около одной цѣли. Впрочемъ, и въ Финляндіи проявляется очень сильное недовольство сословнымъ представительствомъ и стремленіе къ замѣнѣ его болѣе демократическими порядками.

Первая стадія развитія денежнаго хозяйства — время образованія и преобладанія торговаго капитала: въ это время капиталъ захватываетъ только обмѣнъ, слабо проникая въ область производства хозяйственныхъ благъ. Производство захватывается капиталомъ лишь во второй стадіи развитія денежнаго хозяйства, когда на смѣну торговому капиталу выступаетъ капиталъ промышленный, проникающій въ обрабатывающую, главнымъ образомъ фабричную промышленность, и биржевой капиталъ, широко развивающій кредитныя операціи. Только съ этого времени начинается дѣйствительно капиталистическое развитіе, первый моментъ котораго носить названіе періода первоначальнаго накопленія. Въ это время на первую очередь выдвигается одна хозяйственная задача —

скопить капиталы и дать имъ производительное употребленіе. Вслѣдствіе этого сильно развивается такъ называемое «грюндерство», т. е. стремленіе основывать новыя промышленныя предпріятія и привлекать къ нимъ капиталы, растеть биржевая игра, т. е. покупка и продажа процентныхъ бумагъ, выпускаемыхъ равными акціонерными компаніями, получаютъ громадныя прибыли съ промышленныхъ предпріятій. Рабочіе еще не организованы и невѣжественны и потому подвергаются крайней эксплуатаціи со стороны капиталистовъ. Капиталь превращается въ реальную силу и ищетъ политическаго господства, что и выражается въ торжествѣ цензоваго представительства, при которомъ власть принадлежитъ лишь болѣе или менѣе состоятельнымъ элементамъ общества. Во Франціи цензовое представительство существовало до 1848 года, въ Германіи до 1875 и сохраняется теперь въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ; наши земскія учрежденія и городскія думы, построенныя на имущественномъ цензѣ, сохранили и даже усилили этотъ характеръ послѣ законовъ 1890 и 1892 годовъ, выдвинувшихъ на первый планъ, наряду съ нѣкоторымъ возрожденіемъ сословнаго начала, преобладаніе крупнаго земельнаго и денежнаго капитала. Все это было послѣдствіемъ эпохи первоначальнаго накопленія, переживавшейся Россіей послѣ освобожденія крестьянъ.

Но вотъ эпоха первоначальнаго накопленія, всегда очень тяжелая для народныхъ массъ, пережита. Капиталистическое производство и развитыи, рассчитанный на общинный, а иногда и міровой рынокъ обмѣнъ развернулись и восторжествовали. Какъ

отражается это на общественных отношеніяхъ? Это прежде всего вызываетъ къ жизни новый классъ общества—фабричныхъ рабочихъ. Фабрика воспитываетъ въ нихъ солидарность и классовое самосознаніе, сознаніе своихъ интересовъ—матеріальныхъ и духовныхъ. Рабочіе объединяются, организуются и начинаютъ стремиться къ улучшенію своего положенія,—къ увеличенію заработной платы, къ сокращенію рабочаго дня, къ обезпеченію своего здоровья и благосостоянія своихъ семействъ. Приобрѣтенія въ этомъ направленіи даются туго, сопровождаются тяжелыми лишеніями и многими жертвами и—главное—большою частью отличаются непрочностью, снова отнимаются и вызываютъ необходимость новой борьбы и новыхъ жертвъ. Отсюда въ рабочемъ классѣ возникаетъ и утверждается убѣжденіе въ необходимости создать порядки и учрежденія, которыя гарантировали бы прочности его социальнихъ успѣховъ. Жизненнымъ, насущнымъ вопросомъ становится такимъ образомъ вопросъ о демократическомъ представительствѣ, о всеобщей, прямой, равной и тайной подачѣ голосовъ при выборахъ народныхъ представителей. Будучи совершенно необходимымъ для рабочаго класса, вновь созданнаго промышленнымъ капитализмомъ, всеобщее избирательное право соотвѣтствуетъ и общимъ экономическимъ условіямъ эпохи: развитый капитализмъ немислимъ безъ свободной конкуренціи, безъ равноправія контрагентовъ каждой торгово-промышленной сдѣлки, она требуетъ устраненія всѣхъ привилегій, осложняющихъ свободное состязаніе хозяйственныхъ силъ примѣсю неэкономическихъ элемен-

товъ. Въ самомъ дѣлѣ представимъ себѣ, что полноправный капиталистъ нанимаетъ рабочаго, находящагося въ крѣпостной зависимости отъ третьяго лица. Такой крѣпостной рабочій не можетъ вполнѣ распорядится своей личностью, потому что его неожиданно можетъ вызвать къ себѣ его господинъ. Кромѣ того онъ долженъ платить господину оброкъ, чѣмъ увеличивается требуемая имъ заработная плата. Наконецъ, плоды его трудовъ по закону составляютъ собственность не его самого, а его господина, что ослабляетъ трудовую энергію рабочаго. Все это невыгодно не только крѣпостному, но и тому, съ кѣмъ онъ вступаетъ въ сдѣлку. Равноправіе и полноправіе всѣхъ членовъ капиталистически развитаго общества оказывается такимъ образомъ настоятельной экономической потребностью, а логическимъ результатомъ этого является всеобщее избирательное право. Вотъ почему оно и господствуетъ въ современныхъ передовыхъ странахъ, — на примѣръ во Франціи, Германіи, Соединенныхъ Штатахъ.

Чѣмъ вызывается двухпалатная система? Мы уже видѣли, что въ унитарныхъ государствахъ она является результатомъ соединеній новыхъ началъ народнаго представительства со старыми унаслѣдованными отъ историческаго прошлаго. Такъ французская палата депутатовъ — типическое, новое демократическое народное представительство, а французскій сенатъ на дѣлѣ — обломокъ старой цензовой системы, потому что хотя ценза для выборовъ въ сенатъ и не установлено, но одна двухстепенность выборовъ въ сенатъ (черезъ посредство муниципалитетовъ) приводитъ почти къ полному господству въ нихъ пред-

ставителей крупной буржуазии. Въ федеративныхъ государствахъ, состоящихъ изъ приблизительно равносильныхъ въ экономическомъ и территоріальномъ отношеніи политическихъ единицъ, вторая палата является отраженіемъ этой равносильности. Но если отдѣльные государства, входяція въ составъ федераціи экономически и территоріально слишкомъ различны, то вторая палата оказывается излишней, что мы и наблюдаемъ въ Германіи.

Изученіе реальныхъ условий, создающихъ и питающихъ различныя формы народнаго представительства, приводитъ къ тому важному заключенію, что демократическому государству свойственно всеобщее избирательное право, и что въ чистой демократіи нѣтъ мѣста для системы двухъ палатъ. Лишь въ федеративныхъ государствахъ—и то при наличности извѣстныхъ указанныхъ выше обстоятельствъ—умѣстна двухпалатная система, не ограничивающая демократическаго принципа.

Но чрезвычайно характерно, что въ защиту разныхъ отступленій отъ демократическаго принципа народнаго представительства приводится много доводовъ, на первый взглядъ иногда лишенныхъ классовой окраски, чуждыхъ тенденціи въ сторону привилегій. Необходимо разобраться во всѣхъ этихъ доводахъ и оцѣнить ихъ по достоинству.

Аристократическое и сословное представительство оправдать трудно чѣмъ либо кромѣ утвержденія, что дворяне—люди благородные по своей природѣ, люди голубой крови, бѣлая кость, а всѣ прочія сословія (какъ выражались у насъ въ XVIII вѣкѣ), «люди подлые», черная кость, или, употребляя старинное

французское изреченіе, «дворянство должно служить, духовенство Богу молиться, а вся прочая сволочь платить налоги». Но помимо этих, ничѣмъ неприкрытыхъ заявленій, продиктованныхъ аристократическою спѣсью и грубымъ эгоизмомъ и потому никакимъ кредитомъ въ настоящее время не пользующихся, и здѣсь ссылаются еще на другой аргументъ,—на политическій опытъ правящихъ классовъ общества, на то, что привилегированныя сословія издавна управляли страной, и потому у нихъ образовались опредѣленные навыки, а всякое дѣло мастера боится, почему и политическая власть должна быть сосредоточена въ кругахъ общества, политически воспитанныхъ, опытныхъ въ дѣлѣ управления страной. На это также легко отвѣтить: и бюрократія обладаетъ опытомъ въ дѣлѣ управления и потому всегда думаетъ, что она—соль земли, а подданные обладаютъ ограниченнымъ разумомъ, а вѣдь съ этой самой политически-опытной бюрократіей и ведется, несмотря на это, борьба, и никто не согласенъ дать ей перевѣсъ въ дѣлѣ управления. И не даромъ такъ смотрятъ на дѣло: вѣдь опытъ, если онъ не питается живымъ источникомъ, не направляется знаніемъ народныхъ нуждъ и чуткостью къ нимъ,—не болѣе, какъ мертвая рутина и потому самъ по себѣ не только не приноситъ пользы, но сплошь и рядомъ вреденъ. Судить же о знаніи народныхъ нуждъ и чуткости того или иного лица къ общественнымъ запросамъ никто не можетъ, конечно, лучше самого народа.

Есть еще одно соображеніе, оправдывающее имущественный цензъ: говорятъ, что отъ богатаго человѣка многіе кормятся; про фабрикантовъ, напри-

мѣрь, часто говорятъ: отъ него столько-то тысячъ рабочихъ кормится. При этомъ забываютъ о прибыляхъ предпріятія, о хозяйственномъ интересѣ, его движущемъ, не говоря уже о томъ, что главный факторъ созданія цѣнности — трудъ вознаграждается слабо, что въ результатѣ его приложенія получается прибавочная цѣнность, часть которой идетъ на дальнѣйшее производство, а часть потребляется самимъ капиталистомъ. Въ лучшемъ случаѣ такое оправданіе ценовой системы грубо и наивно, въ худшемъ — оно представляетъ собою скрытый расчетъ, коварный приемъ опредѣленныхъ классовыхъ интересовъ.

Но, если отвергнуть цenzъ, сословность, аристократизмъ, то за всѣмъ тѣмъ останется еще система двухъ палатъ, опирающаяся на различныя комбинаціи всеобщаго голосованія. Въ защиту такой системы даже и для демократическаго государства приводятся часто слѣдующіе доводы: 1) система двухъ палатъ распространена вездѣ, во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, 2) необходимо, чтобы люди, политически опытные, не потонули въ невоспитанной для дѣлъ управленія массѣ, — они и должны найти себѣ мѣсто въ верхней палатѣ, 3) надо отдѣлить интересы отдѣльныхъ областей, охранить мѣстныя особенности и съ этою цѣлью составить вторую палату изъ представителей мѣстныхъ интересовъ, тѣсно связанныхъ съ органами мѣстнаго самоуправленія, 4) двухпалатная система необходима изъ техническихъ соображеній: она обеспечиваетъ общество отъ чрезмѣрныхъ увлеченій народныхъ представителей, такъ какъ верхняя палата сдерживающимъ образомъ дѣйствуетъ на нижнюю, 5) при двухъ палатахъ реакціи труднѣе побѣдить конституціонализмъ,

чѣмъ при однопалатной системѣ, потому что для уничтоженія конституціонализма приходится въ первомъ случаѣ бороться съ двумя учрежденіями, а во второмъ случаѣ только съ однимъ.

Первый изъ этихъ доводовъ несостоятеленъ по той причинѣ, что далеко не вездѣ существуетъ двухпалатная система. Не говоря уже о мелкихъ государствахъ, какъ Греція, Сербія, Болгарія, однопалатное народное представительство свойственно такому крупному политическому организму, какъ Германская имперія, гдѣ законодательная власть принадлежитъ рейхстагу; состоящій при имперскомъ правительствѣ союзный совѣтъ по составу и функціямъ не является вовсе второй палатой: онъ состоитъ изъ пословъ разныхъ нѣмецкихъ государствъ и лишь даетъ совѣты правительству по поводу законопроектовъ, т. е. представляетъ собою учрежденіе законсовѣщательное.

Выше было уже сдѣлано указаніе на несостоятельность аргумента, обосновывающаго привилегіи меньшинства указаніемъ на его политическую опытность: рутинеры и не должны пройти въ число народныхъ представителей, а люди, соединяющіе съ политическимъ опытомъ убѣжденность и знаніе жизни и интересовъ населенія, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ забаллотированы не будутъ. При томъ же нельзя отрицать политическую опытность и народныхъ массъ: онѣ принимаютъ участіе въ крестьянскихъ сословныхъ учрежденіяхъ и отчасти въ организаціяхъ, завѣдующихъ мѣстнымъ самоуправленіемъ.

Переходимъ къ третьему доводу, гласящему, что

верхняя палата, выбранная органами мѣстнаго самоуправления, демократически составленными, будетъ стоять на стражѣ мѣстныхъ интересовъ и послужитъ лучшимъ обезпеченіемъ общества отъ централистическихъ тенденцій нижней палаты. Это соображеніе опровергается самой жизнью. Дѣло въ томъ, что есть верхняя палата, составляемая именно такимъ способомъ,—именно французскій сенатъ. И на дѣлѣ оказывается, что сенатъ во Франціи не менѣе, чѣмъ палата депутатовъ, проникнуть централистическими стремленіями и нисколько не болѣе этой палаты обезпечиваетъ мѣстную самостоятельность, областные интересы и особенности. Но этого мало: мѣстные интересы и особенности и не требуютъ особаго центрального органа власти для своего огражденія; такой центральный органъ является для нихъ совершенно излишнимъ при правильномъ устройствѣ мѣстнаго самоуправления, при такомъ, именно, устройствѣ, когда мѣстныя самоуправляющіяся единицы дѣйствуютъ самостоятельно въ предѣлахъ своей компетенціи, опредѣляемой закономъ, за нарушеніе котораго отвѣчаютъ только передъ судомъ. Слѣдовательно, для обезпеченія мѣстныхъ интересовъ и особенностей нѣтъ никакой нужды въ особой верхней палатѣ, — для этого достаточно правильно построенная реформа мѣстнаго самоуправления.

Но—говорять намъ далѣе—законодательная техника подчеркиваетъ необходимость двухпалатной системы: такая система обезпечиваетъ болѣе обстоятельное разсмотрѣніе законопроектовъ, гарантируетъ отъ поспѣшныхъ дѣйствій и всякаго рода увлеченій. Не даромъ даже тѣ палаты, которыя выбираются непосредственно народомъ, выдѣляются изъ своей среды

верхнюю палату. Такъ, по норвежской конституціи народные представители путемъ выборовъ, производимыхъ ими въ своей средѣ, образуютъ верхнюю палату, создаютъ, такимъ образомъ, двѣ инстанціи для разсмотрѣнія бюджета и законодательныхъ проектовъ. По этому поводу нельзя опять не напомнить того факта, что Германская имперія обходится безъ второй палаты, чѣмъ, однако, не создается никакихъ техническихъ затрудненій. Затѣмъ и при одной палатѣ есть средство предотвратить слишкомъ поспѣшныя рѣшенія; это — система трехъ чтеній каждого законопроекта: палата разсматриваетъ законопроектъ три раза черезъ извѣстные промежутки времени. Наконецъ, нетрудно понять, что и въ этомъ техническомъ аргументѣ скрывается недовѣріе къ демократіи, сквозитъ сознательное или безсознательное стремленіе къ привилегіи, къ предоставленію правящимъ классамъ юридически-оформленнаго преобладанія. Въ лучшемъ случаѣ боятся все той же политической незрѣлости и невоспитанности массъ, въ значительной степени мнимой, а главное, забываютъ, что торжество демократическаго принципа дорого само по себѣ, какъ залогъ возможности свободной и легальной борьбы различныхъ классовыхъ интересовъ, и что ради этого можно было бы поступиться даже временнымъ перевѣсомъ политически-реакціонныхъ теченій въ демократически составленномъ народномъ представительствѣ, перевѣсомъ, котораго опасаться нѣтъ, впрочемъ, достаточныхъ основаній.

Не выдерживаетъ критики, наконецъ, и послѣдній изъ приведенныхъ выше доводовъ, — тотъ именно, который состоитъ въ указаніи на затруднительность

борьбы со стороны реакціи съ конституціоннымъ принципомъ при наличности двухъ палатъ, когда приходится сокрушить два учрежденія, а не одно. Можно даже утверждать какъ разъ обратное: при двухпалатной системѣ побѣда надъ сущностью представительнаго правленія достанется реакціи легче, чѣмъ при одной палатѣ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, если реакція захочетъ дѣйствовать осмысленно и планомерно, она безъ особаго труда найдетъ себѣ союзницу въ привилегированной верхней палатѣ и, опираясь на нее, можетъ успѣшно повести и закончить политическую борьбу съ нижней палатой, прямо уничтожить эту послѣднюю. Такое уничтоженіе одной нижней палаты съ помощью или безъ помощи верхней палаты,—это въ данномъ случаѣ безразлично—тѣмъ легче при двухпалатной системѣ, что даже послѣ уничтоженія нижней палаты останется верхняя, и сохранится, такимъ образомъ, тѣнь представительнаго правленія, его форма, которая будетъ давать возможность представителямъ реакціоннаго теченія указывать, что принципъ народнаго представительства не уничтоженъ, и тѣмъ привлекать на свою сторону не только сторонниковъ привилегіи, но и тѣхъ оптимистовъ, которые готовы примириться на маломъ, лишь бы это малое было сохранено, забывая при этомъ, что сущность всего дѣла потеряна, что вмѣсто реальнаго народнаго представительства въ результатѣ одна только фикція, плохой суррогатъ.

Итакъ, всеобщее, прямое и равное избирательное право необходимо для демократической страны не только въ виду соотношенія реальныхъ эконо-

мическихъ и социальныхъ силъ, въ ней существующаго, но и вслѣдствіе полнаго его соответствія техническимъ требованіямъ государственной практики. Прежде, чѣмъ высказать общее заключеніе, необходимо, однако, разобрать еще одно важное возраженіе, высказываемое нерѣдко противъ тайной подачи голосовъ: указываютъ, что въ странѣ съ слабымъ развитіемъ грамотности въ массѣ населенія тайная подача голосовъ невозможна, потому что неграмотный человѣкъ не можетъ написать фамилію избираемаго имъ человѣка. Не надо, однако, забывать, что число кандидатовъ при правильной предвыборной агитаціи въ каждомъ избирательномъ округѣ будетъ невелико, имена ихъ будутъ раздаваться напечатанными отъ каждой партіи въ особыхъ бюллетеняхъ, такъ что избирателю не придется ничего писать; въ крайнемъ случаѣ можно обозначить каждаго кандидата условнымъ знакомъ — крестикомъ, кружкомъ, палочкой, что можетъ сдѣлать и неграмотный; наконецъ, неграмотный избиратель можетъ прибѣгнуть къ помощи грамотныхъ членовъ своей семьи или знакомыхъ. Все это, конечно, сопряжено съ неудобствами и затрудненіями, можетъ даже повести къ злоупотребленіямъ, но со всѣмъ этимъ помириться легче, чѣмъ отказаться отъ высшей степени плодотворнаго принципа тайной подачи голосовъ. А затѣмъ нельзя забывать, что въ политически свободныхъ странахъ дѣло народнаго образованія идетъ впередъ гигантскими шагами, такъ что не за горами и всеобщая грамотность.

Положимъ, что мы имѣемъ страну, пережившую въ своемъ экономическомъ развитіи періодъ

первоначальнаго накопленія, вступившую на широкую дорогу капиталистическаго развитія. Въ такой странѣ рушатся сословныя перегородки, и аристократическій элементъ слабѣетъ и отступаетъ на второй планъ. Параллельно этому возвышаются торгово-промышленный классъ, стремящійся реализовать свое экономическое господство, и громадная демократическая масса, состоящая изъ растущаго въ численности рабочаго класса, сознательно мыслящаго въ политической сферѣ, не могущаго жить безъ свободнаго и полнаго представительства своихъ интересовъ, и изъ крестьянства, отчасти пробуждающагося къ сознательной жизни, отчасти стихійно волнующагося. Наконецъ, слагается и развивается многочисленная группа профессиональной интеллигенціи—врачи, адвокаты, ученые, литераторы, инженеры, техники, служащіе въ общественныхъ учрежденіяхъ и т. д.—также стремящаяся къ легальной защитѣ своихъ интересовъ и стремленій. Однимъ словомъ, намѣчаются сильнѣйшія классовыя противорѣчія, для вскрытія и разрѣшенія которыхъ—мирнаго и легальнаго—существуетъ только одно средство—предоставить всѣмъ интересамъ возможность открытой борьбы на законной почвѣ.

Какая форма народнаго представительства соответствуетъ такому сочетанію экономическихъ и социальныхъ силъ? Очевидно не аристократическое и не сословное представительство и не представительство цензовое—въ открытой или скрытой формѣ—все равно: при всѣхъ этихъ условіяхъ въ результатѣ получился бы лишь скрытый антагонизмъ и,

как его слѣдствіе, незаконные, насильственные, революціонные приемы борьбы.

Естественный исходъ одинъ: всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право и однопалатная система народного представительства.

20137

Р. 67
5к № 1798.

Г. И. ЗЕМЕЛЬ,

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова 19/4/05.

„КОЛОКОЛЬ“.

4028
Первая библиотека.

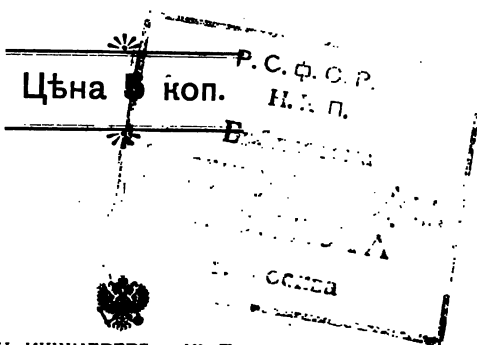

Н. РОЖКОВЪ.

Къ аграрному

вопросу.

42953

Типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Ко. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1905.

Къ аграрному вопросу.

I.

Великіе общественные вопросы нельзя рѣшать, выставляя идеаль абсолютной, безусловной справедливости, имѣющій будто бы значеніе для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Примѣняя таковой отвлеченный идеаль къ жизни, нерѣдко можно достигнуть результатовъ прямо противоположныхъ ожидаемымъ, вмѣсто пользы для народа легко можетъ получиться вредъ. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что ненужно заглядывать въ отдаленное будущее, что надо оставаться грубымъ и близорукимъ практикомъ, накладывающимъ заплату на ветхую одежду безъ всякаго плана замѣнить ее новымъ одѣяніемъ. Нѣтъ, предвидѣть будущее—совершенно необходимо, необходимо и работать для облегченія мучительныхъ родовъ этого будущаго, но исходить въ этой работѣ надо именно изъ тѣхъ силъ, которыми движется жизнь,—изъ классовыхъ интересовъ, и на этой реальной почвѣ слѣдуетъ держаться какъ при построеніи основъ будущаго общественнаго строя, такъ и при выборѣ средствъ къ ихъ осуществленію.

Такова та общая точка зрѣнія, какой мы будемъ держаться при обсужденіи одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ текущей русской жизни,—вопроса аграрнаго.

Аграрный вопросъ—это вопросъ объ обезпеченіи крестьянъ землей, вопросъ крестьянскій. Подъ крестьянами мы разумѣемъ не сословіе, а классъ, т. е. имѣемъ въ виду крестьянъ въ экономическомъ смыслѣ этого слова,—лицъ, обрабатывающихъ землю собственнымъ трудомъ, безъ

участія наемныхъ рабочихъ. Такихъ лицъ по переписи 1897 года вмѣстѣ съ ихъ семьями было въ Россіи до 80 милліоновъ, что составляетъ 64% всего населенія страны ¹⁾.

Вся эта масса принадлежитъ къ такъ называемому трудовому, среднесостоятельному крестьянству, отъ котораго надо отличать крестьянскую буржуазію (кулаковъ, міроѣдовъ или „хозяйственныхъ мужичковъ“) и деревенскій пролетаріатъ, порвавшій въ большинствѣ своемъ почти окончательно съ землей. Аграрный вопросъ ближайшимъ образомъ касается именно трудового крестьянства.

Что трудовое крестьянство разоряется, бѣднѣетъ,—это фактъ общепризнанный, доказывать который значило бы просто ломиться въ открытую дверь. Не для доказательства, а для иллюстраціи этого факта достаточно привести общезвѣстные данныя о сокращеніи среднихъ размѣровъ надѣла и о балансѣ доходовъ и расходовъ въ обычномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. По выкупной операціи въ руки крестьянъ перешло въ 60-хъ годахъ XIX в. 111.728.000 десятинъ земли, при чемъ бывшіе помѣщичьи крестьяне получили 37.756.000 дес. (въ среднемъ на душу 3,2 дес.), бывшіе государственные 69.712.000 дес. (въ среднемъ на душу 6,7 дес.) и бывшіе удѣльные 4.260.000 дес. (въ среднемъ на душу 4,9 дес.) ²⁾. Съ тѣхъ поръ крестьянское населеніе удвоилось, а площадь крестьянскаго землевладѣнія увеличилась всего на 7 милліоновъ десятинъ, изъ которыхъ притомъ 4 милліона досталось крестьянской буржуазіи, и только 3 милліона десятинъ получило трудовое крестьянство ³⁾. Понятно, что при такихъ условіяхъ трудовое крестьянство широко развиваетъ аренду частновладѣльческихъ земель: въ 80-хъ годахъ въ 50-ти губерніяхъ Россіи крестьяне арендовали около 46 мил.

¹⁾ См. „Мірѣ Божій“ за 1905 г., авг. статья г. Лосницкаго о населеніи въ Россіи по переписи 1897 года.

²⁾ „Къ аграрному вопросу“—въ „Приволжскомъ Краѣ“ за 1905 г., № 193.

³⁾ Румянцевъ, Къ вопросу объ эволюціи русскаго крестьянства,—въ „Очеркахъ реалистическаго міровоззрѣнія“, стр. 477—478.

десятины, уплачивая ежегодно около 300 миллионов рублей арендной платы ¹⁾).

По данным «Торгово-Промышленной Газеты» средняя валовая доходность одной десятины пашни составляла по 27 губерниям 11 руб. 78 к., а издержки сельскохозяйственного производства—7 р. 65 к.; следовательно, чистая доходность 4 р. 13 к.; валовая доходность десятины покосов равна 12 р. 66 к.; издержки производства—4 р. 2 к., чистая же доходность—8 р. 64 к. Если взять всю землю без подразделения по угодьям, то средняя валовая доходность одной десятины надельной земли вообще окажется равной 8 р. 99 к., издержки производства—3 р. 22 к.; следовательно, с каждой десятины у крестьян остается чистого дохода всего 3 р. 77 к. Но отсюда приходится прежде всего уплачивать окладные платежи и повинности, составляющие на десятину 1 р. 39 к., или свыше одной трети чистой доходности (36,8%). Что же касается арендной платы, то она составляет в среднем на десятину 3 р. 6 к., или 81,1% чистой доходности. По отдельным губерниям арендная плата превышает выведенную земскими исследованиями чистую доходность, составляя во Владимирской губ. 100,4%, чистого дохода, в Курской губ. 104,7%, в Самарской 106,4%, в Полтавской 108,4%, в Нижегородской 127,4%, в Калужской 133,4%, в Черниговской 133,4%; в некоторых же уездах арендная плата превышает не только чистую, но и валовую доходность ²⁾).

Все исследователи одинаково признают факт разорения трудового крестьянства. Разногласия начинаются только тогда, когда переходят к определению причин этого явления, тенденций будущего развития и, в связи с этим, средств к выходу из существующего положения.

Решение всех этих вопросов первостепенной важности зависит от некоторых общих теоретических

¹⁾ Карышев, Крестьянскія вѣнадѣльныя аренды.

²⁾ Цитируемъ по „Приволжскому Краю“, № 193 за 1905 г.

соображений и отъ результатовъ анализа современнаго сельскохозяйственнаго положенія Россіи.

Аграрный вопросъ въ его теоретическомъ освѣщеніи повель, какъ извѣстно, къ образованію среди марксизма такъ называемаго ревизионизма, виднѣйшими представителями котораго являются Бернштейнъ, Герцъ и особенно Давидъ. Сущность ревизионистскаго взгляда на вопросъ сводится къ убѣжденію, что, тогда какъ, согласно Марксу, въ области индустріи совершается процессъ концентраціи и капитализаціи производства, — въ сельскомъ хозяйствѣ такого процесса не наблюдается, а, напротивъ, наиболѣе выгодными оказываются среднія и мелкія, особенно крестьянскія трудовыя хозяйства. Этотъ вопросъ настолько важенъ, что требуетъ особаго обстоятельнаго разсмотрѣнія. Что концентрація и капитализація сельскохозяйственнаго — въ частности земледѣльческаго — производства не составляетъ въ настоящее время повсемѣтнаго, общаго явленія, — это вѣрно. Было бы однако слишкомъ скоро-спѣлымъ, поспѣшнымъ и неосновательнымъ выводомъ, если бы мы отсюда заключили о безусловной правильности ревизионистскаго взгляда на вопросъ. Недостаточно констатировать фактъ, надо еще опредѣлить его причины и, принимая ихъ во вниманіе, уяснить тенденціи дальнѣйшаго развитія.

Безспорно, главной причиной задержки въ концентраціи и капитализаціи земледѣльческаго производства является мировой сельскохозяйственный кризисъ, существующій уже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій и вызванный конкуренціей съ европейскимъ хлѣбомъ на мировомъ рынкѣ зерна, производимаго въ Америкѣ, южной Африкѣ, Индіи и Австраліи. Обильные урожаи въ этихъ необыкновенно плодородныхъ странахъ сильно понизили хлѣбныя цѣны и отняли почву для развитія крупнаго капиталистическаго сельскаго хозяйства въ менѣе плодородныхъ странахъ Европы.

Въ связи съ этимъ стоитъ другая причина. Извѣстно, что капиталы приливаютъ всегда въ ту отрасль хозяйственной дѣятельности народа, которая даетъ большую

прибыль. Индустрія, фабрично-заводская обрабатывающая промышленность до сихъ поръ болѣе прибыльна, чѣмъ земледѣліе, и это особенно надо сказать о времени, когда ясно обозначился сельскохозяйственный кризисъ. Отливъ капиталовъ отъ земледѣлія въ индустрію также былъ существенной помѣхой для концентраціи и капитализаціи сельскохозяйственнаго производства.

Несмотря однако на всѣ эти обстоятельства, если окинуть однимъ общимъ взглядомъ состояніе земледѣльческаго хозяйства въ разныхъ странахъ, то легко можно убедиться, что, сообразно своимъ природнымъ и экономическимъ условіямъ, отдѣльныя страны могутъ быть расположены въ извѣстной градациі, при чемъ, опредѣляя ихъ хозяйственныя особенности, можно установить и общія тенденціи въ развитіи сельскаго хозяйства, сводящіяся, какъ сейчасъ будетъ показано, къ несомнѣнной концентраціи и капитализаціи производства.

Обыкновенно ревизионисты съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на Ирландіи, гдѣ существовала крупнейшая земельная собственность англійскихъ лэндлордовъ, и однако, несмотря на это, хозяйство оставалось мелкимъ. Надо однако замѣтить, что наличность крупной земельной собственности здѣсь не при чемъ: во-первыхъ, она создана была не ирландскими, а англійскими экономическими условіями, вызвавшими завоеваніе Ирландіи англичанами; во-вторыхъ, скудость почвы и конкуренція болѣе плодородныхъ странъ не давали возможности развитію въ Ирландіи крупное капиталистическое хозяйство. Ирландская аренда была поэтому въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ продовольственной, и понятно, почему на почвѣ такихъ хозяйственныхъ отношеній сложилась операція выкупа земли фермерами у лэндлордовъ и организація мелкобуржуазнаго сельскаго хозяйства.

Особенностями природы и условіями рынка объясняется и положеніе сельскаго хозяйства въ такихъ странахъ, какъ Франція, Италія и южная Германія. Это — страны, въ которыхъ земледѣліе рассчитано не на вывозъ, не на обширный мировой рынокъ, составляющій необходимую

предпосылку капиталистического земледѣлія, а на сравнительно необширный мѣстный сбытъ, суживаемый еще конкуренціей привознаго заграничнаго хлѣба, необходимаго въ виду недостатка хлѣба, производимаго внутри страны, для удовлетворенія потребностей населенія: известно, напр., что Франція питается своимъ хлѣбомъ 11 мѣсяцевъ въ году, а 12-й мѣсяць потребляетъ привозный хлѣбъ. Однако и условія рынка здѣсь лучше, чѣмъ въ Ирландіи, и почва плодороднѣе, и климатъ благодатнѣе. Понятно, что и во Франціи, и въ Германіи, и въ Италіи, если и не наблюдается концентраціи производства, то ясно выражается его капитализація, сводящаяся къ ряду меліораций, къ заведенію улучшенныхъ орудій и машинъ, къ выпискѣ улучшенныхъ сѣмянъ, къ введенію интенсивныхъ системъ хозяйства и т. д. ¹⁾

Поднимаемся еще на одну ступень выше,—и мы увидимъ, что въ сѣверной и восточной Германіи существуетъ и развивается уже крупное земледѣльческое производство, а въ Бельгіи съ 1880 г. наблюдается не только капитализація, но и концентрація въ области сельскохозяйственной промышленности ²⁾.

Но нигдѣ капитализація и концентрація въ области земледѣлія не выразилась такъ ясно, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Это и понятно: американское земледѣліе работаетъ вѣдь для обширнаго, мірового рынка. Фактъ капитализаціи виденъ изъ того, что

¹⁾ См., напр., объ Италіи—въ фельетонахъ А. И. Чупрова въ „Рус. Вѣд.“ за 1903 г.; во Франціи капитализація доказывается послѣдней (1905 г.) сельскохозяйственной выставкой въ Ліонѣ; въ этой странѣ, впрочемъ, наблюдается уже и нѣкоторая концентрація: въ 1866 г. считалось 6 мил. 195 тыс. рабочихъ въ 3 мил. 266 тыс. хозяйствъ, а въ 1896 г. 8 мил. 421 тыс. рабочихъ въ 1 мил. 967 тыс. хозяйствъ, изъ которыхъ надо еще вычесть 1 мил. 187 тыс. карликовыхъ имѣній, обладатели которыхъ у себя почти не хозяйничаютъ, а нанимаются къ другимъ: см. Flour Genlis, *La propriété rurale en France*.

²⁾ См. для Бельгіи, напр., *Annuaire statistique de la Belgique*, томъ XXX, стр. XL; ср. Вандервельдъ, *Промышленное развитіе и общественный строй*, стр. 69.

въ Соединенныхъ Штатахъ рѣзко и ясно обозначился процессъ интенсификаціи системъ земледѣлія, приложенія все большаго капитала къ единицѣ площади, занятой земледѣльческой культурой. Вотъ цифры: въ 1890 году фермы во всѣхъ штатахъ (кроме Аляски и Гавайскихъ острововъ) цѣнились, если исключить живой и мертвый инвентарь (рабочій скотъ и машины), въ 13.279.252.649 долларовъ, а въ 1900 г. въ 16.614.647.491 долларъ. Слѣдовательно, въ десятилѣтіе между 1890 и 1900 годами цѣнность одной земли безъ капитала, въ нее вложеннаго, повысилась приблизительно на 23%. Машины, примѣняемыя въ земледѣліи, оцѣнивались въ 1890 году въ 494.247.467 долларовъ, а въ 1900 г. уже въ 749.775.970 долларовъ, что составляетъ повышеніе болѣе, чѣмъ вдвое, быстрое, чѣмъ повышеніе цѣнности земли: на 51,5%. Наконецъ, быстрее, чѣмъ стоимость земли, повышалась и стоимость рабочаго скота: въ 1890 г. живой сельско-хозяйственный инвентарь цѣнился въ 2.308.767.573 долларовъ, а въ 1900 г. въ 3.075.477.703, такъ что процентъ роста цѣнности составляетъ здѣсь 34,8 ¹⁾.

Вся эта несомнѣнная капитализація предпріятій тѣмъ характернѣе, что она сопровождается столь же несомнѣнной концентраціей земледѣльческаго производства: фермы въ среднемъ быстро увеличиваются по своимъ размѣрамъ. Уже въ періодъ времени между 1880 и 1890 годами замѣчается нѣкоторое повышеніе среднихъ размѣровъ хозяйствъ—съ 134-хъ акровъ въ 1880 г. до 136,5 акра въ 1890 ²⁾); но въ 1900 году это повышеніе дошло уже до 146,2 акра ³⁾, т. е. въ десятилѣтіе средніе размѣры фермъ увеличились на 7,13%. Мы предвидимъ возраженія со стороны ревизионистовъ: они будутъ говорить, что это объясняется экстенсивной системой зе-

¹⁾ Statistical abstract of the United States, Washington, 1904, стр. 511.

²⁾ То же изданіе, стр. 505; г. Булгаковъ (Капитализмъ и земледѣліе т. II, стр. 435) указываетъ ошибочно для 1890 г. даже болѣшую цифру—137 акровъ.

³⁾ Statistical abstract of the United States, стр. 505.

мледѣлія въ западныхъ штатахъ, гдѣ запахиваются именно подъ вліяніемъ такой системы обширныя земельныя площади. ¹⁾ Но это напрасно: во-первыхъ, во многихъ штатахъ съ экстенсивнымъ земледѣліемъ система его интенсифицируется, и размѣры фермъ уменьшаются: такъ въ Аризонѣ съ 1890 г. по 1900 г. средніе размѣры фермъ уменьшились съ 909,6 акровъ до 333,2 акра, въ Калифорніи съ 405 до 397,4, въ Невадѣ съ 1301 до 1174,7 акровъ; во-вторыхъ, изъ 49-ти штатовъ въ 24-хъ размѣръ фермъ растутъ, и въ числѣ этихъ штатовъ мы замечаемъ рядъ такихъ, въ которыхъ уже давно утвердился интенсивная земледѣльческая техника; таковы: Коннектикутъ (увеличеніе съ 85,5 акровъ до 85,8 акра; въ 1880 г. было всего 80,2 акра), Колумбія (увелич. съ 30,7 до 31,6), Мэнъ (съ 99,7 до 106,2), Мичиганъ (съ 85,8 до 86,4), Миннесота (съ 159,7 до 169,7; въ 1880 было 145,1), Нью-Гемпширъ (съ 118,7 до 123,1; въ 1880 г. было 115,6), Нью-Йоркъ (съ 97,1 до 99,9), Вермонтъ (съ 134,9 до 142,7), Висконсинъ (съ 114,7 до 117; въ 1880 г. было 114,3 акра). ²⁾

Такимъ образомъ, уже изучая современное состояніе сельскаго хозяйства въ Европѣ и Америкѣ, мы, несмотря на наличность мірового сельскохозяйственнаго кризиса и сильнаго прилива капиталовъ въ болѣе прибыльную обрабатывающую промышленность, наблюдаемъ несомнѣнныя тенденціи въ сторону капитализаціи и концентраціи сельскохозяйственнаго производства. Слѣдовательно, законъ экономическаго развитія, выведенный Марксомъ, имѣетъ такое же значеніе для земледѣлія, какъ и для индустріи. Будущій экономическій и социальный строй подготавливается капиталистическимъ развитіемъ во всѣхъ отрасляхъ хозяйства.

Въ какомъ же положеніи находится сельскохозяйственная промышленность въ Россіи, какую стадію развитія она переживаетъ? Наблюденія ставятъ внѣ сомнѣнія тотъ

¹⁾ Ср. Бунгаковъ, Капитализмъ и земледѣліе, т. II, стр. 438 и сл.

²⁾ Statistical abstract of the United States, стр. 506—508.

фактъ, что Россія въ сельскомъ хозяйствѣ переживаетъ теперь тотъ періодъ развитія, который приблизительно соответствуетъ эпохѣ первоначальнаго накопленія въ индустріи. Этотъ періодъ характеризуется, во-первыхъ, начавшейся капитализаціей, отчасти и концентраціей производства, и во-вторыхъ, наличиемъ множества обломковъ старины—крѣпостного хозяйства и прежней финансовой системы. Остановимся на этихъ двухъ чертахъ по-дробнѣе.

Труднѣе всего опредѣлить ихъ относительное значеніе въ хозяйственной жизни страны. Выдающийся изслѣдователь развитія капитализма въ Россіи производитъ такой приблизительный учетъ соотношенія между капиталистической и отработочной системами частновладѣльческаго хозяйства въ 43-хъ губерніяхъ, при чемъ подъ капиталистической системой онъ разумѣетъ обработку земли при помощи наемныхъ рабочихъ, пользующихся инвентаремъ землевладѣльца, а отработочной называетъ систему обработки земли инвентаремъ окрестныхъ крестьянъ, при чемъ платить за пользованіе землей крестьяне могутъ или деньгами, или долею протукта, или личнымъ своимъ трудомъ¹⁾ (см. таблицу на стр. 12).

Общій его выводъ изъ этой таблицы гласитъ: «если въ чисто русскихъ губерніяхъ преобладаютъ отработки, то вообще по Европейской Россіи капиталистическая система помѣщичьяго хозяйства должна быть признана въ настоящее время преобладающей»²⁾. Концентрація крестьянскаго хозяйства въ рукахъ сельской буржуазіи доказывается цѣлымъ рядомъ данныхъ³⁾.

Не подлежитъ также сомнѣнію ростъ крупныхъ землевладѣльческихъ хозяйствъ на западѣ и особенно на юго-востокѣ и югѣ Россіи: въ Самарской губ., напр., нерѣдки посѣвы въ 8, 10, 15 тыс. десятинъ; въ 5 уѣздахъ Херсонской губ. въ 1893 г. считалось 405 хозяйствъ съ

¹⁾ Вл. Ильинъ, Развитіе капитализма въ Россіи, стр. 133.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 31 и сл., 44 и сл., 52 и сл., 61 и сл., 67 и сл., 69 и сл., 73 и сл.

Группы губерній по преобладающей системѣ хозяйства у землевладѣльцевъ.	Число губерній			Количество посѣвовъ всѣхъ хлѣбовъ и картофеля на частновладѣльческихъ земляхъ (въ тыс. дес.).
	Въ чер-ноземной полосѣ.	Въвечер-ноземной полосѣ.	Всего.	
I. Губерніи съ преобладаніемъ <i>капиталистической</i> системы.	9	10	19	7.407
II. Губерніи съ преобладаніемъ <i>смишанной</i> системы	3	4	7	2.222
III. Губерніи съ преобладаніемъ <i>отрабочной</i> системы . .	12	5	17	6.281
Всего	24	19	43	15.910

1—2½ тысячами десятинъ посѣва и 226 хозяйствъ, имѣвшихъ каждое свыше 2½ тыс. десятинъ. ¹⁾

Капитализація земледѣлія доказывается прежде всего ростомъ примѣненія сельскохозяйственныхъ машинъ. Въ 1876 г. въ Россіи произведено было всего 25.835 сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій, а въ 1879 г. число ихъ дошло уже до 47.892-хъ. Плуговъ въ 1879 г. было выдѣлено 14½ тыс., а въ 1894 75½ тыс. Подобное же можно сказать и о другихъ машинахъ и орудіяхъ ²⁾. Въ 1902 г. въ земскихъ складахъ было закуплено сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій на 10 мил. рублей ³⁾. Въ южно-русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ наблюдается

¹⁾ Вл. Ильинъ, Развитие капитализма въ Россіи, стр. 187, 188.

²⁾ Тамъ же, стр. 156, 157 и слѣд.

³⁾ Бажаевъ, Малоземелье и техническая отсталость—въ „Рус. Вѣд.“ за 1905 г., № 230.

постепенное и быстрое уменьшение числа однолошадных хозяйств и соответственный рост хозяйствъ съ 5—6 лошадьми ¹⁾. Наконецъ, не только въ помѣщичьихъ хозяйствахъ областей московской промышленной, центральной-земледѣльческой, Литвы, Юго-западнаго края, Малороссіи, Польши и Прибалтійскаго края, но и въ крестьянскихъ хозяйствахъ нечерноземныхъ губерній—Московской, Тверской, Ярославской, Новгородской, Вятской, Костромской и др.—развилося плодосѣнное земледѣліе съ посѣвами кормовыхъ травъ, при чемъ въ Московской губ. къ правильному травопольному хозяйству перешли къ началу 1905 г. уже 996 селеній съ надѣломъ въ 320 тыс. дес., что составляетъ болѣе 20% всей площади крестьянской земли въ губерніи ²⁾.

Къ числу остатковъ крѣпостного хозяйства, принадлежить прежде всего указанная уже выше отработочная система частновладѣльческаго хозяйства, поддерживаемая, съ одной стороны, недостаткомъ капитализаціи земледѣлія, который является слѣдствіемъ сельскохозяйственнаго кризиса, съ другой—условіями надѣленія крестьянъ землей при освобожденіи; главнымъ изъ этихъ условій являются—надѣленіе крестьянъ дарственными нищенскими надѣлами и особенно такъ называемые «отрѣзки», т. е. земли, которыми при крѣпостномъ правѣ крестьяне пользовались обрабатывая ихъ для себя, но которыя при освобожденіи отошли къ помѣщикамъ; большая часть этихъ земель черезполосна съ крестьянскими и занимаетъ выгоны, водопой, отрѣзываетъ проѣздъ къ разнымъ угольямъ, къ большой дорогѣ и т. д. Безъ нихъ крестьянамъ невозможно вести хозяйство и потому приходится арендовать ихъ на какихъ угодно условіяхъ,—обыкновенно на условіяхъ крѣпостническихъ, кабальныхъ, отработочныхъ.

Выкупные и оброчные платежи, тяжелымъ гнетомъ

¹⁾ Румянцевъ, Къ вопросу объ эволюціи русскаго крестьянства—въ „Очеркахъ реалистическаго міровоззрѣнія“, стр. 525, 532 и др.

²⁾ Бажаевъ, Малоземелье и техническая отсталость—въ „Рус. Вѣд.“ за 1905, № 230.

лежащие на крестьянской бюджет, как и господство косвенных налогов над прямыми, представляют собою второй важный остаток крепостной эпохи.

Наконец, то же время крепостничества, когда натурально-хозяйственные влияния были еще достаточно сильны, создало и сохранившиеся до сих пор такие формы землевладения, при которых земля является фактически или юридически неотчуждаемой, что совершенно противоречит общему складу денежного, капиталистического хозяйства, обуславливающего необходимость свободного гражданского оборота всех ценностей в стране. Сюда относятся крестьянское мирское землевладение, земли монастырские и церковные, удельные, кабинетские и государственные.

Сдѣланная сейчас сжатая характеристика современного состоянія сельскаго хозяйства въ Россіи, устанавливая ту стадію развитія, какую въ этомъ отношеніи переживаетъ страна, вмѣстѣ съ тѣмъ уясняетъ и причины того тяжелаго положенія, въ какомъ находится трудовое крестьянство. Причины эти сводятся прежде всего къ тому, что этой крестьянской массѣ приходится переживать переходный періодъ хозяйственнаго развитія, пролетаризирующей частью ея и выдвигающей другую часть въ ряды сельской буржуазіи; затѣмъ важна и наличность остатковъ крепостного права, дѣйствующихъ также угнетающимъ образомъ на хозяйственное положеніе трудового крестьянства. Словомъ, и капитализація и ея незаконченность дѣйствуютъ въ одномъ направленіи, одинаково тяжело отражаются на крестьянской массѣ.

II.

Существуетъ довольно распространенное убѣжденіе, что, если капитализмъ и развивается въ сельскомъ хозяйствѣ, то во всякомъ случаѣ развитіе это совершается крайне медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ въ индустріи. Существуетъ далѣе взглядъ, что даже въ процесѣ капитализаціи земледѣлія сельскохозяйственные рабочіе не объеди-

няются такъ сильно, какъ фабричныя: въ очень крупныхъ хозяйствахъ существуетъ, напр., дѣленіе имѣнія на отдѣльные хутора и т. д.

Эти два соображенія и являются основой для проектовъ такъ называемой націонализаціи земли. Мы не считаемъ здѣсь тѣхъ соображеній, которыя приводятся въ пользу націонализаціи на основаніи общихъ моральныхъ положеній о несправедливости земельной ренты: съ нашей точки зрѣнія такое моральное основаніе для проектовъ общественнаго переустройства вообще несостоятельно, — здѣсь надо исходить изъ принципа классовыхъ интересовъ.

Какіе же смыслъ и значеніе имѣютъ отмѣченные сейчасъ два принципиальные основанія націонализаціи земли? Безъ всякаго сомнѣнія, капитализація и особенно концентрація производства въ земледѣліи отстаетъ въ настоящее время отъ соответствующихъ процессовъ въ области обрабатывающей промышленности. Но вѣдь различные процессы общественнаго развитія вообще не проходятъ равномерно, нога въ ногу, по ранжиру, какъ солдаты на парадѣ: вѣдь и обрабатывающая промышленность долго, многія столѣтія находилась въ состояніи застоя и потомъ совершила быструю эволюцію, далеко опередивъ земледѣліе. Медленность концентраціи и капитализаціи земледѣлія вовсе не является абсолютнымъ закономъ, вѣчнымъ и неизмѣннымъ; все зависитъ отъ условій рынка и отъ организаціи средствъ производства. И пусть намъ не указываютъ на общгость и необыкновенную производительность почвы американскихъ прерій, какъ на обстоятельство; задерживающее процессъ концентраціи и капитализаціи и даже совершенно устраняющее этотъ процессъ: мы только что убѣдились, что преріи не мѣшаютъ своимъ сосѣдствомъ развитію капитализма въ американскомъ земледѣліи; какое же основаніе имѣемъ мы думать, что онѣ помѣшаютъ тому же явленію за сотни тысячъ верстъ отъ нихъ?

Но намъ говорятъ еще, что рабочіе въ крупныхъ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ разьединены вслѣдствіе дѣленія крупныхъ имѣній на отдѣльные хутора. Не

получается, слѣдовательно, того чувства солидарности, того сознанія общности классовыхъ интересовъ, которое является необходимой психологической предпосылкой будущаго строя. Нетрудно однако убѣдиться, что это— простое недоразумѣніе: хутора въ обширномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ вовсе не являются клочками земли, на которыхъ сидятъ одиночки-рабочіе, — это части сложнаго и связнаго цѣлаго, всего хозяйства, органически связанныя между собою и состояція притомъ каждый изъ группы рабочихъ. Въ сущности это—то же, что отдѣльныя мастерскія на фабрикѣ или цехи на металлургическомъ заводѣ, и потому единство, а слѣдовательно, и сознаніе общности интересовъ остается не менѣе свойственнымъ рабочимъ въ крупныхъ сельскохозяйственныхъ предприятияхъ, чѣмъ фабричнымъ рабочимъ.

Говорятъ еще иногда, что широкое развитіе производительныхъ силъ въ крупномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ невозможно по той причинѣ, что требованія агрономіи, имѣющей въ виду полученіе возможно большаго количества продукта съ единицы площади, и условія сельскохозяйственнаго рынка, создающія низкія цѣны на хлѣбъ, находятся въ неразрѣшимомъ противорѣчій, и что неравенство прибыли въ земледѣліи и индустріи—постоянное явленіе, происходящее оттого, что земледѣліе—сезонный видъ хозяйственной дѣятельности, въ немъ работа происходитъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ году, и потому капиталъ совершаетъ свой оборотъ одинъ разъ въ годъ, тогда какъ въ индустріи въ то же время капиталъ можетъ обернуться нѣсколько разъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего опять съ примѣненіемъ чисто-абстрактнаго метода въ изслѣдованіи экономическихъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ: предполагается, что условія сельскохозяйственнаго рынка есть величина постоянная, не подлежащая измѣненіямъ. А затѣмъ утвержденіе, что агрономическія требованія и низкія цѣны на хлѣбъ непримиримы и несовмѣстимы родственно со столь же несостоятельнымъ мнѣніемъ, что дешевый хлѣбъ можетъ подучиться только при экстенсивной системѣ поле-

вого хозяйства, т. е. при отсутствии капитализации; это — неверно: ведь *крупное* хозяйство создаетъ благодаря своимъ размѣрамъ и размѣрамъ вкладываемаго въ него капитала такую экономію силъ и средствъ, при наличности которой хлѣбъ можетъ продаваться, несмотря на интенсификацію техники производства, попрежнему дешево. Другое дѣло, конечно, въ *мелкомъ* хозяйствѣ: тамъ интенсификація заставляетъ продавать продуктъ по необходимости дороже. Замѣтимъ, что эти теоретическія соображенія подтверждаются и конкретными наблюденіями: Соединенные Штаты продаютъ хлѣбъ очень дешево, а тамъ какъ разъ и совершается интенсификація, капитализація, концентрація сельскохозяйственныхъ предпріятій.

Что касается сезонности земледѣльческихъ работъ и медленности обращенія капитала въ сельскомъ хозяйствѣ, то, во-первыхъ, есть сезонныя отрасли и въ обрабатывающей промышленности, что не мѣшаетъ равенству прибыли, получаемой въ нихъ, съ прибылью отъ другихъ, несезонныхъ отраслей производства; во вторыхъ, медленное обращеніе капитала въ *земледѣліи* можетъ и должно компенсироваться его болѣе быстрыми оборотами въ другихъ вѣтвяхъ сельскаго хозяйства, напр., въ скотоводствѣ, молочномъ хозяйствѣ, садоводствѣ и т. д., а также въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, тѣсно связанныхъ съ земледѣліемъ (напр., винокурениі, сахароварениі и т. д.): ведь новѣйшее сельское хозяйство все болѣе приобретаетъ характеръ сложнаго и связнаго организма, приближающагося къ промышленному типу.

Такъ падаютъ всѣ основанія, которыя на первый взглядъ говорятъ за необходимость осуществленія въ настоящее время націонализаціи земли. Но если націонализація не необходима, если и безъ нея возможенъ переходъ къ будущему экономическому строю, то, можетъ быть, она все-таки полезна и возможна, и потому должна быть осуществлена теперь?

Разбирая этотъ вопросъ, обыкновенно прежде всего указываютъ, что націонализація земли означаетъ уничтоженіе частной собственности на земельную ренту, т. е.

тотъ внѣтрудоваго дохода, который землевладѣлецъ получаетъ отъ земли независимо отъ прибыли на вложенный имъ въ предпріятіе капиталъ. Само собой разумѣется, что, говоря о рентѣ, здѣсь имѣютъ въ виду абсолютную, а не дифференціальную ренту: послѣдняя останется и при націонализаціи, потому что различіе въ плодородіи земли въ разныхъ хозяйствахъ, въ положеніи хозяйствъ по отношенію къ рынку и т. д. при сохраненіи частной собственности на капиталъ уничтожены не будутъ. Мы должны опять отбросить ту точку зрѣнія абсолютной морали, съ которой часто осуждаютъ фактъ существованія ренты: не «правда—справедливость», а классовые интересы должны служить основой для нашихъ разсужденій. Исходя изъ этого, надо признать, что уничтоженіе абсолютной ренты *при данныхъ экономическихъ условіяхъ* полезно лишь тогда, когда землевладѣлецъ самъ не ведетъ хозяйства, является паразитомъ, получающимъ именно одну эту ренту, когда онъ сдаетъ въ аренду, по англійскому выраженію, «землю, а не фермы», т. е. не сдаетъ вмѣстѣ съ землей инвентарь и постройки, не вводитъ, пользуясь арендными отношеніями, улучшеній въ хозяйство; очевидно, что въ такомъ случаѣ мы имѣли бы типичное отработочное (кабальное) хозяйство, которое противорѣчитъ классовымъ интересамъ пролетаріата и крестьянства и не является залогомъ дальнѣйшаго хозяйственнаго прогресса, а напротивъ, задерживаетъ этотъ прогрессъ. Но совершенно очевидно, что, поскольку рѣчь идетъ о такихъ кабальныхъ хозяйствахъ, нѣтъ нужды въ націонализаціи земли для ихъ устраненія: для этого достаточно запрещенія закономъ и преслѣдованія судами всѣхъ видовъ кабальной аренды. И такая мѣра тѣмъ болѣе рациональна, что уничтоженіе ренты въ имѣніяхъ, гдѣ землевладѣлецъ является и хозяиномъ предпріятія или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ хозяевъ, должно неизбѣжно задержать необходимую въ интересахъ наступленія будущаго строя капитализацію и концентрацію земледѣлія: вѣдъ намъ уже извѣстно, что при современныхъ условіяхъ сельскохозяйственнаго рынка прибыль отъ земледѣльческихъ предпріятій

тій ниже прибыли отъ предприятий индустриальныхъ; это различіе теперь компенсируется рентой, и не въ интересахъ пролетаріата уничтожать эту компенсацію и создавать на пути къ развитію капитализма искусственные препятствія, которыя только затянутъ процессъ и все-таки будутъ устранены въ свое время. Мы знаемъ, что попытки уничтоженія ренты путемъ спеціальнаго обложенія ея были сдѣланы въ Новой Зеландіи и чему же онѣ содѣйствовали? Развитію мелкаго земледѣлія—и только ¹⁾).

Націонализація земли означаетъ не только уничтоженіе абсолютной ренты, но и еще изъятіе изъ свободнаго гражданскаго оборота очень важной и очень крупной цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ: что такое значить изъять изъ свободнаго обращенія на рынкѣ 400 милліоновъ десятинъ земли? Это значить, по самой скромной оцѣнкѣ, считая 50 руб. за десятину, лишить помещенія въ землѣ огромный капиталъ въ 20 милліардовъ рублей. Въ капиталистическомъ строѣ, основанномъ всецѣло на свободномъ гражданскомъ оборотѣ всѣхъ цѣнностей въ странѣ, это невозможно или возможно лишь на весьма непродолжительное время; какъ устойчивое, постоянное явленіе націонализація немислима.

Не надо, наконецъ, забывать, что націонализація въ буржуазномъ обществѣ представляетъ собою весьма большую опасность для пролетаріата и крестьянства: вѣдь государство — организація классового господства, оно — плоть отъ плоти и кость отъ кости буржуазнаго общества. Какъ ни демократизируйте вы государство при буржуазномъ обществѣ, покоящемся на капиталистическомъ хозяйствѣ, — всегда это государство останется буржуазнымъ, будь это даже крайне-демократическая республика. Буржуазное государство всегда будетъ эксплуатировать націонализованную землю въ пользу буржуазіи, и въ результатѣ для пролетаріата и крестьянства будетъ приготовлена болѣе горькая, чѣмъ теперь, участь; его легко можетъ постигнуть весьма болѣзненная массовая и быстрая про-

¹⁾ См. XIV главу книги Метена „La nouvelle Zélande“.

летаризація въ связи съ пышнымъ новымъ расцвѣтомъ кабальной аренды со всѣми ея неизбежными прелестями. Сколько ни утверждайте принципъ, что націонализованной землей должны пользоваться только тѣ, кто ее обрабатываетъ, — онъ останется мертвой буквой въ буржуазномъ государствѣ.

Возраженія, сдѣланныя выше противъ производства немедленной націонализаціи земли, настолько серьезны, что нѣкоторые предлагаютъ замѣнить націонализацію социализаціей, сущность которой сводится къ тому, что земля должна быть передава въ пользованіе общинъ, причемъ за государствомъ должны остаться довольно ограниченныя права, сводящіяся 1) къ праву вселять въ многоземельныя общины избытокъ населенія общинъ малоземельныхъ, 2) къ праву сохранить за собой часть земли для переселенія не только избыточнаго населенія, но и одиночекъ, чувствующихъ себя неспособными къ общинному хозяйству, 3) къ праву устанавливать закономъ денежное вознагражденіе выходящему изъ міра члену за сдаваемый имъ міру надѣлъ ¹⁾. Этотъ проектъ устраняетъ послѣднее изъ приведенныхъ выше возраженій противъ націонализаціи земли въ буржуазномъ государствѣ. Но, во-первыхъ, остаются въ прежней силѣ всѣ другія возраженія, и, во-вторыхъ, намѣчаются не менѣе важныя новыя. Въ самомъ дѣлѣ: фактически отдѣльная община всегда можетъ свести къ нулю право вселенія, принадлежащее государству: стоитъ только ей такъ эксплуатировать землю (отвести часть ея подъ лѣсъ, выгонъ и пр.), что пашни будетъ мало, и община будетъ считаться малоземельной; а затѣмъ вѣдь отдѣльныя общины будутъ конкурировать между собою на рынкѣ, при продажѣ хлѣба, словомъ, вынуждены будутъ подвергнуться всѣмъ сложнымъ вліяніямъ капиталистическаго общества, откуда произойдетъ имущественное неравенство, слѣдовательно, тѣ же капитализація и концентрація производства ²⁾.

¹⁾ Повоторжскій, Открытое письмо А. В. Пѣшехову — въ „Рус. Богатствѣ“ за 1905 г., № 8, стр. 103.

²⁾ См. замѣчанія г. Пѣшехова въ отвѣтъ г. Новоторжскому — въ „Рус. Богатствѣ“ за 1905 г., № 8, „Внутреннее Обзорѣніе“.

Наконецъ, въ связи съ социализаціей землевладѣнія ставится проектъ насажденія производительныхъ ассоціацій въ земледѣліи: эти общины, или міры, должны пріучиться къ мірскому хозяйству и тѣмъ предуготовлять переходъ къ новому социальнo-экономическому строю. Нетрудно понять, что здѣсь возрождается давно, казалось бы, развѣнчанннй и потерявшій кредитъ утопическій коллективизмъ. Забываютъ о тѣхъ необходимыхъ предпосылкахъ будущаго строя, которыя неизбежно утверждены Марксомъ. Развѣ теперь имѣется уже налицо матеріальная, объективная его предпосылка, заключающаяся въ такомъ развитіи техники, которое довело бы мотивъ личной выгоды и наличность личной энергіи, предприимчивости и риска до минимума и тѣмъ выдвинуло бы на первый планъ общественное производство; такая техника тѣснѣйшимъ образомъ связана съ почти полнымъ господствомъ крупнаго производства во всѣхъ отрасляхъ хозяйства, а развѣ этотъ результатъ достигнуть? Отсутствуетъ и психологическая, субъективная предпосылка — ростъ классового сознанія пролетаріата, доходящій до духовнаго объединенія подавляющаго большинства народныхъ массъ. Мы знаемъ и теперь примѣры производительныхъ ассоціацій; таковы, напр., извѣстный французскій стеклянный заводъ въ Альби и нѣкоторыя земледѣльческія ассоціаціи въ той же Франціи. Эти опыты весьма полезны, и ихъ необходимо продолжать и умножать, потому что они даютъ возможность произвести повѣрку того, насколько подходятъ производительныя коопераціи къ экономическимъ условіямъ даннаго момента, насколько онѣ жизнеспособны, могутъ ли онѣ итти во главѣ промышленной жизни, руководить ею. И вотъ указанные французскіе опыты какъ нельзя лучше показываютъ, что даже хозяйственныя условія такой передовой страны, какъ Франція, недостаточно развиты, чтобы создать возможность господства коопераціи: предприятия эти—среднихъ размѣровъ, техническій уровень ихъ не выше обыкновенныхъ капиталистическихъ предприятий, они не идутъ во главѣ промышленнаго развитія, не руководятъ имъ, а подходятъ къ скромному среднему уровню. Только тогда, когда от

дѣльные опыты производительныхъ ассоціацій укажутъ на ихъ руководящую роль въ хозяйственной жизни, — только тогда мы будемъ близки къ новому строю, только тогда мы можемъ быть увѣрены, что сложились необходимые объективныя предпосылки для его осуществленія. О субъективныхъ предпосылкахъ надо, конечно, заботиться при этомъ уже и теперь, не покладая рукъ.

Опытъ западно-европейской общественной жизни — преимущественно французской и нѣмецкой — показываетъ, что представителямъ социалъдемократической партіи легче уже теперь получить преобладаніе въ органахъ мѣстнаго самоуправления, — по нашему въ городскихъ думахъ и земствахъ, чѣмъ въ центральномъ правительствѣ. Отсюда возникли проекты передачи земли въ руки этихъ именно органовъ, или такъ называемой муниципализаціи земли. Впрочемъ, иногда при этомъ имѣется въ виду не постоянная муниципализація, а временная; затѣмъ мѣстныя самоуправленія — учреждения, разумѣется, демократически-составленныя — должны ликвидировать доставшуюся имъ землю; предполагается, что при преобладаніи въ нихъ социалъдемократическихъ элементовъ легко будетъ произвести эту ликвидацию дѣйствительно въ интересахъ народныхъ массъ. Есть однако два важныхъ возраженія на это: во-первыхъ, при буржуазномъ строѣ въ большинствѣ мѣстныхъ самоуправляющихся единицъ все-таки неизбѣжно господство буржуазіи; во-вторыхъ, въ качествѣ временныхъ учреждений, имѣющихъ цѣлью регулированіе земельныхъ отношеній, умѣстнѣе и цѣлесообразнѣе были бы мѣстные выборные комитеты. Если же муниципализацію земли признать какъ общую, постоянную юридическую норму, то большая часть приведенныхъ возраженій противъ націонализаціи опять получить всю свою силу и полное значеніе.

III.

«Это что за наука? сначала разорить, подѣлать пролетаристовъ, а потомъ опять осчастливить» ¹⁾. «Намъ,

¹⁾ Тамъ, По губерніи Безпкойной — въ „Рус. Вѣд.“, № 208 за 1905 годъ.

можетъ быть, придется еще увидѣть противоестественный союзъ между сторонниками черезчуръ отодвинутого вдалѣ коллективизма и совѣтъ близкаго, уже раскрышаго пасть капитализма», при чемъ союзъ этотъ будетъ направленъ къ тому, чтобы «выторговать обезземеленіе массъ»¹⁾.

Таковы обвиненія, раздающіяся изъ лагеря противниковъ по адресу социальдемократіи, — обвиненія, которыя, по всей справедливости, нельзя назвать иначе, какъ вульгарными, и которыя — надѣмся — являются результатомъ простой неосвѣдомленности, — недобросовѣстности допускать не хотѣлось бы. Для всякаго понимающаго социальдемократическую программу ясно, что марксисты вовсе не хотятъ и не хотѣли обезземелить массы, содѣйствовать этому обезземеленію, хотя они и убѣждены, что это обезземеленіе неизбежно въ будущемъ. Обезземеленіе — такое же стихійное, неустраняемое явленіе въ экономической жизни страны, идущей по пути развитія капитализма, какъ, напр., землетрясеніе неустраняемо въ жизни природы. И какъ предвидя землетрясеніе, необходимо принимать мѣры къ тому, чтобы оно возможно менѣе тяжело отозвалось на населеніи, и совершенно бесполезно мечтать объ устраненіи самаго факта землетрясенія, такъ и имѣя въ виду грядущее обезземеленіе массъ, надо выработать рядъ мѣръ, дѣлающихъ этотъ стихійный процессъ по возможности безболѣзненнымъ для народа. Въ этомъ и заключается истинная сущность марксистской программы по аграрному вопросу. *Необходимо, чтобы капитализмъ въ Россіи развивался въ такихъ условіяхъ, которыя соответствовали бы классовымъ интересамъ пролетаріата и дѣлали бы по возможности безболѣзненнымъ теченіе этого экономического процесса для трудового крестьянства, крестьянства въ экономическомъ смыслѣ этого слова.*

Совершенно ясно, что въ данный историческій моментъ и интересы пролетаріата и интересы трудового крестьян-

¹⁾ Пѣшеховъ, Основныя задачи аграрной реформы — въ „Рус. Вѣд.“ за 1905 г., № 198.

ства требуют дополнительнаго надѣленія крестьянъ землей, увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія. Для пролетаріата это важно потому, что увеличить покупательную способность крестьянства и тѣмъ расширить внутренній рынокъ для сбыта фабрикатовъ, въ частности для сельскаго пролетаріата — сельскохозяйственныхъ рабочихъ—это важно тѣмъ, что подниметь заработную плату, предотвращая разные виды кабальной аренды. Для крестьянства помимо ближайшаго результата—повышенія благосостоянія—важно то, что болѣе обезпеченный землей крестьянинъ-земледѣлецъ будетъ сознательнѣе относиться къ окружающей дѣйствительности, чѣмъ современный забитый и угнетенный «земледѣцъ тупорылый», и въ частности легче пойметъ свое положеніе и выберетъ безъ труда и наиболѣе разумно тотъ моментъ, когда онъ съ наибольшей выгодой для себя долженъ будетъ ликвидировать свои отношенія къ землѣ.

Очевидно, слѣдовательно, что настоятельнѣйшей, необходимо и безусловно требующей удовлетворенія потребностью трудового крестьянства является *даровое надѣленіе его землей въ такомъ размѣрѣ, который уничтожилъ бы условія, вынуждающія крестьянина на кабальную аренду.*

Это положеніе—основное въ аграрной программѣ социальдемократіи. Будучи построено на основѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата и крестьянства, оно освѣщаетъ надлежащимъ образомъ всѣ частности вопроса.

Одной изъ такихъ частности является, напр., вопросъ объ «отрѣзкахъ»—о той землѣ, которую крестьянство потеряло при освобожденіи въ 60-хъ годахъ. Когда говорить о возвратѣ этой земли крестьянамъ, то, конечно, разумѣютъ эту землю не *in concreto*, а имѣютъ въ виду принципиальное значеніе отрѣзковъ, какъ средства устраненія отработочнаго хозяйства; не исправленіе исторической несправедливости должны имѣть въ виду марксисты—это имъ совершенно не къ лицу,—а уничтоженіе обстоятельствъ, приводящихъ къ кабальному хозяйству, вредному для интересовъ пролетаріата и крестьянства. Дѣло, значитъ, не въ томъ, чтобы отобрать и передать крестья-

знамъ именно отрѣзки, взятыя у нихъ при освобожденіи, но надо взять тѣ частновладѣльческія земли, которыя необходимы для уничтоженія кабалы. Размѣръ и условія этой сложной и трудной операціи должны быть опредѣлены въ каждомъ данномъ случаѣ мѣстнымъ выборнымъ крестьянскимъ комитетомъ, о которомъ мы уже говорили выше.

Безъ сомнѣнія, имѣя въ виду уничтоженіе остатковъ крѣпостного хозяйства, необходимо ввести въ свободный гражданскій оборотъ тѣ виды земельнаго владѣнія, которые несвободны, фактически и юридически неотчуждаемы: сюда относятся земли монастырскія, церковныя, удѣльныя, кабинетскія и по крайней мѣрѣ та часть государственныхъ, которая пригодна для земледѣлія. Свободный гражданскій оборотъ земли составляетъ такое необходимое условіе капиталистическаго хозяйства, что указанная сейчасъ мѣра совершенно неизбежна, и осуществленіе ея не подлежитъ ни малѣйшимъ сомнѣніямъ.

Хозяйственныя условія, т. е. тотъ же капиталистическій строй, несомнѣнно разрушатъ и еще одинъ остатокъ крѣпостной эпохи—крестьянскую земельную общину. Марксисты далеки, конечно, отъ мысли разрушать ее насильственно: все будетъ сдѣлано самымъ ходомъ экономическаго развитія. Необходимо только не создавать на пути этого развитія искусственныхъ препятствій, которыя только тормозятъ ходъ общественныхъ перемѣнъ, отнюдь не предотвращая ихъ. Поэтому надо лишь предоставить право свободнаго выхода каждому члену крестьянскаго міра, предоставивъ ему требовать, въ случаѣ желанія, выдѣла въ его собственность земельнаго участка, экономически равнаго его надѣлу. При этомъ для огражденія интересовъ общины можно предоставить ей право выдѣлять землю уходящимъ членамъ съ краю мірскихъ владѣній.

Наконецъ,—въ этомъ, кажется, сходятся всѣ сколько-нибудь прогрессивные элементы русскаго общества,—необходимо замѣнить прямымъ прогрессивно-подходящимъ обложеніемъ косвенные налоги, тяжелымъ гнетомъ лежащіе на крестьянской массѣ и также являющіеся остаткомъ крѣпостной эпохи.

Мы думаемъ, что въ изложенной программѣ нѣтъ недостатка ни въ принципіальности, ни въ практичности, ни въ широтѣ. Последнее—широту—нѣкоторые изъ нашихъ «соціалъ-народниковъ» оспариваютъ, видя въ предлагаемыхъ мѣрахъ палліативъ. Конечно, это палліативъ въ томъ смыслѣ, что капиталистическій строй хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній сохранится, но онъ и не можетъ быть при данныхъ условіяхъ уничтоженъ. Притомъ во всякомъ случаѣ нельзя отрицать широту программы, открывающей возможность трудовому крестьянству сосредоточить въ своихъ рукахъ половину территоріи страны и увеличить свои земельныя владѣнія приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ раза. Не надо, наконецъ, забывать, что соціалдемократія поддерживаетъ современное крестьянское движеніе во всемъ его объемѣ.

3.68 № 1799.

Книгоиздательство „МОЛОТЪ“.

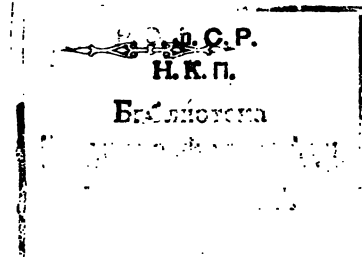
Г. И. ЗЕМЕЛЬ,

1914 г.

к

Н. РОЖКОВЪ.

**Эволюція
хозяйственныхъ
формъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1905.

Дозволено цензурою. Москва, 30 іюня 1905 г

Типографія Исидора Гольдберга. Спб.

I.

Обеспечить себѣ пропитаніе, одежду и жилище—вотъ основная, элементарная потребность человѣка, удовлетворяемая его хозяйственной или экономической дѣятельностью. Хозяйственная дѣятельность человѣка не является всегда одинаковой, неизмѣнной,—она мѣняется въ разные періоды историческаго развитія, происходитъ постоянная эволюція хозяйственныхъ формъ, опредѣляющихъ въ свою очередь особое для каждой эпохи устройство общества. Въ настоящей брошюрѣ мы имѣемъ въ виду показать, какъ вообще развиваются хозяйственныя формы, какимъ общимъ законамъ подчиняется ихъ эволюція.

Можно различить нѣсколько отраслей хозяйственной дѣятельности человѣка. Для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей человѣкъ или просто пользуется даровыми силами природы—это промышленность добывающая,—или искусственно добываетъ новые продукты, не доставляемые непосредственно природой—это сельское хозяйство,—или перерабатываетъ продукты добывающей промышленности и сельскаго хозяйства въ новый видъ, удобный для удовлетворенія человѣческихъ потребностей,—это обрабатывающая промышленность,—или, наконецъ, перемѣщаетъ продуктъ отъ производителя къ потребителямъ, что называется торговлей или обмѣномъ. Взаимное отношеніе или относительное значеніе этихъ четырехъ отраслей хозяйственной дѣятельности составляетъ первую черту, характеризующую экономическій бытъ каждаго общества.

Каково же это взаимное отношеніе въ обществѣ первобытномъ, переживающемъ первую ступень хозяйственнаго развитія? Историческія наблюденія дѣлаютъ возможнымъ весьма опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Такъ, экономическій бытъ древнихъ германцевъ характеризовался подавляющимъ перевѣсомъ добывающей промышленности—германцы жили главнымъ образомъ охотой, рыболовствомъ, пчеловодствомъ,—слабостью сельскаго хозяйства, изъ отдѣльныхъ вѣтвей котораго достигло

большого значенія только скотоводство, совершенной примитивностью обрабатывающей промышленности и почти полным отсутствиемъ торговыхъ сношеній, господствомъ такъ называемаго натурального хозяйства, когда каждая отдѣльная семья все необходимое добываетъ собственнымъ трудомъ, ничего не продавая и не покупая. Тѣми же чертами—господствомъ добывающей промышленности и натурального, безобмѣннаго хозяйства—отличался экономическій бытъ древнѣйшей Россіи съ VI—XII вѣкъ. Это же характеризуетъ и хозяйство древнѣйшей Греціи и древнѣйшаго Рима, а также Мидіи и Персіи въ первые вѣка ихъ историческаго существованія. Правда, есть страны, относительно которыхъ сохранившіяся историческія данныя даютъ на первый взглядъ иные показанія: такъ, въ Египтѣ и въ Ассири-Вавилоніи издавна преобладало земледѣліе. Но, не говоря уже о томъ, что здѣсь сама природа — именно наличность глубокихъ, сильно разливавшихся и разливами содѣйствовавшихъ плодородію почвы большихъ рѣкъ, Нила и Евфрата—давала неизбѣжный перевѣсъ земледѣлію, надо замѣтить, что въ этихъ странахъ сохранились слѣды первоначальнаго господства пастушескихъ и охотничьихъ племенъ, такъ что естественныя условія Египта и Ассири-Вавилоніи только ускорили переходъ отъ добывающей промышленности къ земледѣлію, но вовсе не сразу, не съ самаго начала, превратили эти страны въ земледѣльческія. Слѣдовательно, общее явленіе, сейчасъ нами подмѣченное, наблюдалось и въ Египтѣ и въ Ассири-Вавилоніи. Итакъ, хозяйственное развитіе каждой страны начинается господствомъ натурального хозяйства при преобладаніи въ то же время добывающей промышленности и скотоводства.

Первый періодъ въ развитіи хозяйственной жизни всѣхъ народовъ является такимъ образомъ однотипнымъ. Понятна причина этого: относительное значеніе разныхъ отраслей хозяйства зависитъ отъ степени плотности населенія и отъ естественныхъ условій страны, и населеніе первобытныхъ странъ всегда отличается рѣдкостью, естественныя же ихъ условія характеризуются обиліемъ различныхъ даровъ природы—звѣрей, птицъ, рыбъ, лѣсовъ, пастбищъ и т. д. Одинаковыя причины приводятъ повсюду и къ одинаковымъ слѣдствіямъ.

Хозяйственная дѣятельность человѣка слагается подъ воздѣйствіемъ трехъ основныхъ факторовъ—земли, труда и капитала. Отсюда возникаютъ отношенія человѣка къ землѣ—формы землевладѣнія,—отношенія между трудомъ и капиталомъ—формы хозяйства—и опредѣленіе степени затраты труда и капитала—техника или система хозяйства. Изучая эволюцію хозяйственныхъ формъ, необходимо познакомиться и съ этими сферами экономическихъ явленій.

Можно вообще сказать, что формы землевладѣнія и формы хозяйства опредѣляются относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности. У древнихъ германцевъ около Р. Х. преобладала, какъ мы сейчасъ видѣли, добывающая промышленность. Свидѣтельства римскихъ писателей,—Цезаря и Тацита,—такъ называемыхъ „варварскихъ Правдъ“, т. е. записей древне-германскаго обычнаго права, наконецъ, различныя грамоты не оставляютъ сомнѣнія, что поземельныя отношенія древнихъ германцевъ складывались слѣдующимъ, приблизительно, образомъ: округъ, волость или село захватывали извѣстную, довольно обширную территорию, а отдѣльные дворы или семьи на время, обыкновенно на годъ, опахивали или окашивали себѣ опредѣленные участки для распашки, не подлежавшіе во время разработки заимкѣ со стороны другихъ семей. Лѣсомъ, выгономъ и всѣми другими угодьями пользовались всѣ сообща, въ мѣру потребностей. То же можно наблюдать въ исторіи формъ землевладѣнія въ Сибири. Обычный процессъ разселенія въ Сибири, на дѣвственныхъ почвахъ, сводится къ слѣдующему: поселившись, извѣстная группа новоселовъ—обыкновенно волость—захватываетъ себѣ большое пространство земли; сѣнными и лѣсными угодьями пользуются сообща, а для пахоты каждая отдѣльная семья занимаетъ или, какъ гласитъ техническое выраженіе, „наѣзжаетъ“ себѣ опредѣленный участокъ, которымъ и пользуется годъ или два, съ тѣмъ чтобы затѣмъ перейти къ другому. Если мѣстность степная, то такой участокъ опахивается, въ лѣсной мѣстности онъ „зачерчивается“, т. е. ставятся зарубки на деревьяхъ. Такое землевладѣніе называется вольнымъ или захватнымъ. Порядокъ пользованья землей, совершенно аналогичный древне-германскому и сибирскому, суще-

ствоваль и въ древней Руси до конца XII вѣка: волость или „вервь“ занимала обширную территорию, а отдѣльныя семьи периодически „наѣзжали“, занимали на годъ-на два участки на этой территории; въ Русской Правдѣ-древнѣйшей записи русскаго обычнаго права—говорится объ опахиваніи и зачерчиваніи земли.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ эпоху господства добывающей промышленности при натуральномъ хозяйствѣ существуетъ всегда вольное или захватное землевладѣніе. Это и понятно: охота и первобытное скотоводство требуютъ простора, иначе звѣрь выводится, пастбища истощаются; необходимо, чтобы отдѣльныя семьи не мѣшали другъ другу и чтобы поэтому волость занимала большія пространства въ предѣлахъ которыхъ то тамъ, то сямъ, производилъ бы хозяйственную эксплуатацію различныхъ угодій отдѣльные семейные союзы.

Приведенные сейчасъ конкретныя историческія примѣры достаточно характеризуютъ и господствующія въ тотъ періодъ формы хозяйства: типической, характерной формой хозяйственной дѣятельности и у древнихъ германцевъ, и у русскихъ древнѣйшаго періода нашей исторіи былъ домашній трудъ семьи, обходившійся въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ собственными силами, безъ помощи наемныхъ рабочихъ и рабовъ. Вотъ почему, напр. Русская Правда не знаетъ рабовъ, принадлежащихъ простымъ смердамъ-крестьянамъ, и упоминаетъ лишь о рабахъ княжескихъ, боярскихъ и монастырскихъ, а римскіе писатели приравниваютъ германскихъ рабовъ къ полусвободнымъ и свидѣтельствуютъ объ ихъ немногочисленности. Стало быть, типической формой хозяйства при господствѣ добывающей промышленности и натурального хозяйства является семейный, домашній трудъ.

Система или техника хозяйства слагается подъ воздействиемъ всѣхъ трехъ первыхъ элементовъ экономической жизни—относительнаго значенія разныхъ отраслей хозяйства, формъ землевладѣнія и формъ хозяйства. Такъ, у древнихъ германцевъ техника обрабатывающей какъ и всякой другой, промышленности стояла на первоначальной ступени развитія: это было чисто ручное производство, безъ всякаго почти примѣненія сколько

нибудь сложныхъ орудій; въ земледѣліи господствовало подсѣчное огневое или лядинное хозяйство, состоящее въ томъ, что вырубаются и выжигаются лѣсъ, снимается одинъ, два урожая, и затѣмъ продѣлывается та же операція съ другимъ участкомъ, потомъ съ третьимъ и т. д.; въ добывающей промышленности все дѣло сводилось къ хищническому истребленію даровъ природы. Чѣмъ обуславливалась такая примитивная техника, такая экстенсивная, т. е. не требующая скольконибудь значительной затраты труда и капитала, система хозяйствъ? Прежде всего, господствомъ натурального хозяйства, при которомъ не существуетъ и не можетъ существовать спросъ на повышенную производительность. Затѣмъ тутъ сказалось вольное землепользованіе, логически приводившее и къ хищническому истребленію даровъ природы безъ всякой бережливости, и къ подсѣчному земледѣлію. Наконецъ, силы семьи—этой основной въ то время формы хозяйственного сотрудничества—были слишкомъ ограничены, чтобы можно было рассчитывать на значительную затрату труда и капитала. Первоначальная исторія любого народа подтвердить всѣ эти наблюденія и заключенія: то же мы видимъ, напримѣръ, въ древнѣйшей Греціи, въ началѣ римской исторіи, въ первое время исторической жизни русскаго народа и т. д. Вообще, первый моментъ экономической эволюціи отличается полнымъ господствомъ экстенсивной системы хозяйства, съ ничтожной затратой капитала и труда.

Чрезвычайно сложнымъ является, наконецъ, послѣдній элементъ хозяйственной жизни,—распредѣленіе хозяйственныхъ благъ. Изучая его, слѣдуетъ различать отдѣльныя вѣтви народнаго дохода и опредѣлить ихъ относительное значеніе. Такихъ вѣтвей три: поземельная рента, т. е. доходъ съ земли, поступающій въ пользу землевладѣльца, процентъ на капиталъ, т. е. прибыль капиталиста, включая сюда и вознагражденіе за предпринимательскій трудъ, и заработная плата, т. е. доля рабочаго. Сюда можно еще присоединить государственный доходъ, какъ результатъ податнаго обложенія всѣхъ трехъ названныхъ сейчасъ вѣтвей народнаго дохода. Для всякаго ясно, что, пока земли много, пока существуетъ вольное или захватное землевладѣніе, о земельной рентѣ, какъ сколько-нибудь значительной вѣтви

народнаго дохода, не можетъ быть и рѣчи. Характерно въ этомъ отношеніи то, что въ древнѣйшее время—напр., у насъ въ Россіи до XI вѣка—земля не была даже предметомъ гражданскаго оборота, не продавалась и не покупалась. Такъ какъ форма хозяйства въ то же время была домашней, семейной, то не было въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ нужды въ наемныхъ рабочихъ, и потому заработная плата была ничтожна: въ XII вѣкѣ у насъ, въ Россіи, работа двухъ женщинъ цѣнилась приблизительно въ 8 руб. на наши деньги въ годъ. Зато до чрезвычайности рѣдокъ и потому очень дорогъ былъ денежный капиталъ: въ томъ же XII столѣтіи 50% были довольно обычнымъ на Руси процентомъ на капиталъ. Такъ какъ государственныя потребности были еще неразвиты, то налоги и абсолютно и относительно были невелики. Характерной чертой распредѣленія хозяйственныхъ благъ въ первый періодъ экономической жизни надо признать еще сравнительную равномерность въ распредѣленіи реальныхъ благъ, предметовъ потребления, при крайней неравномерности въ распредѣленіи денежнаго капитала, вообще очень рѣдкаго въ то время. Итакъ, характерными для перваго періода явленіями въ области распредѣленія надо признать низкій уровень ренты, заработной платы и государственныхъ налоговъ, чрезвычайную высоту процента на капиталъ и равномерность въ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ между отдѣльными группами населенія.

Чтобы закончить характеристику перваго момента хозяйственной эволюціи, необходимо обратить вниманіе еще на социальный строй, стоящій въ тѣсной связи съ экономическими явленіями. Подъ социальнымъ строемъ разумѣется дѣленіе общества на группы, отличающіяся одна отъ другой существенными признаками. Два признака являются въ данномъ случаѣ существенными, — экономическій и юридическій. Общественныя группы могутъ прежде всего отличаться между собою сообразно тому положенію, какое занимаютъ онѣ въ процессѣ производства и обмѣна хозяйственныхъ благъ: землевладелецъ доставляетъ для этого производства земли, капиталистъ даетъ денежныя средства и орудія производства, рабочій приноситъ свой трудъ, купецъ перемѣщаетъ то-

вары изъ рукъ производителей къ потребителямъ: все это группы экономическія или такъ называемые классы. Но кромѣ классовъ бываютъ еще сословія, группы, отличающіяся одна отъ другой юридическими признаками, специальными правами и обязанностями, причемъ, если въ основѣ сословнаго дѣленія лежатъ права, мы имѣемъ сословія свободныя, а если преобладаютъ обязанности, — передъ нами сословія крѣпостныя. Посмотримъ, что можно сказать о классовомъ и сословномъ дѣленіи общества въ первый моментъ хозяйственной эволюціи.

Древнегерманское общество до поселенія германцевъ въ предѣлахъ Западной Римской Имперіи дѣлилось на четыре главныя соціальныя группы, — знатныхъ, свободныхъ, вольноотпущенниковъ и рабовъ. Различіе между этими группами, впрочемъ, было очень невелико, во всякомъ случаѣ, несущественно. Прежде всего, не было почти никакихъ юридическихъ различій между свободными и знатными: послѣдніе отличались отъ первыхъ только тѣмъ, что изъ нихъ однихъ выбирались короли и герцоги, и причина такого преимущества коренится не въ экономическомъ перевѣсѣ, а въ родовомъ бытѣ, въ томъ, что знатные происходили отъ старинныхъ родовыхъ старѣйшинъ. Не надо притомъ забывать, что главная масса германскаго общества состояла изъ свободныхъ: не только знатныхъ, но и вольноотпущенниковъ и рабовъ было немного. Если къ этому прибавить, что различія между вольноотпущенниками и рабами были также незначительны, что рабы имѣли свое хозяйство и ближе всего подходили къ полусвободнымъ, часто и скоро получали и дѣйствительную свободу, и что для вольноотпущенника въ свою очередь не прекращенъ былъ доступъ въ группу людей совершенно свободныхъ, то станетъ ясно, что соціальный строй древнихъ германцевъ отличался слабой расчлененностью, почти полнымъ отсутствіемъ не только юридическихъ сословій, но и экономическихъ классовъ. Тѣ же заключенія получатся, если наблкдать соціальный строй древнѣйшей Россіи, Рима въ первые вѣка его существованія, древнѣйшей Эллады и т. д. И это понятно: вѣдь весь строй хозяйства того времени препятствовалъ соціальному расчлененію, проведенію въ жизнь классовыхъ и сословныхъ различій. Этому препятствовало прежде

всего господство натурального хозяйства, при которомъ всѣ хозяйственныя единицы, составляющія общество, сами себѣ довлѣютъ, все необходимое добываютъ собственнымъ трудомъ и потому приблизительно равны другъ другу въ экономическомъ отношеніи. Отсутствие частной собственности на землю, господство вольнаго или захватнаго землепользованія, дѣйствовало въ томъ же направленіи. Ничтожное значеніе рабства и мягкость отношеній къ рабамъ обусловливались тѣмъ, что въ рабахъ мало нуждались, и при семейной формѣ предпріятій рабъ являлся какъ бы младшимъ членомъ семьи. Наконецъ, равномерное распредѣленіе реальныхъ хозяйственныхъ благъ также сглаживало социальныя различія. Итакъ, первый періодъ экономической эволюціи характеризуется неорганизованностью общества, отсутствіемъ сословій и классовъ.

Остается свести воедино всѣ полученные нами выводы, чтобы представить цѣльную характеристику перваго момента хозяйственной эволюціи. Выводъ получается такой: первый періодъ хозяйственнаго развитія отличается всегда преобладаніемъ добывающей промышленности и первобытнаго скотоводства, при сохраненіи натурального хозяйства, господствомъ вольнаго или захватнаго землевладѣнія, домашней формы хозяйства, крайне-экстенсивной техники, низкимъ уровнемъ земельной ренты, заработной платы и государственныхъ налоговъ, при чрезвычайной высотѣ процента на капиталъ и сравнительно равномерномъ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ между отдѣльными группами населенія, наконецъ слабой организованностью общества, отсутствіемъ сколько-нибудь сложившихся классовъ и сословій.

III.

Хозяйственный бытъ, основныя черты котораго намѣчены на предыдущихъ страницахъ, возможенъ лишь до тѣхъ поръ, пока населеніе чрезвычайно рѣдко, и природа не оскудѣла еще своими естественными богатствами. Съ теченіемъ времени плотность населенія увеличивается, а дары природы уменьшаются, причемъ оба эти обстоятельства измѣняются не вездѣ равномерно; къ тому же и въ области явленій природы выступаетъ на первый

планъ дѣйствию условій, прежде незамѣтныхъ. Вотъ почему уже во второй періодъ развитія хозяйственной жизни слагаются два основныхъ типа экономическихъ отношеній: у обоихъ типовъ есть одинъ общій признакъ—продолжающееся господство натурального хозяйства, но у каждаго есть и признаки спеціальныя, ему одному свойственныя: одинъ типъ характеризуется равновѣсіемъ добывающей промышленности и сельскаго хозяйства въ массѣ населенія и преобладаніемъ внѣшней торговли въ высшихъ слояхъ общества, другой отличается перевѣсомъ земледѣлія надъ другими отраслями народнаго труда. Примѣрами перваго можно считать Новгородъ и Псковъ съ XIII по XV вѣкъ, итальянскіе средневѣковые города, какъ Миланъ, Венеція, Генуя, Пиза, Флоренція, нѣмецкіе ганзейскіе города XIII вѣка во главѣ съ Любекомъ, эллинскія государства до начала V вѣка. Образцами странъ втораго типа надо признать западную и восточную Русь съ XIII по XV вѣкъ, западноевропейскія государства съ VI по XI вѣкъ. Близость моря, удобство водныхъ путей сообщенія, сохранившіеся еще въ значительномъ количествѣ дары природы, открывавшіе просторъ для охоты, рыболовства, пчеловодства, недостаточное плодородіе почвы, обезпечивали Новгороду и общественнымъ союзамъ, ему подобнымъ, возможность и внѣшней торговли, и занятіе въ равной мѣрѣ добывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ. Отдаленность моря и недостатокъ удобныхъ путей сообщенія мѣшали, напримѣръ, центральной Франціи съ VI по XI вѣкъ развить внѣшнюю торговлю, истощеніе даровъ природы и ростъ населенія дѣлали невозможнымъ преобладаніе добывающей промышленности, а наличность плодородной почвы влекла къ земледѣльческому труду. Но и здѣсь и тамъ, въ общественныхъ союзахъ обоихъ типовъ, населеніе не достигло еще такой плотности, чтобы сдѣлать необходимымъ раздѣленіе труда, а слѣдовательно, и крушеніе натурального хозяйства: почти каждая хозяйственная единица — семья — удовлетворяла всѣмъ своимъ потребностямъ по-прежнему собственнымъ трудомъ, не прибѣгая къ покупкѣ чужихъ продуктовъ и не продавая своихъ.

Итакъ, во второй стадіи хозяйственнаго развитія слагаются два типа: во-первыхъ,

страны съ преобладаніемъ внѣшной торговли для высшихъ слоевъ общества и равновѣсіемъ добывающей промышленности и сельскаго хозяйства въ массѣ населенія; во-вторыхъ, страны съ господствомъ земледѣлія; общій обоимъ типамъ признаковъ — продолжающееся господство натурального хозяйства.

Кто же сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ главную массу земли и на какомъ правѣ владѣть ею во второй періодъ хозяйственной эволюціи? Если мы присмотримся къ землевладѣнію въ древне-эллинскихъ республикахъ VII и VI вѣковъ до Р. Х., то увидимъ, что тамъ земля постепенно уходила изъ рукъ крестьянской массы и сосредоточивалась въ рукахъ меньшинства населенія, разбогатѣвшаго благодаря внѣшной торговлѣ и соединеннымъ съ нею кредитнымъ операціямъ. Огромные по тому времени (по нашему — очень скромные) денежные капиталы искали себѣ помѣщенія въ главной цѣнности, тогда существовавшей, — въ землѣ, а масса населенія нуждалась въ матеріальной поддержкѣ вслѣдствіе усиленія земледѣлія, для котораго въ большей степени, чѣмъ для добывающей промышленности, необходимъ капиталъ, обольщалась притомъ заманчивой возможностью получить сразу нѣкоторую сумму денегъ и потому обезземеливалась. Это явленіе повторяется во всѣхъ общественныхъ союзахъ того же типа. Такъ, въ нашихъ Новгородѣ и Псковѣ бояре-банкиры и купцы также постепенно стянули въ свои руки всѣ земельныя богатства. То же наблюдается въ городахъ Ганзейскаго союза и въ итальянскихъ городскихъ общинахъ среднихъ вѣковъ. Значитъ, при натуральномъ хозяйствѣ, сопровождающемся господствомъ внѣшной торговли въ высшихъ слояхъ общества и равновѣсіемъ добывающей промышленности и земледѣлія въ массѣ населенія, земля на правѣ полной собственности сосредоточивается въ рукахъ капиталистовъ-банкировъ и купцовъ.

Сдѣланное сейчасъ замѣчаніе о томъ, что земледѣліе требуетъ большаго капитала, чѣмъ добывающая промышленность, и тѣмъ заставляетъ крестьянскую массу поступаться землей за ссуду инвентаремъ у богатыхъ лю

дей, всецѣло примѣнимо, конечно, въ тѣмъ странамъ, въ которыхъ съ натуральнымъ хозяйствомъ соединяется господство земледѣлія. И во Франціи, и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Англіи между VI и X вѣками крестьянство постепенно обезземеливается въ пользу дворянъ и духовенства. То же повторяется и въ Россіи между XIII и XVI столѣтіями. Но этимъ дѣло не ограничивается. Крупные землевладѣльцы нуждаются въ хозяйственныхъ слугахъ—приказчикахъ или управляющихъ,—а также и въ слугахъ военныхъ. Они должны награждать тѣхъ и другихъ за ихъ службу и въ то же время не могутъ давать имъ денежное жалованье, такъ какъ при господствѣ натурального хозяйства количество денегъ въ странѣ бываетъ очень невелико. Остается одно: награждать за службу земель, не поступаясь въ то же время правами собственности на нее, а сдавая ее лишь во временное владѣніе подъ условіемъ службы и безъ права для временнаго владѣльца ее дарить, завѣщать, закладывать и продавать, вообще отчуждать въ чужія руки какимъ бы то ни было способомъ. Такое временное и условное владѣніе и извѣстно на западѣ Европы подъ именемъ бенефиція, въ древней Россіи—подъ названіемъ помѣстья, а въ мусульманскихъ странахъ оно называлось иктой, а въ Византійской имперіи этимъ видамъ условнаго земельного владѣнія соотвѣтствовали прони и харистикіи. Мы въ правѣ, слѣдовательно, сдѣлать тотъ выводъ, что въ странахъ, въ которыхъ при сохраненіи натурального хозяйства торжествуетъ земледѣліе, крестьянство обезземеливается въ пользу высшихъ слоевъ общества, и сверхъ того распространяется особый видъ временнаго и условнаго земельного владѣнія.

Въ эпоху законодательства Солона, т. е. въ началѣ VI в. до Р. Х., аѣнскіе землевладѣльцы получали доходъ со своихъ земель извѣстнымъ количествомъ мѣръ хлѣба, а не деньгами. Древнія хозяйственно-статистическія описанія, такъ называемыя писцовыя книги, сохранившіяся и отъ Новгорода XV в., и отъ центральной Россіи того же времени, и, наконецъ, отъ средневѣковыхъ государствъ западной Европы, также свидѣтельствуютъ, что крупные землевладѣльцы тѣхъ временъ почти не заводили собственной, барской запашки, потому что не было спроса на хлѣбъ, нельзя было продать

реализовать въ денежной суммѣ урожай, не эксплуатировали поэтому въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ ни несвободнаго рабочаго, ни тѣмъ болѣе вольнонаемнаго труда, а всю землю раздавали крестьянамъ въ аренду за оброкъ натуральный — долею урожая или извѣстнымъ количествомъ четвертей разнаго хлѣба. Новгородъ и Аѳины—страны одного экономическаго типа; сѣверовосточная Русь XIII—XV вѣковъ и средневѣковыя европейскія государства представляютъ собой другой типъ. Значитъ, крестьянская аренда за натуральный оброкъ представляетъ собою форму хозяйства, одинаково характерную для всѣхъ странъ, переживающихъ второй періодъ экономическаго развитія.

Ростъ земледѣлія и торговли въ тотъ же второй періодъ исключали, разумѣется, возможность сохраненія примитивной техники производства, всецѣло господствовавшей раньше. Къ тому же приводили новыя формы землевладѣнія, прочнѣе привязавшія человѣка къ землѣ. Но эти же формы землевладѣнія, особенно такія, какъ помѣстье или бенефиціи, отодвигая на второй планъ подсѣчную систему, вполне соответствовали системѣ переложной, при которой распаханное пространство все еще ничтожно, и перелогъ безъ всякаго удобренія возстановляетъ свои производительныя силы. Формы хозяйства также соответствуютъ нѣсколько болѣе, чѣмъ прежде, интенсивности техники: арендаторъ-земледѣлецъ тѣснѣе связывается со своимъ участкомъ земли, чѣмъ первобытный охотникъ или скотоводъ, но все-таки онъ связывается съ этимъ участкомъ ненадолго: опять переложная система оказывается наиболѣе подходящей. Въ обрабатывающей промышленности наряду съ домашнимъ производствомъ для собственнаго потребленія появляется ремесло, гдѣ примѣняется не только чисто ручной трудъ, а вводятся уже нѣкоторыя орудія болѣе совершенныя, чѣмъ существовавшія раньше. Въ торговлѣ господствуетъ не одна караванная система: она осложняется примѣсью системы ярмарокъ. Все это подтверждается наблюденіями надъ экономической жизнью древней Эллады VII и VI вѣковъ, Россіи—въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, европейскаго запада—съ VI по X вѣкъ. Мы въ правѣ, слѣдовательно, вывести тотъ общій законъ, что во второй

періодъ хозяйственнаго развитія преобладаетъ менѣе экстенсивная система хозяйства.

Въ то же время въ процессѣ распредѣленія хозяйственныхъ благъ увеличивается доля, приходящаяся на земельную ренту, заработную плату и государственные налоги, понижается процентъ на капиталъ, и, наконецъ, реальные блага распредѣляются менѣе равномерно,—въ пользу меньшинства и въ ущербъ массѣ населенія. Это доказывается цѣлымъ рядомъ конкретныхъ наблюденій, указывающихъ, наприм., на ростъ цѣнъ на землю: такъ, въ Россіи въ началѣ XVI вѣка десятина земли стоила уже на наши деньги 28 руб. Повысилась, хотя менѣе значительно, и заработная плата. Въ видѣ государственныхъ налоговъ населеніе стало уплачивать въ XV и XVI вѣкахъ 10—15% своего валового дохода. Наконецъ, процентъ на капиталъ понижился до 20-ти. Совершенно подобныя же явленія слагаются въ древней Элладѣ VII и VI вѣковъ до Р. Х. и въ западноевропейскихъ странахъ въ первую половину среднихъ вѣковъ.

На основѣ изображенныхъ сейчасъ экономическихъ отношеній несравненно опредѣленнѣе обозначаются социальныя различія, причемъ надо опять отличать отдѣльные типы социальныхъ отношеній, какъ мы различали типы хозяйственнаго развитія. Возьмемъ Новгородъ XIII, XIV и XV вѣковъ — типичный образецъ общественнаго союза, въ которомъ высшіе слои занимаются торговлей и кредитными операціями, а масса остается при натуральномъ хозяйствѣ и посвящаетъ свои силы столько же добывающей промышленности, сколько и земледѣлію. Уже сдѣланное и въ этихъ немногихъ словахъ опредѣленіе показываетъ, что между отдѣльными группами новгородскаго общества были экономическія различія, что классовыя различія сдѣлали успѣхи. И это тѣмъ болѣе ясно, что, какъ намъ уже извѣстно, крестьянская масса въ Новгородѣ была обезземелена, земли сосредоточились въ рукахъ меньшинства, а контрасты въ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ, прежде почти не существовавшіе, стали обозначаться уже довольно рѣзко. Но и этого мало: между отдѣльными группами новгород-

скаго общества—боярами, купцами, богатѣйшіе изъ которыхъ носили названіе людей,—и черными людьми существовали и юридическія различія: бояре имѣли исключительное право занятія высшихъ административныхъ должностей и участія въ правительственномъ совѣтѣ, купцы держали въ своихъ рукахъ коммерческой судъ, а черные люди имѣли наименьшее количество правъ: они, какъ и бояре и купцы, могли только участвовать въ вѣчѣ или народномъ собраніи. Значитъ, въ Новгородѣ основанныя на правахъ, и притомъ сословія свободныя, основанныя на правахъ, а не на обязанностяхъ. Можно подобрать значительное количество параллелей нарисованной сейчасъ картинѣ общественнаго устройства въ древне-русскомъ вольномъ городѣ. То же встрѣчаемъ мы, на примѣръ, въ Римѣ въ эпоху Сервія Туллія и въ Аѳинахъ при Солонѣ: римляне дѣлились на пять группъ, а аѳиняне—на четыре, причемъ не трудно подмѣтить въ основѣ этого дѣленія не только классовые, но и сословные признаки. То же почти наблюдается и въ общественныхъ союзахъ другого типа, въ такихъ именно, гдѣ при сохраненіи натурального хозяйства на первый планъ выступаетъ земледѣліе: и здѣсь земля сосредоточивается въ рукахъ меньшинства, и это меньшинство по своему богатству противопоставляется малоимущей массѣ. Поэтому опредѣляется два класса—богатыхъ землевладѣльцевъ и богатыхъ земледѣльцевъ, а такъ какъ землевладѣлецъ того времени имѣлъ право судьи и сбора налоговъ съ лицъ, жившихъ на его землѣ, то, значитъ, существовали и все рѣзче опредѣлялись сословныя различія, хотя, конечно, о полной ихъ законченности не можетъ быть и рѣчи: личная свобода массъ еще не отмѣнена, не исчезла. Сѣверовосточная—Владимірская, потомъ Московская—Русь XIII, XIV, XV в. и западноевропейскія страны съ VI по X в. представляютъ собою наглядные примѣры именно такихъ социальныхъ отношеній. Образование классовъ и сословій, вполне хотя и не законченныхъ и не организованныхъ, и составляетъ отличительную черту второго періода общественнаго развитія.

Такимъ образомъ, второй періодъ хозяйственной эволюціи можетъ быть характеризованъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: въ это время сохраняется натуральное хо-

зяйство, но въ однѣхъ странахъ преобладаетъ въ высшихъ классахъ общества внѣшняя торговля, въ низшихъ же сельское хозяйство и добывающая промышленность находятся въ равновѣсіи, а въ другихъ странахъ земледѣліе одерживаетъ полную побѣду; при этомъ крестьянство обезземеливается, и образуются формы условнаго и временнаго землевладѣнія, форма хозяйства въ общемъ остается домашней, техника лишь нѣсколько улучшается, повышаются рента, заработная плата, государственные налоги, дешевѣетъ капиталъ, впервые намѣчаются контрасты въ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ между отдѣльными слоями общества, и, наконецъ, образуются классы и сословія, хотя и не вполне законченныя.

III.

Ростъ населенія продолжался, далѣе, всюду съ большей или меньшей быстротой. вмѣстѣ съ тѣмъ, хозяйственные потребности общества также увеличивались. Полное удовлетвореніе этихъ потребностей требовало повышения производительности народнаго труда, а это повышение было возможно только путемъ раздѣленія занятій, спеціализаціи; спеціализація же, въ свою очередь, предполагаетъ обмѣнъ продуктовъ труда. Такъ подъ вліяніемъ роста населенія совершался и совершается повсюду переходъ отъ натуральнаго, безобмѣннаго хозяйства къ хозяйству мѣновому или денежному, при которомъ не только общественные верхи, но и масса населенія втягиваются все болѣе въ торговыя сношенія. Такъ, въ древней Греціи періодъ денежнаго хозяйства начался въ V в. до Р. X., когда изъ Аѣинскаго союза путемъ подчиненія союзниковъ Аѣинамъ образовалась обширная Аѣинская держава. Древне-римское государство перешло къ денежному хозяйству незадолго до Р. X. Большая часть странъ Западной Европы перешла въ ту же важную перемѣну въ XII—XIII вѣкѣ послѣ Р. X. Съ половины XIV столѣтія и Россія вступаетъ въ періодъ развитія денежнаго хозяйства. При первоначальномъ развитіи денежнаго хозяйства въ каждой странѣ наблюдается, однако, очень много общаго съ предыдущимъ періодомъ: главное сходство съ нимъ состоитъ въ томъ,

что и теперь продолжает почти всецѣло господствовать земледѣліе. Такъ было въ Европѣ до начала XVI вѣка, въ Россіи—до второй половины XIX вѣка. Преобладаніе земледѣлія составляетъ такимъ образомъ черту, общую всѣмъ странамъ въ теченіе первой стадіи развитія денежнаго хозяйства. Но и въ это время отдѣльнымъ общественнымъ союзамъ свойственны черты спеціальныя, оригинальныя, отличающія эти союзы другъ отъ друга, позволяющія опять намѣтить типы хозяйственнаго развитія. Возьмемъ, на примѣръ, Россію съ половины XVI до половины XIX вѣка. Уже въ началѣ этого періода, какъ показываютъ историческія изслѣдованія, здѣсь наблюдается денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ, т. е. со сбытомъ продуктовъ, рассчитаннымъ на обширную территорію: обыкновенно каждый сколько-нибудь значительный торговый центръ обслуживалъ тогда территорію верстъ на 150 въ окружности, болѣе крупныя торговые города торговали верстъ на 300 вокругъ, а радіусъ торговаго значенія Москвы доходилъ даже до 500 верстъ. Не то было во Франціи, Англіи, Германіи, Италіи съ XII до конца XV вѣка: эти страны дробились тогда на небольшія, замкнутыя въ экономическомъ отношеніи области, группировавшіяся вокругъ города, торговаго центра, къ которому тянули мѣстности на 10, 15, 20 верстъ вокругъ. Внутри каждой изъ этихъ областей происходилъ обмѣнъ, но одна съ другой эти области не были экономически связаны. Это было, слѣдовательно, денежное хозяйство съ небольшимъ рынкомъ, и только въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ Западно-европейскія страны перешли къ денежному хозяйству съ обширнымъ, даже мировымъ рынкомъ. Въ это время и земледѣліе стало терять въ нихъ свое исключительное господство, и начался замѣтный ростъ обрабатывающей промышленности, что наблюдается и въ Россіи, въ особенности въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія. Произведенныя сейчасъ историческія наблюденія позволяютъ намъ формулировать слѣдующій законъ: третій періодъ хозяйственнаго развитія характеризуется появленіемъ денежнаго хозяйства при сохраненіи преобладанія за земледѣліемъ и при ростѣ обрабатывающей промышленности; при этомъ образуются два типа: къ первому принадлежатъ страны, въ

которыхъ сначала образуется денежное хозяйство съ небольшимъ мѣстнымъ рынкомъ, и потому уже совершается переходъ къ сбыту на обширный рынокъ; страны второго типа сразу переходятъ къ денежному хозяйству съ обширнымъ рынкомъ. Причина отмѣченнаго сейчасъ типическаго различія коренится въ условіяхъ внѣшней природы. Основная причина дробленія Западно-европейскихъ странъ на небольшія замкнутыя экономическія области заключалась въ плохомъ состояніи путей сообщенія, дѣлавшемъ невозможными торговыя сношенія между отдаленными частями страны. Конечно, и у насъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ лѣтомъ пути сообщенія были не лучше, чѣмъ въ Западной Европѣ XII и XIII вѣковъ. Но зимой намъ помогаль климатъ: зимніе холода сковывали днемъ наши многочисленныя рѣки, озера и болота и устилали землю толстымъ слоемъ снѣга; въ результатѣ получался превосходный санный путь, дававшій возможность перевозить товары съ удивлявшей иностранцевъ быстротой; отсюда и происходила возможность сбыта на обширный рынокъ.

Переходъ къ денежному хозяйству приноситъ съ собою много новаго и для формъ землевладѣнія, и для формъ хозяйства. Помѣстья, бенефицій и формы владѣнія землею, имъ подобныя, отличаются однимъ характернымъ признакомъ: это—формы владѣнія несвободныя, неспособныя къ гражданскому обороту, исключаютъ возможность превращенія земли въ деньги. Между тѣмъ, денежное хозяйство, по самой своей сущности, представляетъ собою комплексъ такихъ экономическихъ отношеній, которыя основаны на обмѣнѣ, на свободномъ гражданскомъ оборотѣ цѣнностей, на возможности превратить въ каждый данный моментъ землю въ деньги и найти для денегъ приложение къ землѣ. При такихъ условіяхъ бенефицій и помѣстье скоро оказываются анахронизмомъ и подъ давленіемъ новыхъ хозяйственныхъ потребностей исчезаютъ и замѣняются другими поземельными отношеніями. На западѣ Европы бенефицій превращается въ ленъ или феодеъ, подлежащій отчужденію—продажѣ, залогу, дару, мѣнѣ—и наслѣдственности. Въ Россіи XVII вѣка помѣстье постепенно приближается къ вотчинѣ, т. е. къ полной собственности: она пере-

дается сыновьямъ владѣльца, мѣняется, даже сдается за деньги, т. е. въ сущности продается, а при Петрѣ Великомъ сливается съ вотчиной въ одинъ видъ дворянской недвижимой собственности. При всѣхъ различіяхъ въ политическомъ отношеніи, лень и дворянская недвижимая собственность имѣютъ много сходства: во-первыхъ, какъ сейчасъ указано, они отчуждаемы и наследственны, чего требуетъ денежное хозяйство; во-вторыхъ, эта отчуждаемость имѣетъ свои предѣлы: продавать, закладывать, дарить и мѣнять землю можно только дворянамъ же, а не лицамъ другихъ сословій; другими словами, на смѣну несвободнымъ формамъ землевладѣнія, характернымъ для второй стадіи развитія натурального хозяйства, при зарожденіи и первоначальномъ ростѣ денежнаго хозяйства, пока господствуетъ земледѣліе, типической формой землевладѣнія является дворянская, сословная, т. е. полусвободная земельная собственность.

Не менѣе глубокую печать налагаетъ денежное хозяйство въ томъ же первомъ періодѣ своего развитія и на формы хозяйства. Теперь появляется спросъ на хлѣбъ, и потому землевладѣльцы заводятъ и расширяютъ свою барскую пашню. Для обработки ея нужны рабочіе, и потому крестьяне и на западѣ Европы, и у насъ обязаны отбывать барщину, становятся крѣпостными. Такъ постепенно слагается типическій для первоначальнаго денежнаго хозяйства при господствѣ земледѣлія крѣпостной барщинный трудъ.

Россия съ XVI до половины XIX вѣковъ, какъ и Европа съ XIII до XVIII столѣтія, были странами по преимуществу трехпольнаго полевого хозяйства, при которомъ треть пахотной земли засѣвается озимымъ хлѣбомъ, треть—яровымъ, а остальная треть остается подъ паромъ и удобряется навозомъ. Въ то же время появилась и нѣсколько болѣе совершенная техника обрабатывающей промышленности: кустарь, черезъ посредство скупщика приобретающій себѣ обширный рынокъ для своихъ продуктовъ, мало по малу совершенствуетъ свои орудія и доходитъ до изобрѣтенія самодѣльныхъ машинъ; то же наблюдается и во впервые возникающихъ фабрикахъ: здѣсь вводятся, напримѣръ, самопрялка и сукновалка. Такимъ образомъ господство трехполя въ

земледѣліи и появленіе первоначальныхъ машинъ въ обрабатывающей промышленности составляютъ отличительныя черты техники хозяйства въ третій періодъ экономической эволюціи.

Описанныя хозяйственныя особенности третьяго періода неизбежно отражаются на распредѣленіи хозяйственныхъ благъ. Подъ вліяніемъ ихъ цѣнности земли и, слѣдовательно, земельная рента увеличиваются вдвое противъ предыдущаго періода, растетъ значительно и заработная плата, государственное обложеніе становится вдвое и втрое тяжелѣе — налоги захватываютъ до 20—30% валового дохода, — процентъ на капиталъ понижается очень быстро и сильно: до 10, 8, даже до 6%. Въ то же время масса и привилегированное меньшинство, обыкновенно свободное притомъ отъ податного обложенія, начинаютъ представлять собою два контраста въ отношеніи матеріальной обеспеченности. Франція стараго порядка, напр., представляетъ собою типическую въ этомъ отношеніи страну. То же можно наблюдать въ старой Англіи въ XVI, XVII и первой половинѣ XVIII вѣковъ. Слѣдовательно, для третьяго періода экономической жизни характернымъ оказывается очень быстрый ростъ ренты, заработной платы и государственныхъ налоговъ, паденіе процента на капиталъ и развитіе пауперизма народныхъ массъ.

Чтобы закончить изученіе третьяго періода хозяйственнаго развитія, остается обратить вниманіе на социальныя отношенія въ то время, различая при этомъ два основныхъ экономическихъ типа, ясно обозначившихся тогда: типъ странъ, въ которыхъ сначала существовало денежное хозяйство съ небольшимъ мѣстнымъ рынкомъ, и лишь постепенно рынокъ расширялся и сдѣлался мало по малу мировымъ, и другой типъ, характеризовавшійся скорымъ переходомъ къ денежному хозяйству съ обширнымъ рынкомъ. Пока на западѣ Европы въ XIII—XV вѣкахъ господствовало денежное хозяйство съ небольшимъ мѣстнымъ рынкомъ, общество устроено было приблизительно слѣдующимъ образомъ: рѣзко обозначились экономическіе классы — землевладѣльцы, купцы и ремесленники и земледѣльцы; это классовое дѣленіе осложнялось и юридически сословными различіями: землевладѣльцы или сеньеры (дворяне) судили своихъ крестьянъ,

собирали съ нихъ подати, участвовали въ законодательныхъ сѣздахъ — генеральныхъ штатахъ во Франціи, парламентѣ въ Англіи, сеймѣ въ Германіи и т. д.; купцы и ремесленники, т. е. горожане, имѣли часто право самоуправленія и участія въ законодательныхъ сѣздахъ; крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, т. е. ни они сами не могли уйти съ занятыхъ ими участковъ, ни землевладѣльцы не могли ихъ перевести на другое мѣсто или продать безъ земли; это понятно: вѣдь такъ какъ рынокъ узокъ, жители известной области торгуютъ только другъ съ другомъ, то въ предѣлахъ этого замкнутаго въ экономическомъ отношеніи округа всѣ производительныя силы должны находиться въ равновѣсіи, — иначе грозитъ катастрофа: отливъ земледѣльцевъ въ другіе города округа можетъ повести къ голоду и общей гибели, почему ихъ и необходимо прикрѣпить къ мѣсту. Когда съ XVI вѣка западно-европейскія страны начали переходить къ денежному хозяйству съ обширнымъ рынкомъ, тогда указанная сейчасъ ограниченія стали вредны: напротивъ, нужда въ рабочихъ силахъ въ отдѣльныхъ пунктахъ, необходимость большей подвижности производительныхъ силъ выступили на первый планъ, и крестьяне стали постепенно раскрѣпощаться, хотя процессъ раскрѣпощенія въ изучаемый періодъ еще не вполне закончился.

Соціальныя отношенія въ Россіи — странѣ второго типа — съ половины XVI до половины XIX вѣка существенно отличались отъ западно-европейскихъ; правда, и здѣсь дворяне имѣли финансовыя и судебныя привилегіи и даже нѣкоторое время участвовали вмѣстѣ съ горожанами въ представительныхъ собраніяхъ — земскихъ соборахъ, но они пользовались своими правами лишь постольку, поскольку это было нужно для отбыванія повинности военной службы; горожане почти совсѣмъ не имѣли самоуправления и вмѣстѣ съ крестьянами подлежали тяглу, т. е. платили весьма тяжелыя подати и отбывали чрезвычайно обременительныя натуральныя повинности; наконецъ, крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, не какъ на Западѣ, — а къ личности землевладѣльца, т. е. послѣдній могъ ихъ переводить съ участка на участокъ, изъ одного имѣнія въ другое, и отчуждать ихъ безъ земли: это было необходимо въ виду потреб-

ности въ переливахъ рабочей силы въ разныя области при наличности денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ. Однимъ словомъ, здѣсь весь общественный строй былъ основанъ на обязанности, сословія были сплошь крѣпостными, и освободительныя тенденціи начинаютъ сказываться только въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Рѣзкій переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному, рассчитанному на обширный рынокъ, былъ основной причиной крѣпостнаго сословнаго строя: безъ строгой, принудительной и планомѣрной организациі общественныя силы такой переходъ былъ бы невысказимъ.

Итакъ, въ третій періодъ классы и сословія рѣзко обособляются, причемъ свободныя сословія преобладаютъ въ странахъ, переживающихъ сначала эпоху денежнаго хозяйства съ небольшимъ мѣстнымъ рынкомъ и потомъ уже переходящихъ къ работѣ на обширный сбытъ, а въ странахъ, сразу вынужденныхъ усвоить денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ, слагаются сословія крѣпостныя.

Въ итогѣ мы имѣемъ такую общую формулу, выражающую характеръ третьяго періода хозяйственной эволюціи: это—эпоха зарожденія и первоначальнаго развитія денежнаго хозяйства при сохраняющемся преобладаніи земледѣлія, эпоха сословной полусвободной земельной собственности, крѣпостной формы хозяйства, трехполя въ области земледѣльческой техники, дальнѣйшаго повышенія ренты, заработной платы и налоговъ, при пониженіи процента на капиталъ, и развитія пауперизма, наконецъ, рѣзкаго обособленія классовъ и свободныхъ сословій въ странахъ, которыя пережили сначала періодъ денежнаго хозяйства съ большимъ рынкомъ и лишь потомъ перешли къ обширному сбыту, и крѣпостныхъ—тамъ, гдѣ вскорѣ послѣ зарожденія денежнаго хозяйства со-
здался обширный рынокъ.

IV.

Процессъ развитія денежнаго хозяйства совершается весьма медленно. Въ первую стадію его развитія, о которой у насъ только что шла рѣчь, въ торговый обо-

ротъ втягивается еще не все населеніе, а лишь значительная часть его, и притомъ втягивается не пѣбликомъ, т. е. не всѣ предметы потребленія покупаются и продаются, а многіе еще выдѣлываются самимъ потребителемъ для себя. Человѣкъ, напримѣръ, продаетъ собственныя издѣлія изъ дерева, покупаетъ хлѣбъ, соль и мясо, но овощи и плоды имѣетъ свои, самъ изъ домашнихъ продуктовъ приготовляетъ себѣ одежду и обувь, самъ строитъ свое жилище и т. д. Дальнѣйшій ростъ населенія дѣлаетъ, однако, недостаточнымъ такое зачаточное состояніе денежнаго хозяйства. Все яснѣе намѣчается необходимость полной спеціализаціи, такого раздѣленія труда, при которомъ каждый занимался бы исключительно однимъ дѣломъ и покупалъ бы все остальное для него необходимое. Въ результатѣ—денежное хозяйство вступаетъ во вторую, капиталистическую стадію своего развитія, причемъ роль обрабатывающей промышленности становится уже очень важной, первостепенной. Англія вступила въ этотъ періодъ еще въ 60-хъ годахъ XVIII—вѣка, Франція—въ концѣ того же столѣтія, Германія—только въ XIX в., а наше отечество—лишь съ 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія. И опять совершающійся на нашихъ глазахъ процессъ развитія капиталистическаго хозяйства нельзя назвать вездѣ однообразнымъ, опять представятся различать тутъ два основныхъ типа: одинъ представленъ Англіей, страной исключительно-индустриальной, съ полнымъ господствомъ обрабатывающей промышленности и биржевого денежнаго капитала; представительницей другого типа является Франція, въ которой земледѣліе и обрабатывающая промышленность находятся въ приблизительномъ равновѣсіи. Нетрудно понять причину такого различія: дѣло въ томъ, что территория Франціи обширнѣе англійской, почва плодороднѣе, а климатъ гораздо богатнѣе, чѣмъ въ Англіи; все это содѣйствуетъ сохраненію за земледѣліемъ важнаго значенія. Наше отечество по типу своего экономическаго развитія подходитъ гораздо ближе къ Франціи, чѣмъ къ Англіи. Итакъ, въ четвертый періодъ экономической жизни денежное хозяйство захватываетъ постепенно все населеніе и становится капиталистическимъ, причемъ въ однѣхъ странахъ торжествуетъ вполнѣ обрабатывающая промышлен-

ность, а въ другихъ—сохраняется равновѣсіе между обрабатывающей промышленностью и земледѣліемъ.

Въ обоихъ сейчасъ намѣченныхъ типахъ экономическаго развитія въ четвертый періодъ проявляются одинаковыя перемѣны въ области землевладѣльческихъ порядковъ: такъ какъ денежное хозяйство, если оно развилось въ достаточной степени, обусловливаетъ необходимость вполнѣ свободнаго оборота цѣнностей въ странѣ, то остатокъ стѣсненія въ этомъ отношеніи — сословность поземельной собственности, привилегія дворянства, имѣвшаго исключительное право владѣть землей,—исчезаетъ: лица всѣхъ званій и состояній приобрѣтаютъ право владѣть земельной собственностью. Это наблюдается въ западноевропейскихъ странахъ уже съ XVI вѣка и еще болѣе—въ XVII и XVIII. У насъ въ Россіи только XIX столѣтіе произвело эту перемѣну: ее окончательно утвердила крестьянская реформа 19 февраля 1861-го года.

Необходимо ненадолго остановиться сейчасъ на нѣкоторыхъ, весьма важныхъ подробностяхъ, касающихся отношенія крестьянъ къ землѣ. Мы уже видѣли, что въ первый періодъ экономическаго развитія въ рукахъ крестьянской массы сосредоточивалось много земли, но юридическія отношенія крестьянъ къ этой землѣ не были вполнѣ организованы и въ достаточной степени опредѣлены: каждая семья лишь на годъ или на два захватывала себѣ участки для эксплуатаціи въ предѣлахъ территоріи, занятой волостью. Намъ извѣстно также, что во второй періодъ хозяйственнаго развитія крестьянство всюду было обезземелено, но потребности хода этого обезземеленія не были еще указаны. Дѣло шло приблизительно такъ: населеніе увеличивалось, и вольное или захватное землепользованіе перваго періода стало невозможнымъ; поэтому каждое отдѣльное крестьянское хозяйство усѣлось на землю прочнѣе, а такимъ хозяйствомъ былъ въ то время обширный семейный союзъ, обыкновенно состоявшій изъ отца, иногда и дѣда, и нѣсколькихъ сыновей съ ихъ семьями, и не дѣлившій земли между своими членами, а распредѣлявшій только результаты труда. Но это распредѣленіе носило оригинальную черту, легко объяснимую посредствомъ слѣдующаго схе-

матическаго примѣра: допустимъ, что у основателя семьи было два сына; по смерти отца они не дѣлили земли, работали сообща и дѣлили пополамъ лишь продуктъ результата труда. Въ третьемъ поколѣннн дѣло, допустимъ, сложилось такъ, что у перваго изъ сыновей родоначальника былъ одинъ сынъ, а у втораго—два. И эти трое внуковъ родоначальника не дѣлили земли, работали сообща, а дѣлились лишь продуктомъ, но это-то и есть самое главное—дѣлились не поровну, а такъ, что внукъ отъ перваго внука родоначальника наслѣдовалъ всю долю продукта, получавшуюся нѣкогда его отцемъ, т. е. половину, тогда какъ другая половина доставалась поровну—по четверти—внукамъ родоначальника, происшедшимъ отъ его втораго сына. Такимъ образомъ, вкладывая одинаковый трудъ въ землю, трое родственниковъ-совладѣльцевъ получали, однако, не поровну. Это заставило тѣхъ изъ нихъ, кто былъ наиболѣе обиженъ, искать выхода изъ союза, и въ результатѣ они добились права продавать, закладывать, дарить и мѣнять свое право на долю продукта постороннимъ. Такимъ путемъ въ родственннй союзъ проникли чужеродные элементы, посторонннй. Такіе совладѣльцы—родственники и посторонннй—получили у насъ на сѣверѣ названія складниковъ, сябровъ (шабровъ) или сосѣдей, или братьевъ верныхъ у западныхъ славянъ, вициновъ—на западѣ Европы. Отсюда и самые союзы назывались складничеными, сябринными, сосѣдскими, иногда дворищами, печищами, вервями, генеалогіями, персеріями и проч. Такое землевладѣніе удобнѣе всего называть сябриннымъ. Чужеродные элементы еще болѣе тянули врозь, и отсюда произошли сначала временные передѣлы, а потомъ окончательные раздѣлы между совладѣльцами, причемъ открылась уже полная возможность отчужденія земли богатымъ людямъ, и въ результатѣ получилось, подъ давленіемъ экономическихъ условій—главнымъ образомъ, нужды въ капиталѣ для земледѣльческаго хозяйства—обезземеленіе крестьянской массы. Все это, какъ намъ уже извѣстно, случилось еще во второй періодъ экономической эволюціи или во вторую стадію развитія натурального хозяйства.

Слѣдующій періодъ—первая стадія развитія денежнаго хозяйства—принесъ съ собой существенныя перемѣны въ отношеніи къ землѣ крестьянъ, сдѣлавшихся теперь

крѣпостными. Отъ предшествующаго времени крестьяне унаслѣдовали неравномѣрность участковъ земли, какими пользовались отдѣльные изъ нихъ: у одного крестьянина было много земли, другому ея не хватало. Малоземельныхъ было большинство, и это-то большинство потребовало передѣла земли, „земельнаго поравненія“. Такъ какъ съ этимъ связана была платежная способность и работоспособность отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ — малоземельный крестьянинъ былъ плохимъ работникомъ на барщинѣ и дурнымъ плательщикомъ господскихъ оброковъ и государственныхъ податей, — то землевладѣльцы — дворяне и государство — пошли на встрѣчу желаніямъ крестьянской массы и установили періодическій передѣлъ земель, находившихся въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ во всѣхъ странахъ произошла крѣпостная земельная община, такъ называемое мірское или общинное землепользованіе.

Четвертый періодъ хозяйственнаго развитія, ознаменовывающійся полнымъ торжествомъ капиталистическаго денежнаго хозяйства, наноситъ смертельный ударъ не только сословному полусвободному дворянскому землевладѣнію, но и полусвободному мірскому крестьянскому: земельная община исключаетъ возможность отчужденія надѣловъ, а денежное хозяйство въ его развитомъ видѣ требуетъ свободнаго оборота всѣхъ цѣнностей. Вотъ почему общинное землевладѣніе совершенно исчезло на западѣ Европы и у насъ въ Россіи въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ. Оно сохраняется лишь тамъ, гдѣ денежное хозяйство не захватило цѣликомъ земледѣлія. Да и въ этихъ мѣстахъ, по мѣрѣ проникновенія денежно-хозяйственныхъ элементовъ, наблюдается послѣдовательный процессъ разложенія: не имѣя возможности продать, заложить или подарить свой надѣлъ, крестьянинъ-общинникъ начинаетъ отдавать его въ аренду богатому односельчанину на долгій срокъ за ничтожную плату, получаемую притомъ одновременно: это — не что иное, какъ замаскированная продажа, такъ что мірское землевладѣніе, поскольку оно перестаетъ соответствовать экономическимъ условіямъ, обращается въ юридическую фикцію, на дѣлѣ исчезаетъ.

Намѣченный сейчасъ процессъ перемѣнъ въ области крестьянскаго землевладѣнія наглядно подтверждаетъ, та-

кимъ образомъ, выведенный раньше общій законъ, по которому четвертый періодъ хозяйственнаго развитія характеризуется господствомъ свободной безсословной земельной собственности.

Наблюденія надъ особенностями этого періода экономической эволюціи для насъ тѣмъ легче, что онъ, въ сущности, сама современность, особенно на западѣ Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Оглянувшись вокругъ, присмотрѣвшись къ повседневной дѣйствительности, мы легко можемъ подмѣтить и характерныя для четвертаго періода формы хозяйства. Вообще говоря, можно увидѣть, что чѣмъ сильнѣе развито денежное хозяйство, тѣмъ крупнѣе размѣры хозяйственныхъ предприятий, и тѣмъ полнѣе господствуетъ въ нихъ наемный трудъ свободныхъ, полноправныхъ рабочихъ. Это особенно явственно сказывается въ обрабатывающей, фабричной промышленности, гдѣ очень нерѣдки громадныя предприятия съ десятками тысячъ вольнонаемныхъ работниковъ. Но то же можно сказать и о земледѣліи въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно становится на чисто капиталистическую ногу: такъ, въ Соединенныхъ Штатахъ средній размѣръ хозяйствъ непрерывно повышается, начиная съ 1880 г., причемъ въ десятилѣтіе съ 1890 по 1900 г. онъ увеличился на 7%. Такимъ образомъ въ современныхъ хозяйственныхъ предприятияхъ имѣются налицо двѣ стороны—хозяева и рабочіе. И тѣ и другіе отстаиваютъ свои экономическіе интересы, и въ результатѣ этого появляются все чаще и чаще союзы рабочихъ и союзы предпринимателей—тресты, синдикаты, картели. Итакъ, въ области формъ хозяйства четвертый періодъ экономического развитія отличается ростомъ крупныхъ предприятий, господствомъ вольнонаемнаго труда и развитіемъ рабочихъ и предпринимательскихъ союзовъ. Все это опять логически неизбежно вытекаетъ изъ самой природы капиталистическаго хозяйства, приложеніе капитала въ крупныхъ размѣрахъ сопряжено со многими выгодами, съ большей экономіей силъ и средствъ; вольнонаемный трудъ—частное выраженіе того общаго закона, что денежное хозяйство обуславливаетъ свободу оборота всѣхъ цѣнностей, потому что рабочія руки—вѣдь тоже извѣстная цѣнность и при томъ главная цѣнность, основной товаръ, обращающійся на

міровомъ рынкѣ; наконецъ союзы рабочихъ и предпринимателей, помимо ихъ крупнаго значенія въ классовой борьбѣ, являются—правда, весьма несовершенными—коррективами злоупотребленій и лекарствами отъ главной болѣзни капиталистическаго хозяйства — неорганизованности отношеній между производствомъ—съ одной стороны и распредѣленіемъ и потребленіемъ хозяйственныхъ благъ—съ другой.

Какъ современники, наблюдаемъ мы также систему хозяйства въ четвертый періодъ и легко можемъ поэтому, руководясь собственнымъ опытомъ и наблюденіемъ, намѣтить ея типическія особенности: многополье и плодосмѣнъ въ земледѣліи, причѣмъ исчезаетъ паръ, вводится искусственное удобрение химически-составленными туками или минераллами-фосфоритами, сѣются кормовыя травы въ родѣ клевера, вики, тимофеевки, корнеплоды (картофель, свекловица), смѣняются зерновыми хлѣбами, примѣняются машины; въ обрабатывающей промышленности—тоже примѣненіе паровыхъ машинъ и электрической энергіи; паденіе ярмарочно-караванной торговли и замѣна ея комми-вожержествомъ, агентурой, постоянными выставками, телеграфами, телефонными и желѣзнодорожными сношеніями; короче говоря—полное господство интенсивныхъ системъ хозяйства, сопровождающихся колоссальными затратами капитала и труда, — вотъ что характеризуетъ хозяйственную технику четвертаго періода.

Всякому, кто присматривался къ современной дѣйствительности, извѣстно, что для четвертаго періода хозяйственнаго развитія характерны тѣ же явленія въ области распредѣленія хозяйственныхъ благъ, которыя столь типичны для третьяго періода, только темпъ развитія этихъ явленій до чрезвычайности ускоряется. Головокружительный подъемъ земельныхъ цѣнъ сразу бросается въ глаза даже при поверхностномъ наблюденіи; правда, онъ отчасти объясняется земельной спекуляціей, покупкой земель у разорившихся помѣщиковъ капиталистами для послѣдующей перепродажи ихъ по дорогимъ цѣнамъ нуждающейся бѣднотѣ, но если даже исключить это условіе, ростъ ренты сомнѣнію подлежать не можетъ;

разумѣется рѣчь идетъ о благоустроенныхъ хозяйствахъ, могущихъ противостоять давленію международной конкуренціи въ торговлѣ сельскохозяйственными продуктами. Заработная плата также растетъ: хорошій фабричный рабочій у насъ въ Россіи можетъ заработать $1\frac{1}{3}$ —2 рубля въ день, на западѣ Европы—гораздо больше. Налоги увеличиваются до чрезвычайности, но въ передовыхъ странахъ наряду съ этимъ намѣчается частичное стремленіе къ обложенію и привилегированнаго меньшинства въ видѣ прогрессивнаго подоходнаго налога въ Германіи и Англіи, высокаго обложенія наслѣдствъ, поземельныхъ налоговъ, распространяющихся и на дворянскія имѣнія, и т. д. Капиталъ сильно дешевѣетъ: приносить 5, 4, 3 и даже 2% прибыли. Наконецъ, необыкновенно рѣзко выражены имущественные контрасты между отдѣльными общественными группами.

Послѣ всего сказаннаго совершенно понятно, почему совершился, напр., въ Англіи въ 60-хъ годахъ XVIII в. промышленный переворотъ, сводящійся къ переходу въ капиталистическій періодъ развитія и къ ускоренію роста фабричной промышленности, основанной на машинномъ производствѣ, произвелъ существенныя перемѣны въ социальномъ строѣ, потрясъ и разрушилъ до основанія старыя сословныя отношенія: крѣпостной рабочій былъ малоусерденъ и неискусенъ, потому что не получалъ награды за усердіе и искусство, не былъ заинтересованъ въ результатахъ своего труда,—и онъ былъ замѣненъ рабочимъ свободнымъ: крѣпостное право пало окончательно. При развитомъ денежномъ хозяйствѣ дѣло можетъ идти успѣшно лишь при томъ условіи, когда личность и собственность cadaго вполне обезпечены, а это возможно только при равноправности, т. е. при уничтоженіи сословнаго строя. Онъ послѣдовательно и былъ уничтоженъ въ Англіи XIX вѣка: достаточно напомнить въ этомъ отношеніи только о такихъ крупныхъ фактахъ, какъ предоставленіе полноты правъ католикамъ въ 1829 г., какъ парламентскія реформы 1832, 1876 и 80-хъ годовъ, постепенно расширявшія кругъ избирателей, въ который входитъ теперь большая часть и демократической массы. Но не слѣдуетъ думать, что разрушеніе сословнаго строя составляетъ отличительную

особенность однихъ странъ англійскаго типа, съ полнымъ господствомъ обрабатывающей промышленности: Франція — страна, гдѣ земледѣліе и обрабатывающая промышленность находятся въ приблизительномъ равновѣсіи, однако, и здѣсь сословія въ XIX вѣкѣ исчезли: гражданское равноправіе впервые проведено въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху великой революціи, а равноправіе политическое стало совершившимся фактомъ послѣ 1848 года, когда впервые было введено во Франціи всеобщее избирательное право. Причина понятна: и во Франціи, какъ и въ Англіи, царитъ развитое денежное хозяйство, рассчитанное на міровой рынокъ. Но если сословность исчезла, то классовое расчлененіе общества достигло въ четвертый періодъ несравненно большей рѣзкости, чѣмъ прежде. И это понятно: вѣдь развитое денежное хозяйство обуславливаетъ необходимость раздѣленія труда, а при наличности частной собственности на орудія и средства производства, вообще на капиталъ, систематически проведенное раздѣленіе труда и означаетъ какъ разъ господство классоваго принципа. Классовыя противорѣчія чувствуются тѣмъ острѣе, что, какъ намъ извѣстно, въ это время всего ярче обозначаются контрасты въ распредѣленіи хозяйственныхъ благъ, имущественное неравенство. Слѣдовательно, въ четвертый, капиталическій періодъ хозяйственной эволюціи, падаютъ сословныя перегородки, и очень рѣзко выступаютъ классовыя различія.

Такимъ образомъ, общая характеристика четвертаго періода сводится къ слѣдующему: этотъ періодъ отличается полнымъ расцвѣтомъ денежнаго хозяйства при рѣшительномъ преобладаніи обрабатывающей промышленности въ однихъ странахъ и равновѣсіи ея съ земледѣліемъ—въ другихъ, торжествомъ свободныхъ формъ землевладѣнія, вольнонаемнаго труда, интенсивной техники хозяйства, быстрымъ ростомъ земельной ренты, заработной платы и налоговъ, чрезвычайнымъ пониженіемъ процента на капиталъ, продолжающимся пауперизмомъ, причемъ падаютъ сословныя перегородки, и очень рѣзко выступаютъ классовыя различія.

Въ предшествующемъ изложеніи мы неоднократно наблюдали, какъ изъ нѣдръ одного періода экономической

ре
ме
к
те
ни
2
Н
д
н
м
л
с
и
в
в
с

с
г
е
с
и
с
и

эволюціи рождались новыя хозяйственныя формы. Т
тымъ, сейчасъ характеризуемымъ періодомъ н
чается эволюція хозяйственныхъ формъ: онъ сл
также колыбелью новыхъ экономическихъ отношені
строить систему этихъ экономическихъ отношеній
щаго во всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, въ очень мн
подробностяхъ нельзя, но основная ихъ тенденція
устранить юридическія, сословныя различія, экон
ская эволюція сгладитъ и различія классовыя.

Stanford University Libraries
3 6105 124 426 805

JN
65
R6

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

MAY 20 1968

JUN 1

JUN 23 1968

OCT 30 1968

JAN 6 1976

AUG 14 1990

MAY 6 1988

FIXED TERM

AUG 25 1990